

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Р. КИПЛИНГ

*Книги джунглей
Свет погас. Рассказы*

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Р. КИПЛИНГ

Книги джунглей

Свет погас

Рассказы

act ЛЮКС ЛУКСЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2004

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
К42

Серия «Мировая классика»

Перевод с английского

Серийное оформление А.А. Воробьева

Компьютерный дизайн Ю.М. Мардановой

Подписано в печать 16.06.2004. Формат 84х108 1/32
Усл. печ. л. 29,40. Тираж 4 000 экз. Заказ № 3387

Киплинг Р.

К42 Книги джунглей. Свет погас. Рассказы: Сб.: Пер. с англ. / Р. Киплинг. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 558, [2] с. — (Мировая классика).

ISBN 5-17-025573-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9660-0240-1 (ОАО «ЛЮКС»)

«Книги джунглей».

Произведение, известное нам под названием «Маугли», — и по сей день завораживающее своей силой и детей, и взрослых читателей.

«Свет погас». Опыт Киплинга в жанре психологического романа — изящный тонкий и проникнутый ощущением близкой «гибели богов» Империи...

Рассказы. Маленькие жемчужины англоязычной литературы, своеобразны «баллады в прозе», которые и сейчас читаешь на одном дыхании.

Лучшее из лучшего Киплинга!

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2004

КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Предисловие

Конечно, сочинение такого рода, как это, требует со стороны редактора обращения к любезности многочисленных специалистов. И плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами.

Прежде всего он должен поблагодарить высокоученого и талантливого Бахадур-Шаха, грузового слона №174 по списку Индии, который так же, как и его милейшая сестра Падмини, в высшей степени любезно сообщил историю Маленького Ту-маи и большую часть материала для рассказа «Слуги Ее Величества». Сведения для приключений Маугли собирались малопомалу, в различные периоды времени, в различных местах и из уст многих лиц, большая часть которых пожелала сохранить полную анонимность. Тем не менее, находясь в такой дали от них, редактор решается выразить свою признательность одному высокородному индусскому джентльмену, обитателю откосов Джакко, за его убедительную, хотя и несколько сатирическую, характеристику его же собственной касты жрецов (служителей храма). Сахи, ученый, неутомимый ревностный исследователь, входивший в состав недавно рассеявшейся сионийской стаи, и артист, прославившийся на большинстве местных сельских ярмарок Южной Индии, где его танцы в наморднике привлекают к нему всю юную, прекрасную и культурную часть населения, доставил ценные данные о многих племенах, их нравах и обычаях. Сведения эти вошли в рассказы «Тигр, Тигр!», «Каа охотится» и «Братья Маугли». За сюжет в самых общих чертах «Рикки-Тикки-Тави» редактор остается в долгу перед одним из главных герпетологов Верхней Индии, бесстрашным и независимым исследователем, который, приняв девизом: «Знание, пусть даже ценой жизни», погиб вследствие чрезмерно усердного изуче-

ния пород ядовитых змей, водящихся в наших дальневосточных владениях. Счастливая случайность дала редактору возможность во время путешествия на пароходе «Императрица Индии» оказать небольшую услугу одному из его попутчиков. Как богато был он вознагражден за эту жалкую услугу — о том прочитавшие рассказ «Белый котик» могут судить сами.

Братья Маугли

Коршун Чиль ночь несет,
Манг свободен полет!
Все укрылись стада,
Мы свободны гулять,
В небе блещет звезда;
Но с зарю — все спать!
Ночь блаженство для нас,
Для зубов, для когтей;
Нашей гордости час...
Ты охоться смелей!
Чуть шуршат камыши,
Слышишь голос в тиши?
Слышишь, голос кричит,
Всех приветствует он,
Всех, кто свято хранит
Джунглей закон.

Ночная песнь Джунглей

Было семь часов. Теплый вечер спустился на холмы Сиони. Волк-Отец проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул, вытянул одну за другой лапы, чтобы стряхнуть последние остатки сна. Волчица-Мать лежала, уткнув большой серый нос между барахтающимися, визжащими волчатами.

Луна светила в отверстие их пещеры.

— Ну, — сказал Волк-Отец, — пора опять на охоту.

Но только он хотел сбежать с холма, как вдруг у самого входа появилась маленькая тень с мохнатым хвостом и запищала:

— Да сопутствует тебе счастье, о Вождь Волков! Счастья и крепких белых зубов желаю я и твоим благородным детям, и пусть они никогда не забывают голодных этого мира.

Это был шакал Табаки, Лизоблюд. Все волки Индии презирают Табаки, потому что он всюду суется, всех ссорит, сплетни-

часть, подбирает всякую дрянь, ест тряпки и кусочки кожи из деревянных мусорных куч. Но все они в то же время и боятся Табаки, потому что он очень легко заболевает бешенством, — гораздо чаще, чем другие обитатели Джунглей, а тогда он забывает всякий страх и бежит по лесам, кусая всех, кто попадется ему на пути. Даже тигр бежит и прячется, когда маленький Табаки начинает беситься, потому что для дикого животного нет ничего страшнее бешенства. Мы, люди, называем это водобоязнью, а звери — бешенством и бегут от него.

— Входи и смотри, — холодно сказал Волк-Отец, — только здесь нет никакой еды.

— Нет для волка, — возразил Табаки, — но для такого ничтожного существа, как я, и объединенная косточка уже целый пир. Кто мы такие, мы, шакалье племя, *Гидар-логи*? Разве нам можно выбрать?

Он прошмыгнул в самую глубь пещеры, нашел там оленью косточку, на которой еще уцелело немного мяса, присел и радостно захрустел.

— Благодарю, благодарю за прекрасное угощение, — сказал он, облизываясь. — Как прекрасны твои благородные дети! Какие огромные у них глаза! А ведь они еще так молоды. Конечно, я должен помнить, что королевские дети — взрослые с самого рождения.

Понятно, Табаки, как и всякий другой, прекрасно знал, что для детей всего вреднее, когда их хвалят в глаза, и ему нравилось, что Волку-Отцу и Волчице-Матери было от этого не по себе.

Табаки долго сидел, радуясь, что он причинил им неприятность; наконец он ехидно прибавил:

— *Шер-Хан*, Большой Тигр, переменил место охоты. Он будет охотиться со следующей луны среди этих холмов; так по крайней мере сказал он мне.

Шер-Хан был тигр, живший недалеко от реки Вайнганги, милях в двадцати отсюда.

— Он не имеет права на это, — сердито начал Волк-Отец, — по Законам Джунглей никто не имеет права менять без предупреждения своего участка, он распугает всю дичь на десять миль вокруг, а я теперь должен охотиться за двоих.

— Недаром мать назвала его Лэнгри¹, — сказала спокойно Волчица-Мать. — Он родился хромым на одну ногу и поэтому

¹ Хромой (*искаж. хинди*; прав. — лангра).

может охотиться только за домашним скотом. Теперь жители Вайнганги злы на него, и он хочет прийти сюда, чтобы разозлить и наших крестьян. Они сожгут из-за него Джунгли. Он убежит, ему все равно, а нам и нашим детям придется уйти, когда запыласт трава... Конечно, мы очень благодарны Шер-Хану.

— Передать ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон! — закричал Волк-Отец. — Вон, иди и охоться с твоим господином. Ты достаточно напелел для одной ночи.

— Я иду, — сказал спокойно Табаки, — разве вы сами не слышите Шер-Хана в чаще внизу? Я мог и не говорить вам ничего.

Волк-Отец прислушался. Внизу в долине, спускавшейся к маленькой речонке, он услышал сухое, сердитое ворчание тигра, который ничего не поймал и которому совершенно безразлично, будут об этом знать Джунгли или нет.

— Дурак! — сказал Волк-Отец. — Начинать ночную работу таким шумом. Неужели он думает, что наши олени похожи на быков Вайнганги?

— Тсс! — сказала Волчица-Мать. — Сегодня он охотится не на оленя или быка, а на Человека.

Ворчанье превратилось в мурлыканье, которое, казалось, несло со всех четырех концов света. Эти звуки пугают дровосеков и бродяг, спящих под открытым небом, и часто заставляют их бросаться прямо в пасть тигра.

— На Человека? — сердито сказал Волк-Отец, оскалив свои белые зубы. — Фу, разве мало жуков и лягушек в прудах, что он хочет есть людей, да еще на нашей земле!

Закон Джунглей, который никогда не предписывает ничего без причины, запрещает зверям есть людей, кроме тех случаев, когда они учат своих детей охотиться. Да и то это разрешается только вне пределов земли своего племени или стаи. Истинная причина этого кроется в том, что убийство человека влечет за собой, рано или поздно, появление белых людей на слонах, с ружьями, и сотен темнокожих, с гонгами, ракетами и факелами. Тогда горе всем Джунглям. А звери объясняют друг другу это правило так: Человек — самое слабое, самое беспомощное существо; поэтому охотнику неприлично трогать его. Они еще прибавляют (и это правда), что людоеды заболевают чесоткой и теряют зубы.

Мурлыканье тигра становилось все громче и закончилось громовым «аааррр»...

Потом вдруг раздался вой Шер-Хана.

— Промажнулся! — сказала Волчица-Мать. — Что это такое?

Волк-Отец выбежал из пещеры и услышал ворчанье и вой Шер-Хана, барахтавшегося в нескольких шагах от пещеры в чаще.

— Этот дурак не придумал ничего лучшего, как прыгнуть в костер дровосеков, и, конечно, обжог себе лапы! — проворчал Волк-Отец. — Табаки с ним.

— Кто это поднимается по холму? — сказала Волчица-Мать, настораживая одно ухо. — Приготовься.

Ветки в чаще хрустнули. Волк-Отец поджал ноги, приготовившись прыгнуть. И вот, если бы вы наблюдали за ним, вам бы пришлось увидеть самую странную вещь на свете: волка, остановившегося посередине прыжка. Он прыгнул прежде, чем увидел, на что прыгает, и затем старался остановиться.

В результате он прямо взлетел футов на пять кверху и опустился как раз на то же самое место, откуда прыгнул.

— Человек! — крикнул он. — Человеческий детеныш. Смотри!

Прямо против него, держась за нижнюю ветку, стоял совершенно голый смуглый ребенок, только что выучившийся ходить. Он стоял так тихо и прямо, как еще никогда и никто не стоял в пещере волка. Он смотрел на Волка-Отца и смеялся.

— Разве это человеческий детеныш? — сказала Волчица-Мать. — Я никогда их не видала; дай-ка его сюда!

Волк, привыкший носить своих собственных детенышей, может, если понадобится, пронести во рту яйцо, не раздавив его; поэтому Волк-Отец взял ребенка за спину, — так нежно, что не поцарапал ему зубами даже кожу, — и положил его к своим детенышам.

— Какой маленький! Какой голый и какой смелый! — нежно сказала Волчица-Мать.

Ребенок ползал между детенышами и прижимался к теплой шкуре волчицы.

— Ах! Он ест вместе с другими! Так это человеческий детеныш! Скажи, была ли когда-нибудь волчица, которая могла бы похвастаться, что в кругу ее детей был человеческий детеныш?

— Я слышал о подобных случаях, но только не в нашем племени и не в мое время, — сказал Волк-Отец. — Он совсем

без волос, и я мог бы его убить одним прикосновением лапы. Но смотри, он смотрит и ничего не боится!

Вдруг лунный свет померк: громадная четырехугольная голова и плечи Шер-Хана загородили весь вход в пещеру. Табаки пищали за его спиной: «Господин мой, господин мой, он вошел сюда, сюда».

— Шер-Хан оказывает нам большую честь, — сказал Волк-Отец, но глаза его злобно сверкали. — Что угодно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человеческий детеныш вошел сюда, — сказал Шер-Хан, — его родители убежали. Отдай мне его.

Шер-Хан нечаянно прыгнул прямо в костер дровосека, как и догадался Волк-Отец, и был страшно взбешен от боли. Но Волк-Отец знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже и теперь плечи и лапы Шер-Хана были совсем согнуты, и он походил на человека, попавшего в бочку.

— Волки — свободный народ, — сказал Волк-Отец, — они повинуются главе Стаи, а не полосатому Похитителю Скота. Человеческий детеныш — наш, и мы сами уьем его, если найдем нужным.

— Вы будете решать, убивать его или не убивать?! Не желаю об этом и слышать! Клянусь волем, убитым мною, — я не буду стоять здесь перед вашим собачьим логовом и ждать того, что принадлежит мне по праву! Это говорю я, Шер-Хан! — как гром, раздалось рычанье тигра в пещере.

Волчица-Мать стряхнула с себя детей и бросилась вперед. Ее глаза впелись в горящие глаза Шер-Хана, как две зеленые луны в темную ночь.

— А это отвечаю я, *Ракиша*, Демон. Человеческий детеныш мой, слышишь, Лэнгри, — мой. Он не будет убит. Он будет жить со Стаей, охотиться со Стаей, а в конце концов, — берегись ты, охотник за маленькими голыми детенышами, ловец лягушек и рыб, — он будет охотиться за тобой! А теперь уходи, или, клянусь Оленем, *Самбхаром*, убитым мною (я-то не ем дохлой скотины), ты, паленый зверь Джунглей, ты вернешься к твоей матери еще более хромым, чем родился на свет. Пошел вон!

Волк-Отец был очень доволен. Он почти забыл те дни, когда после славной битвы с пятью другими волками он добился Волчицы-Матери, а это было тогда, когда она еще бегала вместе со Стаей и когда ее не пустой похвалы ради прозвали Демоном. Шер-Хан мог в открытом бою поспорить с Волком-

Отцом, но он не мог устоять перед Волчицей-Матерью, так как знал, что в данный момент за ней все преимущества в позиции и что она будет драться насмерть. И вот, рыча, он полез из входа в пещеру и, когда уже совсем вылез, крикнул:

— Каждая собака лает в своем логовище. Мы еще посмотрим, что скажет Стая об этом выкармливании человеческих детенышей. Детеныш мой и в конце концов попадет мне на зубы, о густохвостые воры!

Волчица-Мать снова легла к своим детям, а Волк-Отец сказал ей серьезно:

— Шер-Хан сказал правду. Нужно показать детеныша Стае. Ты хочешь оставить его, Мать?

— Оставим его! — вздохнула она. — Он пришел ночью один, голый, голодный, и все-таки он не боялся. Смотри, он оттолкнул одного из моих детей. Этот хромой мясник убил бы его и убежал бы на Вайнгангу, а люди пришли бы сюда и стали бы в отместку охотиться по всем нашим чащам. Оставить ли его? Конечно, я оставлю. Лежи, лежи, Лягушонок! Ах, *Маугли* (я буду тебя звать Маугли, Лягушонком), придет время, когда ты будешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет Стая? — спросил Волк-Отец.

Закон Джунглей гласит: каждый волк, вступая в брак, выходит из Стаи, к которой он принадлежит; но, как только его дети подрастут настолько, что смогут держаться на ногах, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается раз в месяц в полнолуние, для того чтобы другие волки признали их.

После этого осмотра детеныши могут свободно бегать куда хотят, и, пока они не убили первого оленя, нет оправдания тому взрослому волку из Стаи, который коснется кого-либо из них. Смерть грозит убийце, если только удастся открыть его. И если вы с минутку подумаете об этом, то убедитесь, что так это и должно быть.

Волк-Отец ждал, пока детеныши не выучатся немножко бегать, потом в одну из ночей, когда собирался Совет Стаи, он повел их, Маугли и Волчицу-Мать к Скале Совета, большому холму, покрытому камнями, между которыми могло спрятаться до сотни волков. *Акела*, большой серый одинокий волк, который благодаря своему уму и силе управлял всей Стаей, лежал, вытянувшись во всю свою длину, на скале, а вокруг него пониже сидело более сорока волков различных размеров и ма-

стей, начиная от серых, как барсуки, стариков, которые могли в одиночку справиться с оленем, и кончая черными трехлетками, которые лишь думают, что и они могут сделать то же самое. Вот уже год, как Акела управляет ими. В молодости он два раза попадал в волчьи капканы. Раз его избили и бросили, думая, что он мертв. Он хорошо знает нравы и обычаи людей.

Около скалы слышалось мало разговоров. Детеныши возились в середине круга, образуемого их отцами и матерями. Время от времени один из старших волков тихо подходил к какому-нибудь детенышу, внимательно осматривал его и бесшумно возвращался на свое место. Иногда какая-нибудь мать вытаскивала своего детеныша на лунный свет, боясь, как бы его не проглядели. Тогда Акела восклицал со скалы: «Вы знаете Закон! Вы знаете Закон! Смотрите, смотрите, о волки!» — а испуганные матери подхватывали: «Смотрите, смотрите, о волки!»

Наконец (шерсть поднялась тут на хребте Волчицы-Матери) Волк-Отец выдвинул Маугли, как они его звали, в середину круга, где он сел, смеясь и играя камешками, ярко блестящими в лунном свете.

Акела не поднимал головы и лишь однообразно восклицал: «Смотрите, смотрите!»

Сдержанное рычанье раздалось за скалой. То закричал Шер-Хан: «Детеныш мой! Отдайте его мне! Какое дело Свободному Народу до человеческого детеныша?»

Акела даже ухом не повел и сказал: «Смотрите, о волки. Какое дело Свободному Народу до приказаний, исходящих не от Свободного Народа? Смотрите!»

Глухое рычанье раздалось в ответ. Один молодой четырехлетний волк подхватил вопрос Шер-Хана: «Какое дело Свободному Народу до человеческого детеныша?»

Закон Джунглей гласит: если идет спор о принятии детеныша в Стаю, за него должны высказаться по крайней мере два члена Стаи, конечно, исключая его родителей.

— Кто подаст голос за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа выскажется за него?

Ответа не было. Волчица-Мать приготовилась бороться насмерть, в случае если дело дойдет до драки. Но тут *Балу*, большой сонливый бурый медведь, который учит волчат Законам Джунглей (он один из зверей другой породы имеет право голоса на Совете Стаи), старый Балу, который может ходить, где

ему вздумается, потому что он питается орехами, корнями и медом, поднялся на задние лапы и проворчал:

— Человеческий детеныш, человеческий детеныш! Я подаю голос за человеческого детеныша. От человеческого детеныша не может быть вреда. Я не красноречив, но я говорю правду. Пускай его бегает со Стаей. Я сам буду учить его!

— Нам нужен еще один голос, — сказал Акела. — Балу высказался за него, а он учитель наших волчат. Кто еще за него, кроме Балу?

Темная тень вошла в круг. Это была Багира, Черная Пантера, черная, как чернила, со светлыми отливами, словно дорогой шелковый муар. Все знали Багиру, и никто никогда бы не решился встать на ее пути, потому что она была хитра, как Табаки; смела, как дикий буйвол, безумно храбра, как раненый слон. Но голос ее был сладок, как дикий мед, струящийся с дерева, а шкурка мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ! — мурлыкала она. — Я не имею права голоса в вашем собрании, но Закон Джунглей гласит: если есть сомнение, даровать ли жизнь детенышу или умертвить его, то жизнь его может быть выкуплена. И Закон ничего не говорит о том, кто должен внести выкуп. Правду ли я говорю?

— Верно, хорошо! — закричали молодые волки, которые всегда были голодны. — Слушайте Багиру. За детеныша можно заплатить выкуп. Таков Закон!

— Зная, что я не имею права говорить, я прошу у вас разрешения сказать несколько слов.

— Говори, говори! — закричало двадцать голосов.

— Убить голого детеныша — позор. Кроме того, он может пригодиться, когда вырастет. Балу подал за него голос, а я прибавлю к словам Балу быка, жирного быка, которого я только что убила за полмили отсюда, если вы, согласно Закону, пожелаете принять человеческого детеныша в Стаю. Хотите?

Раздался целый хор голосов:

— Пускай его! Он все равно умрет от зимних дождей. Он изжарится на солнце. Чем нам может помешать голый лягушонок? Пусть его бегает вместе со Стаей. Где бык, Багира? Принять его, принять!

Раздался глухой возглас Акелы:

— Смотрите, глядите, о волки!

Маугли все время был так занят камешками, что не обращал внимания на волков, до очереди подходивших к нему. Наконец все отправились за убитым быком. Остались только Акела, Багира, Балу и Маугли со своими волками. Шер-Хан рычал в темноте, он злился, что ему не отдали Маугли.

— Рычи, рычи, — пробурчала Багира в усы, — наступит время, когда это голое создание заставит тебя рычать на иной лад, или же я не знаю людей.

— Это очень хорошо! — сказал Акела. — Люди и их детеныши очень мудры. Он со временем будет нам большой подмогой.

— Правильно. Подмогой во время нужды, потому что никто не может надеяться вечно править Стаей, — сказала Багира.

Акела молчал. Он думал о том времени, которое наступает для каждого вождя, когда силы оставляют его, когда он становится с каждым днем слабее, пока наконец волки не убивают его и не выбирают нового вождя, чтобы в свое время убить и его.

— Возьми его! — сказал он Волку-Отцу. — Расти его и воспитывай согласно с требованиями Свободного Народа.

Таким образом, ценою быка и благодаря доброму слову Балу, Маугли был принят в Стаю.

Теперь не взыщите, если мы пропустим лет десять или одиннадцать и удовольствуемся беглым обзором чудесной жизни Маугли среди волков, потому что иначе пришлось бы исписать не одну такую книгу.

Маугли рос вместе с волчатами, которые, конечно, стали уже совсем взрослыми, тогда как он был еще ребенком. Волк-Отец учил его, что делать, объяснял все в Джунглях, шелест каждой травки, каждое дыхание теплого ночного ветерка, каждый крик совы, каждый шорох летучей мыши в дупле, каждый всплеск маленькой рыбки в воде. А это для волка так же важно, как знание какого-нибудь ремесла для человека. Когда Маугли не учился, он сидел на солнышке, спал, ел, а потом опять спал. Когда ему было жарко или хотелось помыться, он плавал в лесных озерах. Когда ему хотелось меду (Балу доказал ему, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лазил за ним. Этому научила его Багира. Она ложилась на сук и звала: «Иди сюда, Маленький Брат». Сначала Маугли карабкался очень медленно, а потом стал храбро лазать по сучьям не

хуже серой обезьяны. Он заседал со всеми волками у Скалы Совета, когда собиралась Стая; там-то он заметил, что, если он посмотрит в упор на волка, волк непременно опустит глаза. Это очень забавляло его. Иногда он вынимал занозы, длинные колючки из лап своих друзей, потому что волки ужасно страдают от колючек и репьев, застревающих в их шкуре. Иногда ночью он спускался на распаханые поля и с любопытством рассматривал людей в их хижинах, но он не доверял им, потому что Багира показала ему ящик с падающей дверкой, так хитро спрятанный в Джунглях, что он чуть не попал туда, и объяснила ему, что это — западня. Больше всего Маугли любил забираться с Багирой в темную, теплую чашу леса, спать там весь жаркий, душный день, а ночью наблюдать, как охотится Багира. Багира убивала направо и налево, когда была голодна, то же делал и Маугли. Но когда он настолько вырос, что стал понимать, что ему говорят, Багира сказала ему, чтобы он никогда не трогал домашнего скота, потому что он был выкуплен у Стаи ценою жизни быка.

— Все Джунгли твои, — сказала Багира. — Ты можешь убивать все, что ты в силах убить, но в память быка, который своей жизнью выкупил тебя, ты никогда не должен есть ни молодого, ни старого скота. Таков Закон Джунглей.

Маугли беспрекословно повиновался.

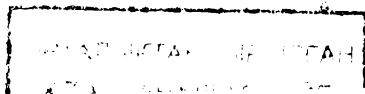
И он рос и делался все сильнее, рос, как и все мальчики, которые совсем не знают уроков и ни о чем не думают, кроме еды.

Волчица-Мать как-то говорила ему, что он не должен доверять Шер-Хану и что со временем ему придется убить тигра.

Молодой волк никогда бы не забыл этого совета; но Маугли позабыл его, потому что он был только мальчик, хотя, без сомнения, если бы он умел говорить на каком-нибудь человеческом языке, он непременно назвал бы себя волком.

Шер-Хан часто встречался с ним в Джунглях. Так как Акела слабел и старился, хромой тигр подружился с молодыми волками Стаи, подбиравшими остатки его еды, чего, конечно, Акела никогда бы не допустил, если бы был в состоянии вполне пользоваться своей властью. Шер-Хан льстил им, удивлялся, как такие прекрасные молодые охотники позволяют управлять собой умирающему волку и человеческому детенышу.

— Говорят, — прибавлял обыкновенно Шер-Хан, — что на Совете вы не смеете смотреть ему в глаза!

И молодые волки начинали рычать и щетиниться.

Багира, у которой везде были глаза и уши, знала кое-что об этом и не раз говорила Маугли, что Шер-Хан убьет его. Но Маугли только смеялся в ответ.

— За меня Стая, и за меня ты, — говорил он. — И хоть Балу и очень ленив, но все-таки разика два-три и он ударит за меня. Чего же мне бояться?

Был очень теплый день, когда новая весть дошла откуда-то до Багиры. Может быть, ей сказал Саги, Дикобраз.

Маугли лежал в чаще Джунглей, положив голову на прекрасную шкуру Багиры.

— Малснький Брат, — сказала она, — я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме, — отвечал Маугли, который, конечно, не мог их сосчитать, — но что же из этого? Я спать хочу, Багира, а у Шер-Хана только и есть, что такой же длинный хвост и громкий голос, как у Павлина, *Мора*.

— Не время спать. Балу знает это, я знаю это, Стая знает это, даже глупая-глупая лань знает это. Да и Табаки тоже говорил тебе.

— Да, да, — сказал Маугли, — Табаки недавно приходил ко мне и очень грубо заявил, что я голый человеческий детеныш, который недостоин есть даже свиной корм; но я взял Табаки за хвост и ударил его два раза о пальму, чтобы немного поучить его вежливости.

— Это было очень неблагоразумно, потому что хотя Табаки и сплетник, но все же в том, что он сказал тебе, была частица правды. Смотри, Маленький Брат! Шер-Хан не смеет убить тебя в Джунглях, но помни: Акела очень стар и, как только придет тот день, когда он не сможет убить оленя, он перестанет быть вождем. Многие из волков, осматривавших тебя, когда тебя принесли в первый раз на Совет, уже очень стары, а молодые повторяют со слов Шер-Хана, что человеческому детенышу не место в Стае. Скоро ты будешь уже взрослым человеком.

— А что такое человек? Почему он не может бегать со своими братьями? — спросил Маугли. — Я родился в Джунглях, я всегда повиновался Закону Джунглей, и в нашей Стае нет ни одного волка, у которого бы я не вынимал заноз. Конечно, они мои братья.

Багира вытянулась во всю длину и полузакрыла глаза.

— Маленький Брат, — сказала она, — пощупай у меня подбородок.

Маугли пощупал своей сильной смуглой рукой шелковистый подбородок Багиры, где под блестящей шерстью скрывались гигантские мускулы, и нащупал маленькое голое местечко.

— Никто во всех Джунглях не знает, что я, Багира, ношу на себе этот знак, след ошейника. Слушай, Маленький Брат, я родилась среди людей, и моя мать умерла среди людей в клетке королевского дворца в Удайпуре. Поэтому я и заплатила за тебя выкуп в Совете, когда ты был маленьким голым детенышем. Да, я тоже родилась среди людей. В детстве никогда я не видала Джунглей. Они держали меня за решетками железной клетки, пока раз ночью я не почувствовала, что я Багира, Пантера, а не людская игрушка; я разбила их глупый замок одним ударом лапы и ушла. Вот почему я знаю людские обычаи, вот почему в Джунглях меня больше боятся, чем Шер-Хана. Не правда ли?

— Да, — сказал Маугли. — Все в Джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— Ты — человеческий детеныш, — сказала нежно Черная Пантера, — и как я вернулась в мои Джунгли, так и тебе придется вернуться к людям, твоим братьям, если, конечно, тебя не убьют на Совете.

— Но почему им вздумается убить меня? — спросил Маугли.

— Смотри на меня, — сказала Багира.

Маугли пристально посмотрел ей в глаза. Через полминуты огромная пантера отвернулась.

— Вот почему, — продолжала она, шевеля лапой листья. — Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а я родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие ненавидят тебя, потому что они не могут выдержать твоего взгляда, потому что ты слишком мудр, потому что ты вынимал занозы из их лап, потому что ты — человек.

— Я не знал всего этого, — сказал угрюмо Маугли и нахмурил свои густые черные брови.

— Как гласит Закон Джунглей? Ударь, а потом уж говори. По твоей беззаботности они знают, что ты человек. Но будь благоразумен. Я знаю: лишь только Акела упустит на охоте оленя (а охотиться ему все труднее и труднее), Стая бросится на него

и на тебя. Они соберут Совет на скале и тогда, и тогда... Я знаю, что тебе надо делать... — воскликнула Багира, вскочив. — Беги скорее к людским жилищам и возьми немного Красного Цветка, который они там растят. В нем, когда придет время, ты найдешь болес могучего друга, чем даже я, Балу или те волки Стаи, которые любят тебя. Принеси Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь. Ни один из обитателей Джунглей не осмелится назвать огонь его настоящим именем; каждое животное смертельно боится огня и выдумывает тысячи способов, чтобы описать его.

— Красный Цветок? — спросил Маугли. — Он растет около их жилищ в сумерки. Я принесу его.

— Вот это речь человеческого детеныша, — с гордостью сказала Багира. — Помни, что он растет в маленьких горшочках. Достань его поскорее и береги до тех пор, пока он тебе не понадобится.

— Хорошо, — сказал Маугли, — я иду. Но неужели ты уверена, Багира, — и он обвил рукою ее роскошную шею и заглянул в ее огромные глаза, — неужели ты уверена, что все это дело Шер-Хана?

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, я твердо уверена в этом, Маленький Брат.

— Тогда и я клянусь выкупившим меня быком, что я сумею отплатить Шер-Хану! — воскликнул Маугли и вскочил.

«Вот это достойно человека. Вот это человек! — подумала Багира и опять улеглась на земле. — Да, Шер-Хан, не было у тебя охоты неудачнее той, когда ты, десять лет тому назад, ловил голого Лягушонка».

Маугли бежал по лесу, бежал быстро, и сердце пылало в его груди. Когда поднялся ночной туман, он пришел в пещеру, сел и все смотрел вниз, в долину. Волчат не было дома, Волчица-Мать лежала в глубине пещеры и по тяжелому дыханью догадалась, что ее Лягушонок взволнован.

— Что с тобой, сынок? — спросила она.

— Летучие мыши болтают о Шер-Хане, — ответил он, — я буду охотиться сегодня ночью на распаханных полях. — И с этими словами Маугли бросился через кусты вниз к речке, в долину. Там он остановился, потому что услышал, что Стая охотится, услышал крик Самбхара, потом его фырканье, когда он повернул к лесу. Тут раздался вой молодых волков: «Акела!

Акела! Пусть Одинокий Волк покажет свои силы. Место для вождя Стаи. Вперед, Акела!»

Вероятно, Акела прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал скрежет его зубов, потом визг, стон, когда Самбах ударил его передней ногой.

Маугли не стал дольше ждать и побежал; шум охоты постепенно затихал за ним, когда он пробегал по деревенским полям.

— Багира сказала правду, — вздохнул он. — Завтра конец мне и Акеле.

Он прижался к окну и смотрел на огонь, горевший внутри дома. Он видел, как женщина встала и положила в огонь какие-то черные куски, а когда наступил рассвет, когда туман стал белым и холодным, он увидел, как ребенок взял плетенный из прутьев горшочек, обмазанный внутри глиной, наполнил его кусками горячего красного угля, прикрыл одеялом и пошел в хлев к коровам.

«И это все? — подумал Маугли. — Если детеныш может делать это, то, значит, и мне нечего бояться».

Он обогнул угол, подбежал к ребенку, выхватил у него из рук горшочек и скрылся в тумане, оставив плачущего от страха ребенка.

— Они очень похожи на меня, — говорил Маугли, дуя в горшок, как это делала женщина. — Эта штука умрет, если я не дам ей есть. — И он положил веточек и сухую кору на угли. На полдороге он встретил Багиру. Капельки росы горели, как лунные камни, на ее шкуре.

— Акела промахнулся! — сказала Пантера. — Они убили бы его в прошлую ночь, но они ждут тебя. Они ищут тебя по всем холмам.

— Я был на распаханных полях. Готово, смотри! — И Маугли поднял светильник.

— Хорошо. Я видела, как люди клали сухую ветку на Красный Цветок, и он расцветал на конце ее. Ты не боишься его?

— Нет! Чего же мне бояться? Я вспоминаю теперь (если это только не сон), что еще до того, как я стал волком, я лежал возле Красного Цветка и мне было очень тепло и хорошо.

Весь этот день Маугли сидел в пещере, стерег огонь, бросал в него сухие ветки и смотрел, как они горят. Он нашел ветку, которая ему понравилась, и, когда вечером в пещеру пришел Табаки и грубо заявил ему, что его требуют к Скале Совета, он

смеялся до тех пор, пока Табаки не убежал. Потом, продолжая смеяться, Маугли пошел на Совет.

Акела, Одинокый Волк, лежал рядом со скалой в знак того, что место вождя свободно. Шер-Хан со своей свитой прилебателей-волков прохаживался взад и вперед, выслушивая их лесть. Багира легла рядом с Маугли, зажавшим горшок с огнем между коленками. Когда все собрались, Шер-Хан начал говорить, чего он, конечно, никогда бы не посмел сделать, если бы Акела был еще в силе.

— Он не имеет на это права! — прошептала Багира. — Скажи ему это. Он — собачий сын, он испугается!

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ! — закричал он. — Разве Шер-Хан управляет Стаей? Какое ему дело до наших вождей?

— Я вижу, что место вождя свободно, и меня просили говорить... — начал было Шер-Хан.

— Кто просил? — продолжал Маугли. — Разве мы шакалы, чтобы ползать перед этим похитителем скота? Выборы вождя Стаи касаются только Стаи.

Тут со всех сторон раздались крики:

— Молчи, человеческий детеныш!

— Нет, пусть он говорит. Он повиновался Закону.

Наконец старики Стаи прогремели:

— Пусть говорит Мертвый Волк.

Когда вождь Стаи промахивается, его, хотя он еще жив, зовут Мертвым Волком, потому что жить ему уже остается недолго.

Акела с трудом поднял свою старую голову:

— Свободный Народ и вы, шакалы Шер-Хана, двенадцать лет водил я вас на охоту, и за все это время ни один из вас не попал в западню, никто не был изуродован. Теперь я промахнулся. Я знаю, как все это было подстроено. Я знаю, что вы подпустили меня к еще не загнанному оленю, чтобы показать всем мою слабость. Это было хитро придумано. Вы вправе убить меня на Скале Совета. Теперь я спрошу: кто же первый нанесет удар Одинокому Волку? По Закону Джунглей я вправе требовать, чтобы вы подходили по одному.

Наступило долгое молчание. Никто из волков не решался выйти с Акелой на единоборство. Тогда Шер-Хан зарычал:

— Да что нам за дело до этого беззубого дурака! Он приговорен к смерти. Здесь есть еще человеческий детеныш, кото-

рый тоже слишком зажился на свете. Свободный Народ, он был моей добычей с самого начала. Отдайте его мне. Мне надоел этот Человек-Волк. Целых десять лет он смущает Джунгли. Отдайте мне человеческого детеныша, а то я всегда буду охотиться здесь и не дам вам и косточки понюхать. Он — человек, человеческий ребенок, и я до мозга костей ненавижу его.

Большая часть Стаи завывала:

— Человек, человек! Зачем нам человек? Пусть он возвращается к людям.

— И пошлет на нас всех жителей деревни! — закричал Шер-Хан. — Нет, отдайте его мне. Он — человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза.

Акела опять поднял голову и сказал:

— Он сл с нами. Он спал с нами. Он играл с нами. Он не нарушил ни одной буквы из Закона Джунглей.

— Я заплатила за него выкуп, я принесла быка, когда его принимали. Конечно, бык не очень ценная вещь, но здесь замешана честь Багиры, и она сумеет постоять за нее, — сказала Багира ласковым голосом.

— Быка мы съели десять лет тому назад! — заворчала Стая. — Какое нам дело до костей, обглоданных десять лет тому назад!

— И до данного слова? — спросила Багира, скаля белые зубы. — По праву же называется вы Свободным Народом!

— Не место человеческому детенышу в среде Народа Джунглей! — завывал Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Он наш брат во всем, кроме крови! — сказал Акела. — А вы хотите убить его. Правда, я жил слишком долго. Некоторые из вас стали есть скот, а другие, я слышал, ходят с Шер-Ханом темною ночью по деревням и воруют детей. Теперь я знаю, что вы трусы, и я говорю с вами, как с трусами. Конечно, я должен умереть, и моя жизнь не имеет никакой цены, а то бы я предложил ее за жизнь человеческого детеныша. Но ради чести Стаи, которую вы совсем забыли без вождя, я обещаю вам, что, если вы отпустите человеческого детеныша к людям, я не обнажу зуба против вас, когда мой час наступит. Я умру не защищаясь. Это спасет Стае по меньшей мере жизни три. Больше я ничего не могу сделать. Но если вы хотите, я спасу вас от позорного убийства брата, за которым нет никакой вины, брата, за которого был подан голос и который был выкуплен у Стаи по Закону Джунглей.

— Он — человек, человек! — рычала Стая, и большая часть волков начала собираться вокруг Шер-Хана, хвост которого зашевелился.

— Теперь все зависит от тебя, — сказала Багира Маугли. — Нам ничего не останется, кроме борьбы.

Маугли вскочил, держа горшок с огнем в руках. Потом он вытянул руки и оскорбительно зевнул перед лицом всего Совета; он был вне себя от горя и злобы, потому что, по своей волчьей манере, волки никогда раньше не показывали ему, до чего они его ненавидят.

— Слушайте! — закричал он. — Нечего лаять по-собачьи. Вы столько раз повторяли мне за эту ночь, что я человек (а я, без сомнения, остался бы здесь с вами волком до конца моей жизни), что я почувствовал: вы правы. Итак, я не называю вас больше братьями; как и человек, я называю вас собаками. Не вам рассуждать, что вам делать и чего вам не делать. Все будет по-моему! А чтобы вы меня лучше поняли, я принес немножко Красного Цветка; вы боитесь его, собаки!

Он бросил горшок на землю, горящие угли рассыпались, сухой мох вспыхнул. Весь Совет отскочил в ужасе от сверкавшего огня.

Маугли сунул приготовленную ветку в огонь, пока она не затрещала и не загорелась, и начал вертеть ею над своей головой. Волки стояли в ужасе.

— Теперь все в твоей власти, — прошептала Багира, — спаси Акелу от смерти. Он всегда был твоим другом.

Акела, свирепый старый волк, который никогда в жизни не просил пощады, жалобно смотрел на Маугли. Мальчик стоял совсем голый, его длинные черные волосы развевались по плечам. Тени прыгали и дрожали при свете горящей ветки.

— Хорошо! — сказал Маугли, медленно осматривая волков. — Я вижу, что вы собаки. Я иду от вас к моему народу, если только там мой народ. Джунгли закрыты для меня, и я должен забыть ваш язык и ваши обычаи, но я буду благодарнее, чем вы. Я ваш брат во всем, кроме крови, и поэтому я обещаю, что, когда я буду среди людей, я не предаю вас, как вы предали меня. — Он толкнул огонь ногой, искры разлетелись во все стороны. — В Стае не должно быть вражды. Но прежде чем я уйду, я еще должен заплатить один долг!

Он подбежал к Шер-Хану, который сидел, тупо смотря на огонь, и схватил его за бороду. Багира пошла за ним, боясь, как бы чего не случилось.

— Вставай, собака! — закричал Маугли. — Встань, когда говорит человек, вставай, или я сожгу твою шкуру!

Уши Шер-Хана прижались к голове, он зажмурил глаза, потому что горящая ветка была уже рядом с ним.

— Этот Охотник за скотиной сказал, что он убьет меня в Совете, потому что не убил меня, когда я был детенышем. А мы, люди, вырастая, бьем собак. Шевельни только усом, Лэнгри, и я воткну тебе Красный Цветок в глотку.

Он бил Шер-Хана веткой по голове, и тигр визжал и сто-нал от страха.

— Ну, Паленая кошка Джунглей, иди! Только помни, когда я приду в следующий раз к Скале Совета, приду, как подобает че-ловеку, то шкура Шер-Хана будет красоваться в моей руке. Слу-шайте! Акела может жить сколько захочет. Вы не убьете его, по-тому что такова моя воля. Потом, я не хочу, чтобы вы сидели здесь высунув языки, как будто вы — что-то путное. Вы — соба-ки, и я прогоняю вас. Убирайтесь!

Пламя ярко пылало на конце ветки, и Маугли размахивал ею вокруг себя направо и налево. Волки, осыпаемые дождем искр, с воем разбежались. Наконец остались только Маугли, Багира, Акела и, может быть, с десяток волков, принявших сторону Маугли. Но вдруг Маугли почувствовал что-то такое внутри себя, чего еще с ним никогда не бывало: он вдруг зары-дал и слезы потекли по его лицу.

— Что это такое? Что это? — спрашивал он. — Я не хочу уходить из Джунглей, и я не знаю, что это такое. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат. Это слезы, людские слезы, — от-вечала Багира. — Теперь я знаю, что ты человек, а уже не чело-веческий детеныш. С этих пор Джунгли на самом деле закрыты для тебя. Пусть они льются, ведь это только слезы.

Маугли сидел и плакал, сердце его разрывалось на части. Ни разу во всю свою жизнь он еще не плакал.

— Теперь, — сказал он, — я пойду к людям. Но я должен раньше проститься с моей матерью.

И он пошел к Волчице-Матери в пещеру, где она жила вместе с Волком-Отцом, и плакал, прижимаясь к ее шерсти, и все четыре волчонка жалобно визжали.

— Вы не забудете меня? — спрашивал Маугли.

— Никогда, потому что мы почуем тебя по следу, — отвечали детеныши. — Приходи к подножию холма, когда ты будешь человеком, и мы будем разговаривать с тобой. Мы будем приходить в поля играть с тобой.

— Приходи скорее! — сказал Волк-Отец. — О маленький, мудрый Лягушонок, приходи скорее, потому что мы уже стары, и мать, и я.

— Приходи скорее, мой маленький голый сынок, — сказала Волчица-Мать. — Знай, человеческий детеныш, я любила тебя больше всех моих детей.

— Конечно, приду, — говорил Маугли, — и приду, чтобы кинуть шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня. И скажи всем в Джунглях, чтоб не забывали меня.

Занималась заря, когда Маугли спускался с холма. Одинок шел он навстречу тем таинственным существам, которые назывались людьми.

Охотничья песнь Стаи Сиони

Только солнце взошло, и Самбхар закричал —

Раз, два, еще раз, —

И помчался Олень, и помчался Олень

В лес к ручью, в лес к ручью, где проводит

он день, —

Это все я узнал, это все я узнал.

Раз, два, еще раз!

Только солнце взошло, и Самбхар закричал —

Раз, два, еще раз, —

Дома Волка уже нет, дома Волка уж нет,

Он уходит и Стае приносит ответ,

И мы мчимся за ним, нападаем на след.

Раз, два, еще раз!

Только солнце взошло, а уж Волк зарычал —

Раз, два, еще раз!

Не заметно от ног наших в Джунглях следа,

Волк не слепнет во тьме никогда, никогда,

Так пойте о Волке, пойте всегда!

Раз, два, еще раз!

Каа охотится

Леопард гордится пятнами,
Буйвол — красотой рогов;
Познается мощь охотника
В чистоте его боков.
Коль узнать тебе приходится,
Что лягается олень,
Ты молчи, приходит знание
В десять лет, не в первый день.
Ты чужих не тронь детенышей,
Чти их братом иль сестрой.
«Лучше нет меня охотника,
Я охотник молодой!»
Так детеныш горд удачею;
В Джунглях громко не кричи,
Мал ты, Джунгли ж — необъятные;
Ты подумай и молчи.

Правила Балу

Все, что будет рассказано здесь, случилось раньше, чем Маугли покинул волчью Стаю Сиони, раньше, чем он успел отомстить Шер-Хану, тигру. Это случилось еще тогда, когда Балу учил его Законам Джунглей. Большой, степенный, старый бурый медведь был в восторге от своего ученика, потому что маленькие волчата учат из Законов Джунглей только то, что требуется их Стае или Племени, и сейчас же убегают, как только выучатся повторять Песнь Охоты:

«Бесшумны шаги наших лап, глаза наши видят во мраке, ухо услышит вздох ветра в ночи, зубы белы и остры. Таков весь наш волчий народ, кроме гиен да шакала Табаки — их ненавидим мы».

Но Маугли, как человеческому детенышу, пришлось учиться гораздо больше.

Иногда Багира, Черная Пантера, гуляя по Джунглям, заходила посмотреть на успехи своего любимца и терлась, мурлыкая, о дерево, пока Маугли отвечал Балу урок. Мальчик лазил по деревьям так же хорошо, как плавал, а плавал так же хорошо, как бегал. Балу, учитель Закона, научил его Законам Леса и Воды: как отличить гнилой сук от живого; как вежливо говорить с дикими пчелами, если заберешься в улей на высоте футов пятидесяти от земли; что сказать Манге, Летучей Мыши,

если обеспокоишь ее днем; как предупредить водяных змей, когда собираешься купаться в пруду.

Никто в Джунглях не любит, чтобы его беспокоили, и каждый готов броситься на непрошеного гостя. Кроме того, Маугли выучил еще Охотничий Крик Чужестранца, который нужно повторять до тех пор, пока тебе не ответят, если ты охотишься не в своих землях. В переводе этот крик означает: «Позвольте мне охотиться, потому что я голоден». На это отвечают: «Охоться ради пищи, но не ради забавы».

Из этого вы видите, сколько Маугли приходилось учить наизусть, и он ужасно уставал, повторяя по сто раз одно и то же. Но Балу сказал Багире, когда однажды Маугли убежал после нескольких шлепков:

— Человеческий детеныш есть человеческий детеныш; он должен знать все Законы Джунглей.

— Но подумай, как он еще мал, — сказала Багира, которая, конечно, избаловала бы Маугли, если бы он был у нее на воспитании, — как может его маленькая головка удержать твои длинные речи?

— А разве в Джунглях есть такой детеныш, которого нельзя было бы убить? Нет. Вот почему я учу его всему, вот почему я слегка бью его, когда он забывает уроки.

— Слегка! Это по-твоему слегка, старая Железная Лапа! — проворчала Багира. — У него все лицо в синяках от твоего «слегка»!

— Пусть он ходит с головы до ног в синяках, лишь бы не погиб из-за своего невежества, — серьезно ответил Балу. — Теперь я учу его Великим Словам Джунглей, которые защитят его от Народа Птиц и Народа Змей и от всех, кто охотится на четырех ногах, от всех, кроме его собственного племени. Он может теперь требовать защиты от всех Джунглей, если только он запомнил эти слова. Разве все это не стоит нескольких шлепков?

— Хорошо, только смотри сам не убей человеческого детеныша. Он не пень, чтобы точить о него твои толстые когти... Но что это за Великие Слова? Я предпочитаю оказывать помощь, а не просить ее, — сказала Багира, вытягивая лапы и любящая своими упругими, синими, как сталь, когтями, — а все-таки мне интересно их знать.

— Я позову Маугли, и он тебе скажет их, если захочет. Поди сюда, Маленький Брат!

— У меня голова гудит как улей! — раздался сердитый голосок над их головами, и разозленный Маугли скатился с дерева. Очутившись на земле, он прибавил: — Я пришел для Багиры, а не для тебя, старый, жирный Балу.

— Мне это совершенно все равно, — сказал Балу, хотя на самом деле он был обижен и огорчен. — Скажи Багире Великие Слова Джунглей, которые ты выучил сегодня.

— Великие Слова? А для какого народа? — спросил Маугли, радуясь, что может показать свои знания. — В Джунглях много языков, и я все их знаю.

— Ты знаешь еще очень немного. Смотри, Багира, как они неблагодарны! Хоть бы какой-нибудь волчонок забесал когда сказать доброе словечко старому Балу за его науку. Ну, ученый, скажи Великие Слова Народа Охотников.

— Мы с вами одной крови, вы и я! — сказал Маугли, подражая рычанью Медведя.

— Хорошо. А теперь Птичье Слово.

Маугли повторил то же самое и свистнул как коршун.

— Теперь Слово Народа Змей, — сказала Багира.

Невообразимый свист раздался в ответ, потом Маугли подпрыгнул, захлопал в ладоши, вскочил на спину Багиры и уселся боком, как амазонка, барабаня пятками по ее шелковистой шее и строя самые невозможные гримасы Балу.

— Ладно, ладно! За это можно вытерпеть несколько синяков, — сказал нежно бурый медведь. — Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне. — Потом он начал рассказывать Багире, как он узнал Великие Слова у Хатхи, Дикого Слона, который все знает, и как он водил Маугли к пруду, чтобы узнать Змеиное Слово у Водяной Змеи, потому что Балу не мог произнести его; Маугли защищен теперь от всего, что может случиться в Джунглях, потому что ни змея, ни птица, ни зверь не могут теперь тронуть его.

— Ему некого бояться, — гордо сказал Балу, поглаживая свое толстое, мохнатое брюхо.

«Кроме своего собственного племени!» — подумала Багира и громко прибавила:

— Пожалей мои ребра, Маленький Брат. Что это за пляска!

Маугли колотил ее изо всех сил, желая, чтобы на него наконец обратили внимание. Когда же они оба стали его слушать, он закричал:

— А у меня будет собственный народ, и я буду вождем, я буду целый день бегать по веткам.

— Что за новая выдумка, мой малснький мечтатель? — спросила Багира.

— Да, и мы будем бросать ветки и всякий мусор в старого Балу, — продолжал Маугли, — они обещали мне все это. Ай!

— Уф! — Огромная лапа Балу стащила Маугли со спины Багиры, и, когда мальчик очутился между его лапами, он увидел, что медведь злится. — Маугли, — сказал Балу, — ты говорил с *Бандар-логами*, с Народом Обезьян?

Маугли взглянул на Багиру, чтобы посмотреть, сердится ли и она. Глаза Багиры жестко светились, как камень нефрит.

— Ты был у обезьян. Ты говорил с Народом Обезьян, с серыми маргышками, с народом, который не знает закона, который ест все, что ни попадается. Позор!

— Когда Балу ударил меня по голове, — сказал Маугли (он все еще был в лапах у Балу), — я ушел, а серая обезьяна сошла с дерева и пожалела меня. Меня больше никто не пожалел. — Он немножко всхлипнул.

— Жалость Народа Обезьян! — буркнул Балу. — Тишина горной речки! Прохлада летнего зноя! Ну а потом, человеческий детеныш?

— А потом... потом они дали мне орехов и много сладостей, потом они утащили меня на руках на вершину дерева и сказали, что я их брат, кровный брат во всем, но только у меня нет хвоста и что когда-нибудь я буду их вождем.

— У них нет вождя! — сказала Багира. — Они лгут. Они всегда лгут.

— Они были очень ласковы и просили меня прийти опять. Почему вы мне никогда ничего не говорили о Народе Обезьян? Они стоят на ногах, как я. Они не бьют меня тяжелыми лапами. Они целый день играют. Пусти же меня наверх! Гадкий Балу, пусти меня, я хочу опять играть с ними.

— Слушай, человеческий детеныш, — сказал медведь, и голос его гремел, как гром в летнюю ночь. — Я научил тебя всем Законам Джунглей, которые признают все Народы Джунглей, все, кроме Народа Обезьян, живущего на деревьях. У них нет закона. Они вне касты, они парии. У них нет своего языка, они пользуются ворованными словами, которые они ловят, когда подслушивают и подглядывают, сидя наверху на ветках. Их пути — не

наши пути. У них нет вождя. У них нет памяти. Они хвалятся, они болтают, они хвастают, что они великий народ, что они творят великие дела в Джунглях, но стоит упасть ореху, они расхохотутся и забудут все на свете. Мы не имеем с ними никаких дел. Мы не пьем там, где пьют обезьяны, мы не ходим там, где ходят обезьяны, мы не охотимся там, где охотятся обезьяны, мы не умираем там, где умирают они. Слышал ли ты от меня хоть одно слово о Бандар-логах до сегодняшнего дня?

— Нет, — сказал Маугли шепотом, потому что в лесу было совсем тихо, когда Балу кончил свою речь.

— Народ Джунглей изгнал их из своей памяти. Их много, они злы, грязны, бесстыдны и жаждут, если только способны желать, чтобы Народ Джунглей заметил их, для этого они бросаются в нас орехами и всяким мусором.

Не успел он окончить, как целый град орехов и веток посыпался на них. Они услышали, как высоко в воздухе, на тоненьких верхних веточках, раздался топот, кашель и завыванье.

— Сношения с Народом Обезьян запрещены Народам Джунглей. Помни! — сказал Балу. — Запрещены! Помни!

— Запрещены, — добавила и Багира. — Разве Балу ничего не говорил тебе о них?

— Я? Но как же я мог предположить, что он станет играть с такой дрянью? Народ Обезьян! Фу!

Новый дождь орехов и ветвей посыпался им на головы, и оба зверя ушли, уводя Маугли с собой.

Все, что Балу говорил о Народу Обезьян, было совершенно верно. Они жили на вершинах деревьев, а так как звери очень редко смотрят туда, то им никогда не приходилось сталкиваться с обезьянами. Но если обезьяны находят больного волка, раненого тигра или медведя, — они жестоко мучают его. Они бросают палки и орехи в каждого зверя, надеясь, что их заметят. Потом они поднимают вой и поют бессмысленные песни, приглашают Народ Джунглей на деревья, чтобы побороться с ними, или же сами заводят между собой из-за всяких пустяков страшные битвы и бросают мертвых обезьян на видных местах, где Народ Джунглей может их заметить. Они всегда готовы выбрать вождя, завести свои собственные законы, обычаи, но никогда не делают этого, потому что их памяти не хватает и на два дня, и они успокаиваются, говоря:

— Что теперь думают Бандар-логи, то будут думать потом все Джунгли!

И этим утешаются. Ни один зверь не может достать их, но зато ни один зверь и не замечает их; **потому** то они и были так довольны, когда Маугли пришел играть с ними и они услышали, как рассердился на него Балу.

Бандар-логи никогда не **обдумывают** своих поступков, потому что они вообще **никогда** не думают. Но одной из них вдруг взбрела в голову **мысль**, которая показалась остальным блестящей, а именно, что **Маугли** может быть **очень** полезен их племени, потому что умеет **делать** из веток плетни для защиты от ветра; если они возьмут его **к себе**, он может **научить** этому их. Конечно, Маугли, как сын **дровосека**, многое бессознательно унаследовал от своих предков и **часто** **делал** маленькие хижинки из упавших веток, совершенно не **думая** о том, что у него выходит. Народ Обезьян, наблюдая со своих **деревьев**, очень удивлялся его игре. На этот раз они были уверены, что у них теперь будет настоящий вожак и они сделаются самым **мудрым** народом Джунглей, таким мудрым, что **все** не только **будут** замечать их, но даже **станут** им завидовать. И вот они тихонько шли за Балу, Багирой и Маугли, пока не пришло время полуденного сна, — Маугли лег между Пантерой и Медведем. Он был страшно сконфужен и решил не иметь больше никаких дел с Народом Обезьян.

Вдруг Маугли почувствовал на своих руках и ногах множество твердых, сильных маленьких ручек, потом ветки хлестнули его в лицо, и он увидел сквозь них, как внизу метался Балу, оглашая Джунгли глухими криками, увидел, как Багира, оскалив зубы, кинулась на дерево. Бандар-логи выли от восторга, карабкались на самые верхние ветки, куда Багира не могла подняться, и кричали:

— Багира заметила нас! Багира заметила нас! Все Джунгли прославляют нас за наш ум и за нашу хитрость!

Потом они бросились бежать. Описать, как Народ Обезьян бегает по деревьям, совершенно невозможно. У них есть настоящие дороги и тропинки вверх, вниз, на высоте от ста до ста семидесяти футов от земли, и они могут путешествовать по ним даже ночью.

Две самые большие обезьяны схватили Маугли под руки и летели с ним по верхушкам деревьев, делая скачки футов по двадцать над землей. Если бы они бежали одни, они могли бы двигаться вдвое скорее, но тяжесть мальчика замедляла их бег. Мауг-

ли чувствовал себя скверно, голова кружилась, но все-таки эта дикая скачка веселила его, хотя вид земли, мелькавшей далеко внизу, пугал, душа уходила у него в пятки, когда он болтался в воздухе на руках у обезьян. Его свита возносила его на самые вершины, он слышал треск тоненьких веточек, потом вдруг, кашля и гикая, обезьяны бросались в воздух, перелетали пространство между деревьями и хватались задними или передними лапами за нижние ветки соседнего дерева. Иногда ему были на целые мили видны вечнозеленые Джунгли, как море человеку, взлезшему на вершину мачты; иногда ветки и листья хлестали его по лицу, и два его похитителя почти спускались с ним на землю. Так, прыгая, гикая, все племя Бандар-логов несло со своим пленником Маугли по лесным дорогам.

Временами он боялся, что его уронят. Сначала он разозлился, потом стал думать. Прежде всего он решил как-нибудь известить Балу и Багиру, куда его затащат, потому что он прекрасно понимал, что те не могут угнаться за обезьянами. Смотреть вниз не было никакого смысла, потому что внизу он видел только ветви; тогда он взглянул наверх. Там высоко в синем небе плыл Чиль, Коршун, высматривая в Джунглях добычу. Чиль видел, что обезьяны несут что-то, и спустился на несколько сот аршин, чтобы посмотреть, съедобна ли их ноша. Он свистнул от удивления, увидев Маугли на вершинах деревьев и услышав, как Маугли крикнул ему Коршунье Слово: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Волны веток закрыли мальчика, но Чиль понесся к следующей вершине, чтобы снова увидеть маленькое смуглое лицо.

— Заметь мой след, — крикнул Маугли, — и скажи Балу из Стаи Сиони и Багире со Скалы Совета.

— От чьего имени, Брат? — Чиль никогда не видал раньше Маугли, хотя, конечно, слышал о нем.

— Маугли! Лягушонок! Они зовут меня человеческим детенышем. Заметь мой след!

Он крикнул последние слова, когда летел прямо по воздуху. Чиль взмыл вверх так высоко, что казался не больше крошечного облачка, и следил своими зоркими глазами за покачиванием верхушек деревьев, по которым неслась свита Маугли.

— Сني не уйдут далеко, — прокричал он, — они никогда не исполняют задуманного. Бандар-логи любят новинки. На этот раз, клянусь моими глазами, они взвалили себе слишком мно-

го хлопот на шею, потому что Балу не любит шутить, а Багира может убивать не одних козлят.

Он расправил крылья, поджал ноги и ждал.

Балу и Багира прямо с ума сходили от горя и злости. Багира лазала, как никогда не лазала раньше, но тоненькие веточки ломались под ее тяжестью, и она соскальзывала, набивая полные когти коры.

— Почему ты не предупредил человеческого детеныша? — рычала она на бедного Балу, который, пыхтя, бежал, стараясь догнать обезьян. — Чуть не заколотил его насмерть, а не предупредил.

— Скорее, скорее, мы догоним их! — задыхался Балу.

— Догоним, нечего сказать! Даже раненая корова бежит быстрее тебя. Ах ты, Учитель Законов, детенышей бьешь, а сам в минуту из сил выбился. Остановись и думай. Некогда бегать. Если мы будем слишком близко, они бросят его.

— А-а-а-а! У-у-у-у! Они уронили его! Они устали и бросили его! Разве можно доверяться Бандар-логам! Брось мне мертвую летучую мышь на голову. Пусть я буду есть одни сухие кости. Посади меня в улей к диким пчелам, пусть они меня закусает насмерть, закопай меня вместе с гиеной. О, я самый несчастный из всех медведей! А-а-а-а-а-а! У-у-у-а-а-а-о-о-о-о! О Маугли, Маугли, почему я не сказал тебе ничего о Народе Обезьян! Зачем я не предостерег тебя от Народа Обезьян, вместо того чтобы давать тебе подзатыльники? Может быть, я выбил весь сегодняшний урок из твоей головы? И ты теперь один в Джунглях без Великих Слов.

Балу схватился за голову и выл и катался по земле.

— В конце концов, он повторил мне совершенно правильно все Слова еще очень недавно, — сказала с нетерпением Багира. — Балу, у тебя нет ни памяти, ни уважения к себе. Что бы подумали Джунгли, если бы я, Черная Пантера, вдруг стала бы кататься по земле, как дикобраз Саги, и выть?

— Какое мне дело до Джунглей? Может быть, он уже умер.

— Разве только они убьют его из шалости или из лени сбросят с веток, а я не боюсь за человеческого детеныша. Он умнее и хорошо обучен, да, кроме того, все Джунгли боятся его глаз. Но вот в чем несчастье: он во власти Бандар-логов, а они живут на ветках и поэтому никого из нас не боятся.

Багира задумчиво лизнула свою лапу.

— Ах, я дурак! Ах, я толстый, бурый дурак! — воскликнул Балу и вскочил. — Хатхи, Дикий Слон, правду сказал: «На каждого свой страх», — и Бандар-логи боятся Каа, Горного Питона. Он лазает не хуже их и ворует по ночам молодых обезьян. Их хвосты холодеют при одном его имени. Пойдем к Каа.

— Что же он сделает для нас? Он не из нашего племени, потому что у него нет ног, и потом, у него очень гадкие глаза, — сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитер. Кроме того, он всегда голоден! — воскликнул с надеждой Балу. — Обещай ему несколько коз.

— Он спит целый месяц после еды. Он, может быть, сейчас спит, а если проснулся, то, может быть, он предпочитает сам охотиться за козами.

Багира очень мало знала Каа и поэтому отнеслась недоверчиво к мысли Балу.

— Тогда мы с тобой, старые охотники, убедим его. — Балу потерял своим выцветшим бурым плечом о Пантеру, и они отравились искать Каа, Горного Питона.

Они нашли его греющимся на солнышке. Он любовался своей новой прекрасной кожей. Целые десять дней он провел в уединении, меняя кожу, и теперь он был великолепен, вытягивая свою тупорылую голову и завивая свое тридцатифутовое тело в причудливые изгибы и узлы. Он облизывался, мечтая о предстоящем обеде.

— Он еще не ел, — сказал, вздохнув с облегчением, Балу, увидев его прекрасную пеструю одежду, желтую с коричневыми пятнами. — Будь осторожнее, Багира. Он всегда несколько слепнет после того, как переменит кожу, и всегда готов драться.

Каа не был ядовитой змеей, он даже презирал ядовитых змей, считая их трусами; вся сила Каа заключалась в его объятиях. Кого он обовьет своими громадными кольцами, тому спасения нет.

— Доброй охоты! — сказал Балу, присев на задние лапы.

Каа, как вообще все змеи этой породы, был глуховат и не сразу услышал Балу. Он свернулся и опустил голову в ожидании нападения.

— Доброй охоты нам всем! — ответил он наконец. — А, Балу! Что привело тебя сюда? Доброй охоты, Багира. По крайней мере одному из нас хочется есть. Не видали ли вы дичи

близости? Может, лань или даже козленка? Я пуст, как сухой колодец.

— Мы охотимся, — сказал беззаботно Балу. Он знал, что Каа нельзя торопить: он слишком велик.

— Позвольте мне идти с вами, — сказал Каа, — лишний удар для тебя ничего не значит, Багира, или для тебя, Балу, а я должен караулить целые дни на лесной тропинке, лазить по деревьям целыми ночами в надежде поймать какую-нибудь маленькую обезьянку. Ш-ш-ш! Теперь ветки не те, что были, когда я сам был молод. Ветки стали ломкие, а сучки все поохли.

— Может быть, ты сам потяжелел? — сказал Балу.

— Да, я довольно длинен, — сказал Каа с некоторой гордостью, — но дело не в том; во всем виноват этот молодой лес. Я чуть не упал, когда охотился в последний раз; право, я чуть не упал. Я плохо зацепился хвостом и зашумел, когда катился вниз. Бандар-логи проснулись и надавали мне нехороших прозвищ.

— Безногий желтый земляной червь, — пробормотала Багира, делая вид, что она вспоминает.

— Ш-ш-ш! Неужели они меня *так* называли? — воскликнул Каа.

— Они кричали нам что-то вроде этого в последнюю луну, только мы не замечали их. Они что хочешь скажут, например, что ты потерял все зубы или что ты можешь охотиться только на козлят (ведь у них совершенно нет никакого стыда), потому что ты боишься рогов взрослого козла, — продолжала вкрадчиво Багира.

Змей, особенно такой старый, как Каа, никогда не покажет, что он сердится, но все-таки Балу и Багира видели, как пухнут и надуваются большие мускулы на шее Каа.

— Бандар-логи ушли отсюда, — спокойно сказал он. — Когда я лежал сегодня на солнце, я слышал, как они бежали по деревьям.

— Мы идем за Бандар-логами, — начал было Балу, но слова застряли у него в горле. В первый раз на его памяти представитель Народа Джунглей интересовался делами обезьян.

— Конечно, не пустяки заставляют двух таких охотников, вождей Джунглей, идти по следам Бандар-логов? — вежливо спросил Каа и весь раздулся от любопытства.

— Конечно, — начал Балу, — я только старый и временами очень глупый Учитель Законов детенышей Стаи Сиони, а Багира...

— Есть Багира! — сказала Черная Пантера, щелкнув челюстями, потому что она не любила унижаться. — Дело вот в чем, Каа. Эти воры орехов и обрыватели пальмовых листьев украли нашего человеческого детеныша, о котором ты, вероятно, слышал.

— Я слышал от Саги (благодаря своим колючкам он очень самонадеян) о человеческом существе, которое приняли в волчью Стаю. Но Саги вечно рассказывает разные истории и очень много врет.

— Нет, это верно. Это такой человеческий детеныш, которого еще никогда не было, — сказал Балу, — самый лучший, самый смелый, самый мудрый человеческий детеныш на свете и мой ученик, который прославит имя Балу в Джунглях. Я... мы все любим его, Каа!

— Тс, тс! — сказал Каа, качая головой из стороны в сторону. — Я тоже знал, что такое любовь. Я бы мог порассказать вам...

— Это хорошо слушать в лунную ночь и на сытый желудок, боюсь, что мы не сумеем оценить твой рассказ, — сказала быстро Багира. — Наш человеческий детеныш в руках Бандар-логов, а мы знаем, что из всех Джунглей они боятся только Каа.

— Они боятся одного меня, и не зря, — сказал Каа. — Болтливы, глупы, пусты — пусты, глупы и болтливы, вот как-вы обезьяны. Но человеческому детенышу не поздоровится в их руках. Они устают рвать орехи и начинают бросать их на землю. Иногда целый день возятся с веткой и воображают, что невесть что делают, а потом ломают ее. Нельзя позавидовать человеческому детенышу. А меня они называли желтой рыбой? Так, кажется?

— Червем, червем, земляным червем! — сказала Багира. — Потом еще так, что мне даже стыдно повторить.

— Ну, мы их научим попочтительнее говорить о своем повелителе. А-а-а-а, ш-ш-ш-ш! Надо освежить их слабую память. Но куда же они пошли с детенышем?

— Одни Джунгли ведают это. Я думаю, к западу, — сказал Балу. — Мы думали, ты знаешь, Каа.

♣ — Я? Откуда? Я хватаю их, когда они сами приходят ко мне; я не охочусь ни за Бандар-логами, ни за лягушками, ни за зеленой пеной в лесных лужах. Х-ш-ш-ш!

— Смотри, смотри вверх, вверх смотри, Балу из Стаи Сиони!

Балу посмотрел вверх и увидел Чилия, коршуна, который спускался к ним на своих блестящих на солнце крыльях. Чилию пора было ложиться спать, но он облетел все Джунгли, ища медведя, и наконец увидел его через густую листву.

— Что случилось? — спросил Балу.

— Я видел Маугли среди Бандар-логов. Он велел сказать это вам. Я ждал, следил. Бандар-логи унесли его через реку в обезьяний город, в Холодные Берлоги. Они там останутся на ночь, на десять ночей или на час. Я просил летучих мышей последить за ними ночью. Вот моя весть. Доброй охоты всем вам внизу.

— Полного желудка и глубокого сна тебе, Чиль! Я не забуду о тебе в следующую охоту и оставлю целую голову для тебя одного, лучший из коршунов, — закричала Багира.

— Я тут ни при чем. Совсем ни при чем. Мальчик знает Великие Слова. Я не мог не повиноваться. — И Чиль полетел спать.

— Он не забыл воспользоваться языком, — сказал Балу с гордостью. — Подумай, такой малыш и вспомнил Великие Птичьи Слова даже тогда, когда его несли по деревьям.

— Они хорошо вколочены в него. Но я горжусь им. Теперь мы должны идти в Холодные Берлоги! — И Багира поднялась.

Все знали это место, но никто из Народа Джунглей не ходил туда. Они называли Холодными Берлогами старый заброшенный город, а звери редко поселяются в местах, где раньше жили люди. Дикий кабан еще, пожалуй, забежит туда, а охотничьи племена никогда. Кроме того, там жили обезьяны, насколько они вообще способны жить в одном и том же месте; поэтому ни одно уважающее себя животное не пройдет мимо города, не отвернувшись; разве только засуха заставит пойти к наполовину разрушенным бассейнам, где почти всегда остается вода.

— Полночи быстрой ходьбы, — сказала Багира.

Балу задумался.

— Я буду спешить, как только смогу, — со страхом сказал он.

— Мы не можем ждать тебя, ни я, ни Каа. Иди, Балу, как сможешь, а мы пойдем вперед.

— Хоть я и без ног, а я не отстану от тебя, — коротко сказал Каа.

Балу попробовал идти столь же быстро, как и они, но сел, задыхаясь. Багира оставила его и помчалась со всей быстротой пантеры. Каа ничего не говорил и несся наравне с ней.

Когда они вышли к реке, Багира несколько ушла вперед, потому что она перепрыгнула реку, а Каа переплывал ее, держа голову и два фута шеи над водой, но на суше он опять нагнал ее.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, — сказала Багира, когда спустились сумерки, — ты неплохой ходок.

— Я хочу есть, и, кроме того, они называли меня пестрой лягушкой.

— Червем, земляным червем, да еще желтым.

— Все равно, идем! — И Каа скользил по земле, отыскивая своими подвижными глазами самую короткую дорогу.

Между тем обезьяны в Холодных Берлогах совсем не думали о друзьях Маугли. Они отнесли мальчика к заброшенному городу и были очень довольны собой. Маугли никогда раньше не видел индийского города, и, хотя он лежал весь в развалинах, он показался ему прекрасным. Много лет тому назад какой-то властитель выстроил его на небольшом холме. И теперь еще были видны мостовые, которые вели к разрушенным воротам, где последние остатки дерева висели на старых ржавых петлях. Деревья росли и на стенах, и за ними. Укрепления разрушались и распадались, ползучие растения свешивались из окон башен, спадали громадными гроздьями по стенам.

На холме стоял большой дворец без крыши. Мрамор дворца и фонтанов потрескался, и между красными и зелеными камнями двора, где жили царские слоны, выросла трава и маленькие деревца. С холма были видны длинные ряды домов без крыш, и весь город походил на пчелиные соты с чернеющими ячейками. На площади, на перекрестке четырех дорог, стоял бесформенный камень, некогда бывший идолом; на углах улиц были ямы — прежние колодцы, на развалинах храмов росли дикие фиговые деревья.

Обезьяны называли этот город своим и говорили, что они презирают всех обитателей Джунглей, потому что те живут в лесу. Но все-таки они не знали, как были выстроены здания и, главное, для чего. Они садились в кружок в зале королевского совета, ловили блох и воображали, что они люди; бегали по домам без крыш, собирали кусочки камня, всякий хлам и склады-

вали все это в углы, а потом забывали, куда спрятали; дрались, кричали, бегали толпами, играли на террасах королевского двора, трясли розовые апельсинные деревья, радуясь падающим плодам. Они бегали по всем переходам и коридорам дворца, по всем маленьким темным комнаткам, но никогда не забывали, что они там видели. И так они бродили в одиночку, по двое или целыми толпами, говоря друг другу, что живут совсем как люди. Они пили из водоемов, мутили всю воду, а потом дрались из-за этого, потом кидались толпой и кричали:

— Бандар-логи самый сильный, самый мудрый, самый умный, самый прекрасный народ в Джунглях.

Когда же наконец им надоел город, они опять убежали в лес на вершины деревьев, надеясь, что народы Джунглей обратят на них внимание.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не мог понять их образа жизни. Обезьяны принесли его в Холодные Берлоги поздно вечером, и вместо того чтобы лечь спать, как поступил бы Маугли после такого путешествия, они взялись за руки и стали плясать и петь глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь и объяснила своим товарищам, что плен Маугли начинает новую эру в истории Бандар-логов, потому что Маугли научит их плести ветки для защиты от холода и дождя. Маугли взял несколько ползучих растений и начал плести; обезьяны сейчас же принялись делать то же самое. Но через несколько минут им это уже надоело, и они начали дергать друг друга за хвосты, прыгать и кашлять.

— Я хочу есть! — сказал Маугли. — Я чужой в этой части Джунглей. Дайте мне поесть или позвольте мне здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян побежали за орехами и каштанами для него, но по дороге затеяли драку и ничего ему не принесли. Маугли был зол и голоден, он кричал время от времени Слово Охотника-Чужестранца, но никто не отвечал ему. Маугли почувствовал, что попал в очень гадкое место.

«Все правда, что Балу говорил о Бандар-логах, — подумал он, — у них нет Закона, нет Охотничьего Слова, нет вождя, у них только глупые слова и маленькие, цепкие, воровские руки. И если я умру с голоду, и если меня убьют здесь, — я сам буду виноват. Но я должен попытаться вернуться в мои Джунгли. Балу, наверное, побьет меня, но все же это лучше, чем охотиться за летящими листьями с Бандар-логами».

Но как только он подошел к стенам города, обезьяны утащили его назад, говоря, что он еще не понимает своего счастья. Они щипали его, чтобы он почувствовал наконец благодарность. Он стиснул зубы и молча пошел в сопровождении крикливых обезьян к террасе, построенной рядом с большим водоемом, наполненным дождевой водой. Наполовину разрушенный павильон из белого мрамора стоял посреди террасы; он был выстроен для королей, умерших лет сто тому назад. Купол павильона наполовину обвалился и загородил подземный ход из дворца, по которому королевы проходили в павильон; стены его были из белоснежного резного мрамора, украшенного агатами, сердоликами и яшмой; луна светила сквозь резьбу, и тени ложились на полу, как черная бархатная вышивка. Злой, сонный, голодный Маугли не мог удержаться от смеха, когда Бандар-логи начали в двадцатый раз рассказывать ему, как они велики, мудры, сильны и прекрасны и до чего глупо он поступает, желая оставить их.

— Мы велики, мы свободны, мы прекрасны, мы самый чудесный народ в Джунглях. Мы все говорим это, и это верно! — кричали они. — Слышишь, так расскажи о нас всем Джунглям, чтобы они заметили нас, и мы много поведаем им о нашей доблести.

Маугли не противоречил, и обезьяны сотнями приходили на террасу слушать, как их ораторы прославляли Бандар-логов, и, когда оратор останавливался на минуту, чтобы передохнуть, они все кричали:

— Верно, правильно! Мы говорим то же самое.

Маугли со всем соглашался, отвечал «да» на все, о чем бы его ни спрашивали. Голова его гудела от шума.

«Наверное, шакал Табаки искушал их всех, — подумал он. — Они взбесились. Конечно, это бешенство. Неужели они никогда не спят? Облако закрывает месяц. О, если бы оно было побольше! Я бы попробовал убежать. Но как я устал!»

Два добрых друга Маугли следили из-за стены города за тем же облаком. Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, не хотели рисковать. Обезьяны сражаются только сто против одного, и очень немногие в Джунглях способны вступить в такую борьбу.

— Я пойду к западной стене, — шепнул Каа, — и тихонько сползу по скату вниз. Они не бросятся ко мне на спину, но...

— Я знаю! — сказала Багира. — О, если бы Балу был здесь! Но что делать? Когда луна зайдет за облако, я войду на террасу. У них там идет какой-то совет относительно человеческого детеныша.

— Доброй охоты! — сказал свирепо Каа и направился к западной стене.

Эта стена развалилась позже других, и большому змею было очень трудно пробираться по камням. Облако закрыло луну, и, пока Маугли обдумывал, что ему дальше делать, он услышал на террасе легкие шаги Багиры. Черная Пантера подошла совершенно бесшумно и, не теряя времени, начала бить направо и налево обезьян, которые сидели вокруг Маугли штук по семьдесят, по шестьдесят в ряд... Раздался вопль страха и ужаса. Вдруг, в то время как Багира расправлялась с катавшимися и визжавшими обезьянами, одна из них воскликнула: «Она одна здесь. Убейте ее, убейте!» Толпа кричащих, дерущихся обезьян бросилась на Багиру. Пять или шесть обезьян схватили Маугли, потащили его к стене павильона и бросили в дыру сломанного купола. Мальчик, воспитанный людьми, конечно, расшибся бы насмерть, упав с высоты пятьдесят футов, но Маугли упал так, как его учил падать Балу, и встал на ноги.

— Сиди здесь, — закричали обезьяны, — пока мы не прикончим твоих друзей, а потом мы поиграем с тобой, если только Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

— Мы с вами одной крови, я и вы! — торопливо крикнул Маугли Змеиное Слово. Он слышал шорох, свист вокруг себя и повторил Змеиное Слово еще раз для большей безопасности.

— С-с-с... с-с-с-с! Долой клобуки! — послышалась дюжина тихих голосов (всякая развалина в Индии делается очень скоро убежищем для змей, и старый павильон был густо заселен кобрами). — Стой смиренно, Маленький Брат, а то ты можешь раздавить нас ногами.

Маугли не шевелился; он смотрел в отверстие крыши, прислушивался к бешеной схватке вокруг Багиры, слышал визг, болтовню, удары обезьян и глухой, хриплый кашель Багиры, когда она отбивалась, бросалась, кидалась на своих врагов. Первый раз в жизни Багира сражалась не на живот, а на смерть.

«Балу где-нибудь близко. Багира не пришла бы одна», — подумал Маугли и громко закричал:

— К прудам, Багира! Иди к прудам! Иди и бросься в воду! Беги в воду!

Багира услышала его. Голос Маугли говорил ей, что он жив и здоров, и придал ей новые силы. Она отчаянно пробивала себе путь, вершок за вершком, прямо к водоемам. Вдруг с полуразрушенной стены со стороны Джунглей раздался грозный боевой клич Балу. Старый медведь сделал все, что мог, но он был не в состоянии поспеть раньше.

— Багира! — закричал он. — Я здесь, я иду, я спешу! Ааааууувора! Камни скользят под моими ногами. Погодите же, о подлые, бесчестные Бандар-логи!

Он вскочил на террасу и сейчас же скрылся в волне обезьян; но он встал на задние лапы, вытянул передние, сжал в своих объятиях сколько мог обезьян и потом пошел, равномерно хлопая — бат-бат-бат, — словно человек, который ударяет веслами по воде. По всплеску воды Маугли догадался, что Багира пробилась к прудам, куда обезьяны не могли следовать за ней. Багира лежала, едва переводя дух, высунув из воды голову; вокруг нее на красных ступеньках плясали ряда в три обезьяны, готовые броситься на нее, если она вздумает пойти на помощь к Балу. Тогда Багира подняла голову и в отчаянии крикнула Змеиное Слово, потому что она боялась, что Каа повернул в тыл в последнюю минуту:

— Мы с вами одной крови, я и вы.

Даже Балу, наполовину смятый обезьянами на краю террасы, не мог не засмеяться, услышав, что Черная Пантера просит о помощи.

Каа только что успел пробраться через западную стену, сбросив несколько камней в ров. Он не хотел терять ни одного из преимуществ, что давали ему его вес и его длина, он свертывался и развертывался, желая убедиться, что каждый фут его огромного тела находится в полном порядке. И вот, когда началась битва с Балу, когда обезьяны визжали у пруда вокруг Багиры, когда Манга, Летучая мышь, летала взад и вперед и разносила весть о великой битве в Джунглях, когда даже Хатхи, Дикий Слон, затрубил вдали, когда отовсюду по лесным дорогам полчища Народа Обезьян неслись на помощь к своим товарищам в Холодные Берлоги, когда шум битвы разбудил птиц на целые мили вокруг, Каа пошел прямо, быстро, горя жаждой битвы.

Сила удава заключается в ударах его головы, откинутой назад, которою он разит, используя всю силу и тяжесть своего

туловища. Представьте себе копье, таран и молот, весящий пудов тридцать, управляемый холодным, спокойным рассудком, живущим в его живой рукоятке, и тогда вы поймете, что представляет собой Каа во время борьбы. Питон длиной в четыре-пять футов может сбить с ног человека, если ударит его прямо в грудь, а в Каа было, как вы знаете, тридцать футов. Он направил свой первый удар в самую середину толпы вокруг Балу. Второго удара не понадобилось, обезьяны рассыпались во все стороны с криками: «Каа, Каа! Это Каа! Бегите, бегите!»

Поколения обезьян вырастают в страхе перед Каа, слушая рассказы старших о Каа, ночном воре, который ползает без всякого шума, тише, чем растет мох, который лазает по деревьям и уносит самых больших обезьян, о старом Каа, который может принимать вид сухой ветки или высохшего бревна на дороге и обманывает этим самых мудрых обезьян, пока ветка не схватит их; Каа, вот кого больше всего на свете боятся обезьяны, потому что никто из них не знает предела его мощи, никто не смеет взглянуть ему в глаза, никто не выходил живым из его объятий. И они бежали, захлебываясь от ужаса, к стенам, на крыши домов. Балу облегченно вздохнул. Хотя его мех был гораздо гуще шерсти Багиры, но он все-таки очень пострадал в борьбе.

Каа открыл рот и на первый раз сказал только одно длинное, свистящее слово. Все обезьяны, спешившие на выручку к товарищам в Холодные Берлоги, остановились на месте и так задрожали, что тонкие ветки сгибались и трещали под ними. Обезьяны на стенах, на крышах умолкли. Мертвая тишина воцарилась над городом. Маугли услышал, как Багира отряхивает свои мокрые бока. Вдруг шум поднялся снова — обезьяны карабкались выше на стены, они влезли на шею громадного каменного идола и пронзительно кричали, пробираясь по укреплениям. Маугли заплясал в павильоне, он выглянул через дырочку в резьбе и свистнул по-совиному, чтобы выразить свое удовольствие и свое презрение к Бандар-логам.

— Нужно вытащить человеческого детеныша из этой западни, — сказала Багира, тяжело дыша, — я больше ничего не могу сделать. Давай возьмем человеческого детеныша и уйдем. А то они опять нападут на нас.

— Они не двинутся, пока я не позволю им. Стойте! С-с-с-с-о! — Каа свистнул, и весь город снова замер. — Я не мог

раньше прийти, сестра, но мне кажется, я слышал твой зов? — обратился он к Багире.

— Я... я, вероятно, кричала в битве... — отвечала Багира. — Балу, ты не ранен?

— Может быть, они уже разорвали меня на сотню маленьких медвежат, право, не знаю! — сказал Балу, отряхивая одну за другой лапы. — Уа-уо! Что-то у меня все болит. Каа, я думаю, что мы с Багирой обязаны тебе жизнью.

— Не стоит говорить об этом. А где же человек?

— Здесь, в западне. Я не могу вылезти! — крикнул Маугли. Свод павильона висел над его головой.

— Возьмите его, он пляшет, как Мор, Павлин. Он раздавит наших малюток! — взмолились изнутри кобры.

— Вот, — сказал Каа, смеясь, — у него везде друзья, у этого человечка. Отойди, человек. Прячьтесь, вы, Ядовитый Народ. Я прошибу стену.

Каа внимательно осмотрел стену, нашел трещину в мраморной резьбе, указывавшую на слабое место, сделал два-три легких толчка головой, чтобы измерить расстояние, потом, подняв голову и футов шесть тела от земли, раз пять ударил изо всех сил головой о стену. Мрамор распался на кусочки среди облака пыли. Маугли выскочил через отверстие и бросился к Балу и Багире, обвивая их сильные шеи.

— Ты ранен? — спросил Балу, ласково обнимая его.

— Я устал и хочу есть, но я не ранен. Но что они сделали с вами, братья? На вас кровь!

— Им тоже досталось! — сказала Багира, облизываясь и показывая на кучи мертвых обезьян вокруг пруда и на террасе.

— Ничего, ничего, если только ты здоров, гордость ты моя, лучший из всех лягушат! — бормотал Балу.

— Об этом мы после поговорим, — сказала Багира сухим тоном, которого Маугли ужасно не любил. — Но здесь Каа, которому мы обязаны исходом битвы, а ты — жизнью. Поблагодари его согласно обычаю, Маугли.

Маугли обернулся и увидел голову Каа, качавшуюся почти на одной высоте с ним.

— Так вот он, человек! — сказал Каа. — У него очень мягкая шкура, и он похож на Бандар-логов. Берегись, человек, как бы я случайно не принял тебя в сумерки, когда меняю кожу, за обезьяну.

— Мы с тобой одной крови, ты и я, — отвечал Маугли. — Ты даровал мне жизнь сегодня ночью. И с этого времени, когда ты проголодаешься, моя добыча — твоя добыча, о Каа!

— Спасибо тебе, Маленький Брат, — сказал Каа, и глаза его горели смехом. — Но скажи мне, что может убить такой храбрый охотник? Я спрашиваю для того, чтобы знать, на что мне надеяться.

— Я ничего не убиваю. Я слишком мал, но я могу загнать коз к тем, кто может поймать их. Когда ты будешь голоден, приходи ко мне, и ты увидишь, правду ли я говорю. У меня ловкие руки, — он показал на свои руки, — и если ты когда-нибудь попадешь в западню, я заплачу мой долг и тебе, и Багире, и Балу. Доброй охоты всем вам, мои наставники!

— Хорошо сказано! — проворчал Балу, потому что Маугли действительно хорошо поблагодарил Каа.

Питон на минуту положил свою голову на плечо Маугли.

— Смелое сердце и вежливый язык, — сказал он. — Они далеко поведут тебя в Джунглях, человек. Ну а теперь уходи же скорее вместе с твоими друзьями. Иди и спи. Луна заходит, и тебе вовсе не годится видеть то, что будет дальше.

Луна спускалась за холмы, и ряды трясущихся обезьян, прижимавшихся друг к другу на стенах и на укреплениях, походили на дрожащую оборванную бахрому. Балу пошел пить к пруду, Багира начала приводить в порядок свой мех. В это время Каа скользнул на середину террасы и со звучным скрежетом сжал челюсти. Глаза всех обезьян устремились на него.

— Луна села, — сказал он, — достаточно ли вам светло, чтобы видеть меня?

Легкий стон, словно ветер на вершинах деревьев, донесся со стен:

— Мы видим тебя, о Каа!

— Хорошо. Теперь начнется пляска, Пляска Голода Каа. Сидите и ждите!

Он два или три раза описал большой круг, качая головой направо и налево. Потом он начал свиваться в узлы, петли, восьмерки, треугольники, превращавшиеся в квадраты, в пятиугольники, не спеша, не останавливаясь, не прекращая свою тихую свистящую песнь. Смеркалось. Тьма сгущалась. Наконец тугие кольца и узлы совершенно перестали виднеться в темноте. Слышался только шелест чешуек.

Балу и Багира окаменели; они глухо рычали, шерсть подымалась на их шеях, а Маугли стоял и удивлялся.

— Бандар-логи, — сказал наконец Каа, — можете ли вы шевельнуть рукой без моего приказа? Говорите!

— Мы не можем шевельнуть пальцем без твоего приказа, о Каа!

— Хорошо! Подойдите на шаг ко мне.

Ряды обезьян беспомощно подвинулись вперед. Балу и Багира тоже подошли на шаг вместе с ними.

— Ближе! — свистнул Каа, и все подошли ближе.

Маугли дотронулся до Балу и Багиры, и оба громадных зверя вздрогнули, как будто их пробудили ото сна.

— Держи руку на моем плече, — шепнула Багира. — Держи, не то я должна буду идти туда, идти к Каа. Ааах!

— Да ведь это всего-навсего старый Каа извивается по земле в пыли, — сказал Маугли. — Пойдем!

И все трое скользнули в отверстие стены и скрылись в Джунглях.

— Уф! — сказал Балу, когда они очутились под деревьями. — Никогда не буду иметь никакого дела с Каа! — И он весь содрогнулся.

— Он знает больше нас, — прошептала, дрожа, Багира. — Еще немного, и я сама попала бы в его глотку.

— Многие попадут туда прежде, чем солнце успеет взойти. У него будет сегодня хорошая охота! — пробурчал Балу.

— Но что все это значит? — спросил Маугли, который ничего не знал о притягательной силе глаз Каа. — Я только видел, что змея делала какие-то круги, пока не стемнело. У него, кажется, нос болит. Ха-ха-ха!

— Маугли, — сказала сердито Багира, — у него нос болит из-за тебя, так же как мои уши, бока и лапы, и плечи, и шея Балу; все это болит из-за тебя. Ни Балу, ни Багира несколько дней теперь не будут в состоянии охотиться.

— Ничего, — сказал Балу, — зато наш человеческий детеныш опять с нами.

— Правда, но сколько времени было потрачено на это, сколько получено ран. Вместо того чтобы славно поохотиться, я потеряла половину шерсти и, самое главное, половину славы. Помни, Маугли, я, Черная Пантера, была вынуждена просить о помощи Каа. И Балу, и я, мы, как глупые птички, были

одурачены Пляской Голода. И все это, человеческий детеныш, оттого, что ты играл с Бандар-логами.

— Правда, правда! — сказал печально Маугли. — Я очень гадкий человеческий детеныш, и моему желудку тоже очень скверно.

— Уф! Что гласит Закон Джунглей, Балу?

Балу вовсе не хотел еще мучить Маугли, но он не мог спорить с Законом и пробормотал:

— Раскаяние не заменяет наказания. Но, Багира, ведь он такой маленький!

— Я знаю, но он совершил проступок и должен быть наказан. Маугли, что ты скажешь на это?

— Ничего. Я виноват. И Балу, и ты — ранены. Ты права.

Багира дала ему с полдюжины легких, с точки зрения пантеры, шлепков (они, конечно, вряд ли могли бы разбудить хоть одного из ее собственных детенышей, но для семилетнего мальчика были хорошей поркой, как можете себе представить). Когда наказание кончилось, Маугли чихнул и молча встал.

— Теперь, — сказала Багира, — садись ко мне на спину, мой Маленький Брат, и мы пойдем домой.

Одной из прелестей Закона Джунглей является то, что наказание совершенно искупает преступление. После него не бывает уже никаких придинок.

Маугли положил голову на спину Багиры и заснул так глубоко, что даже не проснулся, когда его уложили дома в пещере.

Путевая песнь Бандар-логов

Быстро в гирлянды воздушные вьемся,
Близко от светлой луны мы несемся.
А не хотите ли весело с нами
Цепкими лазать повсюду руками?
Вы поглядите: наш хвост горделивый
Цепок и ловок и загнут красиво!
Что же, о братья! Пусть вас это злит,
Хвост наш прекрасный у нас все висит!

Здесь мы на ветках летаем висящих,
Думаем мы о победах блестящих,
Подвигах славных. Все мысли так новы;
Все совершить мы в минуту готовы.
Мы за великое примемся дело,
Наши мечтания выполним смело.

Мы позабыли, что нам предстоит!
Что же! Ведь хвост наш у нас все висит!

Все, что услышим от мыши летучей,
Зверя, иль рыбы, иль птицы певучей,
Все, что увидим, услышим, все знаем;
Все мы все вместе сейчас повторяем.
Чудно, прекрасно. Раз и другой!
Наш разговор, словно говор людской!
Люди мы, да! Как прекрасен наш вид!
Что же нам славу никто не кричит?
Пусть их, ведь хвост наш у нас все висит!

«Тигр, Тигр!»

Смелый охотник, кого ты убил?
— Нет, брат, ходить и охотиться сил.
Где же добыча, добыча твоя?
— В Джунглях, брат, ходит добыча моя.
Что же осталось от мощи твоей?
— Сила ушла, брат, из старых когтей.
Стой же, зачем тебе надо бежать?
— Брат, я в пещеру иду умирать.

Когда Маугли оставил пещеру волка после столкновения со Стаей на Скале Совета, он пошел в распахнутые поля, где жили люди, но не хотел оставаться там, потому что это было слишком близко к Джунглям, а он знал, что у него остался не один враг среди Совета. И он побежал к дороге, которая спускалась в долину, и рысцей промчался по ней верст двадцать, пока наконец не пришел в совсем незнакомую местность. Долина переходила в большую равнину, всю усеянную скалами и перерезанную оврагами. На одном конце ее лежала маленькая деревушка, а к другому примыкала чаща Джунглей, которые подходили к самым пастбищам и кончались у них, будто они были здесь обрублены лопатой. На равнине паслись буйволы. Когда мальчики-пастухи увидели Маугли, они с криком убежали, а желтая бродячая собака, которая есть во всякой индийской деревне, громко залаяла. Маугли продолжал идти, потому что был очень голоден; когда он подошел к окрестности де-

ревни, то увидел, что терновый куст, который ставят у входа в деревню в сумерки, уже стоял перед воротами.

— Уф! — сказал он, потому что ему приходилось перелезть не через одну подобную баррикаду в поисках еды. — Как люди боятся Народа Джунглей!

Он сел у ворот, и, когда вышел какой-то человек, он встал и показал на свой рот, давая понять этим, что он хочет есть. Человек посмотрел на него и побежал назад в деревню звать жреца. Жрец был большой толстый человек, в белой одежде, с красным и желтым украшением на лбу. Жрец подошел к воротам, за ним бежали по крайней мере сто человек, которые разговаривали, кричали и рассматривали Маугли.

«Они совсем не умеют себя держать, — подумал Маугли. — Так могут держать себя только серые обезьяны».

Он откинул назад свои длинные волосы и смело посмотрел на толпу.

— Чего же бояться? — сказал жрец. — Посмотрите на эти следы на его руках и ногах. Это укусы волков. Он просто-напросто волчий ребенок, убежавший из Джунглей.

Конечно, играя, волчата часто кусали Маугли сильнее, чем бы хотели, и он весь был покрыт белыми шрамами. Но он был бы последним охотником в мире, если бы назвал такие пустяки укусами, потому что он хорошо знал, что значат настоящие укусы.

— Аре, аре! — воскликнули несколько женщин. — Волчьи укусы! Бедный ребенок! Он красивый мальчик. Глаза у него горят, как огонь. Честное слово, Мессуа, он похож на твоего мальчика, которого унес тигр.

— Покажите мне его! — сказала женщина с тяжелыми медными браслетами на запястьях и лодыжках. Она внимательно осмотрела из-под руки Маугли. — Вряд ли это он, он тоньше, но он очень похож на моего мальчика.

Жрец был очень умен и знал, что Мессуа самая богатая женщина в деревне. Он посмотрел с минуту на небо и торжественно произнес:

— Джунгли взяли, Джунгли дали. Возьми мальчика в свой дом, сестра моя, и не забудь почтить жреца, который видит грядущую жизнь человека.

«Клянусь быком, выкупившим меня, — подумал Маугли, — весь этот разговор очень похож на осмотр детенышей в волчьей Стае. Но хорошо. Если я человек, то я должен быть человеком».

Толпа разошлась, и женщина увела Маугли в свою хижину. Там были красная лакированная кровать, большой глиняный сундук со смешными рисунками, наполненный зерном, дюжина глиняных горшков, изображение индусского божка в маленькой нише; на стене висело настоящее зеркало, такое, как те, что продаются по деревням.

Она дала ему молока и хлеба, потом положила ему руку на голову и посмотрела ему в глаза. Она все еще думала, что это ее сын вернулся из Джунглей, куда утащил его тигр.

— *Нату*, о *Нату*! — говорила она.

Но Маугли не знал этого имени.

— Разве ты не помнишь того дня, когда я купила тебе новые башмаки?

Она тронула его ногу; подошва была тверда, как рог.

— Нет! — печально промолвила она. — Эти ноги никогда не носили башмаков... Но ты похож на моего *Нату* и будешь моим сыном.

Маугли стало не по себе, потому что он никогда не бывал под крышей. Но, осмотрев тростник, из которого она была сплетена, он убедился, что он во всякое время может разобрать ее и уйти, да кроме того, он заметил, что и у окон нет задвижек.

«Что за смысл быть человеком, — подумал он, — если я даже не понимаю человеческого языка? Теперь я так же глуп и нем, как человек, попавший в Джунгли. Я должен научиться говорить, как они».

Недаром Маугли так ловко подражал, пока жил среди волков, крику оленей в Джунглях и хрюканью диких поросят.

Поэтому, как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, он сейчас же в совершенстве подражал ей и еще до сумерек выучил названия многих вещей в хижине.

Маленькое затруднение вышло, когда пришло время спать, потому что Маугли ни за что не хотел лечь ни в чем, похожем на западню для пантер, вроде этой хижины.

— Оставь его, — сказал муж Мессуа, — подумай, ведь он никогда раньше не спал под кровлей. Если он на самом деле послан нам взамен нашего сына, он не убежит.

И Маугли растянулся на высокой свежей траве на краю поля, но, прежде чем он успел закрыть глаза, чей-то мягкий серый нос ткнул его в подбородок.

— Пф! — сказал Серый Брат (это был старший из детенышей Волчицы-Матери). — Плохая награда за двадцать миль

ходьбы. Ты пахнешь дымом и скотом, как все люди. Проснись, братец, я с новостями!

— Все ли здоровы в Джунглях? — спросил Маугли, обнимая его.

— Все, исключая волков, обожженных Красным Цветком. Теперь слушай. Шер-Хан ушел охотиться далеко отсюда и не вернется, пока его шкура не зарастет, потому что ты его очень сильно опалил. Он поклялся, что, когда он возвратится, твои кости будут в Вайнганге.

— Ну, это еще ничего не значит. Я тоже дал маленькое обещание. Но всякая новость всегда приятна. Я устал сегодня, очень устал от массы нового, Серый Брат; но ты приноси мне, пожалуйста, вести.

— Ты не забудешь, что ты — волк? Люди не заставят тебя забыть о нас? — спросил взволнованно Серый Брат.

— Никогда. Я буду всегда любить тебя и всю нашу пещеру, но я также всегда буду помнить, что я был изгнан из Стаи.

— И что ты можешь быть изгнан из другой Стаи. Люди — только люди, Маленький Брат, и их говор похож на болтовню лягушек в прудах. Когда я буду приходить к тебе, я буду ждать в бамбуках на краю поля.

В продолжение трех месяцев после этого разговора Маугли почти не выходил за ограду деревни: он изучал нравы и обычаи людей. Прежде всего ему пришлось надеть одежду вокруг бедер, которая ужасно раздражала его; потом его учили разбираться в деньгах, чего он никак не мог уразуметь, потом его учили пахать, от чего он не видел никакой пользы. Кроме всего этого, деревенские ребяташки дразнили его. К счастью, Закон Джунглей научил его быть сдержанным, потому что в Джунглях жизнь и пища зависят от умения владеть собой, но когда они смеялись над ним, потому что он не хотел играть с ними или запускать змея, или потому, что неверно произносил какое-нибудь слово, — только сознание того, что порядочному охотнику не стоит связываться с детенышами, удерживало его от желания разорвать их на куски. Кроме того, он совершенно не знал своих собственных сил. В Джунглях по сравнению со зверями он был слаб, а в деревне люди говорили, что он силен, как вол. Конечно, он не имел никакого понятия о страхе; поэтому, когда жрец сказал ему, что бог в храме рассердится на него, если он будет есть плоды с его деревьев, Маугли взял

идола, принес его к дому жреца и попросил его разозлить бога, говоря, что будет счастлив побороться с ним. Это был ужасный скандал, но жрец замаял его ценою очень большого количества золота и серебра, которые муж Мессуа дал жрецу, чтобы умиловить бога. Кроме того, Маугли совершенно не мог понять различий, которые создают между тем и иным человеком касты. Когда осел горшечника упал в грязь, Маугли помог ему вытащить животное за хвост и установил на место горшки, которые тот вез на ярмарку в Канивару. Это было весьма непристойно, потому что горшечники принадлежат к очень низкой касте, а осел горшечника, конечно, стоял еще ниже. Когда жрец разбранил его за это, Маугли пообещал посадить его самого на осла. Жрец советовал мужу Мессуа приставить его как можно скорей к работе. И когда староста деревни сказал Маугли, что на другой день он пойдет пасти буйволов, — Маугли был в восторге. В ту ночь, когда он сделался работником, он пошел в кружок, который собирался каждый вечер на каменной площадке, под большим фиговым деревом. Это был деревенский клуб, куда приходили и староста, и сторож, и цирюльник, знавший все деревенские сплетни, и старик Балдео, деревенский охотник, у которого было настоящее тауэровское ружье. Обезьяны садились и беседовали на верхних ветках, а под площадкой была нора, где жила Кобра, которой каждый день ставили блюдечко с молоком, потому что ее считали священной. Старики садились вокруг дерева, вели беседы, курили большие хукки, набитые табаком, и сидели до глубокой ночи. Они рассказывали чудесные истории о богах, людях и духах. Особенно много удивительного рассказывал Балдео о зверях Джунглей, так что глаза у детей, сидевших вне кружка, чуть не вылезали от страха на лоб. Больше всего рассказывалось о зверях, потому что Джунгли были совсем рядом. Сюда заходили иногда олени, дикие кабаны; иногда в сумерки тигр уносил человека чуть ли не из-под самых ворот деревни.

Маугли, который, конечно, знал кое-что о том, что они рассказывали, закрывал себе лицо, чтобы не показать смеха, душившего его, когда Балдео, держа свое ружье между коленями, плел небылицу за небылицей, одна чудеснее другой.

Плечи Маугли дрожали от смеха.

Балдео рассказывал, что тигр, унесший сына Мессуа, был тигр-призрак и что в теле его живет дух одного злого старого ростовщика, умершего несколько лет тому назад.

— И я знаю, что это верно, — говорил он. — Пуран Дас хромал от удара, полученного во время бунта, когда сгорели его книги, а у тигра, про которого я говорю, следы неровные, значит, он хромает.

— Верно, верно, совершенно верно, — говорили седовласые старцы.

— Все эти рассказы — вздор и болтовня, — сказал Маугли, — этот тигр хромает потому, что он родился хромым, и все знают это. Говорить о душе ростовщика в теле животного, у которого даже нет смелости шакала, — похоже на детский лепет.

Балдео замолк на минуту, староста изумленно взглянул на Маугли.

— Ого! И это говорит мальчишка из Джунглей? — сказал Балдео. — Если ты так мудр, отнеси лучше его шкуру в Канивару, — правительство обещало сто рупий за него. А лучше всего — молчи, когда говорят старшие.

Маугли встал и пошел прочь.

— Весь вечер я сидел здесь и слушал, — крикнул он, — и из всего, что Балдео рассказывал о Джунглях, которые здесь рядом, верны рассказа два, не больше. Как же я могу поверить в привидения, в богов, в духов, которых видел только он один?

По обычаю многих индусских деревень, мальчики выгоняют буйволов на пастбища рано утром и загоняют их поздно к ночи. И тот же самый буйвол, который может убить белого человека, позволяет управлять собою детям, едва доходящим ему до носа. Пока мальчики не отходят от стада, они в полной безопасности, потому что даже тигр не смеет напасть на них. Но если кто из них вздумает сорвать цветок или поохотиться за ящерицами, то его легко могут унести дикие звери. На заре Маугли, сидя верхом на Раме, вожак стада, ехал по улицам деревни. Синеватые буйволы с длинными загнутыми рогами и диким взором один за другим выходили из своих стойл и шли за ним. Маугли очень ясно показал другим мальчикам, которые были с ним, что здесь глава — он. Он бил буйволов длинной бамбуковой палкой, велел одному из мальчиков, Камии, пасти коров отдельно и не отходить далеко от стада, пока он пойдет с буйволами дальше.

Пастбища Индии покрыты камнями, оврагами, кустами, между которыми стада совсем не видно. Буйволы направляют-

ся обыкновенно к лужам, к илистым местам, где они часами плещутся или лежат в мокром иле. Маугли погнал их на край равнины, к началу Джунглей. Там он слез с Рамы, пошел к бамбукам и увидел Серого Брата.

— А! — сказал Серый Брат. — Я жду тебя уже несколько дней. Что это, ты будешь пасти скот?

— Приказали, — отвечал Маугли, — я теперь буду пастухом. Расскажи мне о Шер-Хане.

— Он вернулся сюда и все поджидает тебя. Сейчас он опять ушел на некоторое время, потому что здесь стало очень мало дичи. Но он хочет убить тебя.

— Хорошо! — сказал Маугли. — Пока его не будет, либо ты, либо один из четырех братьев сидите на скале, чтобы я мог вас видеть, когда буду выходить из деревни. А когда он вернется, ждите меня в овраге около дакового дерева, посреди равнины. Я совсем не намерен лезть прямо в пасть к Шер-Хану.

Потом Маугли выбрал тенистое местечко, улелся и заснул, а буйволы паслись около него. Нет ничего более располагающего к лени, как пастьба скота в Индии. Скот ходит, ест, спит, опять бродит и даже не мычит. Он только слегка ворчит, а буйволы редко разговаривают, они влезают один за другим в тину, целый день возятся там и залезают так глубоко, что над водой видны только их носы и неподвижные бледно-голубые глаза. От жары кажется, что скалы пляшут на солнце, и пастухи слышат высоко-высоко над головой крик коршуна, всегда одного, никогда двух; и они знают, что, умри кто-нибудь из них или пади корова, этот коршун спустится; другой коршун, за сто верст увидев, что он спустился, последует за ним, а за ним еще и еще, и, прежде чем человек или животное успеет умереть, над головой его будет виться стая голодных коршунов, слетевшихся отовсюду. И пастухи спят, просыпаются, опять засыпают, плетут корзиночки из травы, сажают туда кузнечиков, или поймают двух богомоллов и заставят их драться между собой, или нижут ожерелья из красных и черных орехов, или подстерегают около скалы ящерицу или змею, охотящуюся за лягушкой. Потом они сидят и поют, поют длинные-длинные песни, со странными трелями на конце, и день им кажется длиннее, чем другому человеку целая жизнь. Иногда они делают из ила дворцы с фигурками буйволов, лошадей и людей, вкладывают им камышинки в руки и воображают, что они сами

цари, а это их армия или что они боги, а это их приверженцы. Наступает вечер, дети кричат, буйволы вылезают из густой тины, идут один за другим, и топот их ног по воде раздастся в тишине как пушечные выстрелы. Потом все направляются по потемневшей долине к мерцающим огонькам деревни.

День за днем водил Маугли буйволов на пастбища и каждый день видел Серого Брата мили за полторы в долине, узнавая по этому, что Шер-Хан еще не вернулся, и день за днем лежал он на траве, прислушиваясь ко всякому шороху и вспоминая былые дни в Джунглях. Если бы Шер-Хан остутился своей хромой ногой в Джунглях около Вайнганги, Маугли и это бы услышал в долгое тихое утро.

В один прекрасный день Серого Брата не было на скале. Маугли засмеялся и погнал буйволов к оврагу, где росло даковое дерево, все осыпанное красными цветами. Там сидел, ощетилившись, Серый Брат.

— Он скрывался целый месяц, чтобы подстеречь тебя. Всю последнюю ночь он бегал с Табаки по твоим следам, — сказал волк, едва переводя дух.

Маугли нахмурил брови:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки очень хитер.

— Не бойся! — сказал, облизываясь, Серый Брат. — Я на заре встретил Табаки. Теперь он рассказывает свои новости коршунам, но и мне все рассказал, прежде чем я перешиб ему спину. Шер-Хан думает дождаться тебя сегодня вечером у ворот, именно тебя, и никого другого. Он лежит теперь в большом овраге — пересохшем русле Вайнганги.

— Что, он ел сегодня или охотится натошак? — спросил Маугли. От этого ответа зависела его жизнь и смерть.

— Он убил свинью на заре и пил после еды. Помни, Шер-Хан никогда не может поститься, даже когда готовится к мести.

— Ах, дурак, дурак! Вот детеныш из детенышей, он поел, попил и думает, что я буду ждать, пока он проспится! Теперь скажи: где он лежит? Буйволы не двинутся, если не услышат его, а я не знаю их языка. Можем ли мы повести их так по следу, чтобы они услышали его запах?

— Он поплыл по Вайнганге, чтобы замести следы, — сказал Серый Брат. — Табаки сказал ему, что я все знаю, а то бы он никогда не подумал об этом.

Маугли положил палец в рот и задумался.

— Большой овраг у Вайнганги. Он переходит в долину мили за полторы отсюда. Я могу провести стадо близ Джунглей к началу оврага, но он может убежать через другой конец, надо загородить и там. Серый Брат, можешь ты разделить для меня стадо на две части?

— Я не смогу, но я привел мудрого помощника.

Серый Брат отошел к большой норе, и вдруг из нее высунулась большая серая голова, знакомая Маугли. Горячий воздух сотрясся самым ужасным кличем: охотничьим воем волка Джунглей в полуденный час.

— Акела, Акела! — сказал Маугли, хлопая в ладоши. — Я знал, что ты не забудешь меня. Нам предстоит большое дело. Разрежь стадо пополам, Акела. Пусть буйволицы и буйволята будут в одной стороне, а рабочие буйволы в другой.

Оба волка побежали в середину стада, и оно разделилось на две части. В одной остались буйволицы с детьми; они брыкались так, что, если бы волк подошел поближе к какой-нибудь из них, они затоптали бы его насмерть. В другой половине топтались и фыркали молодые буйволы, и хотя они казались гораздо внушительнее, но были не так опасны, потому что им не приходилось защищать детенышей. Шесть человек не сумели бы так хорошо разделить стадо.

— Что делать дальше? — крикнул Акела. — Они хотят опять соединиться.

Маугли вскочил на спину Рамы.

— Гони буйволов налево, Акела. Серый Брат, удержи пока коров, а потом гони их к началу оврага.

— До каких пор их гнать? — спросил Серый Брат, шелкая зубами.

— Пока склоны оврага не будут настолько высоки, что Шерхан уже не сможет вспрыгнуть на них, — сказал Маугли. — Задержи их там, пока мы не спустимся.

Буйволы, погоняемые Акелой, пошли налево, Серый Брат стал перед буйволицами и погнал их к оврагу.

— Прекрасно! Еще немного — и все будет великолепно. Осторожнее, осторожнее, Акела. Один лишний шаг, и буйволы бросятся на тебя. Ууйя! Это потруднее, чем гонять оленей. Да. Думал ли ты, что они могут так быстро двигаться? — крикнул Маугли.

— О, я охотился за ними в свое время, — отвечал Акела. — Не завернуть ли мне их к Джунглям?

— Да, да, заверни их. Рама рассвирипел. Ах, если бы я мог сказать ему, что мне нужно от него сегодня.

Буйволы повернули, и как раз вовремя; они бросились в чашу. Остальные ластухи, сторожившие скот на расстоянии мили от него, прибежали в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

Но план Маугли был очень прост. Он хотел сделать большой круг, подойти к входу в овраг и загнать Шер-Хана между двумя стадами — буйволов и буйволиц; он знал, что, когда Шер-Хан поест и попьет, он совсем не в состоянии сражаться или карабкаться на стены. Он успокаивал теперь буйволов голосом. Акела вел их с тыла, и ему пришлось только зареветь раз или два для этого. Они их гнали большим кругом, потому что не хотели подойти чересчур близко к Шер-Хану и предупредить его. Наконец Маугли завернул взбешенное стадо на зеленую полянку, которая круто обрывалась в самый овраг. Отсюда была ясно видна через деревья вся долина, но Маугли смотрел на склоны оврага и с облегчением увидел, что они очень круты и что свесившиеся с них вьющиеся растения помешают тигру взобраться на них.

— Дай им учуять его след, Акела! — сказал он. — Они еще не слышат его запаха, дай им учуять его. Нужно закричать Шер-Хану, чтобы он вышел. Он теперь попался.

Он приложил руки ко рту и закричал в овраг, где звук отдался, как в туннеле, и эхо пересбрасывало его от одной скалы к другой.

Лишь долгое время спустя раздался в ответ тягучий, заspanный рев только что проснувшегося сытого тигра.

— Кто зовет? — спросил Шер-Хан, и великолепный павлин с криком вылетел из оврага.

— Я, Маугли! Пора тебе, Похититель домашней скотины, на Скалу Совета. Вниз, вниз, Акела! Гони, гони их вниз! Вниз, Рама!

Стадо остановилось на минуту. Акела закричал во весь свой голос, и буйволы побежали один за другим, грузные и стремительные, как пароход по стремнине, камни и песок осыпались за ними. Раз буйвол побежал, остановить его уже невозможно. Прежде чем они очутились на дне оврага, Рама учуял Шер-Хана и зарвел.

— Га-га! — воскликнул Маугли. — Теперь ты знаешь!

И, подобно валунам во время прилива, понесся поток черных рогов, покрытых пеной морд и дико горящих глаз. Более слабых буйволов отгеснили к краям, к зарослям ползучих растений. Стадо знало, что предстоит им. Перед страшным нападением буйволов не устоит ни один тигр.

Шер-Хан, услышав гром их копыт, вскочил и побежал по оврагу, смотря по сторонам и ища возможности выбраться отсюда; но края оврага были высоки и круты. Отяжелевший, навевшийся, напившийся, он совершенно не был способен к борьбе. Стадо мчалось по луже, которую он только что миновал, пробежав по узенькому бережку, и мычало так, что все ущелье сотрясалось. Маугли слышал ответное мычанье, раздававшееся с другого конца оврага, и видел, как повернул Шер-Хан (тигр знал, что лучше напасть на буйволов, чем на буйволиц с детьми); потом Рама оступился, побежал по чему-то мягкому, и стада столкнулись одно с другим. Столкновение было так сильно, что сбило слабых буйволов с ног. Стадо столкнулось на долине и топталось, фыркало, ревело. Маугли выждал удобного мгновения, соскользнул с шеи Рамы и стал колотить палкой направо и налево.

— Скорее, Акела! Раздели их. Иначе они передерутся между собою. Гони их, Акела! Гей, Рама! Эй, эй, эй, дети мои! Тише, тише, все кончено!

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, хватая буйволов за ноги, и, хотя стадо пыталось опять броситься в овраг, Маугли повернул Раму, и все буйволы пошли за ним.

Шер-Хана нечего было уже трогать. Он был мертв, и коршуны сейчас же начали слетаться к нему.

— Братья, он умер собачьей смертью, — сказал Маугли, нащупывая нож, который всегда носил на шее в чехле, с тех пор как он поселился с людьми. — Но он был трус и никогда бы не стал драться. Его шкура будет очень красива на Скале Совета. Надо скорее приниматься за работу.

Мальчику, выросшему среди людей, никогда бы не удалось одному снять шкуру с десятифутового тигра, но Маугли очень хорошо знал, как шкура прикреплена на звере и как ее снять. Это была трудная работа. Маугли пыхтел, ворчал, возился целый час. Волки сидели, высунув язык, или подходили и тянули шкуру, где он показывал. Вдруг чья-то рука опустилась на его плечо, и он увидел Балдео с ружьем. Дети рассказали в

деревне о бегстве буйволов, Балдео рассердился и отправился проучить Маугли за то, что тот так плохо смотрит за стадом. Волки, увидав человека, сейчас же попрятались.

— Это что за глупости? — сказал сердито Балдео. — Неужели ты думаешь, что сумеешь снять шкуру с тигра? Где это буйволы убили его? Да, это хромой тигр, и он стоит сто рупий. Ну ладно, мы простим тебя, что ты плохо смотрел за стадом, и я, может быть, дам тебе одну рупию, когда получу награду за шкуру в Каниваре.

Он достал огниво и опалил усы Шер-Хана. Многие охотники Индии опаливают усы убитого тигра, чтобы его дух не преследовал их.

«Гм!» — подумал Маугли, снимая кожу с лапы.

— Итак, ты хочешь взять шкуру в Канивару, получить награду и дать мне одну рупию? А я нахожу, что шкура нужна мне самому. Ну-ка, старик, держи огонь подальше.

— Как ты смеешь так говорить с главным охотником деревни! Твое счастье и глупость буйволов помогли тебе убить его. Тигр только что поел, а то бы он ушел за двадцать миль отсюда. Ты даже шкуру-то снять путем не умеешь, а еще смеешь говорить мне, Балдео, чтобы я не обжигал ему усов? Маугли, я не дам тебе ни одной аны из награды, а только высеку тебя. Оставь труп!

— Клянусь быком, выкупившим меня, — воскликнул Маугли, который был в это время занят плечом, — мне некогда болтать целый день с этой старой обезьяной. Сюда, Акела, этот человек надоедает мне!

Балдео, который только что наступил на голову Шер-Хана, оказался сразу лежащим на траве, а над ним стоял серый волк. Маугли же продолжал снимать шкуру, словно он был один в Джунглях.

— Да! — сказал он сквозь зубы. — Ты все-таки прав, Балдео. Ты никогда не дашь мне ни одной аны из награды. Между этим хромым тигром и мною старинная вражда, очень давняя, и я победил.

К чести Балдео можно сказать, что, если бы он в молодые годы встретился с волком в лесу, он бы начал бороться с ним, но волк, повинующийся этому мальчику, у которого свои счеты с тигром, конечно, не простой волк. Это, без сомнения, чары, самое страшное колдовство; и он схватился за амулеты

на шес. Он лежал тихо-тихо, ожидая каждую минуту, что сам Маугли обернется тигром.

— *Махараджа!* Великий господин! — тихо прошептал он наконец.

— Ну! — отозвался Маугли, улыбаясь и не поворачивая головы.

— Я старик. Я не знал, что ты не простой пастух. Позволь мне встать, или твой слуга разорвет меня.

— Иди с миром. Только в другой раз не трогай моей дичи. Пусти его, Акела!

Балдео со всех ног побежал в деревню, со страхом оглядываясь назад, не превратился ли Маугли в какое-нибудь чудовище. Вернувшись в деревню, он рассказал такую историю о чарах и колдуне, что жрец нахмурился.

Маугли продолжал свою работу, и, когда наступили сумерки, он, с помощью волков, совсем стащил громадную полосатую шкуру с тигра.

— Теперь мы должны спрятать ее и увести буйволов домой. Помогите мне, Акела!

Стадо двинулось. Сумерки сгущались; подойдя к самой деревне, Маугли увидал свет, услышал гудение раковин и звуки барабана в храме.

Полдеревни ждало его у ворот.

«Это потому, что я убил Шер-Хана», — подумал он.

Вдруг целый дождь камней посыпался на него.

— Колдун! — кричали люди. — Волчонок! Демон Джунглей! Уходи! Уходи, а то жрец опять превратит тебя в волка. Стреляй, Балдео, стреляй!

Старое ружье выстрелило. Молодой буйвол упал со стоном.

— Колдун! Колдун! — кричали люди. — Он может отвращать пули. Это твой буйвол, Балдео!

— Что такое? — спросил удивленно Маугли, когда град камней еще усилился.

— Твои здешние братья очень похожи на Стаю, — сказал Акела, спокойно садясь. — Мне кажется, если только эти пули что-нибудь означают, что они хотят тебя убить.

— Волк! Волк! Волчонок, уходи! — кричал жрец, махая веткой священного дерева.

— Опять? Тот раз за то, что я человек, теперь за то, что я волк. Пойдем, Акела!

Вдруг женщина — это была Мессуа — подбежала к стаду с криком:

— Сын мой, сын мой! Они говорят, что ты колдун, что ты можешь обращаться в зверя. Я не верю, не верю. Но уходи, или они убьют тебя. Они говорят, что ты волшебник, но я знаю, ты отомстил за смерть Нату.

— Назад, Мессуа! — кричала толпа. — Мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким злым смехом; камень попал ему в лицо.

— Иди назад, Мессуа. Это один из глупых рассказов, вроде тех, что сочиняются под деревом. Я отплатил наконец за смерть твоего сына. Прощай и беги скорей, потому что я сейчас погоню буйволов, а это посильнее их черепков. Я не колдун, Мессуа. Прощай! Ну, Акела, еще разок! — закричал он. — Гони стадо!

Буйволы давно рвались в деревню. Не нужно было и воя Акелы. Они бросились, как ураган, через ворота, раскидывая толпу направо и налево.

— Читайте! — злобно крикнул Маугли. — Может быть, я украл одного из них. Я не буду больше вашим пастухом. Прощайте, человеческие дети, благодарите Мессуа, что я не иду на вас со всеми моими волками и не охочусь за вами на ваших улицах.

Он повернулся и пошел вместе с Одиноким Волком. И когда он посмотрел на звезды, он почувствовал себя счастливым.

— Мне не придется больше спать в западнях, Акела. Возьмем шкуру Шер-Хана и пойдем. Нет, мы не тронем деревни, потому что Мессуа была добра ко мне.

Когда месяц выплыл над долиной и залил ее молочным светом, перепуганные жители деревни увидели Маугли с двумя волками, следовавшими за ним. Он нес на голове сверток и шел быстро, волчьим шагом, пожирая, как огонь, одну милю за другой. Тогда они начали еще громче трубить в свои раковины, Мессуа плакала, а Балдео врал о своих похождениях в Джунглях и в конце концов начал рассказывать, что Акела стоял на задних лапах и говорил как человек.

Луна садилась, когда Маугли и оба волка пришли к холму на Скалу Совета, остановившись сначала у пещеры Волчицы-Матери.

— Они выгнали меня из Человеческой Стаи, мать, — кричал Маугли, — но я сдержал слово, я несу шкуру Шер-Хана.

Волчица-Мать гордо вышла из пещеры со своими детенышами, и ее глаза засверкали при виде шкуры.

— Я сказала ему, когда он просунул свою голову и плечи в пещеру, чтобы увидеть тебя, маленький Лягушонок, я сказала ему тогда, что желающий убить будет убит. Хорошо!

— Хорошо, Маленький Брат! — слышался глухой голос из чащи. — Нам скучно без тебя в Джунглях! — И Багира подошла к босым ногам Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета. Маугли расстелил шкуру на плоском камне, где обыкновенно лежал Акела, и привоздил ее четырьмя бамбуковыми палочками. Акела улегся на шкуру и произнес старый возглас Совета: «Смотрите, смотрите, о волки!» — совсем так, как он кричал, когда сюда в первый раз принесли Маугли.

С самого дня смещения Акелы у Стаи не было вождя, каждый бегал и охотился как хотел. Но по привычке все собрались на зов, некоторые хромали, потому что попали в капканы или получили огнестрельные раны, у других была чесотка от дурной пищи, а многих и совсем не хватало. Все оставшиеся в живых пришли к Скале Совета и увидели на ней шкуру Шер-Хана с огромными когтями на концах громадных болтающихся лап.

— Смотрите, о волки! Сдержал ли я свое слово? — воскликнул Маугли.

И волки залаяли

— Да, да!

А один ободранный волк завыл:

— Правь нами, Акела. Правь нами, о человеческий детеныш, мы устали от беззакония и снова хотим быть Свободным Народом.

— Ну! — промурлыкала Багира. — Этому не бывать! Когда вы будете сыты, вы, может быть, опять взбеситесь, недаром же вас зовут Свободным Народом. Вы добивались свободы и добились ее. Пользуйтесь ею теперь, о волки!

— Волчья Стая и Человеческая Стая изгнали меня, — сказал Маугли. — Теперь я буду один охотиться в Джунглях.

— И мы будем охотиться с тобой, — сказали четыре детеныша.

С этого дня Маугли и четыре детеныша стали одиноко охотиться в Джунглях.

Впрочем, Маугли не всегда оставался один, потому что несколько лет спустя он совсем вырос и женился.

Но это уже будет книга для взрослых.

Песня Маугли,

*которую он пел на Скале Совета,
когда плясал на шкуре Шер-Хана*

Песню о Маугли пою я, Маугли. Пусть Джунгли узнают дела мои. Шер-Хан сказал: он убьет, он убьет у околицы в сумерки Маугли, Лягушонка.

◀ И он ел, и он пил. Пей больше, Шер-Хан, потому что — когда будешь пить ты опять? Спи и во сне мечтай о добыче.

Я один на полях. Серый Брат, приходи ко мне, мне предстоит великая битва. Одинокий Волк, приходи ко мне. Приведи си-некожих буйволов со злыми глазами. Гони их взад и вперед, куда я велю. Ты спишь, Шер-Хан? Проснись, проснись. Я иду на тебя, и буйволы тоже.

Рама, царь буйволов, топает ногой. Воды Вайнганги, куда пошел Шер-Хан?

Он не Саги, чтобы выкопать нору, он не Мор, Павлин, чтобы улететь. Он не Манга, Летучая Мышь, чтобы повиснуть па ветках. Маленький хрустящий бамбук, скажи, куда он пошел?

Оа! Он тут! Аооо! Он здесь! Под ногами Рамы лежит Хромой. Вставай, Шер-Хан! Вставай и рази. Вот мясо. Разбей голову буйволу. Тссс! Он спит! Мы не разбудим его, потому что сила его огромна. Коршуны спускаются. Черные муравьи собираются, чтобы все узнать. В честь тигра большое собрание.

Алла! У меня нет одежды, чтобы завернуться в нее. Коршуны увидят, что я наг. Мне стыдно встречаться со всем этим народом.

Одолжи мне твою шкуру, Шер-Хан. Дай мне твою веселую полосатую шкуру, чтобы я мог идти на Скалу Совета.

Клянусь быком, выкупившим меня, я дал обещание, маленькос обещаньице. Мне не хватает только твоей шкуры, чтобы сдержать слово.

С ножом, с ножом, которым пользуются люди, с ножом охотника я опущусь перед моим даром.

Воды Вайнганги, Шер-Хан дал мне свою шкуру из любви ко мне. Тащи, Серый Брат! Тащи, Акела! Тяжела шкура Шер-Хана.

Стая людей рассердилась. Они бросали камни и лепетали, как дети. Мои уста в крови. Идем, идем.

Ночью, ночью, теплой ночью бегите скорее со мною, мои братья. Мы оставим огни деревни и пойдем к тихому месяцу.

Воды Вайнганги! Людская Стая изгнала меня. Я не принес им зла, но они боялись меня. Почему?

Волки Стаи, вы тоже изгнали меня. Джунгли заперты для меня, и ворота деревни заперты для меня. Почему?

Как Манга, Летучая Мышь, летает между птиц, так я летаю между деревней и Джунглями. Почему?

Я пляшу на шкуре Шер-Хана, но на сердце у меня тяжело. Мои губы разбиты и изранены камнями деревни, но на сердце у меня легко, потому что я возвращаюсь в Джунгли. Почему?

Два чувства борются в груди моей, как змеи весной. Вода течет из моих глаз, и я смеюсь, когда она течет. Почему?

Во мне два Маугли, но шкура Шер-Хана у меня под ногами. Все Джунгли знают, что я убил Шер-Хана. Смотрите, смотрите, о волки.

А-а-а-а! Сердце мое тоскует от вещей, которых я не понимаю.

Белый котик

Усни, мой сыночек: так сладко качаться
Ночную порою в ложбинке волны!
А. месяц все светит, а волны все мчатся,
И снятся, и снятся блаженные сны.

Пучина морская тебя укачает,
Под песню прибоя ты ночью проспишь;
Ни рифы, ни мели в такой колыбели
Тебе не опасны — усни, мой малыш!

Котикова колыбельная

Все, о чем я сейчас расскажу, случилось несколько лет назад в бухте под названием Нововосточная, на северо-восточной оконечности острова Святого Павла, что лежит далеко-далеко в Беринговом море. Историю эту мне поведал Лиммершин — зимний корольек, которого прибило ветром к снастям

© Перевод. И. Комарова, 2004.

парохода, шедшего в Японию. Я взял королька к себе в каюту, обогрел и кормил до тех пор, пока он не набрался сил, чтобы долететь до своего родного острова — того самого острова Святого Павла. Лиммершин престранная птичка, но на его слова можно положиться.

В бухту Нововосточную не заходят без надобности, а из всех обитателей моря постоянную надобность в ней испытывают одни только котики. В летние месяцы сотни тысяч котиков приплывают к острову из холодного серого моря — и немудрено; ведь берег, окаймляющий бухту, как нарочно придуман для котиков и не сравнится ни с каким другим местом в мире.

Старый Секач хорошо это знал. Каждый год, где бы его ни застала весна, он на всех парах — ни дать ни взять торпедный катер — устремлялся к Нововосточной и целый месяц проводил в сражениях, отвоеывая у соседей удобное местечко для своего семейства: на прибрежных скалах, поближе к воде. Секач был огромный серый самец пятнадцати лет от роду; плечи его покрывала густая грива, а зубы были как собачьи клыки — длинные и острые-преострые. Когда он опирался на передние лапы, его туловище поднималось над землей на добрых четыре фута, а весу в нем — если бы кто-нибудь отважился его взвесить — наверняка оказалось бы фунтов семьсот, не меньше. С головы до хвоста он был разукрашен рубцами — отметинами былых боев, но в любую минуту готов был ввязаться в новую драку. Он даже выработал особую боевую тактику: сперва наклонял голову набок, как бы не решаясь взглянуть в глаза противнику, а потом с быстротой молнии вцеплялся мертвой хваткой ему в загривок — и тогда уж его соперник мог рассчитывать только на себя, если хотел спасти свою шкуру.

Однако побежденного Секач никогда не преследовал, ибо это строго-настрого запрещалось Береговыми Законами. Ему нужно было всего-навсего закрепить за собою добытую в боях территорию, но поскольку с приближением лета тем же занимались еще тысяч сорок, а то и пятьдесят его собратьев, то рев, рык, вой и гул на берегу стояли просто ужасающие.

С небольшого холма, который зовется сопкой Гутчинсона, открывался вид на береговую полосу длиною в три с половиной мили, сплошь усеянную дерущимися котиками, а в пене приборя мелькали там и сям головы новоприбывших, которые спешили выбраться на сушу и принять посильное участие в

побище. Они бились в волнах, они бились в песке, они бились на обточенных морем базальтовых скалах, потому что были так же твердолобы и неуступчивы, как люди. Самки не появлялись на острове раньше конца мая или начала июня, опасаясь, как бы их в пылу сражения не разорвали на куски, а молодые двух-, трех- и четырехлетние котики — те, что еще не обзавелись семьями, — торопились пробраться сквозь ряды бойцов подалее в глубь острова и там резвились на песчаных дюнах, не оставляя после себя ни травинки. Такие котики звались холостяками, и собиралось их ежегодно в одной только Нововосточной не меньше двух-трех сотен тысяч.

В один прекрасный весенний день, когда Секач только что победно завершил свой сорок пятый бой, к берегу подплыла его супруга Матка — гибкая и ласковая, с кроткими глазами. Секач ухватил ее за загривок и без церемоний водворил на отвоеванное место, проворчав:

— Вечно опаздываешь! Где это ты пропадала?

Все четыре месяца, что Секач проводил на берегу, он по обычаю котиков не сл ни крошки и потому пребывал в отвратительном настроении. Зная это, Матка не стала ему перечить. Она огляделась вокруг и промурлыкала:

— Как мило, что ты занял наше прошлогоднее место!

— Надо думать! — мрачно отозвался Секач. — Ты только посмотри на меня!

Из бесчисленных ран и царапин у него сочилась кровь, один глаз почти закрылся, а бока были изодраны в клочья.

— Ах, мужчины, мужчины! — вздохнула Матка, обмахиваясь правым задним ластом. — И почему бы вам не договориться между собой по-хорошему? У тебя такой вид, будто ты побывал в зубах у Кита-Касатки!

— Я с середины мая только и делаю, что дерусь. Нынешний год берег забит до неприличия. Местных котиков без счета, да вдобавок не меньше сотни луканнонских, и всем нужно устроиться. Нет чтобы сидеть на своем законном берегу — все лезут сюда.

— По-моему, нам было бы гораздо покойнее и удобнее на Бобровом острове, — заметила Матка. — Чего ради ютиться в такой тесноте?

— Тоже скажешь — Бобровый остров! Что я, холостяк какой-нибудь? Отправься мы туда, так нас засрамят. Нет уж, голубушка, полагается марку держать.

И Секач с достоинством втянул голову в плечи и расположился слегка вздремнуть, хотя ни на секунду не терял боевой готовности.

Теперь, когда все супружеские пары были в сборе, рев котиков разносился на много миль от берега, покрывая самый яростный шторм. По самым скромным подсчетам, там скопилось не меньше миллиона голов — старые самцы и молодые мамыши, сосунки и холостяки. И все это разнокалиберное население дралось, кусалось, верещало, пищало и ползало, то спускалось в море целыми ротами и батальонами, то выкарабкивалось на сушу, заполняло берег, насколько хватал глаз, и повзводно совершало вылазки в туман. Нововосточная постоянно окутана туманом; редко-редко проглянет солнце, и тогда капельки влаги засветятся, как россыпи жемчуга, и все вокруг вспыхнет радужным блеском.

Посреди всей этой сутолоки и родился Котик, сын Матки. Как прочие новорожденные детеныши, он почти целиком состоял из головы и плеч, а глаза у него были светло-голубые и прозрачные, как водичка. Но мать сразу обратила внимание на его необычную шкурку.

— Знаешь, Секач, — сказала она, рассмотрев малыша как следует, — наш сынок будет белый.

— Клянусь сухой морской травой и тухлыми моллюсками! Не бывало еще на свете белых котиков, — фыркнул Секач.

— Что поделаешь, — вздохнула Матка, — не бывало, а теперь будет.

И она запела-замурлыкала тихую песенку, которую все мамы первые полтора месяца поют своим маленьким котикам:

Плавать в море, мой маленький, не торопись:
Головенка потянет на дно.

На песочке резвись
И волны берегись,
Да злодея Кита заодно.

Подрастешь — и не будешь бояться врагов,
Уплывешь от любого шутя;

А покуда терпи
И силенки копи,
Океанских просторов дитя!

Малыш, разумеется, еще не понимал слов. Поначалу он только ползал и перекатывался с боку на бок, держась поближе к матери, но скоро научился не путаться под лапами у взрослых, в особенности когда его папаша затевал с кем-то ссору и на скользких прибрежных камнях разгорался отчаянный бой. Матка надолго уплывала в море добывать пищу и кормила Котика не чаще чем раз в двое суток, но уж тогда он наедался вволю и рос как на дрожжах.

Чуть только Котик немного окреп, он перебрался на сушу подальше от берега и примкнул к многотысячной компании своих ровесников. Они тотчас же подружились: вместе играли, как шенята, наигравшись, засыпали на чистом песке, а после снова принимались за игру. Старые самцы не устаивали их вниманием, молодые держались особняком, и малыши могли резвиться сколько влезет.

Возвратившись с охоты, Матка сразу пробиралась к детской площадке и громко подавала голос — так овца кличет своего ягненка. Дождавшись, покуда Котик заверещит в ответ, она напрямик направлялась к нему, без церемоний врезаясь в толпу сосунков и расшвыривая их направо и налево. На детской площадке могло одновременно находиться до нескольких сот мамаш, которые столь же решительно орудовали передними лапами в поисках своего потомства, так что молодежи приходилось держать ухо востро. Но Матка заранее объяснила Котику: «Если ты не будешь бултыхаться в грязной воде, и не подцепишь чесотку, и не занесешь песок в свежую ссадину, и не вздумаешь плавать, когда на море большие волны, — ты останешься цел и невредим».

Как и маленькие дети, котики от рождения не умеют плавать, но они стараются поскорей научиться. Когда наш Котик впервые отважился ступить в воду, набежавшая волна подхватила его и понесла, и головенка сразу потянула его на дно — в точности как пела ему мама, — а задние лапы затрепыхались в воздухе; и если бы вторая волна не выбросила его на сушу, тут бы ему и конец.

После этой истории он поумнел и стал плескаться и барахтаться в прибрежных лужах, там, где волны только мягко перекатывались через него, и при этом все время глядел в оба — не идет ли, часом, страшная большая волна. За две недели он научился работать лапами, потому что трудился вовсю: нырял,

выныривал, захлебывался, отфыркивался, то выбирался на берег и задремывал на песочке, то снова спускался к воде — пока наконец не почувствовал себя в своей стихии.

И тут — вы можете себе представить, какое веселое время началось для Котика и всех его сверстников! Чего только они не выдумывали: и ныряли под набегавшие мелкие волны; и катались на пенящихся гребнях бурунов, которые выносили их на берег с шумом и плеском; и стояли в воде торчком, опираясь на хвост и почесывая в затылке, как старые заправские пловцы; и играли в салки на скользких камнях, поросших водорослями. Бывало и так, что Котик вдруг замечал скользивший вдоль самого берега острый, похожий на акулий, плавник; и тогда, узнав Кита-Касатку — того самого, что не прочь поохотиться на несмышленных малышей, — наш Котик стрелой летел на сушу, а плавник неторопливо удалялся, будто попал сюда по чистой случайности.

В последних числах октября котики стали покидать остров Святого Павла и уплывать в открытое море. Многие семейства объединялись между собой; битвы за лежки прекратились, и холостякам теперь было раздолье.

— На будущий год, — сказала Котику мать, — и ты вырастешь и станешь холостяком; а пока надо учиться ловить рыбу.

И Котик тоже отправился в плаванье через Тихий океан, и Матка показала ему, как спать на спине, поджав лапы и выставив наружу один только нос. Нет на свете лучше колыбели, чем океанские волны, и Котику спалось на них сладко. В один прекрасный день он ощутил странное беспокойство — кожу его словно подергивало и покалывало, но мать объяснила ему, что у него просто начинает вырабатываться «чутье воды» и что такое покалыванье предвещает плохую погоду: значит, надо поскорее плыть прочь.

— Когда ты еще немножко подрастешь, — сказала она, — ты сам будешь знать, в какую сторону плыть, а пока что плыви за дельфином — Морской Свиньей: уж они-то всегда знают, откуда ветер дует.

Мимо как раз проплывал большой косяк дельфинов, и Котик что было сил пустился за ними вдогонку.

— Как это вы узнаёте, куда плыть? — спросил он, еле переводя дух.

Вожак дельфиньей стаи повел на него белым глазом, нырнул, вынырнул и ответил:

— Я чую непогоду хвостом, молодой человек! Если по хвосту бегут мурашки, это значит, что буря надвигается сзади. Плыви и учись! А если хвост у тебя защекочет к югу от Их Ватера (он подразумевал экватор), то знай, что шторм впереди, и скорей поворачивай. Плыви и учись! А вода здесь мне что-то не нравится!

Это был один из многих-многих уроков, которые получил Котик, а учился он очень прилежно. Мать научила его охотиться на треску и палтуса, подстерегая их на мелких местах, и добывать морского налима из его укромного убежища среди водорослей; научила нырять на большую глубину и подолгу оставаться под водой, обследуя затонувшие корабли; показала, как весело там можно играть, подражая рыбкам: юркнуть в иллюминатор с одного борта и пулей вылететь с другой стороны; научила в грозу, когда молнии раскалывают небо, плясать на гребнях волн и махать в знак приветствия ластами проносящимся над водой тупохвостым альбатросам и фрегатам; научила выскакивать из воды на манер дельфинов, поджав ласты и оттолкнувшись хвостом, и подлетать вверх на три-четыре фута; научила не трогать летучих рыб, потому что они чересчур костлявые, научила на полном ходу, на глубине десяти морских саженей, вырывать из тресковой спинки самый лакомый кусок; и, наконец, научила не задерживаться и не глазеть на проходящие суда, паче всего на шлюпки с гребцами. По прошествии полугода Котик знал о море все, что можно было знать, а чего не знал, того и знать не стоило, и за все это время он ни разу не ступил ластом на твердую землю.

Но в один прекрасный день, когда Котик дремал в теплой воде неподалеку от острова Хуан-Фернандес, его вдруг охватила какая-то неясная истома — на людей нередко так действует весна, — и ему вспомнились славные берега Нововосточной, от которой его отделяло семь тысяч миль; вспомнились ему совместные игры и забавы, пряный запах морской травы, рев и сражения котиков. И в ту же минуту он развернулся и поплыл на север — и плыл, и плыл без усталости, и по пути десятками встречал своих товарищей, и все они плыли в ту же сторону, и все приветствовали его, говоря:

— Здорово, Котик! Мы все теперь холостяки, и мы будем плясать Танец Огня в бурунах Луканнона и кататься по молодой траве. Но откуда у тебя такая шкурка?

Мех у нашего Котика был теперь чисто белый, и втайне он им очень гордился, но замечаний по поводу своей внешности терпеть не мог и потому только повторял:

— Плыдем скорее! Мои косточки истосковались по твердой земле.

И вот наконец все они приплыли к родным берегам и услышали знакомый рев — это их папаши, старые котики, как обычно, дрались в тумане.

В ту же ночь наш Котик вместе с другими годовалыми юнцами отправился плясать Танец Огня. В летние ночи море от Луканнона до Нововосточной светится фосфорическим блеском. Плывущий котик оставляет за собою огненный след, от любого прыжка в воздух взлетает целый сноп голубоватых искр, а волны устраивают у берега настоящий праздничный фейерверк. Наплясавшись, все двинулись в глубь острова, на законную холостяцкую территорию, и катались там всласть по молоденьким росткам дикой пшеницы, и рассказывали друг другу о своих морских похождениях. О Тихом океане они говорили так, как мальчишки говорят о соседнем леске, который они облазили вдоль и поперек, собирая орехи. И если бы кто-нибудь подслушал и запомнил их разговор, он мог бы составить такую подробную морскую карту, какая и не снилась океанографам.

Как-то раз с сопки Гутчинсона скатилась вниз компания холостяков постарше — трех- и четырехлеток.

— Прочь с дороги, молокососы! — заревели они. — Что вы там толкуете о море? Что вы в нем смыслите? Сперва подрастите да доплывите до мыса Горн! Эй ты, недомерок, где это ты раздобыл такую шикарную белую шубу?

— Нигде не раздобыл, — огрызнулся Котик, — сама выросла.

Но только он приготовился налететь на насмешника, как из-за высокой дюны показались двое людей, краснолицых и черноволосых, и Котик, никогда еще не видевший человека, поперхнулся и втянул голову в плечи.

Холостяки подались назад на несколько шагов и уселись, тупо глядя на обоих пришельцев. Между тем один из них был не кто иной, как сам Кирьяк Бутерин, главный добытчик котиков на острове Святого Павла, а второй — его сын Пантелеймон. Они жили в селении неподалеку от котиковых лежбищ и пришли отобрать животных, которых погонят на убой

(потому что котиков гонят, как домашний скот), для того чтобы потом другие люди могли изготовить из их шкур котиковые манто.

— Глянь-ка! — сказал Пантелеймон. — Белый котик!

Кирьяк Бутерин от страха сам побелел — правда, это не легко было заметить под слоем сала и копоти, покрывавшим его плоское лицо: ведь он был алеут, а алеуты не отличаются чистоплотностью. На всякий случай он забормотал молитву.

— Не трожь его, Пантелеймон! Сколько живу, не видывал белого котика. Может, это дух старика Захарова, что потонул прошлый год в большую бурю?

— Избави Бог, я и близко не подойду, — отозвался Пантелеймон. — Не было бы худа! А ну как то и впрямь старик Захаров? Я еще задолжал ему за чайчьи яйца!

— Не гляди на него, — посоветовал Кирьяк. — Отрежь-ка от стада вон тот косячок четырехлеток. Хорошо бы пропустить сотни две, да сегодня первый день, ребята еще руку не набили, для начала будет с них и сотни. Давай!

Пантелеймон затрещал под носом у холостяков самодельной трещоткой из моржовых костей, и животные замерли, пыхтя и отдуваясь. Тогда он двинулся прямо на них, и котики стали отступать, а Кирьяк обошел их с тыла и направил в глубь острова — и все покорно заковыляли наверх, даже не попытались повернуть обратно. Их гнали вперед на глазах у сотен и сотен тысяч их же товарищей, а те продолжали резвиться как ни в чем не бывало.

Белый Котик был единственный, кто кинулся к старшим с вопросами, но никто ему не мог толково ответить — все твердили, что люди всегда вот так приходят и угоняют холостяков неизвестно куда, и длится это полтора-два месяца в году.

— Коли так, то пойдут-ка и я за ними, — объявил наш Котик и пустился во всю прыть догонять косяк. Он так спешил, что глаза у него чуть не вылезли из орбит от напряжения.

— Белый нас догоняет! — закричал Пантелеймон. — Виданное ли дело, чтобы зверь по своей охоте шел на убой?

— Ш-ш! Не оглядывайся, — сказал Кирьяк. — Как пить дать, это Захаров. Не забыть бы сказать попу!

До убойного места было не больше полумили, однако на этот путь ушел добрый час: Кирьяк знал, что если зверей гнать слишком быстро, то они «загорят», как выражаются промыш-

ленники, мех станет вылезать, и на свежеснятых шкурах образуются проплешины. Поэтому процессия двигалась медленно; она миновала першеек Морских Львов, Зимовье Вебстера и наконец добралась до засольного сарая, откуда уже не виден был усеянный котиками берег. Наш Котик по-прежнему шлепал в хвосте, пыхтя и недоумевая. Он решил бы, что здесь уже конец света, когда бы не слышал за собою рев своих сородичей на лежбище, похожий на грохот поезда в туннеле.

Кирьяк уселся на замшелую кочку, вытащил из кармана оловянные часы-луковицу и дал животным остыть полчаса. Так они сидели друг против друга, и Котик слышал, как стучат по земле капли буса, скатываясь с шапки Бутерина. Потом появилось еще десятка с полтора людей, вооруженных дрыгалками — трехфутовыми окованными железом дубинками. Кирьяк указал им зверей, «загоревших» во время отгона или покусанных другими, и люди ударами грубых сапог из моржовой кожи отшвырнули их в сторону; и тогда Кирьяк крикнул: «Поехали!», и люди с дубинками, кто во что горазд, замолотили котиков по голове.

Спустя десять минут все было кончено: на глазах у Котика его товарищей освеживали, вспарывая туши от носа к задним лапам, и на земле выросла груда окровавленных шкур.

Такого Котик вынести уже не мог. Он повернулся и галопом помчался к берегу (котики способны проскакать небольшое расстояние очень быстро), и его недавно только отросшие усы топорщились от ужаса. Добравшись до перешейка Морских Львов, обитатели которого нежились в пене прибоя, он кубарем скатился в воду и принялся раскачиваться в бессильном отчаянии, горько-прегорько всхлипывая.

— Что еще там стряслось? — брюзгливо обратился к нему один из Морских Львов (обыкновенно они держатся особняком и ни во что не вмешиваются).

— *Скучно! Очень скучно!* — пожаловался Котик. — Убивают холостяков! Всех холостяков убивают!

Морской Лев повернул голову в ту сторону, где находились котиковые лежбища.

¹ Курсивом выделены «экзотические» русские слова, которые Киплинг вводит в свой текст, переводя их звучание средствами английской орфографии. По-русски автор называет и персонажей рассказа: Котик, Матка, Секач, Сивуч, Холостяки и др. — *Примеч. пер.*

— Вздор! — пробурчал он. — Твои родичи галдят не меньше прежнего. Ты, верно, видел, как старик Бутерин обработал какой-нибудь косяк? Так он это делает уже почитай лет тридцать.

— Но ведь это ужасно! — сказал Котик, и тут как раз на него накатила волна; однако он сумел удержать равновесие и с помощью ловкого маневра ластами остановился в воде как вкопанный — в трех дюймах от острого края скалы.

— Недурно для одногодка! — одобрительно заметил Морской Лев, умевший оценить хорошего пловца. — Да, ты, пожалуй, прав — приятного тут мало, но ведь вы, котики, сами виноваты. Если вы из года в год упорно возвращаетесь на старые места, люди привыкают смотреть на вас как на свою законную добычу. Видно, вам на роду написано подставлять голову под дубинку — разве что отыщется для вас остров, куда не смогут добраться люди.

— А нет ли где такого острова? — поинтересовался Котик.

— Я двадцать лет без малого охочусь на палтуса, но безлюдных островов не встречал. Впрочем, ты, я вижу, не робкого десятка и очень любишь приставать к старшим с расспросами. Плыви-ка ты на Моржовый остров и разыщи там Сивуча. Может, и услышишь от него что-нибудь дельное. Да погоди, не кидайся ты сразу плыть! Дотуда добрых шесть миль, и на твоём месте, голубчик, я бы сперва вылез на берег и часок соснул.

Котик послушался доброго совета: доплыл до своего берега, вылез на сушу и поспал полчаса, то и дело вздрагивая всей кожей, — такая уж у котиков привычка. Проснувшись, он тут же пустился в путь к Моржовому острову. Так называют небольшой островок, что лежит к северо-востоку от Нововосточной. На его скалистых уступах испокон веку гнездятся чайки, и, кроме птиц да моржей, там никого и нет.

Наш Котик сразу отыскал Сивуча — огромного, уродливого, неповоротливого тихоокеанского моржа с длиннющими клыками, покрытого противными наростами и страшно невоспитанного. Выносить общество Сивуча можно, только когда он спит, а в этот миг он как раз почивал сном праведника, выставив из воды задние лапы.

— Эй! Проснись! — рявкнул Котик что было сил: ему надо было перекричать чаек.

— Ха! Хо! Хм! Что такое? — сонно прохрипел Сивуч и на всякий случай ткнул клыками в бок своего соседа и разбудил его,

а тот разбудил моржа, спавшего рядом, а тот следующего — и так далее, так что вскоре вся моржовая колония проснулась и недоуменно хлопала глазами, но Котика никто не замечал.

— Эге-гей! Вот он я! — крикнул Котик, подсакивая на волнах, как белый мячик.

— Ах, чтоб меня... ободрали! — произнес с расстановкой Сивуч, и все моржи поглядели на Котика — в точности так, как поглядели бы на дерзкого, шумливого мальчишку пожилые завсегдатаи лондонского клуба, расположившиеся в креслах вздремнуть после обеда.

Котику решительно не понравилось выражение, которое употребил Сивуч: слишком живо стояла перед ним картина, с этим связанная. Поэтому он приступил прямо к делу и крикнул:

— Не знаешь ли ты такого места для котиков, где нет людей?

— Ступай поищи, — ответил Сивуч, снова прикрыв глаза. — Плыви своей дорогой. У нас тут дела поважнее.

Тогда наш Котик подпрыгнул высоко в воздух и заорал во всю глотку:

— Слизнеед! Слизнеед!

Он знал, что Сивуч не поймал за всю жизнь ни одной рыбки и кормится водорослями да слизняками-моллюсками, хотя и строит из себя необыкновенно грозную персону. Разумеется, все птицы, сколько их было на острове — и глупыши, и топорки, и говорушки, и чайки-ипатки, и чайки-моевки, и чайки-бургомистры, которых хлебом не корми, только дай понасмешничать, — все до одной тотчас же подхватили этот крик, и, если верить Лиммершину, минут пять на острове стоял такой гам, что даже пушечного выстрела никто бы не услышал. Все пернатое население что было мочи верещало и вопило: «Слизнеед! *Старик!*», а бедняга Сивуч знай кряхтел да ворочался с боку на бок.

— Ну? Теперь скажешь? — еле выдохнул Котик.

— Ступай спроси у Морских Коров, — буркнул Сивуч. — Если они еще плавают в море, они тебе скажут.

— А как я узнаю Морских Коров? Какие они? — спросил Котик, отчаливая от берега.

— Изо всех Жителей Моря они самые мерзкие на вид! — прокричала одна особенно нахальная Чайка-Бургомистр, кружась перед самым носом у Сивуча. — Они еще противнее, чем Сивуч! Еще противнее и еще невоспитаннее! *Стари-и-ик!*

Провожаемый пронзительными воплями чаек, Котик поплыл назад к Нововосточной. Но когда он поделился с сородичами своим намерением отыскать в море остров, где котики могли бы жить в безопасности, то сочувствия он не нашел. Все в один голос твердили ему, что отгон — дело обычное, что так уж исстари повелось и что нечего было соваться на убойную площадку, коль скоро он такой впечатлительный. Правда, тут имелась одна существенная разница: никто из котиков воочию не видел, как бьют ихнего брата. Кроме того, как вы помните, наш Котик был белый.

Старый Секач, прослышав о похождениях сына, заметил:

— Думай-ка лучше о том, чтоб поскорее подрасти, да стать, как твой отец, большим и сильным, да завести семью — и никто тебя пальцем не тронет. Лет через пяток ты отлично сумеешь за себя постоять.

И даже кроткая Матка сказала:

— Ты не сможешь ничего изменить, Котик. Плыви поиграй.

И Котик поплыл в море плясать Танец Огня, но на сердце у него было невесело.

В ту осень он покинул родные берега в числе первых и пустился в дальний путь в одиночку, потому что в его упрямой головенке засела тайная мысль: во что бы то ни стало отыскать Морских Коров, если только они взаправду существуют, и с их помощью найти безлюдный остров, где котики зажили бы в довольстве и покое. И он обшарил весь Тихий океан вдоль и поперек. И пересек его с севера на юг, проплывая до трехсот миль в сутки. На пути с ним было столько приключений, что ни в сказке сказать, ни пером описать: он еле спасся от Гигантской Акулы, ускользнул от Пятнистой Акулы, увильнул от Молот-Рыбы, перевидал всех бороздящих океан бездомных бродяг, болтунов и бездельников, свел знакомство с важными и чинными глубоководными рыбами, побеседовал с пестрыми моллюсками-гребешками, которые кичатся тем, что прочно приросли к морскому дну и сотни лет не двигаются с места; но ни разу он не встретил Морских Коров и нигде не обнаружил острова, который пришелся бы ему по вкусу.

Если берег попадался твердый и удобный и при этом достаточно отлогий, чтобы по нему легко было взбираться, то на горизонте непременно виднелся дымок китобойного судна, на которм топили ворвань, а Котик уже знал, что это значит. На

многих островах он находил следы пребывания своих родичей, истребленных людьми, а Котик знал и то, что, посетив какой-либо берег однажды, люди снова вернутся туда.

Он свел дружбу с одним старым тупохвостым альбатросом, который порекомендовал ему остров Кергелен, где всегда царит тишина и покой; но по пути туда наш Котик попал в ужасную грозу с градом и чуть не расстался с жизнью среди щербатых береговых утесов. Отчаянно борясь с ветром, он все же пробился к острову и увидел, что и на Кергелене жили когда-то котики. И так было со всеми островами, где он побывал.

Лиммершин назвал мне все эти острова, и перечень получился длинный, потому что Котик провел в странствиях целых пять лет, лишь на четыре месяца в году возвращаясь домой, в Нововосточную, где все потешались над ним и над его несуществующими островами. Он побывал на засушливых Галапагосских островах, расположенных на самом экваторе, и чуть не испекся там заживо; он побывал на островах Джорджии, на Оркнейских островах, на островах Зеленого Мыса, на Малом Соловьином острове, на острове Гофа, на острове Буве, на островах Крозе и еще на крохотном безымянном островке южнее мыса Доброй Надежды. И повсюду он слышал от Жителей Моря одну и ту же историю: было время, когда в этих местах водились котики, но люди истребили их всех. Даже когда наш путешественник, возвращаясь с острова Гофа, отклонился от курса на много тысяч миль и добрался до мыса Корриентес, он обнаружил на прибрежных утесах сотни три жалких облезлых котиков, и они рассказали ему, что и сюда нашли дорогу люди.

Тут уж сердце его не выдержало, и он обогнул мыс Горн и решил плыть на север, домой. По пути он сделал остановку на небольшом островке, густо поросшем зелеными деревьями, и там набрел на старого-престарого, доживавшего свой век котика. Наш герой стал ловить для него рыбу и поведал ему все свои горести.

— А теперь, — сказал он напоследок, — я решил вернуться домой, и пускай меня гонят на бойню: мне уже все равно.

— Погоди, не отчаивайся, — посоветовал его новый знакомец. — Я последний из погибшего племени котиков с острова Масафуэра. Давным-давно, когда люди били нас сотнями тысяч, по берегам ходили слухи, что будто бы настанет такой день, когда с севера приплывет белый котик и спасет весь наш на-

род. Я стар и не доживу до этого дня, но, может быть, его дождутся другие. Попытайся еще разок!

Котик гордо закрутил свои усы (а усы у него выросли роскошные) и сказал:

— На целом свете есть только один белый котик — это я; и я единственный котик на свете, не важно — белый или черный, который придумал, что надо отыскать новый остров.

Произнеся это, он опять ощутил прилив сил; но когда он добрался до дому, мать стала упрашивать его нынче же летом жениться и обзавестись семейством: ведь Котик был уже не холостяк, а самый настоящий секач. Он отрастил густую, волнистую белую гриву и с виду был такой же грузный, мощный и свирепый, как и его отец.

— Позволь мне повременить еще год, — упорствовал Котик. — Мне тогда исполнится семь, а ты ведь знаешь, что семь — число особое: недаром седьмая волна дальше всех выплескивает на берег.

По странному совпадению, среди знакомых Котика нашлась одна молодая особа, которая тоже решила годик повременить до замужества; и Котик плясал с ней Танец Огня у берегов Луканнона в ночь перед тем, как отправиться в свое последнее путешествие.

На сей раз он поплыл в западном направлении, преследуя большой косяк палтуса, поскольку теперь ему требовалось не менее ста фунтов рыбы в день, чтобы сохранить кондицию. Котик охотился, пока не устал, а потом свернулся и улегся спать, покачиваясь в ложбинках волн, омывающих остров Медный. Окрестности он знал назубок; поэтому, когда его вынесло на мель и мягко стукнуло о водоросли на дне, он тут же проснулся, пробурчал: «Гм-гм, прилив сегодня сильный!», перевернулся на другой бок, открыл под водой глаза и сладко потянулся. Но тут же он, как кошка, подскочил кверху, и сон у него как рукой сняло, потому что совсем рядом, на отмели, в густых водорослях паслись и громко чавкали какие-то несусветные создания.

— Бур-р-руны Магеллана! — буркнул Котик себе в усы. — Это еще кто такие, кит их побери!

Создания и впрямь имели престранный вид и не были похожи ни на кита, ни на акулу, ни на моржа, ни на тюленя, ни на белуху, ни на нерпу, ни на ската, ни на спрута, ни на кара-

катицу. У них было верстенообразное туловище, футов двадцать или тридцать в длину, а вместо задних ластов — плоский хвост, ни дать ни взять лопата из мокрой кожи. Голова у них была самой неслепой формы, какую только можно вообразить, а когда они отрывались от еды, то начинали раскачиваться на хвосте, церемонно раскланиваясь на все стороны и помахивая передними ластами, как толстяк в ресторане, подзывающий официанта.

— Гм-гм! — произнес Котик. — Хороша ли охота, почтеннейшие?

Вместо ответа загадочные существа продолжали помахивать ластами и кланяться, точь-в-точь как дурацкий Лакей-Лягушка из «Алисы в Стране Чудес». Когда они опять принялись за еду, Котик увидел, что верхняя губа у них раздвояна: обе половинки то расходились в стороны на целый фут, то вновь сдвигались, захватив здоровенный пук водорослей, который затем торжественно отправлялся в рот и с шумом пережевывался.

— Неопрятно вы как-то едите, господа, — заметил Котик и, слегка раздосадованный тем, что его слова остались без внимания, продолжал: — Ладно, ладно, если у вас в передних лапах есть лишний сустав, нечего этим так уж козырять. Кланяться-то вы умеете, но я хотел бы знать, как вас зовут.

Раздвоенные губы шевелились и подергивались, зеленоватые стеклянные глаза в упор глядели на Котика, но ответа он по-прежнему не получал.

— Вот что я вам скажу! — в сердцах объявил Котик. — Из всех Жителей Моря вы самые мерзкие на вид! Вы еще хуже Сивуча! И еще невоспитаннее!

И вдруг его осенило — он вспомнил, что прокричала тогда Чайка-Бургомистр на Моржовом острове, и понял, что наконец нашел Морских Коров.

Пока они паслись на дне, сопя и чавкая, Котик подплыл поближе и принялся засыпать их вопросами на всех известных ему морских наречиях. Обитатели морей, как и люди, говорят на разных языках, а Котик за время своих странствий изрядно понаторел в этом деле. Но Морские Коровы молчали по одной простой причине: они лишены дара речи. У них только шесть шейных позвонков взамен положенных семи, и бывалые морские жители уверяют, что именно поэтому они не способны переговариваться даже между собой. Зато у них в передних ла-

стах, как вы уже знаете, имеется лишний сустав, и благодаря его подвижности Морские Коровы могут обмениваться знаками, напоминаящими сигнализацию флажками, которая принята на кораблях.

Бедняга Котик бился с ними до самого рассвета, покуда грива у него не встала дыбом, а терпенье не лопнуло, как скорлупа рака-отшельника. Но к утру Морские Коровы потихоньку двинулись в путь, держа курс на север. То и дело они останавливались и принимались раскланиваться, как бы молчаливо совещаясь, потом плыли дальше, и Котик плыл за ними. Про себя он рассудил так: «Если эти бессмысленные твари смогли уцелеть в океане, если их не перебили всех до единой — значит, они нашли себе какое-то надежное прибежище, а что годится для Морских Коров, сгодится и для котиков. Только плыли бы они чуть побыстрее!»

Нелегко приходилось Котику: стадо Морских Коров проплывало всего миль сорок — пятьдесят в сутки, на ночь останавливалось кормиться и все время держалось близко к берегу. Котик прямо из кожи вон лез — он плавал вокруг них, плавал над ними, плавал под ними, но расшевелить их никак не удавалось. По мере продвижения к северу они все чаще останавливались для своих безмолвных совещаний, и Котик чуть было не отгрыз себе усы от досады, но вовремя заметил, что плывут они не наобум, а придерживаются теплого течения, — и тут он впервые проникся к ним известным уважением.

Однажды ночью они вдруг стали резко погружаться, словно пущенные ко дну камни, и поплыли с неожиданной быстротой. Изумленный Котик кинулся их догонять — до сих пор ему и в голову не приходило, что Морские Коровы способны развить такую скорость. Они подплыли к подводной гряде скал, перегораживавшей дно на подходе к берегу, и стали одна за другой нырять в черное отверстие у подножья гряды, на глубине двадцати саженей. Нырнув вслед за ними, Котик очутился в темном подводном туннеле — и плыл, и плыл так долго, что стал уже задыхаться, но тут как раз туннель кончился, и Котик, словно пробка, выскочил на поверхность.

— Клянусь гривой! — вымолвил он, глотнув свежего воздуха и отфыркиваясь. — Стоило попотеть, чтобы сюда попасть!

Морские Коровы расплылись в разные стороны и теперь толклись, лениво пощипывая водоросли, у острова такой кра-

соты, каких Котик и во сне не видел. На много миль вдоль берега тянулись гладкие, плоские каменные террасы, как нарочно созданные для котиковых лежищ; за ними в глубь суши полого поднимались песчаные укатанные пляжи, на которых могли резвиться малыши. Здесь было все, чего только можно пожелать: волны, чтобы плясать на них, высокая трава, чтобы нежиться, дюны, чтобы влезать на них и скатываться вниз. И самое главное — Котик понял благодаря особому чутью, которое никогда не обманет истинного секача, что в этих водах еще не бывал человек.

Первым делом Котик удостоверился, что по части рыбы здесь тоже все в порядке, а потом не торопясь обследовал береговую линию и пересчитал все восхитительные островки, наполовину скрытые живописно клубящимся туманом. С севера, со стороны моря, тянулась цепь песчаных и каменистых отмелей — надежная защита от кораблей: ни одно судно не смогло бы подойти к островам ближе чем на шесть миль. От суши архипелаг отделялся глубоким проливом; на противоположном берегу высились неприступные отвесные скалы, а под водою, у подножья этих скал, был вход в туннель.

— Ну прямо как у нас дома, только в десять раз лучше, — сказал Котик. — Видно, Морские Коровы умнее, чем я думал. Люди — даже если бы они сюда явились — по таким скалам спуститься не смогут, а любой корабль на этих замечательных мелях в два счета разлетится в щепки. Да, если есть в океане безопасное место, то оно тут и нигде больше!

И Котику вдруг вспомнилась его невеста, и ему захотелось поскорее вернуться к родным берегам. Но перед тем как пуститься в обратный путь, он еще раз старательно обследовал новые места, чтобы дома рассказать о них во всех подробностях.

Потом он нырнул, отыскал и хорошенько запомнил вход в туннель и что было сил поплыл на юг. Опасаться было нечего: о существовании тайного подводного хода никто на свете ни за что не догадался бы. Котик и сам, вынырнув с противоположной стороны и оглянувшись, едва мог поверить, что проплыл под этими грозными скалами.

До Нововосточной он добирался целых шесть суток, хотя и очень спешил, и первая, кого он увидел, выйдя на сушу у перешейка Морских Львов, была его невеста, которая ждала его,

как обещала. И в его глазах она сразу прочла, что он нашел наконец свой остров.

Но когда он рассказал братьям о своем открытии, то и холостяки, и его папаша Секач, да и все остальные котики принялись потешаться над ним, а один из его сверстников объявил:

— Слушать тебя любопытно, Котик, но, право, нельзя же так — свалиться как снег на голову и велеть нам собираться неизвестно куда. Не забывай, что мы тут кровь проливали, добывая себе лежки, покуда ты без забот и хлопот разгуливал по морям. Ты ведь никогда еще не дрался!

И все опять стали смеяться над Котиком, а говоривший вздернул голову и самодовольно покачал ею из стороны в сторону. Он как раз недавно женился и поэтому ужасно важничал.

— Верно, я не дрался, и драться мне пока незачем, — ответил Котик. — Я просто хочу увести вас туда, где вы все сможете жить в безопасности. Что толку в вечных драках?

— Ну, само собой, коли ты против драк, то я молчу, — сказал молодожен с нехорошим смешком.

— А поплывешь ты за мной, если я тебя побью? — спросил Котик, и глаза его зажглись зеленым блеском, потому что самая мысль о драке была ему ненавистна.

— Идет, — беспечно согласился молодожен. — Если твоя возьмет — так тому и быть!

Не успел он договорить, как наш Котик ринулся на него и вонзил клыки в его жирный загривок. Потом он поднатужился, проволоч своего обидчика по песку, хорошенько встряхнул и швырнул оземь. После этого он проревел во всеулышанье:

— Я пять лет подряд бороздил моря для вашей же пользы! Я нашел остров, где вам будет покойно, но добром вас не убедить. Вас надо учить по-другому. Так берегитесь!

Лиммершин говорил мне, что за всю свою жизнь, — а он ежегодно наблюдает не меньше десяти тысяч сражений, — что за всю свою птичью жизнь он не видел подобного зрелища. Котик кинулся в бой очертя голову. Он напал на самого крупного секача, который ему подвернулся, схватил его за горло и колотил и молотил до тех пор, пока тот, полузадушенный, не запросил пощады; тогда он отшвырнул его прочь и принялся за следующего. Ведь наш Котик не соблюдал ежегодного летнего поста, как другие секачи; далекие морские экспедиции помогли ему сохранить отличную спортивную форму, а самос

главное — он дрался первый раз в жизни. Его роскошная белая грива ошестинилась от ярости, глаза горели, клыки сверкали — словом, он был великолепен.

Старый Сскач, его отец, некоторое время следил за тем, как Котик в пылу борьбы подбрасывает в воздух солидных седых самцов, словно рыбешек, и раскидывает холостяков направо и налево, и наконец не выдержал и заревел что было мочи:

— Он, может быть, безумец, но он лучший боец на свете! Не тронь своего отца, сын мой! Я с тобой!

Котик издал ответный боевой клич, и старый Сскач пришел ему на помощь; усы его топорщились, он пыхтел, как паровоз, а Матка и невеста Котика притаились в укромном местечке и любовались подвигами своих повелителей. Славное было сражение! Они бились до тех пор, пока на берегу не осталось ни единого котика, который отважился бы поднять голову. И тогда отец и сын величественно прошлись взад и вперед по полю брани, оглашая пляж победным ревом.

Ночью, когда сквозь туман прорывались отблески северного сияния, Котик взобрался на голую скалу и окинул взглядом разоренные лежки и своих израненных, окровавленных родичей.

— Надеюсь, — сказал он, — мой урок пойдет вам на пользу.

— Клянусь гривой! — отозвался старый Сскач, с трудом распрямляя спину, потому что и ему крепко досталось за день. — Сам Кит-Касатка не мог бы их лучше отделать! Сын, я горжусь тобой, и скажу тебе больше — я поплыву за тобой на твой остров, если, конечно, он существует.

— Эй вы, жирные морские свиньи! Кто согласен плыть за мной к туннелю Морских Коров? Отвечайте, а то я опять прирмусь за вас! — загремел Котик.

По берегу пронесся ропот, еле слышный, как плеск прилива.

— Мы, мы, — выдохнули тысячи усталых голосов. — Мы согласны плыть за тобой, Белый Котик.

И Котик втянул голову в плечи и удовлетворенно прикрыл глаза. Он, правда, был теперь не белый, а красный, потому что был изранен от головы до хвоста. Но бойцовская гордость не позволяла ему ни считать, ни зализывать раны.

Неделю спустя во главе первой армии переселенцев (около десятка тысяч холостяков и старых самцов) Котик отплыл к туннелю Морских Коров, а те, кто предпочел остаться дома, честили их безмозглыми болванами. Но по весне, когда земля-

ки свиделись на тихоокеанских рыбных банках, первые переселенцы нарасказали столько чудес о своих островах, что все больше и больше котиков стало покидать Нововосточную.

Разумеется, дело это было не быстрое, потому что котики от природы тугодумы и подолгу взвешивают разные «за» и «против». Но с каждым годом все больше их уплывало с берегов Нововосточной, Луканнона и соседних лежбищ и переселялось на счастливые, надежно защищенные острова. Там и сейчас проводит лето наш Белый Котик: он все растет, жиреет и набирается сил, а вокруг него резвятся холостяки и плещет море, не знающее человека.

Луканнон

Эту торжественную и печальную песню поют все котики с острова Святого Павла, направляясь к своим родным берегам. Она заменяет котикам национальный гимн.

Я видел братьев утром (ох, как же стар я стал!) —
В заливе, где о берег дробится пенный вал;
Я голос братьев слышал, вступающий с ветром в спор:
На пляжах Луканнона звучал миллионный хор.

Он пел о мирных лежках на скалах у лагун,
О холостяцких играх на мягких склонах дюн
И о полночных плясках среди огненных зыбей —
Тогда наш мирный берег еще не знал людей...

Я утром братьев видел (боюсь, в последний раз);
Казался черным берег — так много было нас,
И секачи спешили добыть себе невест,
И рев их разносился на много миль окрест.

О, берег Луканнона, туманный и сырой!
Просторные площадки, поросшие травой!
Лишайник на утесах, блаженство летних дрем!
О, берег Луканнона, ты наш родимый дом!

Я утром видел братьев — избитых, чуть живых.
Что сделали мы людям? Куда бежать от них?
Нас море не укроет и суша не спасет —
Мы кончим век на бойне, как бессловесный скот.

Лети, крылатый странник, на юг, на юг лети
И всем о нашем горе поведай по пути:
Скажи, что злые люди нас губят без стыда
И скоро опустеет наш берег навсегда.

Рикки-Тикки-Тави

Ждал у лаза как-то раз
Кожу-В-Складках Красный-Глаз.
Красный-Глаз воскликнул так:
«Эй, спляши со смертью, Наг!»
Тело к телу, к пасти пасть
(Ну, смелее, Наг!).
Суждено тебе пропасть
(Веселее, Наг!).
Кто кого? Вопрос решен
(Обманулся, Наг!).
Не поможет капюшон.
(Промахнулся, Наг!)¹

Это рассказ о великой войне, которую вел в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в поселке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогал ему, и Чучундра, мускусная крыса — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а все крадется у самой стены, — давала ему советы. Но понастоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст. И хвост, и мех были у него как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, все равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щетку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был «рикки-тикки-тикки-чк!».

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался, как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и там он держал-

© Перевод. К. Чуковский, наследники, 2004.

¹ Перевод М. Яснова.

ся, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припеке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мертвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет, — сказала мальчику мать, — возьмем-ка его и обсушим. Может быть, он еще живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мертвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогреть у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь, — сказал Большой Человек, — не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разузнай и Разунохай», — начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал кругом стола, сел на задние лапки, привел свою шерстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди, — сказал Большой Человек. — Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать. — И это называется дикий зверек! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие, — сказал ее муж. — Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шерстку, чтобы высушить ее до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случилось разведать столько. Останусь тут и разведу все как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тот-

час же после этого обжег себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени — посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улегся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чем дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это, — сказала Теддина мать. — Что, если он укусит ребенка?

— Не бойся, — сказал отец, — эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползет змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Тедином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нем огромные — каждый куст как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы. Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохие места для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щетка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной, и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух большущих листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи. — Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и *Наг* проглотил его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой *Наг*?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы из-под куста послышалось негромкое шипение — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы все выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной черной кобры, — так был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землей, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чем бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мертвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что, если в саду появились мангусты, значит, и ему, и всему змеиному роду скоро придет конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив ее набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она

оттого и шипела, что Рикки ускользнул от нее. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и, будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить ее спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул ее, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъяренной и раненой.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил свое гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся все краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгуренок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чем.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтешь, будто ужаленный змеей мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он еще молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь в пыли, и тоненький голосок произнес: «Берегись! Я — Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у нее

такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает ее, и таким образом она приносит людям больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, нервной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что даст вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был еще опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьется в нее сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чем не раздумывал — он шел и раскачивался взад и вперед, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было ее укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить ее со спины, ему пришлось перекувыркнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

— Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок — дальше, чем нужно, и Рикки-Тикки вскочил на нее и впился зубами чуть пониже ее головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть ее; начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что, если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошел прочь и стал кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мертвую.

«К чему это? — думал Рикки. — Ведь я уже прикончил ее».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо с пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас ее сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так

ласкают его? Бедь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыркаться в пыли, — одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо, но глаза у него то и дело краснели и он испускал свой воинственный клич: «Рикки-тикки-тикки-чк!»

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укунить, ни оцарапать его, но, чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошел путешествовать по дому.

В потемках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и ноет всю ночь и все хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у нее никогда не хватает.

— Не губи меня, Рикки-Тикки! — закричала она и чуть не заплакала.

— Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! — презрительно ответил Рикки-Тикки.

— Убивающий змею от змеи и погибнет! — еще печальнее сказала Чучундра. — И кто знает, не убьет ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я — это ты...

— Ну, этого он никогда не подумает! — сказал Рикки-Тикки. — К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

— Моя двоюродная сестра, крыса Чуа, говорила мне... — начала Чучундра и смолкла.

— Что же она говорила?

— Тсс... Наг вездесущий — он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

— Но я ее не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать.

Плакала она долго, слезы текли у нее по усам.

— Я такая несчастная! — рыдала она. — У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тсс! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но ему показалось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное «ш-ш-ш», как будто по стеклу прошла оса. Это шурушала змеиная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! — решил он. — Кто-то из них ползет по водосточному желобу в ванную...»

— Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказалось никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Тединой матери. Там в оштукатуренной гладкой стене у самого пола был вынут кирпич для водосточного желоба, и, когда Рикки пробирался по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услышал, как за стеной в лунном сиянии шепчутся Наг и Нагайна.

— Если в доме не станет людей, — говорила Нагайна мужу, — он тоже уйдет оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ^{Наг} убить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоем прикончим Рикки-Тикки.

— Но будет ли нам хоть малейшая польза, что мы убьем их?

— Еще бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Покуда в доме никто не живет, мы с тобой цари всего сада: ты царь, я царица. И не забудь, что, когда на дынной гряде вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

— Об этом я и не подумал, — сказал Наг, — хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдет отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстие просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешен, но все же пришел к ужас, когда увидел, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас, — соображал Рикки-Тикки, — об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же в открытом месте мне очень невыгодно. Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьет воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

— Чудесно! — сказал Наг, утолив жажду. — У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нем и сейчас. Но когда нынче утром он придет сюда умываться, он будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня?.. Я подожду его здесь в холодке до рассвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину — мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него все еще хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться — о Рикки!»

Он поглядел, какая толстая шея у Нага, — нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту — только раззадорить врага.

«Остается голова! — решил он. — Голова над самым капюшонном. И уж если вцепиться в нее, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлете; прокусив ее зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило и брякнуло оземь и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх, и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мильницы, щетки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти все крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить ее, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шерстку. Это Боль-

шой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьем, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал, не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мертвым.

Но змеинная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

— Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас — и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень белым лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только так показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы заоченел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут еще эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змееныши... Черт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал веселую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

— Ах ты, глупый пучок перьев! — сказал Рикки-Тикки сердито. — Разве теперь время для песен?

— Умер, умер, умер Наг! — заливался Дарзи. — Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принес палку, которая делает бам, и перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирять моих деток!

— Все это так, — сказал Рикки-Тикки. — Но где же Нагайна? — И он внимательно огляделся вокруг.

А Дарзи продолжал заливаться:

Нагайна пришла к водосточной трубе,
И кликнула Нага Нагайна к себе,
Но сторож взял Нага на палку
И выбросил Нага на свалку.
Славься же, славься, великий
Красноглазый герой Рикки-Тикки!..

И Дарзи снова повторил победную песню.

— Достать бы мне до твоего гнезда, я бы вышвырнул оттуда всех птенцов! — закричал Рикки-Тикки. — Или ты не знаешь, что все в свое время? Тебе хорошо распевать наверху, а мне здесь внизу не до песен: нужно снова идти воевать! Перестань же петь хоть на минуту.

— Хорошо, я готов замолчать для тебя — для героя, для прекрасного Рикки! Что угодно Победителю Свирепого Нага?

— В третий раз тебя спрашиваю: где Нагайна?

— Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Велик белозубый Рикки!..

— Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

— У самого края, на дынной грядке, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

— И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором у самого края?

— Рикки-Тикки не пойдет же глотать эти яйца!

— Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сделай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной грядке, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благородно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яйцо кобры — это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала егозить в двух шагах от Нагайны и при этом горько кричала:

— Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она еще отчаяннее захлопала крыльями.

Нагайна подняла голову и зашипела:

— Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Рикки-Тикки-чк-чк!
— Мальчишка перебил его камнем! — продолж Тсбе недолго
жена Дарзи.

— Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, яйцо лежит
да ты умрешь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему...
Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной
куче, но еще до заката мальчишка, живущий в доме, тоже будет
лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убе-
жать? Все равно от меня не уйдешь! Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что этого-то ей и не следует
делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть
здесь в глаза, как на птицу с перепагу нападает столбняк и она
не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно
попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землей она
не вспорхнула ни разу, а Чагайна мчалась за ней все быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садо-
вой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у
самого забора. Там в разопрелой земле, покрывающей дыни,
он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припря-
танных, — каждое такой величины, как яйцо бантамки, только
вместо скорлупы они покрыты белесой кожурой.

— Еще день, и было бы поздно! — сказал Рикки-Тикки,
так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись,
крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из
яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принялся
быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при
этом головки змеенышей, и в то же время не забывал раскапы-
вать гряду то там, то здесь, чтобы не пропустить какого-нибудь
яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихи-
кать от радости, когда жена Дарзи закричала ему:

— Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна по-
ползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рикки-Тикки надкусил еще два яйца, а третье взял в зубы
и помчался к веранде.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за завтраком. Но
Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они сидели
неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на
циновке у самого Теддиного стула извивалась кольцами На-

И Дарзи дползла так близко, что могла во всякое время
— Достую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны,
всех птенцов обедную песню.
что все сын Большого Человека, убившего Нага, — шипела
здесь: подожди немного, сиди и не двигайся. Я еще не гото-
ва. И вы все трое сидите потише. Если вы шевельнетесь, я
ужалю его. Если вы не шевельнетесь, я тоже ужалю. О глу-
пые люди, убившие Нага!

Тедди не отрываясь впился глазами в отца, а отец только и
мог прошептать:

— Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

— Повернись ко мне, Нагайна, повернись, и давай сра-
жаться!

— Все в свое время! — отвечала она, не глядя на Рикки-
Тикки. — С тобой я расквитаюсь. А куда погляди на
своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые
лица! Они испугались, они не смеют шелохнуться. И если ты
сделаешь хоть один шаг, я ужалю.

— Погляди на своих змеенышей, — сказал Рикки-Тикки, —
там, у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что случилось с
ними.

Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

— О! Дай его мне! — закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и
глаза у него стали красны как кровь.

— А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За
кобру-царевну? За самую, самую последнюю в роду? Осталь-
ных уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило ее
позабыть обо всем, и Рикки-Тикки видел, как Тедди отец
протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протащил
его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место,
где змея не достанет его.

— Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! — дразнил се
Рикки-Тикки. — Мальчик остался цел, а я, я, я нынче ночью
схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз на всех четырех лапах
сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

— Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стрях-
нуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек

расшиб его палкой надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Выходи и сразись со мной. Тебе недолго оставаться вдовой.

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки-Тикки между лапами.

— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне мое последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда, — сказала она, опуская свой капюшон.

— Да, ты уйдешь и никогда не вернешься, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мною! Большой Человек уже пошел за ружьем. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егзил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были как раскаленные угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх — и назад. Снова, и снова, и снова повторялись ее нападения, и всякий раз ее голова хлопалась с размаху о циновку, и она снова свертывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти ее сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого ее хвост шуршал на циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно все еще лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользя со ступеней веранды, понеслась как стрела по дорожке. Рикки-Тикки — за нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть ее, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи все еще распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и хлопала крыльями над головой Нагайны. Если бы Дарзи прилетел ей на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта легкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые

зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернется и ужалит его. Поэтому он яростно впился в ее хвост и, действуя лапками как тормозами, изо всех сил упирался в покатую, мокрую, теплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

— Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убила его в своем подземелье, в этом нет никакого сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но, едва он дошел до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять, и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

— Все кончено, — сказал он. — Вдова уже никогда не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, немедленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы развеять, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул — и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился от сна, он сказал:

— Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец — это птица. Звуки, которые она производит, совсем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать ее.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услышал ее первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твердо:

— Дин-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же все птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц, и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она все еще была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся как следует, а когда настало время спать, он уселся на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

— Это наш спаситель, — сказала она мужу. — Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

— А, это вы! — сказал он. — Чего же вам еще беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они остались — ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но все же он не слишком заважничал и, как истый мангуст, охранял этот сад и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра не смела сунуться сюда через ограду.

*Хвалебная песнь,
которую птичка-портняжка Дарзи пел во славу
Рикки-Тикки-Тави*

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я портной —
Домик из листьев я шью.
Здесь, на земле, в небесах над землею
Вью я, и шью, и пою!

Радуйся, нежная мать:
В битве убийца убит.
Пой над птенцами опять,
Недруг в могилу зарыт.
Злой кровопийца, таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз,
Тикки — бесстрашный герой,
Рикки-Тикки-Тави, герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

© Перевод. С. Маршак, наследники, 2004.

Хвост пред героем развей.
Трель вознеси к небесам,
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.
Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым, клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

(Здесь песня обрывается, потому что Рикки-Тикки-Тави помешал певцу продолжать ее.)

Маленький Туман

Я снова вспомню, кем я был, и нападёт тоска.
Я цепь сорву, припомнив дом и силу давних дней.
Я больше спину не продам за связку тростника.
Я к братьям возвращусь назад, к лесной семье моей.

Уйду до света, до зари — туда, к воде живой,
Под ветром ласковым опять я стану молодым,
Кольцо ножное позабыв и столб сторожевой,
Туда — к бывшим моим друзьям, к возлюбленным бывшим!¹

Кала Наг, что значит Черный Змей, сорок семь лет служил индийскому правительству всеми способами, доступными слону. Когда его поймали, ему уже минуло двадцать лет, следовательно, теперь он приближался к семидесяти годам, — зрелый возраст для слона. Кала Наг помнил, как однажды на его лоб наложили большую кожаную подушку и он вытащил орудие из глубокой грязи; это случилось до афганской войны 1842 года, когда он еще не вошел в полную силу. Его мать Радха Пьяри — Радха Дорогая, — пойманная в одно время с ним, раньше чем у него выпали маленькие молочные бивни, сказала ему, что слоны, которые чего-либо боятся, неминуемо попадают в беду. И Кала Наг скоро осознал справедливость ее слов, потому что, когда перед ним в первый раз разорвался снаряд, он закричал, отступил и штыки поранили его мягкую кожу. Итак, не достигнув двадцати пяти лет, он перестал бояться чего бы то ни было, приобрел всеобщую любовь и стал считаться лучшим

¹ Перевод М. Яснова.

слоном правительства Индии; за ним ухаживали больше, чем за его собратьями. Работал он много: во время похода в Верхнюю Индию Кала Наг переносил палатки, по двести пудов палаток сразу; однажды его подняли на судно паровым краном и в течение многих дней везли по воде, в неизвестной ему стране, где-то далеко от Индии, его заставили нести на своей спине мортиру; и там, в Магдале, он видел мертвого императора Теодора, вернулся на пароходе и, как говорили солдаты, получил право носить медаль, выбитую в честь абиссинской войны. Прошло десять лет; Кала Нага отослали в страшное место, Али-Масджид, где его собратья умирали от голода, холода, падучей болезни и солнечных ударов; позже его послали на несколько тысяч миль южнее, чтобы он таскал и складывал в громадные груды толстые стволы индийского дуба на лесных дворах Мульмейна. В этом месте он чуть не убил непокорного молодого слона, отказавшегося выполнить свою долю работы.

Его увели от лесных порубок и поручили ему вместе с несколькими десятками других слонов, выдрессированных для специальной задачи, помогать людям ловить диких слонов в горах Гаро. Правительство Индии строго охраняет слонов. Существует целый департамент, все дело которого состоит в том, чтобы отыскивать их, ловить, укрощать и рассылать повсюду, где требуется их труд.

Кала Наг имел полных десять футов роста в плечах; его клыки были отпилены, так что от них остались только куски в пять футов; концы их оковали пластинками меди, чтобы они не расщеплялись; тем не менее он мог действовать этими обрубками лучше, нежели любой необученный слон своими настоящими, заостренными бивнями.

Неделю за неделей слонов осторожно теснили через горы; наконец сорок или пятьдесят диких чудовищ попадали в последний загон, и большая опускающаяся дверь, сделанная из связанных вместе стволов деревьев, падала позади них. Тогда по слову команды Кала Наг входил в этот полный фырканыя и воплей пандемониум (обыкновенно ночью, когда мерцание факелов делало затруднительным правильное определение расстояний) и, выбрав самого крупного, самого дикого обладателя больших бивней, принимался бить его и гонять, пока тот не затихал, люди же, сидевшие на спинах других ручных слонов, накладывали веревки на более мелких животных из стада и связывали их.

В смысле приемов борьбы не было ничего неизвестного Кала Нагу, старому умному Черному Змею, потому что в свое время он

не раз противостоял нападению раненого тигра. Изогнув вверх свой мягкий хобот, чтобы спасти его от боли, он быстрым серпообразным движением головы, которое придумал сам, откидывал прыгающего зверя так, что тот боком взлетал на воздух; сбив же тигра с ног, прижимал его к земле своими громадными коленями и не поднимался, пока вместе с порывом дыхания и воем из зверя не вылетала жизнь. На земле оставалось только что-то пушистое, что Кала Наг поднимал за хвост.

— Да, — сказал Большой Тумаи, погонщик Кала Нага, сын Черного Тумаи, который возил его в Абиссинию, и внук Слонового Тумаи, видевшего, как Кала Нага поймали, — да, Черный Змей ничего не боится, кроме меня. Три наши поколения кормили его и ухаживали за ним, и он увидит, как это будет делать четвертое.

— Он боится также *меня*, — сказал одетый в один набедренный лоскут Маленький Тумаи, выпрямляясь во весь свой рост.

Это был десятилетний старший сын Большого Тумаи, и по местному обычаю ему предстояло со временем занять место своего отца на шее Кала Нага и взять в руки тяжелый железный *анк* (палка для управления слоном), который стал совсем гладким от рук его отца, деда и прадеда. Он знал, о чем говорить, так как родился в тени Кала Нага; раньше, чем научился ходить, играл концом его хобота, а едва стал держаться на ногах, привык водить его к воде. Кала Наг так же мало вздумал бы послушаться пронзительных приказаний мальчика, как не подумал бы убить его в тот день, когда Большой Тумаи принес коричневого крошку под клыки Черного Змея и приказал ему поклониться своему будущему господину.

— Да, — сказал Маленький Тумаи, — он боится меня, — и мальчик большими шагами подошел к Кала Нагу, назвал его толстой старой свиньей и заставил одну за другой поднять ноги. — Да, — сказал Маленький Тумаи, — ты большой слон, — и он покачал своей пушистой головой, повторяя слова своего отца: — Правительство может платить за слонов, но они принадлежат нам, *махаватам*¹. Когда ты состаришься, Кала Наг, какой-нибудь богатый раджа выкупит тебя у правительства за твой рост и хорошие манеры, и тогда у тебя не будет никакого дела; ты будешь только носить золотые серьги в ушах, золотой *ховдах*² на спине и вышитое золотом сукно на боках и ходить во главе шествий коро-

¹ Погонщикам (*хинди*).

² Род седла (*хинди*).

ля. Тогда, сидя на твоей шее, о Кала Наг, я стану управлять тобой серебряным анком и смотреть, как перед нами бегут люди с золотыми палками, крича: «Дорогу королевскому слону!» Хорошо это будет, Кала Наг, а все же не так хорошо, как охота в джунглях.

— Гм, — сказал Большой Тумаи, — ты мальчик дикий, как буйволенок. Это беганье по горам не лучший род службы правительству. Я становлюсь стар и не люблю диких слонов. То ли дело кирпичные сараи для слонов с отдельными стойлами, с большими столбами для привязей, то ли дело плоские широкие дороги, на которых можно обучать животных. Не люблю я передвижных лагерей. Вот бараки в Канпуре были мне по душе. Рядом помещался базар, и работа продолжалась всего три часа.

Маленький Тумаи помнил канпурские слоновьи сараи и промолчал. Ему гораздо больше нравилась лагерная жизнь, и он прямо-таки ненавидел широкие плоские дороги с ежедневным собиранием травы в фуражных резервных местах и долгие часы, во время которых ему оставалось только наблюдать, как Кала Наг беспокойно двигается в своем стойле.

Маленький Тумаи любил подниматься по узким тропинкам, доступным только для слона, углубляться в долины, смотреть, как на расстоянии многих миль от него пасутся дикие слоны, наблюдать, как испуганные свиньи и павлины разбегаются из-под ног Кала Нага, находиться под ослепляющими теплыми дождями, во время которых дымятся все горы и долины, любоваться великолепными туманными утрами, когда никто из охотников не может сказать, где он остановится на ночь, осторожно гнать диких слонов, присутствовать при их безумном метании, видеть яркое пламя и слышать крики во время последнего ночного загона, когда слоны потоком вливаются в огороженное пространство, точно валуны, падающие вместе с лавиной, и, понимая, что им не удастся убежать, кидаются на тяжелые вколоченные столбы, но тотчас же отбегают назад, испуганные криками, пылающими факелами и залпами холостых зарядов. В таком случае даже маленький мальчик может приносить пользу. Тумаи же был полезен, как три мальчика сразу. Он поднимал свой факел, размахивал им и кричал изо всех сил. Но по-настоящему он веселился, когда слонов начинали выгонять из ограды, когда *кеддах*¹ превращался в картину конца мира и людям приходилось переговариваться знаками,

¹ Загон (*хинди*).

потому что их голосов не бывало слышно. Маленький Тумаи взбирался на верхушку одного из дрожащих столбов ограды; его выгоревшие коричневые волосы развевались, падая на плечи, и в освещении факелов сам он казался лесным духом. Едва наступало затишье, вы могли бы слышать его высокие громкие одобрения, предназначавшиеся для Кала Нага и раздававшиеся, несмотря на крики, топот, треск рвущихся веревок, на стоны связанных слонов.

— *Маил, маил*, Кала Наг! (Вперед, вперед, Черный Змей!) *Дант до!* (Клыком его!) *Самбхало, самбхало!* (Осторожней, осторожней!) *Маро! Мар!* (Бей его, бей!) Смотри на столб. *Аре! Аре!* Ай! Ай! *Киа-а-ах!* — кричал он.

Дравшиеся Кала Наг и дикий слон раскачивались в ту и другую сторону, пересекая кеддах, а старые ловцы вытирали пот, попавший им в глаза, находя время кивать головой Маленькому Тумаи, который от радости извивался на верхушке столба.

Но не только извивался. Раз Тумаи соскользнул вниз, шмыгнул между слонами и бросил упавший на землю свободный конец веревки загонщику, старавшемуся овладеть ногой непокорного слоненка (слонята всегда доставляют больше хлопот, чем взрослые). Мальчика заметил Кала Наг, поймал его хоботом и передал Большому Тумаи, который тотчас же надавал сыну шлепков и посадил обратно на столб.

Утром отец выбранил его и сказал:

— Разве для тебя недостаточно хороших кирпичных слоно-вых конюшен и палаток, что тебе еще нужно принимать участие в ловле слонов, маленький бездельник? Эти глупые охотники, получающие меньше меня, рассказали о случившемся Петерсену-сахибу.

Маленький Тумаи испугался. Немногих белых людей знал он, но Петерсен казался ему самым важным из них. Он был главой всех кеддахов; именно он ловил слонов для правительства Индии и лучше всех остальных знал обычаи этих животных.

— А что же... что же будет теперь? — спросил Маленький Тумаи.

— Что будет? Да самое худшее. Петерсен-сахиб — сумасшедший. Разве в противном случае он стал бы охотиться на этих диких дьяволов? Ему, пожалуй, вздумается потребовать, чтобы ты стал охотником на слонов, спал бы в полных лихорадки джунглях

и, наконец, чтобы тебя до смерти истоптали слоны в кеддах. Впрочем, может быть, эта глупость кончится благополучно. На будущей неделе ловля прекратится, и нас, жителей долин, пошлют обратно в деревни. Мы будем расхаживать по гладким дорогам и забудем о ловлях. Но слушай, сынок, меня сердит, что ты мешаешься в дело грязных ассамских жителей джунглей. Кала Наг слушается только меня, а потому мне приходится вместе с ним входить в кеддах. Дрянной! Злой! Негодный сын мой! Пойди вымой Кала Нага, позаботься об его ушах, посмотри, чтобы в его ногах не было шипов, не то, конечно, Петерсен-сахиб поймает тебя и сделает охотником, заставит ходить по отпечаткам ног слонов, и ты по его милости станешь настоящим медведем джунглей. Фу! Стыдно! Пошел прочь!

Маленький Тумаи ушел, не сказав ни слова, но, осматривая ноги Кала Нага, он поведал ему обо всех своих огорчениях.

— Не беда, — сказал Маленький Тумаи, отворачивая край огромного правого уха слона. — Петерсену-сахибу сказали мое имя и, может быть... может быть... может быть... Кто знает? Ай! Вот какой большой шип я вытащил из твоего уха.

Несколько следующих дней слонов подготавливали к переходу: собирали их вместе вновь пойманных диких животных проваживали взад и вперед, поставив каждого из них между двумя ручными слонами; это делается, чтобы они не доставляли слишком много хлопот во время спуска к долинам, в то же время люди собирали войлоки, веревки и все, что могло понадобиться в дороге.

Петерсен-сахиб приехал на одной из своих умных слоних, Падмини; он уже распустил охотников из горных лагерей, потому что охотничий сезон подходил к концу. Теперь за столом под деревом сидел туземный писец и выдавал жалованье *карнакам*. Получив плату, каждый погонщик отходил к своему слону и присоединялся к веренице, готовой двинуться в путь. Разведчики, охотники и загонщики, служившие при кеддах и жившие в джунглях, круглый год сидели на спинах собственных слонов Петерсена-сахиба или стояли, прислонясь к деревьям, держа ружья и смеясь над уезжавшими погонщиками; смеялись они также, когда вновь пойманные слоны разрывали цепь и убегали.

Большой Тумаи подошел к писцу вместе с Маленьким Тумаи, державшимся позади него, и при виде мальчика Мачуа Аппа, главный охотник, понизив голос, сказал своему другу:

— Вот хороший мальчишка. Жаль, что этот молодой петушок джунглей будет прозябать в долинах.

Надо сказать, что у Петерсена-сахиба был острый слух, как и подобает человеку, который привык прислушиваться к движению самого бесшумного из всех живых существ — к шагам дикого слона. Лежа на спине Падмини, он повернулся и сказал:

— Что такое? Я не слышал, чтобы между карнаками долин был хоть один человек, который сумел бы опутать веревкой хотя бы мертвого слона.

— Это не взрослый, а мальчик. В последний раз он вошел в кеддах и бросил нашему Бармао конец веревки, когда мы старались оттащить слоненка с пятном на плече от его матери.

Мачуа Аппа показал пальцем на Маленького Тумаи; Петерсен-сахиб посмотрел на него, и Маленький Тумаи поклонился до земли.

— Он кинул веревку? Да ведь он ростом меньше колышка в лагерном загоне. Как тебя зовут, малыш? — спросил мальчика Петерсен-сахиб.

Маленький Тумаи так испугался, что не мог говорить, но позади него стоял Кала Наг; по знаку мальчика Черный Змей схватил его своим хоботом и поднял на один уровень со лбом Падмини. Теперь Тумаи очутился против великого Петерсена-сахиба и закрыл лицо руками, потому что, когда дело не касалось слонов, он был так же застенчив и пуглив, как и все другие дети.

— Ого, — улыбаясь под своими усами, заметил Петерсен-сахиб. — А зачем научил ты своего слона этому фокусу? Не для того ли, чтобы он помогал тебе красть зеленый хлеб с крыш домов, на которые раскладывают сушиться колосья?

— Нет, не зеленый хлеб, Покровитель Бедных, а дыни, — ответил Маленький Тумаи, и сидевшие кругом громко расхохотались. Все они в детстве учили своих слонов этой штуке. Маленький Тумаи висел на восемь футов от земли, но желал провалиться на восемь футов под землю.

— Это Тумаи, мой сын, сахиб, — сказал Большой Тумаи и нахмурился. — Он очень дурной мальчик и кончит жизнь в тюрьме, сахиб.

— Сильно сомневаюсь, — возразил Петерсен-сахиб. — Мальчик, который в его лета не боится войти в полный кеддах, не окончит жизнь в тюрьме. Смотри, малыш, вот тебе четыре аны; истрать их на сласти, даю их за то, что под большой коп-

ной волос у тебя есть голова. Со временем ты, может быть, сделаешься тоже охотником. — (Большой Тумаи нахмурился больше прежнего.) — Тем не менее помни, что кеддах нехорошее место для детских игр, — прибавил Петерсен-сахиб.

— Значит, я не должен входить туда, сахиб? — вздыхая, спросил Маленький Тумаи.

— Да, не должен, пока не увидишь, как танцуют слоны. — Петерсен-сахиб снова улыбнулся. — Когда же ты увидишь, как пляшут слоны, приходи ко мне, и я позволю тебе входить во все кеддах.

Раздался новый взрыв хохота; это была обычная шутка охотников на слонов и обозначала «никогда». В глубине лесов скрываются просторные поляны, которые называются бальными залами слонов; их случайно находят, но никто никогда не видел, как танцуют слоны. Когда карнак хвастается своим искусством и храбростью, его товарищи говорят ему:

— А когда ты видел, как пляшут слоны?

Кала Наг поставил Маленького Тумаи на землю; мальчик снова поклонился до земли и ушел вместе с отцом. Он отдал серебряную монетку в четыре аны своей матери, которая качала его малютку брата; потом всех их посадили на спину Кала Нага, и вереница похрюкивающих и взвизгивающих слонов закачалась по спуску в долину. Это был беспокойный переход; новые слоны подле каждого брода доставляли много хлопот; вообще постоянно приходилось то уговаривать их, то бить.

Большой Тумаи сердито молчал и безжалостно колот Кала Нага; в свою очередь, и Маленький Тумаи не мог говорить, но не от досады, а от счастья: Петерсен-сахиб заметил его и дал ему денег. Мальчик испытывал то же, что переживал бы рядовой, если бы главнокомандующий вызвал его из рядов и похвалил.

— А что подразумевал Петерсен-сахиб под танцами слонов? — наконец тихо спросил он у своей матери.

Большой Тумаи услышал и крикнул:

— Он хотел сказать, что ты никогда не сделаешься одним из этих горных буйволов, охотников, вот что! Эй, вы, передние! Кто там загородил нам дорогу?

Один карнак, ассамец, бывший впереди Тумаи на два слона, сердито повернулся и закричал:

— Выведи вперед Кала Нага и заставь моего молодого слона вести себя порядочно. Зачем Петерсен-сахиб именно меня

послал с вами, ослы с тонких рисовых полей! Поставь твоего слона рядом с моим, Тумаи, пусть бы он ударил его своими клыками. Клянусь всеми богами гор, эти молодые дураки одержимы дьяволом или чуют в джунглях своих товарищей.

Кала Наг ударил слоненка под ребра так сильно, что тот на мгновение перестал дышать, а Большой Тумаи сказал:

— В последний раз мы очистили все горы от диких слонов. Пойманные животные беспокоятся просто потому, что ты небрежно управляешь ими. Не хочешь ли, чтобы я один держал в порядке всю вереницу?

— Право, стоит послушать его! — сказал ассамец. — Мы очистили горы! Ха, ха! Мудры вы, жители низин. Всякому, кроме никогда не видавшего джунглей глупца, известно, что слоны знают об окончании охот этого года... Вот поэтому сегодня ночью их дикие товарищи будут... Но зачем мне тратить умные речи, разговаривая с простой речной черепахой?

— Что они будут делать? — крикнул Маленький Тумаи.

— Оэ! Малыш! Ты здесь? Хорошо, я скажу тебе, у тебя свежая голова. Они стали бы плясать, и недурно, если бы твой отец, который очистил «все» горы от «всех» слонов, приготовил сегодня двойные цепи.

— Это что за глупости? — сказал Большой Тумаи. — Вот уже сорок лет мы смотрим за слонами, но до сих пор никогда не слыхивали сказок об их плясках.

— Да, но житель долины, живущий в хижине, знает только четыре стены своего дома. Хорошо, не привязывай сегодня своих слонов, и ты увидишь, что случится; что же касается до их танцев, я видел место, где... О, что это? Проклятье! Сколько же извилин делает река Диганга? Опять брод, и нам придется заставить детенышей плыть. Стойте, вы там, сзади!

Таким-то образом, разговаривая, перебраниваясь, с плеском переправляясь через реки, они сделали первый переход, который окончился близ временного кеддаха, приготовленного для новопойманных животных; однако задолго до стоянки погонщики совсем измучились и потеряли терпение.

Наконец слонов привязали за задние ноги к большим столбам; а вновь пойманных спутали еще и веревками и перед всеми подожгли груды корма. Погонщики с гор, пользуясь вечерним светом, отправились обратно к Петерсену-сахибу, на прощанье посоветовав карнакам с низин усиленно смотреть в эту

ночь за слонами; когда же те спрашивали их «почему», только смеялись в ответ.

Маленький Тумаи позаботился об ужине для Кала Нага, а по наступлении вечера, невыразимо счастливый, отправился бродить по лагерю в поисках тамтама. Когда сердце мальчика-индуса переполнено, он не бежит куда придется, не шумит без смысла; он молча упивается своим счастьем. А ведь с Маленьким Тумаи разговаривал сам Петерсен-сахиб! И если бы мальчик не нашел того инструмента, который он искал, я думаю, его сердце разорвалось бы. Продавец сладкого мяса дал ему на время свой маленький тамтам (барабан, в который бьют ладо-нью), и, когда звезды начали выходить на небо, Тумаи, скрестив ноги, уселся перед Кала Нагом, положив тамтам к себе на колени, и стал ударять по нему рукой, и чем больше думал он об оказанной ему великой чести, тем усерднее бил по тамтаму, одиноко сидя посреди корма для слонов. В музыке этой не было ни мелодии, ни слов, но ее звуки делали мальчика невыразимо счастливым.

Вновь пойманные слоны натянули свои веревки; время от времени они взвизгивали и трубили. Тумаи слышал, как его мать баюкала в прохладной хижине его маленького братишку, усыпляя ребенка старой-старой песнью о великом боге Шиве, который однажды указал всем животным, чем каждое из них должно питаться. Это очень успокоительная колыбельная песня, она начинается словами:

Шива Жизнедавец, Повелитель сил,
Сидя на Пороге Дома, Живность сотворил:
И большим, и малым корм и карму дал —
И радже, и нищему — всем, кого создал.

В конце строфы Маленький Тумаи ударял по барабану; наконец ему захотелось спать, и он растянулся рядом с Кала Нагом.

Вот наконец слоны начали, по своему обыкновению, ложиться один за другим; легли все, только Кала Наг остался стоять в правом конце ряда, он медленно покачивался из стороны в сторону, растопырив уши, чтобы прислушиваться к ночному ветру, который дул, проносясь между горами. Воздух наполняли ночные шумы, которые, сливаясь вместе, образуют глубокую тишину: звон одного ствола бамбука о другой; шорох чего-то живого в кустах, царапанье и легкий писк полупрос-

нувшейся птицы (птицы гораздо чаще просыпаются ночью, чем мы воображаем) и отдаленное журчание падающей воды. Маленький Тумаи ненадолго заснул, когда же он снова открыл глаза, луна светила ярко, а Кала Наг стоял, по-прежнему насторожив уши. Мальчик повернулся, трава зашуршала; он посмотрел на изгиб большой спины Черного Змея, закрывавшей половину звезд на небе, и услышал так далеко, что звук этот показался ему еле заметным, точно отверстие от укола булавки, раздавшееся в беспредельности ночи «хууть-тууть» дикого слона.

Весь ряд слонов поднялся на ноги, точно в них выстрелили, и их кряхтение наконец разбудило спящих махаватов. Карнаки стали глубже вколачивать колья своими большими колотушками, прибавлять еще привязи и стягивать узлы крепче прежнего. Один вновь пойманный слон почти вытащил из земли свой кол; Большой Тумаи снял ножную цепь с Кала Нага и пристегнул переднюю ногу взбунтовавшегося к его задней ноге, а на ногу Кала Нага накиннул петлю из травяной веревки и приказал ему помнить, что он хорошо привязан. Большой Тумаи знал, что его отец и дед в былое время сотни раз делали то же самое. Но Кала Наг не ответил, как обыкновенно, особенным горловым журчащим звуком. Он стоял неподвижно и, приподняв голову, распустив уши, как всера, вглядывался через залитую лунным светом поляну в огромные извилины гор Гаро.

— Посмотри, не начнет ли он беспокоиться ночью, — сказал Большой Тумаи сыну, ушел в свою хижину и заснул.

Маленький Тумаи тоже засыпал, когда вдруг услышал треск разорванной травяной веревки, лопнувшей с легким звуком «танг»; в ту же минуту Кала Наг вышел из своей ограды так же медленно и бесшумно, как туча выкатывается из долины. Маленький Тумаи, шлепая своими босыми ногами, двинулся за ним по залитой лунным светом дороге и шепотом просил его:

— Кала Наг! Кала Наг! Возьми меня с собой, о Кала Наг!

Слон беззвучно повернулся, сделал три шага к мальчику, опустил свой хобот, вскинул к себе на шею Тумаи и чуть ли не раньше, чем тот успел усесться, скользнул в лес.

Со стороны привязей донесся взрыв бешеных криков слонов; потом тишина сомкнулась, и Кала Наг побежал. Иногда кусты высокой травы волновались по обе стороны от него, как волны плещут около бортов корабля; иногда ветвь вьющегося дикого

перца, протягиваясь, царапала его спину, или бамбук трещал под напором его плеч, но в промежутках между этими звуками он двигался совершенно бесшумно, продвигаясь через чащу леса Гаро, точно сквозь дым. Кала Наг поднимался на гору, но хотя Маленький Тумаи в просветах между ветвями наблюдал за звездами, он не мог решить, в каком направлении.

Кала Наг достиг гребня подъема и на минуту остановился. Теперь Маленький Тумаи мог видеть вершины деревьев; они, как бы усеянные блестками и такие пушистые под лунным светом, тянулись на много, много миль; видел он и синевато-белую дымку в ложбине над рекой. Тумаи наклонился вперед, пригляделся и почувствовал, что внизу, под ними, лес проснулся, ожил и наполнился какими-то существами. Большой коричневый поедающий плоды нетопырь пронесся мимо уха мальчика; иглы дикобраза зашелестели в чаще; в темноте между стволами деревьев большой кабан рылся во влажной горячей земле, рылся и фыркал.

Над головой Тумаи снова сомкнулись ветви, и Кала Наг начал спускаться в долину — на этот раз беспокойно: так сорвавшаяся пушка катится с крутого берега в одном порыве. Громадные ноги слона двигались непрерывно, точно поршни, шагая через восемь футов зараз; морщинистая кожа на сгибах его локтей шелестела. Низкие кусты по обеим сторонам Кала Нага шуршали со звуком рвущегося полотна, молодые деревья, которые он раздвигал своими плечами, упруго прыгали на свои прежние места и хлестали его по бокам, а длинные гирлянды различных сплетенных вместе лиан свешивались с его клыков и колыхались, когда он покачивал головой из стороны в сторону, прорывая себе дорогу. Маленький Тумаи совсем прижался к большой шее слона, чтобы какая-нибудь качающаяся ветвь не смела его на землю; в глубине души мальчик желал снова очутиться в лагере.

Трава начала чмокать, ноги Кала Нага тонули и вязли; ночной туман в глубине долины леденил Маленького Тумаи. Послышался плеск, журчание быстро движущейся воды, и Кала Наг пошел вброд через реку, на каждом шагу ощупывая дорогу. Из-за шума воды, плескавшей около ног слона, Маленький Тумаи слышал другой плеск и крики слонов вверх по течению реки и вниз; до него донеслось громкое ворчание, сердитое фырганье, вся дымка вокруг него, казалось, наполнилась волнистыми тенями.

— Ай, — произнес он вполголоса, и его зубы застучали, — все слоны в эту ночь освободились. Значит, они будут танцевать.

Кала Наг вышел из рски; вода ручьями стекала с него, он продул свой хобот и снова начал подниматься. Но на этот раз не в одиночестве; ему не пришлось также расчищать дороги. Перед ним уже была готовая тропинка, шириной в шесть футов; примятая на ней трава Джунглей старалась оправиться и подняться. Вероятно, всего за несколько минут до него в этом месте прошло много слонов. Маленький Тумаи оглянулся: крупный дикий слон с большими бивнями и со свинными глазками, горевшими как раскаленные угли, выходил из туманной реки. Но деревья тотчас же снова сблизились, и они двинулись вперед и вверх; повсюду слышались крики слонов, треск и шум ломающихся веток.

Наконец на самой вершине горы Кала Наг остановился между двумя стволами. Стволы эти составляли часть кольца деревьев, которое окаймляло пространство в три-четыре акра; на всей площадке, как мог видеть мальчик, земля была утрамбована, утоптана и тверда, точно кирпичный пол. В ее центре росло несколько деревьев, но их кора была сорвана, и обнаженные места этих стволов при свете луны блестели, точно полированные. С их верхних ветвей свешивались лианы, и большие, белые, как бы восковые колокольчики, похожие на цветы вьюнка, покачивались в крепком сне; внутри же кольца из деревьев не виднелось ни одной зеленой былинки; там не было ничего, кроме утрамбованной земли.

При свете месяца она казалась серой, как сталь; только от слонов падали чернильно-черные тени. Маленький Тумаи, затаив дыхание, смотрел на все глазами, которые, казалось, были готовы выскочить из орбит, и чем больше он смотрел, тем больше показывалось слонов. Маленький Тумаи умел считать только до десяти, он много раз считал по пальцам, наконец потерял счет десяткам десятков, и у него начала кружиться голова. Вокруг открытой площадки он слышал треск низких кустов; это слоны поднимались по горному откосу, но едва выходили они из-за деревьев, как начинали двигаться точно призраки.

Тут были дикие слоны-самцы, с белыми бивнями и осыпанные листьями, орехами и ветвями, которые застряли в морщинах на их шеях и в складках ушей; были и толстые, медленные слонихи с маленькими беспокойными, розовато-черными слонятами

высотой в три-четыре фута, пробегавшими у них под животами; молодые слоны, с только что начавшими показываться бивнями и очень гордые этим; худые шероховатые слонихи, старые дебы, с вытянутыми тревожными мордами и бивнями, похожими на грубую кору; дикие старые одинокие слоны, покрытые шрамами от плеча до бока, с большими рубцами, оставшимися от прежних боев, с засохшим илом, приставшим к ним во время их одинокого купанья и теперь осыпавшимся с плеч; был между ними один с обломанным бивнем и с огромным рубцом на боку, следом ужасного удара тигриных когтей.

Они стояли друг против друга, или по двое расхаживали взад и вперед по площадке, или же поодиночке качались. Десятки и сотни слонов.

Тумаи знал, что, пока он неподвижно лежит на спине Кала Нага, с ним ничего не случится, потому что, даже во время суеты и драки в кеддахе, вновь загнанный дикий слон не ударяет хоботом и не стаскивает человека с шеи ручного слона; а слоны, бывшие здесь, в эту ночь не думали о людях. Один раз все они дрогнули и подняли уши, услышав в лесу лязг ножных цепей, но это подходила Падмини, любимица Петерсена-сахиба: она разорвала свою цепь и теперь, фыркая и ворча, поднималась на гору. Вероятно, Падмини сломала изгородь и явилась прямо из лагеря Петерсена-сахиба; в то же время Маленький Тумаи увидел другого слона, незнакомого ему, с глубокими шрамами от веревок на спине и груди. Он тоже, вероятно, убежал из какого-нибудь лагеря в окрестных горах.

Все затихло, в лесу больше не было слонов; Кала Наг, качаясь, сошел со своего места между деревьями, с легким, kloкочущим и журчащим звуком вмешался в толпу, и все слоны принялись разговаривать между собой на собственном наречии и все задвигались.

По-прежнему неподвижно лежа, Маленький Тумаи смотрел вниз на множество десятков широких спин, колышущихся ушей, качающихся хоботов и маленьких вращающихся глаз. Он слышал, как одни бивни, случайно ударив о другие, звенели, слышал сухой шелест свивавшихся вместе хоботов, скрип огромных боков и плеч в толпе и непрерывный свист машущих больших хвостов. Облако закрыло луну, и он остался в черной темноте, но спокойный непрерывный шелест, постоянная толкотня и ворчанье продолжались. Мальчик знал, что кругом Кала

Нага повсюду были слоны и что вывести Черного Змея из этого собрания невозможно. Итак, Тумаи сжал зубы и молча дрожал. В кеддахе по крайней мере блестел свет факелов, слышался крик, а здесь он был совсем один, в темноте, и раз какой-то хобот поднялся к нему и дотронулся до его колена.

Вот один слон затрубил, все подхватили его крик, и это продолжалось пять или десять ужасных секунд. С деревьев скапывалась роса и, точно дождь, падала на невидимые спины; скоро поднялся глухой шум, сперва не очень громкий, и Маленький Тумаи не мог сказать, что это такое; звуки разрастались. Кала-Наг поднял сперва одну переднюю ногу, потом другую и поставил их на землю. Повторялось: раз, два, раз, два — постоянно, как удары молота. Теперь все слоны топали зараз, и раздавался такой звук, будто подле входа в пещеру колотили в военный барабан. Роса падала, и ее капель больше не осталось на деревьях, а грохот продолжался, и вся почва качалась и вздрагивала; Маленький Тумаи зажал руками уши, чтобы не слышать этого стука. Но топанье сотен тяжелых ног по обнаженной земле превращалось в один исполинский толчок, который сотрясал все его тело. Раза два мальчик почувствовал, что Кала Наг и все остальные сделали несколько шагов вперед; после этого звук изменился; Тумаи слышал, как огромные ноги давили сочные зеленые поросли; но пролетело минуты две, и снова начались удары по твердой земле. Где-то близ Маленького Тумаи дерево затрещало и застонало. Он протянул руку и нащупал кору, но Кала Наг двинулся вперед, продолжая стучать ногами, и мальчик не мог бы сказать, в каком месте площадки находится он. Слоны не кричали; только лишь два или три маленьких слоненка взвизгнули зараз. Потом Тумаи услышал шелест, и топот начался сызнова. Так продолжалось, вероятно, полных два часа, и все тело Тумаи начало болеть, однако по запаху ночного воздуха он чувствовал приближение зари.

Утро занялось полоской бледно-желтого сияния позади зеленых гор, и стук ног остановился с первым же лучом, точно свет был сигналом. Раньше, чем в голове Маленького Тумаи улегся звон и шум, даже раньше, чем он успел изменить свою позу, в виду не осталось ни одного слона, кроме Кала Нага, Падмини и слона со шрамами от веревок; никакой признак, никакой шелест или шепот среди деревьев на горных откосах не указывал, куда ушли остальные животные.

Маленький Тумаи осматривался. Насколько он помнил, открытая площадка за эту ночь увеличилась. На ней теперь оказалось больше деревьев, чем было прежде, а кусты и трава по ее краям пригнулись к земле. Маленький Тумаи посмотрел еще раз. Теперь он понял значение топота. Слоны утрамбовали новое пространство земли, раздавили густую траву и сочный бамбук в мочала, мочала превратили в лохмотья, лохмотья в тонкие фибры, а фибры вдавили в почву.

— Ва, — сказал Маленький Тумаи, и его веки отяжелели, — Кала Наг, господин мой, будем держаться близ Падмини и двинемся к лагерю Петерсена-сахиба, не то я упаду с твоей шеи.

Третий слон посмотрел на двоих, уходивших вместе, фыркнул, повернулся и пошел собственным путем. Вероятно, он принадлежал какому-нибудь мелкому туземному правителю, жившему в пятидесяти, шестидесяти или в сотне миль от площадки.

Через два часа, когда Петерсен-сахиб сидел за своим первым завтраком, его слоны, на эту ночь привязанные двойными цепями, принялись трубить, и Падмини, запачканная илом до самых плеч, а также и Кала Наг, у которого болели ноги, притащились в лагерь.

Лицо Маленького Тумаи стало совсем серо, обтянулось; в его пропитанных росой волосах запуталось множество листьев; тем не менее он попробовал поклониться Петерсену-сахибу и слабым голосом закричал:

— Пляски, пляски слонов! Я видел их и умираю...

Кала Наг припал к земле, и мальчик в глубоком обмороке соскользнул с его шеи.

Но у туземных детей так мало нервов, что о них не стоит и говорить, а потому через два часа очень довольный Тумаи лежал в гамаке Петерсен-сахиба; охотничье пальто Петерсена поддерживало голову мальчика, а в его желудке был стакан горячего молока, немного водки и шепотка хинина. Старые волосатые, покрытые рубцами охотники Джунглей в три ряда сидели перед ним, глядя на него, точно на духа. Он в коротких словах по-детски рассказал им о своих приключениях и закончил словами:

— Теперь, если я сказал хоть одно слово лжи, пошлите людей посмотреть на это место; они увидят, что слоновый народ увеличил площадку своей танцевальной комнаты; найдут также один десяток, другой, много десятков тропинок, ведущих к этому

месту. Своими ногами они утоптали землю. Я видел это. Кала Наг взял меня, и я видел. И поэтому у Кала Нага очень устали ноги.

Маленький Тумаи опять улегся, заснул, проспал все долгие послеполуденные часы, проспал и сумерки; а в это время Петерсен-сахиб и Мачуа Аппа прошли по следам двух слонов, тянувшимся пятнадцать миль через горы. Восемнадцать лет Петерсен-сахиб ловил слонов, но до этого дня только однажды видел место слоновых плясок. Мачуа Аппа взглянул на площадку и тотчас же понял, что здесь совершалось; он покопал пальцем в плотной утрамбованной земле и заметил:

— Мальчик говорит правду. Все это было сделано в прошедшую ночь, и я насчитал семьдесят следов, пересекающих реку. Видите, сахиб, вот тут ножная цепь Падмини сорвала кору с дерева. Да, она тоже была здесь.

Они переглянулись, посмотрели вверх, вниз и задумались. Обычаев слонов не могут ни постичь, ни измерить умы черных или белых людей.

— Сорок и пять лет, — сказал Мачуа Аппа, — я хожу за господами слонами, но никогда не слыхивал, чтобы ребенок или взрослый человек видел то, что видел этот мальчик. Клянусь всеми богами гор, это... Что тут можно сказать? — И он покачал головой.

Они вернулись в лагерь; подходило время ужина. Петерсен-сахиб закусил один в своей палатке, но приказал дать в лагерь двух овец и несколько кур, а также отпустить каждому служащему двойную порцию муки, риса и соли; он знал, что они будут пировать.

Большой Тумаи поспешно пришел из долины в лагерь сахиба за своим сыном и за своим слоном и теперь смотрел на них, точно боясь их обоих. Начался праздник при свете пылающих костров, зажженных против стойл слонов, и Маленький Тумаи был героем дня. Крупные темнокожие ловцы, охотники, разведчики, карнаки, канатчики и люди, знающие тайные способы укрощать самых диких слонов, передавали мальчика из рук в руки и мазали ему лоб кровью из груди только что убитого петушка Джунглей в знак того, что он свободный житель леса, посвященный во все тайны Джунглей и имеющий право проникать, куда ему угодно.

Наконец пламя костра потухло, и красный свет головешек придал коже слонов такой оттенок, точно их тоже погрузили в кровь. Мачуа Аппа, глава всех загонщиков во всех кеддах; Мачуа Аппа, второе «я» Петерсена-сахиб; человек, за сорок лет не выдавший ни разу дороги, сделанной руками людей; Мачуа Аппа, настолько великий, что у него было только одно имя, «Мачуа Аппа», поднялся на ноги, держа высоко над своей головой Маленького Тумаи, и закричал:

— Слушайте, мои братья! Слушайте и вы, мои господа, привязанные к столбам, потому что говорю я, Мачуа Аппа. Этого мальчика не будут больше называть Маленький Тумаи; отныне он Слоновый Тумаи, как называли перед ним его прадеда. Целую долгую ночь он созерцал то, чего никогда не видал ни один человек, и милость народа слонов и любовь богов Джунглей покоятся на нем. Он сделается великим охотником, станет выше меня, да, даже выше меня, Мачуа Аппы. Своим ясным взглядом он будет без труда распознавать новые следы, застарелые следы, смешанные следы. Ему не причинят вреда в кеддахе, когда ему придется пробегать между слонами, чтобы накинуть веревку на дикаря, и, если он проскользнет перед ногами несущегося одинокого слона, этот одинокий слон узнает, кто он такой, и не раздавит его. Ай-ай! Мои господа в цепях! — Он повернулся к ряду слонов. — Смотрите: этот мальчик видел ваши пляски в ваших тайниках — зрелище, которое никогда еще не открывалось глазам ни одного человека. Почтите его, мои господа! *Са-лаам Каро*, дети! Салютуйте Слоновому Тумаи! Гунга Першад! Ахаа! Хира Гудж, Бирчи Гудж, Куттарь Гудж! Ахаа! Падмини, ты видела его во время пляски, и ты тоже, Кала Наг, моя жемчужина среди слонов! Ахаа! Ну, все вместе! Слоновому Тумаи *баррао*!¹

И при последнем диком восклицании Мачуа Аппы все слоны вскинули свои хоботы до того высоко, что их концами коснулись своих лбов. В ту же секунду раздался полный салют, грохочущий трубный звук, который слышит только вице-король Индии, — *салаамат*² кеддах.

И все это в честь Маленького Тумаи, который видел то, чего раньше не видал ни один человек, — танцы слонов ночью, видел один в самом сердце гор Гаро.

¹ Больших успехов (*хинди*).

² Привет (*арабск.*).

Шива и Кузнечик

*Кольбельная, которой мать убаюкивала
маленького братца Тумаи*

Шива Жизнедавец, Повелитель сил,
Сидя на Пороге Дома, Живность сотворил:
И большим, и малым корм и карму дал —
И радже, и нищему — всем, кого создал.

Шива Вседержитель! Шива Жизнедавец!
Махадэва! Махадэва! Каждому свое:
Верблюду — колючку, корове — мякину,
Сердце материнское — маленькому сыну.

Жито дал богатым, просо — беднякам,
Корки да горбушки — нищим старикам,
Стервятнику — падаль, тигру — овцу,
Кости да объедки — волку-одинцу.

И большой, и малый — все пред ним равны:
Пищу раздает им на глазах жены.
Парвати решила с Шивой пошутить —
Малого Кузнечика за пазухой укрыть.

Так вот и обманут Шива Жизнедавец!
Махадэва! Махадэва! Ну-ка отыщи!
Это не верблюд тебе, это не корова —
Отыщи попробуй-ка малыша такого!

Парвати сказала, сдерживая смех:
«О Кормилец Мира! Накормил ли всех?»
Шива улыбнулся: «Что же, погляди
На малую козявочку, что прячешь на груди!»
Парвати в смущенье покражу достает —
Видит, что Кузнечик зеленый лист грызет:
«Славься! Славься, Шива! Чудо Преблагое!
Руки Миродержца кормят Все Живое!»

Шива Вседержитель! Шива Жизнедавец!
Махадэва! Махадэва! Каждому свое:
Верблюду — колючку, корове — мякину,
Сердце материнское — маленькому сыну.

© Перевод. С. Степанов, 2004.

Слуги Ее Величества

Можешь вычислить все постепенно,
иль пропорцию примени,
Но Твидл-дум — это Твидл-дум,
а вовсе не Твидл-ди!
Можешь вывернуть все наизнанку,
вверх ногами, иль оземь — хлоп!
Но Пилли-Винки есть Пилли-Винки,
а вовсе не Винки-Поп!!

Целый месяц шел сильный дождь, он падал на лагерь из тридцати тысяч людей, многих тысяч верблюдов, слонов, лошадей, быков и мулов, собранных в Равалпинди для смотра вице-короля Индии. Он принимал эмира Афганистана, дикого властителя очень дикой страны. Эмир в виде почетной стражи привел с собой восемьсот людей и лошадей, никогда не выдававших ни лагеря, ни локомотива, — диких людей и диких лошадей, взятых откуда-то из Центральной Азии. Каждую ночь несколько из этих неукротимых коней непременно разрывало свои путы и принималось носиться в темноте взад и вперед по лагрю, полному липкой грязи; иногда вырывались и верблюды, бегали, спотыкались, падали, наталкиваясь на веревки палаток, и вы можете себе представить, как это бывало приятно для людей, пытавшихся заснуть! Моя палатка стояла далеко от привязей верблюдов, но раз ночью какой-то человек просунул голову в мое холщовое жилище и закричал: «Выходите, скорее! Они бегут сюда! Моя палатка уже погибла!»

Я знал, кого он называл «они», а потому надел сапоги, непромокаемый плащ и выбежал в мокрую грязь. Малютка Виксон, мой фокстерьер, выскочил с другой стороны. Поднялись рев, ворчанье, шлепанье, я увидел, как моя палатка повисла, когда сломался ее основной шест, и скоро принялась танцевать, точно обезумевшее привидение. Под нее попал верблюд, и я, промокший и рассерженный, невольно все же расхохотался; потом побежал, не зная, сколько верблюдов сорвалось с привязи. Пробивая себе дорогу в липкой грязи, я очутился вне лагеря.

Вот я споткнулся о лафет пушки и понял, что попал к линии артиллерии, туда, где на ночь ставили орудия. Не желая больше в темноте месить грязь под морозящим дождем, я на-

¹ Перевод К. Атаровой.

кинул плащ на дуло одной из пушек и с помощью двух-трех найденных мной веток устроил себе свособразный вигвам, лег вдоль орудия и мысленно спросил себя, где мой Виксон и куда судьба занесла ме' я самого.

Как раз в ту минуту, когда я уже засыпал, послышалось звяканье сбруи, фыркание, и мимо меня прошел мул, встряхивая мокрыми ушами. Он принадлежал к батарее разборных орудий; я узнал это по скрипу ремней, звону колец, цепей и тому подобных предметов на его седелке. Разборные орудия — маленькие пушечки, которые состоят из двух частей; когда приходит время пустить их в дело, эти две половины скрепляют вместе. Их берут на вершины гор, всюду, где может пройти мул, и он очень полезен для боев в гористых местностях.

Позади мула шел верблюд; его большие мягкие ноги чмокали по грязи и скользили; его шея изгибалась взад и вперед, точно у бродящей курицы. К счастью, я достаточно хорошо знаю язык животных (конечно, не наречие диких зверей, а язык полковых животных), получив это знание от туземцев, и мог понять, о чем они говорили.

Конечно, это был тот верблюд, который попал в мою па-латку, так как он крикнул мулу:

— Что мне делать? Куда идти? Я бился с чем-то белым, развеваящимся, и эта вещь схватила палку и ударила меня по шее. — (Он говорил о сломанном шесте, и мне было очень приятно узнать, что кол его ударил.) — Побежали дальше?

— А, так это ты, — сказал мул, — ты и твои друзья встревожили весь лагерь? Прекрасно! Завтра утром вас за это побьют, а теперь и я могу дать тебе кое-что в задаток.

Я услышал звон сбруи, мул осадил, и верблюд получил два удара под ребра — гулких, будто били по барабану.

— Другой раз, — продолжал мул, — ты не кинешься ночью через батарею мулов с криком: «Воры! Пожар!» Садись и не крути глупой шеей.

Верблюд сложился вдвое, по-верблюжьи, как двухфутовая линейка, и, повизгивая, сел. В темноте послышался мерный топот копыт, и рослая полковая лошадь подскакала к нам таким спокойным галопом, точно гарцевала во время парада; она перепрыгнула через конец лафета и остановилась рядом с мулом.

— Это позорно, — сказал крупный конь, выпуская воздух через ноздри. — Эти верблюды опять прорвались через наши

ряды; третий раз на одной неделе! Как может остаться лошадь здоровой, если ей не дают спать? Кто здесь?

— Я — мул для переноски казенной части пушки номер два из первой разборной батареи, — ответил мул, — и со мной один из твоих друзей. Он разбудил и меня тоже. А ты кто?

— Номер пятнадцатый, отряда Е; девятый уланский полк, лошадь Дика Канлиффа. А ну-ка, посторонись.

— О, прошу извинения, — ответил мул. — Так темно, что видишь плохо. Ну не надоедливы ли эти верблюды? Я ушел от моих товарищей, чтобы побыть хоть минуту в покое и тишине.

— Господа мои, — скромно сказал верблюд, — нам снились дурные сны, и мы очень испугались. Я только грузовой верблюд 39-го Туземного пехотного полка, и я не так храбр, как вы, мои господа.

— Так почему же вы не остаетесь на ваших местах и не носите грузов для 39-го Туземного пехотного полка, вместо того чтобы бегать по всему лагерю? — сказал мул.

— Это были такие дурные сны, — повторил верблюд. — Я извиняюсь. Слушайте! Что это? Не броситься ли бежать?

— Сиди, — сказал мул, — не то твои длинные ноги застрянут между пушками. — Он насторожил одно ухо и прислушался. — Волы, — продолжал он, — орудийные волы. Даю слово, ты и твои друзья разбудили весь лагерь. Приходится долго толкать орудийного вола, чтобы поднять его на ноги.

Я услышал, что по земле волочится цепь, и к группе подошла пара сомкнутых одним ярмом крупных, мрачных белых волов, которые тянут тяжелые осадные орудия, когда слоны отказываются подойти ближе к линии огня; почти наступая на эту цепь, двигался другой артиллерийский мул, который диким голосом звал Билли.

— Это один из наших рекрутов, — заметил старый мул полковой лошади. — Он зовет меня. Я здесь, юноша, перестань кричать; до сих пор темнота никогда никому не вредила.

Орудийные волы легли рядом и стали пережевывать жвачку, а молодой мул совсем прижался к Билли.

— К нам, — сказал он, — ворвались страшные, ужасные существа, Билли. Когда мы спали, они подбежали к нашим привязям. Как ты думаешь, они убьют нас?

— Мне очень хочется порядком проучить тебя, — сказал Билли. — Только подумать! Мул, получивший такое воспитание, как ты, позорит батарею в присутствии благородного коня.

— Тише, тише, — сказала полковая лошадь. — Вспомни, вначале все таковы. В первый раз, когда я увидела человека (это случилось в Австралии, и мне тогда только что минуло три года), я бежала половину дня, явись в то время передо мной верблюд, я и до сих пор не остановилась бы.

Почти все лошади для английской кавалерии привозятся из Австралии, и их объезжают сами солдаты.

— Правда, — сказал Билли. — Перестань же дрожать, юный мул. Когда в первый раз на меня надели сбрую со всеми этими цепями, я, стоя на передних ногах, лягался и сбросил с себя решительно все. В то время я еще не научился лягаться как следует, но батарея сказала, что никто никогда не выдывал ничего подобного.

— Но теперь ведь не звенела сбруя, — возразил молодой мул. — Ты знаешь, Билли, что на такие вещи я уже не обращаю больше внимания. К нам прибежали чудища вроде деревьев и, покачиваясь, помчались вдоль наших рядов; моя привязь лопнула, я не нашел моего кучера, не нашел и тебя, Билли, а потому убежал с... вот с этими джентльменами.

— Гм... — протянул Билли. — Как только я узнал, что верблюды сорвались, я спокойно ушел. Скажу одно: когда мул из батареи разборных орудий называет артиллерийских волов джентльменами, это значит, что он сильно потрясен. Кто вы?

Орудийные волы перекинули свои жвачки из стороны в сторону и в один голос ответили:

— Седьмая пара первой пушки из батареи крупных орудий. Прибежали верблюды; в это время мы спали, но они начали наступать на нас, и мы поднялись и ушли. Лучше спокойно лежать в грязи, чем испытывать беспокойство на хорошей подстилке. Мы уверяли вашего друга, что бояться нечего, но этот мудрец держался другого мнения. Уа!

Они продолжали жевать.

— Вот что значит трусить, — сказал Билли, — над испугавшимся насмехаются орудийные волы. Я надеюсь, тебе это нравится, юный друг мой?

Зубы молодого мула скрипнули, и я услышал, как он пробормотал что-то о невозможности бояться каких-то глупых волов, волы же стукнулись друг о друга рогами и продолжали жевать жвачку.

— Не злись. Сердиться после испуга — худший род трусости, — заметила полковая лошадь. — Каждого, я думаю, можно

извинить за то, что он ночью испугался, увидав что-то испонятное для себя. Мы, четыреста пятьдесят лошадей, иногда волновались только потому, что вновь приведенный конек рассказывал нам о змеях Австралии, и в конце концов начинали до смерти бояться свободных концов наших арканов.

— Все это прекрасно в лагере, — заметил Билли. — Простояв на месте дня два, я сам не отказываюсь сорваться и мчаться вместе с другими, просто ради удовольствия; но как поступишь ты во время действительной службы?

— Ну, это совсем другое дело, — ответила полковая лошадь. — Тогда на моей спине сидит Дик Канлифф, сжимает меня коленями, и мне остается только наблюдать, куда я ставлю копыта, держать под собой задние ноги и понимать повод.

— Что значит «понимать повод»? — спросил молодой мул.

— Клянусь камедными деревьями! — фыркнула полковая лошадь. — Неужели ты хочешь сказать, что тебя не научили этому? Можно ли что-нибудь делать, не умся поворачиваться, едва повод касается твоей шеи? Ведь от этого зависит жизнь или смерть твоего человека и, следовательно, твоя жизнь или смерть. Поджимай задние ноги, едва почувствовал повод на шее. Если нет места повернуться, необходимо немного осадить и сделать поворот на задних ногах. Вот это и значит «понимать повод».

— Нас этому не учат, — натянутым тоном заметил Билли. — Мы научаемся повиноваться человеку, который движется впереди, — останавливаться, когда он скажет, и по его слову двигаться вперед. Я полагаю, что дело сводится к одному и тому же. Скажи же, чего, в сущности, ты достигашь благодаря всем этим прекрасным фокусам, поворотам, осаживанию?

— Зависит от обстоятельств, — ответила полковая лошадь. — Обыкновенно мне приходится вступать в толпу воюющих волосатых людей с ножами, длинными блестящими ножами, которые хуже ножей повара, и стараться, чтобы сапог Дика легко касался сапога его соседа. Я вижу копыте Дика справа от моего правого глаза и понимаю, что мне не грозит опасность. О, мне не хотелось бы очутиться на месте человека или лошади, находящихся против нас с Диком, когда мы скачем во весь дух.

— А разве эти ножи не ранят? — спросил молодой мул.

— Ну, однажды меня резнули по груди, но не по вине Дика.

— Стал бы я заботиться, кто виноват, раз мне больно, — заметил молодой мул.

— Приходится об этом думать, — возразила полковая лошадь. — Если ты не будешь доверять твоему человеку, лучше сразу беги. Так и поступают некоторые из наших, и я не виню их. Как я и говорила, меня ранили не по вине Дика. Человек лежал на земле, я шагнула, чтобы не наступить на него, и он ударил меня. Когда в следующий раз мне придется пройти через лежащего человека, я наступлю на него ногой, наступлю сильно.

— Гм, — сказал Билли, — все это, мне кажется, довольно глупо. Ножи всегда вещь скверная. Лучше подниматься на гору с хорошо утвержденным седлом, цепляться за камни всеми четырьмя ногами, карабкаться и извиваться, пока не очутишься на несколько соген футов выше всех остальных и не остановишься на площадке, где места оказывается только для твоих четырех копыт. Тогда стоишь неподвижно и спокойно (никогда не проси человека придержать твою голову, юноша), — стоишь и ждешь, чтобы части пушек свинтили, а потом смотришь, как маленькие круглые снаряды падают на вершины деревьев, там далеко, внизу.

— А ты никогда не спотыкаешься? — спросила полковая лошадь.

— Говорят, что, когда мул спотыкается, можно расщепить куриное ухо, — сказал Билли. — Может быть, плохо надетое седло иногда способно пошатнуть мула, но это случается крайне редко. Хотелось бы мне показать вам всем наше дело. Оно прекрасно. Сознаюсь, понадобилось три года, чтобы я узнал, что желают от нас люди. Все искусство заключается в том, чтобы мы никогда не рисовались на горизонте, так как в противном случае нас могут осыпать выстрелами. Помни это, юноша. Старайся всегда по возможности скрываться, даже если для этого тебе придется сделать крюк в целую милю. Когда дело доходит до подъема на горы, я веду за собой батарею.

— Знать, что в тебя стреляют, не имея возможности броситься в толпу стреляющих... — задумчиво сказала полковая лошадь. — Я не могла бы этого вынести! Мне непременно захотелось бы ударить по ним вместе с Диком.

— О нет, нет, ты не могла бы сделать этого; знаешь, когда орудия занимают позицию, нападают только пушки. Это научный и правильный метод, а ножи... Фу!

Несколько времени грузовой верблюд шевелил головой, желая вставить слово, потом я услышал, как он, прочистив горло, нервно заметил:

— Я... я... я тоже немного сражался, но не так; как вы, взбираясь на горы или бросаясь на неприятеля.

— Конечно, раз ты упоминаешь об этом, — кинул ему Билли. — Замечу, что ты, по-видимому, не создан для подъемов на горы или долгого бегу. Ну, скажи, как же было дело, скажи, старый Сенной Тюк!

— Бились как следует, — ответил верблюд. — Все мы сели...

— Ах, мой круп и лопатки! — про себя произнесла полковая лошадь и вслух прибавила: — Ты говоришь «сели»?

— Да, сели, все сто верблюдов сели, — продолжал он, — и образовали большой квадрат; люди нагромоздили наши вьюки и седла внутрь этого квадрата и принялись стрелять поверх наших спин во все четыре стороны.

— А что это были за люди? — спросила полковая лошадь. — В кавалерийской школе нас учат ложиться и не мешать нашим хозяевам стрелять через нас; но я позволила бы сделать это только одному Дику Канлиффу. Это щекочет меня подле подпруги; кроме того, когда моя голова лежит на земле, я ничего не вижу.

— Не все ли равно, кто стреляет через тебя? — спросил верблюд. — Ведь тогда поблизости много других людей, много других верблюдов, и поднимается громадное количество клубов дыма. Тогда я нисколько не боюсь. Я сижу тихо и жду.

— А между тем, — заметил Билли, — когда тебе снятся дурные сны, ты пугаешься и тревожишь лагерь. Ну-ну! Раньше чем я лягу, не говорю уж сяду, и позволю человеку стрелять через себя, мои копыта поговорят с его головой. Слыхали ли вы что-нибудь ужаснее этого?

Наступило продолжительное молчание. Наконец один из орудийных волов поднял свою огромную голову и сказал:

— Да, очень глупо. Существует только один хороший способ борьбы.

— Продолжай, — заметил Билли. — И, пожалуйста, не щади меня. Предполагаю, что вы, вола, сражаетесь, стоя на ваших хвостах?

— Существует только один способ войны, — сказали сразу оба вола. (Они, вероятно, были близнецы.) — Вот какой. Едва протрубит Двухвостка (лагерное прозвище слонов), запрягают двадцать пар волов в одно большое орудие...

— А зачем трубит Двухвостка? — спросил молодой мул.

— Чтобы показать, что он не хочет подходить к дыму. Двухвостка — трус. Мы все вместе тащим огромное орудие. Хейя!

Хуллах! Хейах! Хуллах! Мы не карабкаемся, как кошки, и не бежим, как телята. Мы идем по гладкой долине, все двадцать пар, пока нас не разомкнут, а тогда начинаем пастись. Крупные пушки через низменность говорят с каким-нибудь городом, окруженным глиняными стенами; куски стен падают, пыль взвивается так высоко, точно домой идет множество скота.

— О, и вы в это время пасетесь? — спросил молодой мул.

— И в это время, и в другое. Есть всегда приятно. Мы едим, пока на нас снова не наложат ярмо и мы не повезем пушку обратно к тому месту, где ее ждет Двухвостка. Иногда в городе тоже оказываются большие орудия; они нам отвечают, и кое-кто из нас бывает убит, для оставшихся остается больше травы. Это судьба, только судьба. Тем не менее Двухвостка великий трус. Вот настоящий способ сражаться. Мы братья и пришли из Гапура. Наш отец был священный бык Шивы. Мы кончили говорить.

— Надо сознаться, что я многое узнала в эту ночь, — заметила полковая лошадь. — Скажите, джентльмены разборных пушек, чувствуете ли вы склонность щипать траву, когда в вас стреляют из крупных орудий, а позади вас шагает Двухвостка?

— Мы так же мало склонны есть в это время, как садиться, позволять людям стрелять через нас или кидаться в толпу солдат, вооруженных ножами. Я никогда не слыхивал ничего подобного. Горная площадка, хорошо уравновешенный груз, погонщик, который, я знаю, позволит мне выбирать дорогу, — и я к вашим услугам; но все остальное — нет! — сказал Билли.

— Понятно, — протянула полковая лошадь, — не все устроены одинаковым образом, и я вполне ясно вижу, что благодаря вашему происхождению с отцовской стороны вы не в силах понимать многое.

— Прошу не касаться моего рода с отцовской стороны, — сердито возразил Билли (ни один мул не любит напоминания о том, что его отцом был осел). — Мой отец был джентльмен с Юга, и он мог сбить с ног, искушать и разорвать ногами в кло чья любую лошадь, попавшуюся на его пути. Помни, ты, здоровенный каурый Брамби!

«Брамби» значит «дикая объезженная лошадь». Представьте себе чувство скакуна, которого ломовая лошадь назовет клячей, и вы поймете, что испытал австралийский полковой конь. Я видел, как в темноте блеснули его белки.

— Слушай, ты, сын привозного с Малаги осла, — сказал он сквозь зубы. — Узнай, что с материнской стороны я в родстве с Кербайном, который выиграл Мельбурнский кубок. Там, откуда я родом, мы не привыкли, чтобы нами управляли плохо подкованные мулы с языком попугая, с глупой головой и служащие в батарее духовых пушек, стреляющих горохом. Ты готов?

— Поднимайся! — взвизгнул Билли. Они оба стали друг против друга на дыбы, и я ждал, что начнется ожесточенный бой, но вдруг из темноты справа послышался горловой раскатистый голос:

— Из-за чего вы деретесь тут, дети? Успокойтесь.

Оба животных, фыркнув с досадой, опустились на ноги, потому что ни лошади, ни мулы терпеть не могут голоса слона.

— Это Двухвостка, — сказала полковая лошадь. — Я не выношу его. По хвосту с каждого конца! Противно!

— Я испытываю то же самое, — сказал Билли, подходя поближе к полковой лошади. — В некоторых отношениях мы с тобой походим друг на друга.

— Я думаю, мы унаследовали это сходство от наших матерей, — заметила полковая лошадь. — Не стоит ссориться. Эй ты, Двухвостка, ты привязан?

— Да, — ответил Двухвостка и засмеялся во весь свой хобот. — Меня загородили на ночь, и я слышал все, что вы говорили. Но не бойтесь: я не перешагну изгороди.

Волы и верблюды тихонько сказали:

— Бояться Двухвостки? Что за вздор!

И волы прибавили:

— Нам жаль, что ты слышал, но мы говорили правду. Двухвостка, почему ты боишься пушек, когда они стреляют?

— Ну, — сказал Двухвостка, потирая одну заднюю ногу о другую совершенно так, как это делает маленький мальчик, декламируя поэму, — я не знаю, поймете ли вы меня.

— Мы многого не понимаем, но нам приходится возить пушки, — ответили волы.

— Я это знаю, знаю также, что вы гораздо смелее, чем сами думаете. Я — другое дело. Капитан моей батареи на днях назвал меня «толстокожим анахронизмом».

— Это еще новый способ вести сражение? — сказал Билли, который уже оправился.

— Ты не понимаешь, что это значит, а я понимаю. Это значит «между и посреди», и это мое место. Когда снаряд взры-

вається, я своїм мозгом вижу, що проізоїдет после взрива; вы же, воли, не видите мозгом.

— Я вижу, — сказала полковая лошадь. — По крайней мере отчасти, но стараюсь не думать о том, что вижу.

— Я вижу больше тебя и думаю об этом. Я знаю, что мне следует заботиться о себе, я так велик; известно мне также, что, когда я бываю болен, никто не умеет лечить меня; люди могут только прекратить выдачу жалованья моему погонщику, пока я не поправлюсь, а моему погонщику я не могу доверять.

— Ага, — заметила полковая лошадь, — вот и объяснение! Я доверяю Дику.

— Ты можешь посадить целый полк таких Диков на мою спину, а я все-таки от этого не буду чувствовать себя лучше. У меня достаточно знаний, чтобы тревожиться, и слишком мало их, чтобы, несмотря на тревогу, идти вперед.

— Мы тебя не понимаем, — сказали воли.

— Да, не понимаете, а потому я и не говорю с вами. Вы не знаете, что такое кровь.

— Знаем, — возразили воли. — Это красное вещество; оно выпитывается в землю и пахнет.

Полковая лошадь брыкнула, подпрыгнула и фыркнула.

— Не говорите о ней, — сказала она. — Думая о крови, я чувствую ее запах, а запах этот вселяет в меня желание бежать прочь... когда на моей спине нет Дика.

— Да ведь ее же нет здесь, — сказали в один голос верблюды и воли. — Почему ты такая глупая?

— Это противное вещество, — сказал Билли. — У меня нет желания броситься бежать, но я не хочу разговаривать о крови.

— Вот-вот. На этом вам следует остановиться, — сказал Двухвостка, в виде пояснения помахивая хвостом.

— Конечно. Мы и так простояли здесь всю ночь, — согласились с ним воли.

Двухвостка нетерпеливо стукнул о землю ногой, и железное кольцо на ней зазвенело.

— Ах, я не говорю с вами. Вы ничего не видите мозгом.

— Нет, мы только видим нашими четырьмя глазами, — сказали воли, — но видим решительно все, что нам встречается.

— Если бы мне пришлось только смотреть, и ничего больше, вас не заставляли бы возить крупные орудия. А если бы я походил на моего капитана (он видит мозгом многое до начала

стрельбы и весь дрожит, но не убегает), так вот, если бы я походил на него, я мог бы стрелять из пушки. Однако, будь я вполне мудр, я не был бы здесь. Я по-прежнему оставался бы королем леса; половину дня спал бы и купался бы, когда мне вздумается. Теперь же я целый месяц не мог выкупаться как следует.

— Все это прекрасно, — сказал Билли, — и тебе дали странное имя, но ведь длинное название не помогает понимать непонятное.

— Тс! — сказала полковая лошадь. — Мне кажется, я понимаю, что говорит Двухвостка.

— Через минуту ты поймешь это еще яснее, — сердито проговорил слон. — Ну-с, пожалуйста, объясни, почему тебе не нравится вот это?

И он с ожесточением затрубил во всю силу своего хобота.

— Перестань, перестань! — в один голос сказали Билли и полковая лошадь, и я услышал, как они в темноте дрожали и топали ногами. Крик слона всегда неприятен, в темную же ночь особенно.

— Не перестану, — сказал Двухвостка. — Не угодно ли вам объяснить следующее: Ххррмф! Рррт! Рррмф! Рррха!

Вдруг он замолчал; из мрака до меня донесся легкий визг, и я понял, что Виксон наконец отыскал меня. Он отлично знал, как знал и я, что больше всего в мире слон боится маленькой лающей собачки.

Виксон тьякал, прыгая вокруг больших ног Двухвостки. Двухвостка беспокойно задвигался и, слегка крикнув, сказал:

— Уходи, собачка, не обнюхивай моих щиколоток, не то я ударю тебя. Добрая собачка! Ну, милая собаченька! Уходи домой, тьякающее маленькое животное. Ах, почему это никто не возьмет ее? Она сейчас меня укусит.

— Мне сдается, — сказал полковой лошади Билли, — что наш друг Двухвостка боится многого. Ну, если бы мне давали достаточно пищи за каждую собаку, которую я швырял через военную площадку, я был бы теперь почти так же жирен, как Двухвостка.

Я свистнул, Виксон подбежал ко мне и, грязный с головы до ног, стал лизать мне нос и принялся пространно объяснять, как он отыскивал меня в лагере. Я никогда не давал ему понять, что мне известен язык животных, ведь в противном случае он слишком распустился бы. Итак, я только посадил его к

себе на грудь, застегнув сверху пальто. Двухвостка зашаркал ногами, потопал ими и проворчал про себя:

— Удивительно! До крайности удивительно! Это у нас наследственное. Куда же девалось злое маленькое животное?

Я услышал, как он стал хоботом ощупывать землю вокруг себя.

— У каждого из нас, по-видимому, есть своя болезнь, — сказал он, продувая хобот. — Вот вы все, кажется, боитесь, когда я трублю.

— Не могу назвать своего чувства настоящим страхом, — возразила полковая лошадь. — Но в это время во мне рождается такое ощущение, точно там, где на моей спине должно лежать седло, копошатся оводы. Пожалуйста, довольно!

— Я боюсь маленькой собаки, верблюдов пугается дурных ночных сновидений.

— Для всех нас хорошо, что нам не приходится сражаться одинаковым образом, — заметила полковая лошадь.

— Вот что я хочу узнать, — сказал очень долго молчавший молодой мул. — Я хочу знать, почему нам вообще приходится сражаться?

— Да потому, что нам приказывают идти в бой, — презрительно фыркнув, сказала полковая лошадь.

— Приказ, — подтвердил Билли-мул и резко закрыл рот, щелкнув зубами.

— Хукм-хэ¹. Так приказано, — произнес верблюд, и в его горле что-то булькнуло.

Двухвостка и волы повторили:

— Хукм-хэ!

— Да, но кто же приказывает? — спросил мул-рекрут.

— Человек, который идет перед тобой, или сидит на твоей спине, или держит веревку, продетую в твой нос, или крутит твой хвост, — поочередно сказали Билли, полковая лошадь, верблюд и волы.

— А кто дает им приказания?

— Ну, ты хочешь знать слишком многое, юнец, — сказал Билли, — а за это не хвалят. Тебе нужно только повиноваться человеку, идущему перед тобой, и не задавать вопросов.

— Правда, — сказал слон. — Я не всегда повинуюсь, потому что я «между и посреди», однако Билли прав. Повинуйся

¹ Есть приказ (*хинди*).

человеку, который идет подле тебя и даст тебе приказания, потому что в противном случае тебя не только побьют, но ты еще и остановишь батарею.

Орудийные волю поднялись, чтобы уйти.

— Подходит утро, — сказали они. — Мы вернемся к нашим рядам. Правда, что мы видим только глазами и не особенно умны; а все же сегодня ночью мы одни ничего не испугались. Покойной ночи, вы, храбрые существа.

Никто не ответил им, и для перемены разговора полковая лошадь сказала:

— Где же собачонка? Где собака, там неподалеку и человек.

— Я здесь, — твякнул Виксон, — под лафетом с моим чело-
веком. Ты, здоровенный глупый верблюд, опрокинул нашу па-
латку. Мой хозяин очень сердится.

— Фу! — сказали волю. — Он, вероятно, белый?

— Ну конечно, — ответил Виксон. — Неужели вы предпо-
лагаете, что за мной смотрит черный погонщик волов?

— Ах! Уах! Ух! — сказали волю. — Уйдем поскорее.

Они двинулись прочь, увязая в грязи, каким-то образом умудрились зацепить своим ярмом за дышло фуры с припасами, где оно и застряло.

— Ну, готово, — спокойно сказал Билли. — Да не бейтесь вы! Теперь вы останетесь здесь до утра. Но в чем же дело?

Раздалось продолжительное свистящее фырканье, собственное рогатому скоту Индии; волю бились, теснились друг к другу, топали ногами, скользили, вязли в грязи и чуть было не упали на землю, все время яростно кряхтя.

— Через минуту вы сломаете себе шею, — сказала им полковая лошадь. — Что в белых людях? Я живу поблизости от них...

— Они... едят... нас! Вперед! — сказал ближайший вол. Ярмо с треском разломилось надвое, и громадные животные двинулись дальше.

До тех пор я не знал, почему индийский домашний скот так боится англичан. Мы едим говядину, до которой не дотрагивается ни один индусский погонщик; итак, понятно, почему мы не нравимся туземному рогатому скоту.

— Пусть меня исколотят цепями от моей собственной сделки! Кто бы подумал, что два таких огромных чудовища могут совсем обезуметь? — произнес Билли.

— Не обращай на них внимания. Я посмотрю на этого человека. Я знаю, у большинства белых в карманах лежат хорошие вещи, — сказала полковая лошадь.

— В таком случае я уйду. Не могу сказать, чтобы я слишком любил их. Кроме того, белый человек, у которого нет собственного места для ночлега, по всей вероятности, вор, а у меня на спине много вещей, принадлежащих правительству. Ну, юнец, отправимся к своим. Покойной ночи, Австралия! Вероятно, мы с тобой увидимся завтра во время парада. Покойной ночи, старый Сенной Мешок! На будущее старайся лучше владеть собой. Покойной ночи, Двухвостка. Пожалуйста, проходя мимо нас по площадке, не труби. Это портит правительственность нашего строя.

Билли-мул пошел прочь покачивающейся походкой старого воителя; голова лошади пододвинулась ко мне, и ее нос стал обнюхивать мне грудь; я дал ей сухарей. Виксон же, самая тщеславная собачонка в мире, принялся рассказывать ей сказки о тех десятках лошадей, что прошли через наши руки.

— Завтра я приеду на парад в моем шарабане, — сказал он. — Где ты будешь?

— С левой стороны второго эскадрона. Я задаю темп для всего полка, малютка, — вежливо объяснила полковая лошадь. — Теперь я должна вернуться к Дику. Мой хвост совсем запачкался, и ему придется усиленно поработать часа два, чтобы привести меня в порядок перед парадом.

В этот день был большой парад. Мимо нас двигались полки; одна за другой прокатывались волны ног, шагавших вместе, ружей, вытянутых в одну линию, и наконец наше зрение помутилось. Вот прекрасным кавалерийским галопом в такт песне «Бонни Данди» проехала кавалерия, и, сидя в шарабане, Виксон насторожил одно ухо. Пронесся второй уланский эскадрон, в его рядах была наша полковая лошадь; она твердо держала ритм для всего своего эскадрона, и ее ноги скользили с легкостью мелодии вальса. Потом просехали крупные орудия, и я увидел Двухвостку и еще двух слонов, заложенных гуськом в сорокафунтовое осадное орудие; за ними двигалось двадцать смычек волов. На седьмой паре лежало новое ярмо, и оба эти вола имели усталый неуклюжий вид. В самом конце появились разборные пушки; Билли-мул держался так, точно он командовал всеми войсками.

Вот опять пошел дождь, и на несколько минут в воздухе повисла густая дымка; не было видно, что делают войска. Они описали на равнине большой полукруг и стали вытягиваться в одну линию, которая все росла, росла и росла, пока наконец от одного ее конца до другого не образовалось пространство в три четверти мили; это была одна прочная стена из людей, лошадей и орудий. И вот она двинулась прямо на вице-короля и эмира; когда стена эта приблизилась, земля задрожала, как палуба парохода при быстрой работе машин.

Если вы не были там, вы не вообразите себе, какое страшное впечатление производит постоянное приближение войск даже на тех зрителей, которые знают, что они видят только парад. Я взглянул на эмира. До этих пор он не выказывал ни тени изумления или какого-либо другого чувства; теперь же его глаза стали расширяться все больше и больше; он натянул поводья своей лошади и оглянулся. С минуту казалось, что вот-вот он обнажит саблю и прорубит себе дорогу через толпу английских мужчин и женщин, наполнявших экипажи позади него. Движение войск прекратилось, почва успокоилась; вся линия войск салютовала; тридцать оркестров заиграло зараз. Наступил конец парада, и войска под дождем направились к своим лагерям, и полковой оркестр заиграл:

Звери идут — все как один,
ура!
Звери идут — все как один!
Слоны и мулы — все садятся в Ковчег,
Чтоб от потопа спастись!¹

И я услышал, как старый, седой, длинноволосый начальник племени из Центральной Азии, приехавший вместе с эмиром, задавал вопросы одному туземному офицеру.

— Скажите, — спросил он, — как могли сделать эту удивительную вещь?

Офицер ответил:

— Было дано приказание, его выполнили.

— Да разве животные так же умны, как люди? — продолжал спрашивать азиат.

— Они слушаются, как люди. Мул, лошадь, слон или вол — каждый повинуется своему погонщику, погонщик — сержан-

¹ Перевод К. Атаровой.

ту, сержант — поручику, поручик — капитану, капитан — майору, майор — полковнику, полковник — командующему тремя полками, командующий — генералу, который подчиняется вице-королю, а тот — слуга Ее Величества. Вот как делается у нас.

— Хорошо, если бы так было и в Афганистане, — сказал старик, — ведь там мы слушаемся только нашей собственной воли.

— Вот потому-то, — заметил офицер, покручивая ус, — вашему эмиру, которого вы не слушаетесь, приходится являться к нам и получать приказания от нашего вице-короля.

Парадный марш армейских животных

Батарейные слоны

Был Александр Великий силен, как Геркулес, —
Это мы его нашей мощью вознесли до самых небес;
Мы покорно склоняем шеи, подчиняясь приказам людей,
Дорогу десятифутовой прислуге
Сорокафунтовых батарей!

Артиллерийские волю

Эти герои в сбруе дрожат при свисте ядра,
А стоит им вспомнить о порохе, они не уснут до утра;
Тогда начинается дело для нас: тянуть построжки сильней,
Дорогу двадцатке парных упряжек
Для сорокафунтовых батарей!

Кавалерийские кони

Вам тавром поклянусь, что от песни лихой,
Той, с которой драгуны бросаются в бой,
Я хмелею — пусть отдых манит впереди;
Мне милее — галопом под «Бонни Данди»!

Нас и кормят, и поят, и холят — а все ж
Мне дороже всего эта сладкая дрожь:
В наступленье пошел эскадрон, и гляди —
Мы рванули, помчались под «Бонни Данди»!

© Перевод. А. Колотов, М. Яснов, 2004.

Мулы из горной артиллерии

Мы шли по горным склонам, где только мул пройдет.
Тропа терялась в осыпях, но все же мы шли вперед.
Давай, ребята, все выше вверх, где нас не найдут враги, —
Под нами пропасть, но к черту робость, коль есть четыре ноги!

Удача тому, кто дает нам каждому выбрать собственный путь,
Проклятье тому, кто не может, как надо, наши вьюки затянуть.
Давай, ребята, все выше вверх, где нас не найдут враги, —
Под нами пропасть, но к черту робость, коль есть четыре ноги!

Обозные верблюды

Нет у нас марша и глотки грубы,
Чтобы запеть на ходу.
Но каждая шея — не хуже трубы
(Тррру-ру-ру! Не хуже трубы!),
Горланит у всех на виду:
— Ни за что! Не хочю! Не пойду!..
Эта песня летит по рядам!
Кто-то гаркнул и вдруг скинул на землю вьюк —
Не пора ль отдышаться и нам?
Кто-то сразу же встал — можно сделать привал:
Отдохнуть, полежать, поорать!
— Уррр!.. Йяррр!.. Гррр!.. Харрр!..
Ух, виновному несдобровать!

Все животные вместе

Дети армий и войны,
В упряжи идем, смирны,
Мы идем — и нас ведут
Шпоры, сбруя, хлыст и кнут.
Мы идем — за цепью цепь,
Будь то горы или степь,
Груз таскаем на спине
От войны к другой войне.
Рядом с нами строй солдат,
Пыльных, мрачных, и грозят
Эти тропы — нам и им —
Лишь страданием одним.
*Дети армий и войны,
В упряжи идем, смирны,
Мы идем — и нас ведут
Шпоры, сбруя, хлыст и кнут!*

Откуда пошел Страх

Твердеет земля, пересохла река,
Мы стали друзьями с тобой.
Горят наши десны и пыльны бока,
Лежим мы над мелкой рекой.
Страх общий над нами царит,
Забыли мы распри и бой;
Волк рядом с оленем стоит,
Все в мире теперь меж собой.
Засохли пруды, пересохла река,
Мы стали друзьями с тобой, —
Друзьями, пока облака
Дождя не прольют над землей.
«Доброй охоты», — нам крикнут они;
Кончатся засухи тяжкие дни.

Так как Закон Джунглей, считающийся древнейшим законом в мире, предусматривает все случайности, которые могут грозить народу Джунглей, он до сих пор настолько же совершенен, насколько может быть совершенен Закон, созданный временем и обычаями. Если вы читали другие рассказы о Маугли, то, наверное, помните, что он провел большую часть жизни среди волчьей Стаи Сиони, учась законам у Балу, Бурого Медведя. И когда мальчику надоело заучивать бесконечные правила, Балу говорил ему, что Закон подобен гигантской лиане; ибо он, как лиана, охватывает каждого и никто не может от него вырваться.

— Когда ты поживешь с мое, Маленький Братец, то увидишь, что все Джунгли повинуются в конце концов одному Закону. А познакомиться с ним невесело, — прибавлял Балу.

Конечно, Маугли впускал эти слова в одно ухо и выпускал в другое, потому что он только и делал, что ел и пил и обращал внимание лишь на то, с чем ему приходилось сталкиваться лицом к лицу. Но в один прекрасный год слова Балу оправда-

лись, и Маугли увидал, что все Джунгли находятся под властью одного Закона.

Однажды совсем не выпало зимних дождей, и Саги, Дикобраз, встретив Маугли в бамбуковых зарослях, сообщил ему, что дикие ямсы начинают сохнуть. Все знают, что Саги удивительно прихотлив в пище и ест только самое лучшее, спелое. Маугли рассмеялся в ответ:

— А мне-то что за дело?

— *Теперь* тебе нет дела, — сказал Саги, топорщась и неприятно треща своими иглами, — а потом мы посмотрим. Купается ли кто-нибудь в глубоком озере за Пчелиными Скалами, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода вся ушла, а я вовсе не намерен разбить себе голову, — сказал Маугли, воображавший, что он знает больше, чем пять жителей Джунглей, взятых вместе.

— Тем хуже для тебя. Может, будь у тебя трещинка в голове, туда бы вошло немного ума, — сказал Саги и свернулся, боясь, что Маугли дернет его за усы.

Маугли передал Балу, что говорит Саги. Балу выслушал очень серьезно и пробормотал вполголоса:

— Будь я один, я переменял бы место охоты теперь же, прежде чем спохватятся другие. Но охота на чужих землях всегда влечет за собою драку, в которой могут ранить моего человеческого детеныша. Подождем, посмотрим, как зацветет мова.

В эту весну мова, дерево, которое так любил Балу, совсем не цвело. Зеленовато-желтые, словно восковые, бутоны были убиты жарой, прежде чем успели распуститься, и когда Балу, поднявшись на задние лапы, тряс дерево, на него упало только несколько дурно пахнувших лепестков. Постепенно, вершок за вершком, зной пробирался в самое сердце Джунглей, окрашивая все в желтый, коричневый и, наконец, в черный цвет. Зеленые кустарники по бокам оврагов превращались в прутья, свивались в мертвые волокна. Скрытые под зеленью пруды опадали и высыхали, следы по краям их казались выкованными из железа, сочные лианы сваливались с деревьев и умирали у их ног, бамбук высох и звенел при дуновении горячего ветра, мох свалился со скал, и они стали такими же голыми и горячими, как камушки на дне высохшей реки.

Птицы и обезьяны в этом году уже давно ушли на север, потому что они знали, что им предстоит. Лань и дикий кабан

заходили далеко на высохшие крестьянские поля, умирая на глазах людей, которые так ослабли, что не могли их убивать. Чиль, Коршун, разжирел и растолстел, потому что было очень много падали, и вечер за вечером он приносил зверям, слишком ослабевшим, чтобы идти на новые места, весть, что солнце убило Джунгли еще на три дня полета вокруг.

Маугли, до сих пор не знавший настоящего голода, начал есть третьегоднешний дикий мед, выскребая его из опустевших ульев в скалах. Мед был черен, как ягоды терна, и сверху весь засахарился. Он охотился за жуками, живущими глубоко под корой, и вытаскивал личинки ос. Все звери Джунглей стали кожа да кости, и Багире на один обед приходилось убивать по три штуки.

Но хуже всего было то, что не хватало воды. Народы Джунглей пьют редко, но помногу зараз.

Жара все усиливалась и усиливалась; она вытягивала из земли последнюю влагу, пока наконец главное русло Вайнганги не осталось единственной речкой, в которой между мертвыми берегами еще пробивалась струйка воды.

И когда Хатхи, слон, живший уже сто лет, а может, и больше, увидел, что посередине реки показалась длинная, сухая голубоватая гряда скал, он узнал в ней Скалу Мира, поднял хобот и провозгласил мир ради воды, как это сделал его отец пятьдесят лет тому назад. Олень, дикий кабан, буйвол — все хриплыми голосами подхватили его возглас, и Чиль, Коршун, описывая большие круги над Джунглями, выкрикивал и высистывал свое предупреждение.

По Законам Джунглей, убийство вблизи водопоя, когда уже провозглашен мир, наказывается смертью. Причина та, что пить необходимее, чем есть. Каждый житель Джунглей может перебиться, когда не хватает дичи, но вода есть вода, и, когда остается только один источник, всякая охота по соседству с ним прекращается, потому что народ Джунглей ходит туда по необходимости. В обыкновенное время, когда воды много, те, кто приходит пить к Вайнганге или вообще куда бы то ни было, рискуют жизнью, и этот риск является одним из удовольствий ночной жизни. Спуститься так, чтобы ни один листочек не зашуршал, бродить по колено в воде, шум которой заглушает всякий шорох, пить, поминутно оглядываясь, держа все мускулы напряженными, чтобы при первой тревоге сделать отчаянный прыжок, кататься по

песчаному берегу и вернуться, вдоволь напившись, с мокрой мордой, к восхищенному стаду — все это необыкновенно приятно молодым оленям с блестящими рогами, главным образом потому, что они знают, что Шер-Хан и Багира могут каждую минуту броситься на них и резать. Но теперь эта игра жизнью кончилась. Народы Джунглей — тигры, медведи, олени, буйволы и кабаны, — все ослабевшие, приходили к высохшей реке, пили мутную воду и ложились тут же, не имея сил идти дальше.

Олени и кабаны бродили целый день, ища чего-нибудь получше сухой коры и поблекших листьев. Буйволы не находили болот, где бы можно было освежиться, и зеленого хлеба, чтобы можно было его своровать. Змеи выползли из Джунглей и пришли к реке, надеясь поймать какую-нибудь шальную лягушку. Они обвились вокруг мокрых камней и даже не пытались жалить, когда роющий землю кабан задевал их. Речные черепахи были уже давно съедены Багирой, самым умным из охотников, а рыбы зарылись глубоко в ил. Одна Скала Мира лежала, как громадная змея, среди отмели, а легкие волны, прикасаясь, с шипением высыхали у ее горячих боков.

Маугли пришел туда ночью, ища прохлады и общества. Самый голодный из его врагов вряд ли тронул бы его теперь. Благодаря своей голой коже он казался худее всех своих товарищей. Его волосы выгорели на солнце и стали похожи на паклю. Ребра торчали у него, как прутья корзины, а мозоли на локтях и коленях, оттого что он часто ходил на четвереньках, придавали его истощенным членам вид узловатых стебельков травы. Но глаза его под бледным лбом смотрели холодно и спокойно, потому что Багира, его советчик в минуты опасности, научила его двигаться спокойно, охотиться медленно и никогда ни при каких обстоятельствах не терять самообладания.

— Скверное времечко, — сказала Черная Пантера в один знойный вечер. — Но это пройдет, если мы только доживем до конца. Полон ли твой желудок, Маленький Брат?

— У меня есть еда в желудке, только от нее мало толку. Как ты думаешь, Багира, дожди забыли нас и никогда больше не вернутся?

— Не думаю. Мы увидим еще, как зацветет мова и молодые олени разжиреют на свежей траве. Пойдем к Скале Мира и послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Не время теперь носить тяжести. Я еще могу стоять на ногах. Но все-таки мы с тобой не похожи на тучных волов.

Багира посмотрела на свои вытертые, пыльные бока и прошептала:

— Прошлую ночь я убила быка под ярмом. Я до того дошла, что не посмела бы прыгнуть на него, будь он на свободе... Ух!

Маугли засмеялся.

— Да, славными мы с тобой стали охотниками, — сказал он. — Я настолько расхрабрился, что ем червяков.

И оба спустились по хрустящему вереску к берегу реки, где отдели шли, как кружево, по всем направлениям.

— Вода не проживет долго, — сказал Балу, подходя к ним. — Смотри, везде следы, подобные дорогам людей.

На низинках, где прежде был берег, жесткая трава Джунглей умерла стоя и, умирая, превратилась в мумию.

Следы, пробитые оленями и кабанами по направлению к реке, испещрили бесцветную долину пыльными рытвинами, видневшимися среди высокой травы, достигавшей десяти футов высоты, и в этот ранний час все тропинки были полны зверей, спешивших первыми попасть к воде. Можно было слышать, как кашляли олени и их детеныши от мелкой пыли. Выше, там, где застоявшаяся вода огибала Скалу Мира, стоял слон Хатхи со своими тремя сыновьями, большими и серыми при лунном свете, и качался, качался не переставая. Немного ниже перед ним расположился авангард оленей, за ними кабаны и буйволы, а на противоположном берегу, где высокие деревья подходили к самой воде, было отведено место для хищников: тигров, волков, пантер, медведей и прочих.

— Все мы действительно повинемся одному Закону, — сказала Багира, бродя по воде и оглядывая ряды рогов и оставившихся глаз, где олени и кабаны толкали друг друга.

— Доброй охоты всем, кто одной крови со мной, — прибавила она, растягиваясь во всю длину, причем один бок ее выдавался из воды. Потом она докончила сквозь зубы: — Кабы не Закон, здесь можно было бы *очень* хорошо поохотиться.

Настороженные уши оленей поймали последние слова, и испуганный шепот пронесся по рядам:

— Засуха. Помните о засухе!

— Мир, здесь мир, — крикнул Хатхи, дикий слон. — Засуха еще продолжается. Не время говорить об охоте.

— Кто же это знает лучше меня, Багиры? — отвечала Багира, смотря своими желтыми глазами вверх по реке. — Я ем

теперь черепах и ловлю лягушек. Нгайа! О, если бы я могла насытиться, обгладывая ветки.

— Как бы мы этого хотели, — заблеял молоденький олень, который только что родился этой весной и которому Багира не понравилась.

Хоть народ Джунглей был в самом жалком состоянии, но все, даже Хатхи, не могли не засмеяться. А Маугли, лежа на локтях в теплой воде, громко хохотал и болтал в воде ногами.

— Хорошо сказано, крошка безрогий, — промурлыкала Багира. — Когда кончится засуха, я это попомню, к твоему счастью. — И она зорко начала вглядываться в темноту, чтобы получше рассмотреть детеныша и потом узнать его.

Постепенно разговор на водопое сделался общим. Вы могли бы услышать хрюкающего кабана, который просил подвинуться буйволов, ворчащих что-то между собой, бродя по песчаным отмелям, а олень жалобно рассказывал о своих бесплодных поисках пищи. Время от времени они обращались с вопросом к плотоядным, стоявшим на другом берегу, но все вести были печальны. Горячий ветер Джунглей носился между скалами и сухими шуршащими ветками и усыпал воду листьями и пылью.

— Племя людей тоже умирает за плугами, — сказал молодой самбур. — Я прошел от заката и до наступления ночи мимо троих. Они лежали неподвижно, а рядом с ними их буйволы. Скоро мы будем лежать так же.

— Воды еще убыло со вчерашнего дня, — сказал Балу.

— Видал ли ты что-нибудь подобное, о Хатхи?

— Пройдет, пройдет, — сказал Хатхи, поливая себе плечи и спину водой.

— Среди нас есть один, который скоро не выдержит, — сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого он так любил.

— Я? — сказал возмущенно Маугли, садясь в воде. — У меня только нет шерсти, чтобы прикрыть мои кости, но, если бы снять мех с Балу...

Хатхи содрогнулся от такой мысли, и Балу строго сказал:

— Человеческий детеныш, неприлично говорить так с Учителем Закона. Никто еще не видел меня без шкуры.

— Ну вот, я не хотел тебя обидеть, Балу, я хотел только сказать, что ты кокосовый орех в шелухе, а я голый кокосовый орех. Вот если снять твою бурую шелуху...

Маугли сидел, поджав ноги, и объяснялся, по своему обыкновению, пальцами. Багира подошла, протянула свою исхудавшую лапу и столкнула его назад в воду.

— Дальше в лес — больше дров, — сказала Черная Пантера, когда мальчик встал, отряхиваясь. — Сначала с Балу надо было содрать шкуру, теперь он кокосовый орех. Будь осторожнее, чтобы он не сделал с тобой того, что делают иногда зрелые кокосовые орехи.

— А что они делают? — спросил растерявшийся Маугли, хотя это была одна из самых старых шуток Джунглей.

— Разбивают безмозглые головы, — сказала спокойно Багира, снова окуная его.

— Нехорошо смеяться над учителем, — сказал Балу, когда Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо? Да что с вами? Эта голая тварь бегает всюду, гримасничает, как обезьяна, передразнивает тех, которые были славными охотниками, и в шутку дергает лучших из нас за усы, — проговорил Шер-Хан, хромой тигр, спускаясь к воде. Он подождал с минутку, наслаждаясь впечатлением, которое он произвел на оленей на противоположном берегу, потом пошел дальше, вытянув голову, и начал лакать, ворча: — Джунгли сделались теперь убежищем для голых детенышей. Посмотри на меня, человеческий детеныш...

Маугли пристально посмотрел на него с самым дерзким выражением лица, и через минуту Шер-Хан отвернулся.

— Человеческий детеныш там, человеческий детеныш тут, — проворчал он, принимаясь опять пить. — Этот детеныш — и не человек и не детеныш, а то бы он испугался. На будущий год мне придется просить у него разрешения напиться. Аур-р-р-рг!

— Придется, придется, — сказала Багира, глядя на него в упор. — И это придется. Фу, Шер-Хан! Что за новый позор ты принес сюда?

Хромой тигр опустил подбородок и щеки в воду, и черные маслянистые потоки побежали вниз по реке.

— Человек, — сказал холодно Шер-Хан, — я убил его с час назад. — И он продолжал ворчать и мурлыкать про себя.

Ряды зверей содрогнулись и заволновались, пронесся шепот, перешедший в крик:

— Человек, человек, он убил человека!

Все повернулись к Хатхи, дикому слону, но он, казалось, ничего не слышал.

Хатхи никогда ничего не делает преждевременно, и это одна из причин, по которой слоны так долго живут.

— В такое-то время да убить человека! Разве не было другой дичи? — сказала сердито Багира, вылезая из окрашенной воды и, как кошка, отряхивая лапы, что она всегда делала.

— Я убил его ради удовольствия, а не ради еды.

Возмущенный шепот поднялся снова, и зоркие маленькие глазки Хатхи повернулись в сторону Шер-Хана.

— Ради удовольствия! — ревел Шер-Хан. — И теперь я пришел сюда пить и вымыться. Кто может запретить мне?

Спина Багиры начала сгибаться, как бамбук от ветра, но Хатхи поднял хобот и спокойно спросил:

— Ты убил для удовольствия?

А когда спрашивает Хатхи, лучше отвечать.

— Да. Я имел право, это была моя ночь. Ты сам знаешь, о Хатхи. — Шер-Хан говорил почти заискивающе.

— Да, я знаю, — ответил Хатхи и, помолчав немного, прибавил: — Ты напился как следует сегодня?

— Да, на эту ночь довольно.

— Так уходи. Река существует, чтобы пить из нее, а не для того, чтобы ее загрязнять. Никто, кроме хромого тигра, не воспользовался бы своим правом в такое время, когда и мы, и люди одинаково страдаем. Вымылся ты или нет, все равно, ступай в берлогу, Шер-Хан!

Последние слова прозвучали как серебряная труба, и три сына Хатхи сделали полшага вперед, хотя это и не было нужно. Шер-Хан ушел, не смея ворчать, потому что он знал, как знают, впрочем, и все, что в конце концов Хатхи все же — Повелитель Джунглей.

— О каком это праве говорил Шер-Хан? — спросил Маугли на ушко Багиру. — Убивать человека всегда стыдно. Таков Закон. А Хатхи сказал...

— Спроси его, я не знаю, Маленький Брат. Прав он или не прав, я бы проучила этого хромого мясника, если бы не заговорил Хатхи. Прийти к Скале Мира сейчас же после убийства человека, да еще хвастаться этим, — на это способен только шакал. Да кроме того, он загрязнил чистую воду.

Маугли подождал с минутку, чтобы собраться с духом, так как обычно никто не смеет прямо обращаться к Хатхи, потом воскликнул:

— Что это за право у Шер-Хана, о Хатхи?

Его слова были повторены эхом на обоих берегах, потому что все жители Джунглей очень любопытны, ну а сегодня им пришлось увидеть то, чего никто, кроме, конечно, Балу, не мог понять.

— Это старое предание, — сказал Хатхи, — старше самих Джунглей. Молчите, вы, там, на берегах, и я расскажу вам.

С минуту буйволы и кабаны толкались и встряхивались, потом вожаки стад один за другим воскликнули:

— Мы ждем!

И Хатхи прошел вперед и встал по колено в воду около Скалы Мира.

Худой, морщинистый, с пожелтевшими клыками, он и казался тем, кем его признавали Джунгли, — Повелителем Джунглей.

— Вы знаете, дети, что больше всего, — начал он, — вы должны бояться человека.

Раздались возгласы одобрения.

— Этот рассказ касается тебя, Маленький Брат, — сказала Багира Маугли.

— Меня? Да ведь я принадлежу к Стае, я охотник Свободного Народа, — отвечал Маугли. — Какое мне дело до людей?

— И вы не знаете, почему вы боитесь человека? — продолжал Хатхи. — Для этого есть своя причина. В начале Джунглей, — никто не знает, когда это было, — мы, жители Джунглей, разговаривали друг с другом и не боялись друг друга. В те дни не бывало засухи, и листья, и цветы, и плоды — все росло на одном дереве, и мы не ели ничего, кроме цветов, листьев, травы, корней, плодов и коры.

— Как я рада, что меня тогда еще не было на свете, — сказала Багира. — Кора годится только для того, чтобы оттачивать когти.

— Владыкой Джунглей был Тха, первый из слонов... Он вытащил Джунгли хоботом из глубины вод, и где он проводил клыком борозды, там текли реки, а где ударял ногой, там появлялись пруды с хорошей водой, а когда он трубил в хобот, — вот так, — деревья падали. Вот так Тха создал Джунгли. Так по крайней мере рассказывали мне.

— Рассказ не стал с тех пор короче, — сказала Багира, и Маугли засмеялся, закрывшись рукой.

— В те дни не было ни ржи, ни дынь, ни перцу, ни сахарного тростника, не было и маленьких хижин, какие вы все

видели. Народы Джунглей ничего не знали о человеке, они жили все вместе в Джунглях, составляя один народ.

Но вот они начали ссориться из-за еды, хотя пастбищ было достаточно для всех. Они были ленивы. Каждый хотел есть там, где лежит, как это иногда бывает и с нами, когда идут хорошие весенние дожди. Тха, Первый Слон, был занят созиданием новых Джунглей и прокладыванием рек. Поэтому он не мог всюду поспеть и назначил Первого Тигра начальником и судьей над Джунглями, и к нему на суд должны были нести свои распри все народы Джунглей. В те дни Первый Тигр ел плоды и траву наравне со всеми прочими. Он был величиной с меня и очень красив, и цвет его походил на цветы желтой лианы. На нем в те блаженные дни, когда Джунгли были еще совсем новенькие, не было полос или пятен. Все народы Джунглей без страха приходили к нему, и его слово было законом для всех Джунглей: помните, в то время мы составляли один народ.

В одну прекрасную ночь два быка поссорились из-за пастбища: это и теперь часто решается рогами или передними ногами; и вот, говорят, оба пришли к Первому Тигру, который лежал среди цветов. Случайно один из них ударил его рогами. Первый Тигр забыл, что он судья и начальник над Джунглями, бросился на него и сломал ему шею.

До этого почти никто из нас не умирал, и Первый Тигр, увидев, что он сделал, и обезумев от запаха крови, убежал в болота на север, и мы, жители Джунглей, оставшись без судьи, начали драться между собою.

Тха, услышав шум, вернулся. Один из нас говорил одно, другой другое, но Тха увидел мертвого быка среди цветов и спросил, кто убил его; мы же, жители Джунглей, не говорили, потому что запах крови опьянял нас, так же как опьяняет и теперь. Мы бегали взад и вперед, кружились, брыкались, кричали и трясли головами.

И приказал Тха лианам и нижним ветвям деревьев отметить убийцу быка, чтобы он мог узнать его.

И сказал Тха:

«Кто хочет быть начальником над Джунглями?»

И закричала сверху серая обезьяна, которая живет в ветках: «Я буду повелительницей Джунглей».

На это засмеялся Тха и молвил:

«Хорошо, будь госпожою Джунглей», — и ушел очень сердитый.

Дети, вы все знаете серую обезьяну. Она и тогда была такой же, как теперь. Сначала она сделала важную физиономию, но через минуту принялась чесаться, прыгать вниз и вверх, и когда Тха вернулся, он нашел ее висящей вниз головой да насмехающейся над теми, кто стоял внизу. Те насмеялись над ней. И таким образом, в Джунглях не было закона, а только глупая болтовня и бессмысленные речи.

Тогда Тха собрал нас и сказал:

«Первый из ваших судей принес в Джунгли смерть, а второй — позор. Теперь необходимо ввести такой закон, который нельзя было бы нарушить. Теперь вы узнаете Страх, и когда вы найдете его, то поймете, что он ваш господин, а остальное придет вместе с ним».

И мы, народ Джунглей, спрашивали:

«Что такое Страх?»

И сказал Тха:

«Ищите, пока не найдете».

И мы бродили по Джунглям, ища Страх, а буйволы...

— Уф! — сказал Миза, вождь буйволов с песчаной косы.

— Да, Миза, это были буйволы. Они пришли с вестью, что в пещере в Джунглях живет Страх, что на нем нет шерсти и он ходит на задних ногах. Тогда мы из Джунглей пошли за стадом и пришли к пещере: Страх стоял у входа в нее, на нем не было, как и рассказывали буйволы, шерсти, и он ходил на задних ногах. Увидев нас, он закричал, и его голос наполнил нас страхом, который мы испытываем и теперь; мы убежали, спотыкаясь и толкая друг друга, потому что боялись... В эту ночь, так рассказывали мне, мы, жители Джунглей, не улеглись уже все вместе, как это было в обычае, но каждое племя лежало отдельно: кабаны с кабанами, олени с оленями, рогатые с рогатыми, копытные с копытными, каждый с себе подобными, и так спали, дрожа, все Джунгли.

Только Первого Тигра не было с нами, потому что он все время скрывался в болотах, и, когда весть о том, что мы видели в пещере, дошла до него, он сказал:

«Я пойду и сломаю ему шею».

И он пробегал всю ночь, пока не пришел к пещере; но деревья и лианы, помня приказание Тха, опуская ветки, поместили его, пока он бежал, проводя пальцами по его спине, по бокам, по лбу и по щекам. И везде, где они ни дотрагивались,

оставалось пятно или полоска на его желтой шкуре. *И эти полосы его дети носят и поныне.*

Когда он пришел к пещере, Страх, или Безволосый, протянул руку и назвал его:

«Полосатый, ночной бродяга».

И Первый Тигр испугался Безволосого и с воём побежал обратно в болото.

(Маугли тихонько рассмеялся, спрятав подбородок в воду.)

Он выл так громко, что Тха услышал его и позвал:

«О чем ты так сокрушаешься?»

И Первый из тигров, подняв морду к новосозданному небу, которое стало теперь таким старым, сказал:

«Верни мне мое могущество, о Тха. Я опозорен перед всеми Джунглями: я убежал от Безволосого, а он называл меня обидными именами».

«Почему?» — спросил Тха.

«Потому что я испачкался в болотной тине», — отвечал Первый из тигров.

«Так поди поплавай, покатайся по мокрой траве, и, если это — тина, она вся сойдет», — сказал Тха.

И Первый Тигр плавал и катался, катался, пока все Джунгли не сбежались смотреть на него. Но ни одно пятнышко не стерлось с его шкуры, и Тха, глядя на него, смеялся. Тогда Первый Тигр сказал:

«Что я сделал такого, что это нашло на меня?»

И отвечал Тха:

«Ты убил быка, ты впустил смерть в Джунгли, а со смертью приходит Страх. И все Джунгли стали бояться друг друга, как ты сам боишься Безволосого».

Первый Тигр сказал:

«Они никогда не будут бояться меня, потому что я знаю их с самого начала».

«Подойди посмотри», — отвечал Тха.

И Первый Тигр бегал взад и вперед, громко созывая быка, кабана, самбура, дикобраза и всех жителей Джунглей, но все бежали от того, кто был их судьей, потому что боялись его.

Тогда Первый Тигр вернулся назад, но его гордость исчезла; он бился головой о землю, царапал ее лапами и промолвил:

«Вспомни, что я был некогда начальником Джунглей. Не забудь обо мне, о Тха. Пусть мои дети помнят, что некогда я не знал страха и стыда».

И сказал Тха:

«Это я сделаю потому, что мы с тобой видели, как создавались Джунгли. Одна ночь в году будет для тебя и для твоих детей все такую же, как была до убийства быка. В эту ночь, если ты повстречаешься с Безволосым, а имя ему Человек, ты не испугаешься его, но он будет бояться тебя, словно ты повелитель и судья Джунглей. Но пощади его в эту ночь, потому что ты сам знаешь, что такое Страх».

Тогда отвечал Первый Тигр:

«Я доволен».

Но когда на следующий день начал пить и увидел черные полосы на боках и спине, он вспомнил, как назвал его Безволосый, и рассердился.

Целый год жил он в болотах, ожидая, что Тха исполнит свое обещание.

Однажды ночью, когда Шакал Луны (вечерняя звезда) ярко светила над Джунглями, он почувствовал, что наступила его ночь, и пошел к пещере, где жил Безволосый. Тогда случилось то, что обещал Тха: Безволосый упал перед ним ниц. Первый Тигр ударил его по спине и убил его, потому что он думал, что во всех Джунглях есть только одно такое существо и что он убил Страх. В то время как он обнюхивал труп, он услышал Тха, возвращавшегося из лесов севера, и голос Первого Слона, тот же, который мы слышим и сейчас.

(Гром гремел над сухими, выжженными холмами, но не приносил с собою дождя, а только молнию, сверкавшую над скалами.)

Хатхи продолжал:

— *Вот какой голос* услышал Тигр.

И Тха сказал:

«Так вот твое милосердие!»

Первый Тигр облизнулся и сказал:

«Велика беда! Я убил Страх».

И отвечал Тха:

«О, слепец и безумец. Ты развязал ноги Смерти, и она будет ходить по твоим следам, пока ты не умрешь. Ты научил человека убивать».

Первый Тигр, стоя над своей жертвой, промолвил:

«С ним то же, что с быком. Страх больше нет. Теперь я снова буду судьей над Джунглями».

И отвечал Тха:

«Никогда народ Джунглей не придет к тебе. Они никогда не пойдут за тобой, не будут спать близ тебя, они будут избегать с тобой встречи, не будут приближаться к твоей берлоге. Один только Страх будет ходить по пятам за тобою и невидимыми ударами поражать тебя. Он будет заставлять землю разверзаться под твоими ногами, обвивать тебя лианами; стволы деревьев заставит он срастаться выше, чем ты можешь прыгнуть, и, наконец, он будет завертывать в твою шкуру своих детенышей, когда им будет холодно. Ты не пощадил, и никогда никто не пощадит тебя».

Первый Тигр все еще храбрился, потому что вся ночь была впереди, и сказал:

«Обещание Тха есть обещание Тха. Он не отнимет у меня моей ночи».

И Тха отвечал:

«Одна ночь останется твоей, как я сказал, но ты за нее заплатишь выкуп. Ты научил человека убивать, а он неплохой ученик».

И отвечал Первый из тигров:

«Он лежит под моей лапой, и я свернул ему шею. Пусть Джунгли узнают, что я убил Страх».

Тха засмеялся и сказал:

«Ты убил одного из многих, но расскажи об этом ты сам Джунглям, потому что твоя ночь кончилась».

Так наступил день. Из пещеры вышел другой Безволосый; он увидел труп на песке и стоящего над ним Первого Тигра и взял острую палку...

— Они и теперь бросают штуки, которые режут, — сказал Саги, Дикобраз, скатываясь с берега.

Саги считается необыкновенно лакомым блюдом у гондов, которые называют его Го-Игу; и поэтому ему хорошо был знаком острый топорик гондов, летающий по поляне, как стрекоза.

— Это была острая палка, какие они втыкают в дно волчьих ям, — продолжал Хатхи, — и, бросив ее, он тяжело ранил Первого Тигра в бок. Все случилось, как говорил Тха.

Первый Тигр с воем метался по Джунглям, но не вырвал палки, и все Джунгли узнали, что Безволосый может ранить издалека, и стали бояться еще больше прежнего.

Так Первый Тигр научил Безволосого убивать; вы знаете, сколько вреда это принесло с тех пор нашему народу: петли и

силки, ловушки и западни, и летающие палки, и кусающиеся мухи, вылетающие в облаке белого дыма (Хатхи подразумевал ружье), и Красный Цветок, который гонит нас на открытое место.

Но одну ночь в году Безволосый боится тигра, как обещал Тха, и боится недаром. Где тигр встречает Безволосого, он убивает его, помня, как он опозорил Первого Тигра. А все остальное время Страх свободно бродит по Джунглям и ночью и днем.

— Ай-ай, — сказали олени, думая, какое значение все это имеет для них.

— И лишь когда, как сейчас, один великий Страх царит над всеми, мы можем отложить в сторону все наши маленькие страхи и сходимся вместе, как сошлись теперь.

— И только одну ночь человек боится тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — сказал Хатхи.

— Но я... но мы... но все Джунгли знают, что Шер-Хан убивает людей два и три раза в месяц.

— Да, совершенно верно, но тогда он нападает сзади и отворачивает от него голову, потому что он полон страха. Если человек взглянет на него, тигр убежит. Но в свою ночь он открыто идет в деревню, бродит между домами, просовывая голову в двери, и люди падают ничком, и он убивает их. Убивает в эту ночь одного из них.

«О, — сказал сам себе Маугли, смотря на воду, — *теперь* я понимаю, почему Шер-Хан велел мне посмотреть на него. Но от этого было мало толку, потому что он не мог выдержать взгляда; я, конечно, не упал к его ногам. Но ведь я не человек, раз принадлежу к Свободному Народу».

— Ум-м, — сказала Багира, мурлыкнув в глубине своей мохнатой глотки, — а тигр знает свою ночь?

— Не знает, пока Шакал Луны не зажжется в ночном тумане. Иногда эта ночь приходится на время дождей, иногда на сухое лето, — это единственная ночь тигра. Если бы не Первый Тигр, ничего бы не случилось и никто бы из нас не знал страха.

Олень жалобно вздохнул. Губы Багиры искривились в злую усмешку.

— Знают ли люди эту... сказку? — спросила она.

— Никто, кроме тигра и нас, слонов, детей Тха, не знает об этом. Теперь вы, стоявшие у воды, слышали рассказ; я

кончил, — сказал Хатхи и опустил хобот в воду в знак того, что не хочет больше говорить.

— Но... но... — сказал Маугли, поворачиваясь к Балу, — почему же Первый Тигр перестал есть траву, листья и деревья? Ведь он только убил быка, он *не ел* его. Что же заставило его есть дымящееся мясо?

— Деревья и лианы отметили его, Маленький Брат, сделали его той полосатой тварью, какую мы видим его сейчас. И он не хотел больше есть их плодов. С этого дня он начал вымещать свою злобу на олене и на других травоядных, — сказал Балу.

— Так и ты знаешь это предание? А? Почему же я не слышал его?

— Потому что Джунгли полны таких рассказов. Если начать рассказывать, им конца не будет. Отпусти мое ухо, Маленький Брат.

Законы Джунглей

Чтобы дать вам представление о бесконечном разнообразии Законов Джунглей, я изложил стихами (Балу всегда говорит нараспев) некоторые законы, относящиеся к волкам. Конечно, есть еще многие сотни законов, но эти могут служить образцом наиболее несложных правил.

Джунглей Законы — стары и верны, как небо.
Волк, соблюдающий их, будет жить, припевая;
Волк, нарушающий их, наказуется смертью.
Ствол оплетает лиана, и наши Законы

Так обвивают, сковали и держат живущих.
Сила покоится Стаи на волке отдельном,
Силу всю волка дает ему славная Стая.

Мойся с хвоста ты до кончика носа вседневно,
Пей, сколько хочешь, о волк, но не пей чрезмерно,
Помни, что день нам для отдыха дан, а ночь нам дана
для охоты.

Пусть Табаки за тигром идет, но, волчонок,
Должен ты помнить, что, только усы подрастут,
Волк уж охотник, и сам он охотиться должен.
В мире старайся ты жить с повелителем Джунглей —
С тигром могучим, с пантерой и сильным медведем;

Хатхи-Молчальнику ты не мешай, о волчонок;
Трогать в берлоге далекой кабана ты не вздумай.
Стая ли встретится с Стаей средь Джунглей,
Спорит ли Стая, следа уступить не желая, —
Смирно лежи, пока спорят вожди меж собою.
Часто бывает, что слово решит все без битвы кровавой.

Если ты с волком дерешься из Стаи, ты бейся
С ним далеко от других, чтоб не видела Стая,
Соры чтоб не было в Стае. Бойся ты Стаю ослабить.
Волка пещера — убежище верное волка;
Доступа нет туда даже вождю твоей Стаи,
Волчий Совет там не смеет покой твой нарушить.
Волка пещера — убежище волка, но если ты нужен —
Вождь за тобой гонца посылает, чтоб шел на Скалу
ты Совета.

Если убьешь до полночи, не лай, чтоб лес не проснулся,
Чтоб не спугнуть всех оленей и братьям охоты не портить.
Ты убивай для себя, для жены, для детей, если хочешь,
Только не смей убивать для забавы, и трижды скажу я —
не тронь человека!

Коль отобьешь у слабейшего дичь, не гордися;
Стаи Законы должны охранять малосильных,
Должен отдать ты сопернику шкуру и лапы.

Стаи добыча есть Стаи добыча. Есть ее нужно
на месте охоты.
Тот, кто в пещеру свою утащит добычу всей Стаи, умрет.
Право волчонка — закон одноплетки. Если попросит он
мяса у волка из Стаи,
Волк, если сыт, отказать одноплетке не смеет.
Право берлоги есть матери право. У сверстников всех
она может
Ногу оленя просить для себя и волчат малолетних.
Право пещеры есть право отца. Для себя он охотиться
может,
Не повинуйся Стае, судим он одним лишь Советом...
И обо всем, что закон для волков оставляет открытым,
Спрашивать волки должны вожака, ибо всех он хитрее
и старше.

Вот перед вами Законы великие Джунглей,
Все же копыто, бедро, голова всех Законов —
В слове одном: «Повинуйся».

Чудо Пуран Бхагата

В ночь, когда с землею беда стряслась,
Мы прокрались к нему в ту ночь,
Потому что любили его, стремясь
Не понять, но зато помочь.

И когда погрузилась земля во тьму
И обрушился горный склон,
Наш народец на помощь пришел к нему,
Но, увы, не вернется он.

Плачьте, ибо, любя, его мы спасли,
Любовью стремясь помочь.
Плачьте! Брат наш не встанет с земли,
А люди нас гонят прочь.

Погребальный плач лангуров¹

Жил некогда в Индии человек. Он был первым министром одного из полунезависимых туземных княжеств в северо-западной части страны. Человек этот принадлежал к касте брахманов — столь высокой, что самое понятие «каста» потеряло для него всякое значение. Его отец занимал важный государственный пост при патриархальном индийском дворе, среди разного пестро разряженного сброда, но сам Пуран Дас рано понял, что стародавний порядок вещей постепенно меняется и, если хочешь добиться успеха, нужно ладить с англичанами и подражать им во всем, что они считают хорошим. В то же время нужно быть в милости у своего раджи. Игра была трудная, но спокойный, молчаливый молодой брахман вел ее хладнокровно, в чем ему немало помогало хорошее образование, полученное у англичан в Бомбейском университете, и, постепенно, шаг за шагом, поднимаясь вверх, он сделался первым министром. А это значит, что он обладал в действительности большей властью, чем его повелитель махараджа.

Когда старый раджа, относившийся с недоверием к англичанам, к их железным дорогам и телеграфу, умер, его молодой наследник, питомец наставника-англичанина, приблизил Пуран Даса к себе, и совместно, хотя Пуран Дас всегда следил, чтобы их деяния были поставлены в заслугу радже, они откры-

© Перевод. Г. Островская, наследники, 2004.

¹ Перевод А. Кушнера.

ли школы для девочек, провели дороги, построили бесплатные лечебницы, устраивали выставки сельскохозяйственных орудий и каждый год выпускали Синюю книгу под названием «Духовное и материальное развитие княжества». Министерство иностранных дел и правительство Индии были в восторге. Очень немногие индийские княжества развиваются точно по указанному Англией пути; в отличие от Пуран Даса, который прикидывался, будто верит: что хорошо для англичан, вдвойне хорошо для азиатов, правители княжеств придерживались обратного мнения. Первый министр удостоился дружбы вице-королей, и губернаторов, и вице-губернаторов, и врачей-миссионеров, и просто миссионеров, и страстных любителей верховой езды — английских офицеров, которые приезжали охотиться в заповедниках княжества, а также всех многочисленных туристов, вояжировавших по Индии из конца в конец, когда спадала жара, и учивших индийцев уму-разуму. На досуге он назначал стипендии для изучающих медицину и промышленность по английскому образу и подобию и писал открытые письма в «Пайонир», самую крупную в Индии ежедневную газету, в которых объяснял, каковы цели и намерения его повелителя махараджи.

Наконец Пуран Дас поехал с официальным визитом в Англию и должен был уплатить жрецам колоссальную сумму, когда вернулся домой, потому что даже самый высокопоставленный брахман теряет свою касту, если пересечет океан. В Лондоне Пуран Дас встречался и беседовал со всеми, кто того заслуживал, — с людьми, имена которых известны во всем мире, — и видел куда больше, чем о том рассказал. Высокonaучные университеты присуждали ему почетные степени, он произносил речи и толковал о социальных преобразованиях в Индии с английскими дамами в вечерних туалетах, и скоро весь Лондон в один голос твердил: «Мы еще не встречали такого обворожительного человека ни на одном из званых обедов!»

Он вернулся в Индию в блеске славы; сам вице-король приехал в княжество специально, чтобы пожаловать радже большой крест Звезды Индии — сплошные брильянты, эмаль и ленты, — и на той же церемонии, под выстрелы тех же пушек Пуран Дас был возведен в звание кавалера ордена Индийской империи, так что теперь его имя писалось так: сэр Пуран Дас, К. О. И. И.

В тот вечер за обедом в огромном вице-королевском шатре он встал, с красной розой ордена, висящего на голубой ленте у

него на шею, и в ответ на тост в честь раджи произнес речь, с искусством, в котором мало кто из англичан мог бы его превзойти.

А через месяц, когда в высушенном зноем городе воцарился прежний покой, Пуран Дас совершил то, что никому из англичан и в голову бы не пришло, — он умер для мира и мирских дел. Усыпанный брильянтами орден, а с ним и почетное звание были возвращены индийскому правительству, государственные заботы были возложены на нового первого министра, и по всей иерархической лестнице началась сложная игра, ставкой в которой было продвижение на ступеньку выше.

Жрецы знали, что произошло, народ догадывался, но Индия — единственная страна, где можно поступить так, как тебе угодно, и никто не спросит у тебя отчета; и в том, что *диван*¹ сэра Пуран Дас, К. О. И. И. отказался от своего поста, дворца и власти, взял в руки чашу для подаяния и надел желтую хламиду *саньяси* — странствующего аскета, — люди не увидели ничего странного. Он был, согласно древнему закону, первые двадцать лет жизни учеником, вторые двадцать лет — воином, хотя ни разу не брался за оружие, и третьи двадцать лет — хозяином дома. Он достойно использовал богатство и власть, заслуженно пользовался почетом, видел людей и города на родине и на чужбине — там и там ему воздавали высокие почести. А теперь он все это стряхнул с себя прочь, как мы сбрасываем ненужный нам больше плащ.

Когда, босой, со шкурой антилопы и посохом с медным набалдашником под мышкой и чашей для подаяния из отполированной коричневой скорлупы кокосового ореха в руке, он вышел, опустив глаза долу, из городских ворот, за его спиной с бастионов стреляли пушки, салютуя его преемнику. Пуран Дас кивнул головой. Та жизнь окончилась; он не питал к ней ни любви, ни ненависти — она трогала его столь же мало, как нас трогают смутные ночные сновидения. Он был теперь саньяси — бездомный бродячий нищий, чей насущный хлеб зависит от его ближних; но пока у индийцев есть хоть одна лепешка, они поделятся ею со жрецом и нищим, и тем не грозит голодная смерть. Он и раньше никогда не брал в рот мяса и даже рыбу ел изредка. На протяжении многих лет Пуран Дас воровал миллионами, но ему лично вполне хватило бы на еду и

¹ Министр (*арабск.*).

пяти фунтов в год. Даже в то время, как его — знаменитость — носили в Лондоне на руках, Пуран Даса не оставляла мечта о тишине и покое — он видел перед собой длинную белую пыльную дорогу со следами босых ног, по которой шло медленное, но непрерывное движение, ощущал сдкий запах дыма, поднимающегося клубами к фиговым деревьям, под которыми в сумерках сидели за вечерней трапезой путники.

Когда настало время осуществить эту мечту, Пуран Дас принял должные шаги, и через три дня легче было бы отличить одну песчинку от другой на дне оксана, чем бывшего первого министра среди миллионов скитающихся, встречающихся, расстающихся жителей Индии.

Вечером он расстилал шкуру антилопы там, где его заставляла темнота, — иногда в придорожном буддийском монастыре, иногда у глиняной гробницы святого Калы, где йоги, еще одна таинственная категория святых людей, принимали его так, как они принимают тех, кто знает истинную цену всем кастам и подкастам, иногда — на задворках небольшой деревушки, где дети робко приносили ему еду, приготовленную родителями, а иногда на пастбище, где пламя его сложенного из прутиков костра будило сонных верблюдов. Все было едино для Пуран Даса, или Пуран Бхагата, как он теперь звал себя. Та или эта земля, пища, те или эти люди — все было едино. Однако ноги сами вели его на север, с юга — к Рохтаку, от Рохтака — к Карналу, от Карнала — к руинам Саманы, а затем — вверх по высохшему руслу реки Гхаггар, которое наполняется водой только тогда, когда в горах выпадают дожди. И вот однажды он увидел вдали очертания великих Гималаев.

И тогда Пуран Бхагат улыбнулся. Он вспомнил, что его мать была из славного раджпутского рода, уроженка Кулу, как все женщины с гор тосковавшая по снегам, — а если в твоих жилах есть хоть капля крови горцев, тебя в конце жизни повлечет в родные края.

— Там, — сказал Пуран Бхагат, обернувшись к нижним склонам хребта Сивалик, где кактусы стояли как семисвечные канделябры, — там я найду пристанище и обрету истину.

И в то время как он шел по дороге к Симле, в его ушах свистел прохладный ветер Гималаев.

В последний раз он проезжал здесь с большой помпой, в сопровождении бряцающего оружием кавалерийского эскорта, на-

правляясь с визитом к добрейшему и учтивейшему из вице-королей, и они час напролет беседовали об общих друзьях в Лондоне и о том, что в действительности думает о положении в Индии простой народ. На этот раз Пуран Бхагат не наносил визитов; облокотившись на парапет Мал-роуд, он любовался великолепным видом равнины, раскинувшейся внизу на сорок миль, пока местный полицейский-мусульманин не сказал ему, что он мешает движению, и Пуран Бхагат почтительно склонился перед Законом: ведь он знал ему цену и сам искал свой Закон. Он двинулся дальше и спал той ночью в Чхота-Симле, которая кажется концом света, но для него была лишь началом пути. Он шел по Гималайско-Тибетской дороге, этой узкой тропе, пробитой динамитом в горном откосе или повисающей на подпорках из бревен над ущельями глубиной в тысячу футов; дороге, которая то ныряет в теплые, влажные глухие долины, то карабкается по голым и травянистым горным склонам, где солнце жжет, словно через увеличительное стекло, то вьется по сырым темным лесам, где цаптя сверху донизу одевает стволы деревьев и фазаны призывают криком своих подруг. Ему встречались тибетские пастухи с собаками и отарами овец, на спинах которых были привязаны мешочки с бурой, и бродячие дровосеки, и закутанные в плащ или одеяло ламы из Тибета, совершавшие паломничество в Индию, и гонцы из небольших уединенных горных княжеств, мчавшиеся во весь опор на полосатых и пегих пони, а порой целая кавалькада — раджа со свитой, направлявшийся в гости; но бывало, что за весь долгий ясный день он видел лишь черного медведя, который с ворчанием рыл под деревом землю внизу, в лощине. Когда Пуран Бхагат начал свой путь, грохот мира, оставленного позади, все еще звучал в его ушах, как звучит грохот туннеля некоторое время после того, как поезд вырвется на свет; но когда он переправился через Матинийский перевал, все затихло, и Пуран Бхагат остался наедине с собой. Он шел в раздумье, вопрошая ответа, глаза опустив в землю, мыслями воспарив в небеса.

Однажды вечером Бхагат пересек самый высокий перевал, какой до тех пор встретил, — он взбирался туда целых два дня, — и перед ним по всему окоему протянулись чередой снежные вершины; горы высотой от пятнадцати до двадцати тысяч футов, казалось, были так близко, что до них можно докинуть камень, хотя они находились на расстоянии пятидесяти или шестидесяти миль. Седловина была увенчана густым темным лесом — гима-

лайский кедр, сосна, черешня, дикая маслина, дикая груша, но в основном кедр, — и под сенью ветвей стоял заброшенный храм богини Кали, она же Дурга, она же Шитала, которую иногда молят об исцелении от оспы.

Пуран Бхагат чисто вымел каменный пол, улыбнулся ослабившейся статуе, сделал из глины небольшой очаг в задней части святилища, кинул антилопию шкуру на свежие сосновые ветки, поудобнее уместил посох *байраги* — тяжелый, с медным набалдашником — под мышкой и сел отдохнуть.

Прямо под ним гора отвесно уходила вниз, на полторы тысячи футов, туда, где к крутому склону прилепилась деревушка: каменные домики с плоскими глиняными крышами. Вокруг, как лоскутные фартуки на коленях горы, лежали уступами крошечные поля; между гладкими каменными кругами токов для молотбы паслись коровы, казавшиеся сверху не больше жуков. Расстояние искажало размеры предметов, и, глядя на горный скат по ту сторону долины, трудно было поверить, что низкий кустарник — на самом деле сосновый лес в сотню футов высотой. Пуран Бхагат увидел орла, стремительно летевшего через огромную котловину, но он не покрыл и половины пути, как превратился в едва заметную точку. Над долиной там и сям протянулись длинные и узкие полоски облаков; они цеплялись за уклон горы или поднимались вверх и таяли у перевала.

— Здесь я найду покой, — сказал Пуран Бхагат.

Для жителей гор не представляет труда подняться или спуститься на несколько сот футов, поэтому не успели в деревне увидеть дымок над покинутым храмом, как деревенский жрец взобрался по ступенчатому откосу, чтобы приветствовать незнакомца.

Встретив взгляд Пуран Бхагата — взгляд человека, привыкшего повелевать тысячами, — он поклонился до земли, без единого слова взял чашу для подаяния и, вернувшись в деревню, сказал:

— Наконец у нас появился святой. Еще никогда в жизни я не видел такого человека. Он с равнин, хотя кожа у него светлая; это брахман, первый среди брахманов.

Тогда женщины деревни спросили:

— Ты думаешь, он останется у нас? — И каждая постаралась состряпать для Бхагата блюдо повкуснес.

Жители гор неприхотливы в еде, но благочестивая женщина может приготовить неплохие кушанья из гречишной, овся-

ной или ячменной муки, из-маиса и риса, красного перца, рыбы, выловленной в горном ручье, меда из стоячих колод, торчащих в расщелинах каменных стен, урюка и желтого имбиря. И когда жрец понес чашу Бхагату, она была полна до краев.

— Собирается ли он остаться здесь? — спросил жрец. — Нужен ли ему *чела* — ученик, чтобы просить для него подаяние? Есть ли у него одеяло на случай холодов? Хороша ли еда?

Пуран Бхагат поел и поблагодарил даятеля. Он подумывает остаться здесь.

— Этого ответа достаточно, — сказал жрец. — Пусть саньяси ставит чашу снаружи, в углубление между двумя искривленными корнями, и он каждый день будет находить там пищу; деревня почитает за честь, что такой человек, — тут жрец робко взглянул в лицо Бхагату, — решил поселиться в их краях.

Этот день был последним днем странствий Пуран Бхагата. Он пришел туда, куда ему было предначертано прийти, в царство безмолвия и простора. Время остановилось, и, сидя у входа в святилище, он не мог сказать, был ли он жив или мертв, что он такое — человек, повелитель себя самого, или часть гор, облаков, косых дождей и солнечного света. Он тихо повторял про себя Божье имя тысячи тысяч раз, пока, с каждым следующим разом, ему не начинало казаться, что он постепенно покидает свое тело и воспаряет вверх, к вратам некоего чудесного откровения, но в тот самый миг, как врата приоткрывались, он с горестью ощущал, что плоть сильна и он вновь заперт в брэнной оболочке Пуран Бхагата.

Каждое утро полная чаша для подаяния бесшумно ставилась у храма в развилке между корнями. Иногда ее приносил жрец, иногда купец из Ладакха, поселившийся в деревне и хотевший заслужить доброе имя, поднимался с трудом по тропинке, но чаще всего с едой приходила женщина, приготовившая се накануне, и шептала еле слышно:

— Замолви за меня словечко перед богами, Бхагат. Заступись за такую-то, жену такого-то.

Изредка почетную миссию доверяли какому-нибудь смельчаку из детей, и Пуран Бхагат слышал, как он ставил чашу и бежал со всех ног обратно, но сам Пуран Бхагат ни разу не спускался в деревню. Она лежала, как карта, у его ног. Он видел вечерние сборища на круглых токах — только и было ровных площадок в деревне, — видел удивительную, несказанную зелень молодых

рисовых ростков, фиолетовую просинь маиса, бело-розовые пятна гречихи и, в положенное время, пурпурное цветение амаранта, крохотные чечевицеобразные семена которого — ни бобы, ни злаки — идут на приготовление пищи, которую правоверные индийцы могут есть во время постов.

Когда лето сменялось осенью, крыши домов превращались в квадратики чистого золота, потому что жители деревни сушили на них початки маиса. Высадка рос в ульи и сбор урожая, сев риса и молотья проходили перед глазами Пуран Бхагата там, внизу, на неровных клочках полей, словно вышитых цветным шелком, и он размышлял обо всем, что видел, и спрашивал себя, в чем конечный смысл этого всего.

Даже в густонаселенных районах Индии стоит человеку просидеть целый день неподвижно, и мимо него, словно мимо камня, пробегут бессловесные твари, а в этих пустынных краях зверье, хорошо знавшее храм Кали, очень скоро пришло посмотреть, кто вторгся в их владения. Первыми, естественно, появились лангуры, крупные гималайские белобородые обезьяны, потому что они необычайно любопытны, и, когда они перевернули чашку для еды и покатали ее по полу, и попробовали на зуб посох с медным набалдашником, и скорчили рожи антилопией шкуре, они решили, что неподвижное человеческое существо не опасно для них. Вечером они соскакивали с сосен и протягивали ладони, выпрашивая еду, а затем грациозным прыжком снова взлетали на ветви. Им нравилось тепло очага, и они так тесно обступали его, что Пуран Бхагату приходилось расталкивать их, чтобы подбросить дрова, а утром он частенько обнаруживал у себя под одеялом пушистую обезьяну. Днем та или другая из стаи сидела рядом с ним с невыразимо мудрым и грустным видом и, «жалуясь» на что-то вполголоса, глядела на покрытые снегом вершины.

За обезьянами пришел *барсингх* — большой олень, похожий на европейского благородного оленя, только более мощный. Он хотел почесать бархатистые рога о холодный камень статуи Кали и топнул копытом, увидев в святилище человека. Но Пуран Бхагат не шевельнулся, и вот, шаг за шагом, олень медленно подошел и понюхал его плечо. Пуран Бхагат провел прохладной ладонью по горевшим рогам, и склонение успокоило раздраженное животное; оно наклонило голову, и Пуран Бхагат осторожно соскреб с кончиков рогов мягкую кожу.

Позднес олень привел олениху и олененка — кроткие создания, которые сразу принялись жевать одеяло саньяси, — но чаще всего он приходил ночью один, чтобы получить лесных орехов, и глаза его в мерцании огня светились зеленым светом. Последней появилась кабарга, самая робкая и чуть не самая маленькая из оленьков, ее большие кроличьи уши были строго подняты вверх; даже этой пятнистой бесшумной *муши-абхи* понадобилось узнать, что означает свет в храме, и, появляясь и исчезая вместе с тенями от огня в очаге, ткнуться горбатым, как у лося, носом в колени Пуран Бхагата. Пуран Бхагат называл их всех «братья», и на его тихое «Бхай! Бхай!» они выходили днем из лесу, если их слуха достигал его призыв. Сона, черный гималайский медведь, угрюмый и подозрительный, с у-образной белой отметиной на груди, не раз топал мимо храма, и, поскольку Бхагат не выказывал страха, Сона не выказывал злобы; не спуская с него глаз, медведь подходил поближе и просил свою долю ласки и хлеба или диких ягод. Часто на рассвете, когда Бхагат забирался на самую седловину перевала, чтобы полюбоваться, как розовая заря шествует по снежным вершинам, он слышал за спиной мягкую поступь и ворчание Соны; тот с любопытством засовывал переднюю лапу под упавшие стволы и вытаскивал ее оттуда с нетерпеливым рыком. Бывало и так, что шаги Бхагата будили свернувшегося клубком медведя, и огромный зверь вставал во весь рост, готовый к драке, но тут узнавал голос своего лучшего друга.

Считается, что отшельники-саньяси, живущие вдали от больших городов, могут творить чудеса с бессловесными тварями, но все чудо заключается в том, что они долго сидят неподвижно, не делают резких движений и не смотрят, во всяком случае в первое время, прямо на своего четвероногого гостя. Жители деревни видели силуэты оленей, кравших тени по темному лесу позади храма; видели *минола*, гималайского фазана, сверкающего многоцветным нарядом перед статуей Кали, и лангуров, которые, сидя на корточках внутри храма, играли ореховой скорлупой. Кос-кто из детей слышал также, как за обломками скал «распевал» на манер всех медведей Сона, и за Бхагатом твердо укрепилась слава чудотворца.

Однако сам он не думал ни о каких чудесах. Он верил в то, что все сущее — едино, одно огромное Чудо, а когда человек

¹ Брат (*хинди*).

понимает это, он понимает, чего ему желать. Для Бхагата было неоспоримо, что в мире нет ни великого, ни ничтожного, день и ночь он стремился найти свой путь к средоточию всего сущего, обратно туда, откуда появилась его душа.

За годы размышлений волосы Бхагата отросли ниже плеч, в каменной нише рядом с антилопсей шкуркой появилась выбоина от посоха, на том месте между деревьями, где всегда стояла чаша для подаяния, сделалось углубление, почти столь же гладкое, как сама скорлупа кокоса, а каждый из зверей знал свое место у очага. Поля меняли окраску в зависимости от времени года; тока заполнялись зерном и пустели и вновь заполнялись; и вновь, когда наступала зима, лангуры резвились между ветвями, опушенными снегом, а с приходом весны матери-обезьяны приносили своих детенышей с печальными глазами из долин, где было теплей. В самой деревне перемен было мало. Жрец постарел, и дети, приходившие раньше к Бхагату с чашкой еды, посылали теперь к нему своих детей; и когда у жителей деревни спрашивали, давно ли в храме Кали у перевала живет саньяси, они отвечали: «Он жил здесь всегда».

Однажды летом начались ливни, каких не было в горах многие годы. Все три теплых месяца долину окутывали тучи и пропитывал туман, обложные непрерывные дожди сменялись грозами. Облака чаще всего стелились ниже храма. Бхагат как-то целый месяц не видел своей деревни. Ее заволакивала плотная белая пелена, которая клубилась, колыхалась, набухала, ходила ходуном, но ни разу не разошлась, не оторвалась от подпиравших ее гор, по которым струилась вода.

Все это время Бхагат не слышал ничего, кроме шороха миллиона капель: сверху — срывающихся с деревьев, снизу — бегущих по земле, просачивающихся сквозь сосновые иглы, стекающих с завитков перепачканной землей папоротника и спешащих мутными потоками по свежим вымоинам на склонах. Но вот показалось солнце, и в воздухе поплыл аромат кедров и рододендронов и тот далекий свежий запах, который жители гор называют «запахом снегов». Солнце жарко светило одну неделю, а затем все тучи собрались вместе, чтобы низвергнуться последним ливнем; вода хлестала землю, сдирая с нее кожу, и брызгала вверх фонтанами грязи. В тот вечер Пуран Бхагат подложил в очаг побольше дров — ведь его «братьям» понадобится тепло; но, хотя Пуран снова и снова звал их, к храму не

подошел ни один зверь, и он ломал себе голову, думая, что же случилось в лесу, пока его не одолел сон.

Глубокой ночью, когда не видно было ни зги, а дождь стучал как тысяча барабанов, Пуран Бхагат проснулся оттого, что кто-то дергал за одеяло, и, протянув руку, встретил холодную лапу лангура.

— Здесь лучше, чем на дереве, — сонно сказал Бхагат, приоткрывая одеяло, — забирайся сюда и грейся.

Обезьяна схватила его за руку и потянула изо всех сил.

— А, ты голодна? — сказал Пуран Бхагат. — Подожди немного, сейчас я дам тебе поесть.

Когда он наклонился подкинуть в огонь дров, лангур подбежал к двери, заскулил, снова подбежал к Бхагату и стал тереть за ногу.

— В чем дело? Какая у тебя беда, брат? — спросил Пуран Бхагат, потому что глаза лангура говорили о многом, о чем не мог сказать его язык. — Если только один из твоих сородичей не попал в ловушку — а здесь их никто не ставит, — я не выйду наружу в такую погоду. Взгляни, брат, даже олень ищет защиты под кровом.

Рога оленя с грохотом ударились о камень, когда он вбежал в храм и налетел на статую улыбающейся Кали. Олень опустил голову, нацелил рога на Пуран Бхагата и, тревожно ударив копытом, с шумом выпустил воздух из ноздрей.

— Ай-ай-ай! — сказал Бхагат, щелкая пальцами. — Так-то ты платишь мне за ночлег?

Но олень толкнул его к дверям, и в эту самую минуту Пуран Бхагат услышал звук, подобный вздоху, увидел, как две каменные плиты пола отошли друг от друга и под ними зачмокала вязкая земля.

— Теперь я понимаю, — сказал Пуран Бхагат. — Нечего винить моих братьев за то, что они не сидят этой ночью у огня. Гора рушится. И все же... зачем мне уходить? — Но тут взгляд его упал на пустую чашу для подаяния, и выражение лица изменилось. — Они каждый день приносили мне пищу с тех самых пор... с тех самых пор, как я пришел сюда, и, если я не поспешу, завтра в долине не останется ни одного человека. Да, мой долг — спуститься и предупредить их. Назад, брат, дай мне подойти к очагу.

Олень неохотно отступил на несколько шагов, а Пуран Бхагат сунул факел в самую середину очага и стал вертеть, пока факел не разгорелся.

— Вы пришли предупредить меня, — сказал он, поднимаясь. — А теперь мы поступим еще лучше. Скорей наружу, и позволь мне опереться о твою шею, брат, ведь у меня всего две ноги.

Правой рукой Бхагат ухватился за колючую холку оленя, левую, с факелом, отставил в сторону и вышел из храма в ненастную ночь. Не чувствовалось ни малейшего дуновения, но дождь чуть не загасил факел, пока олень спускался по склону, скользя на задних ногах. Когда они вышли из лесу, к ним присоединилось много других «братьев» Бхагата. Он слышал, хотя видеть он их не мог, что вокруг теснятся обезьяны, а позади раздается «ух! ух!» Соны. Ветер свил длинные седые волосы Бхагата в жгуты; под босыми ногами хлюпала вода, желтое одеяние облепило изможденное старческое тело, но он неуклонно двигался вперед, опираясь на оленя. Теперь это был не святой отшельник, а сэр Пуран Дас, К. О. И. И., первый министр одного из самых больших княжеств, человек, привыкший повелевать, который шел, чтобы спасти людям жизнь. Они спускались вместе по крутой, покрытой водой тропе, Бхагат и его «братья», все вниз и вниз, пока олень не наткнулся на каменную стену тока и фыркнул, учуяв Человека. Они были в начале единственной кривой деревенской улочки, и Бхагат ударил посохом в забранное решеткой окно домика кузнеца; ярко вспыхнул факел, прикрытый нависающей кровлей.

— Вставайте и выходите! — вскричал Пуран Бхагат и не узнал собственного голоса, ведь прошло много лет с тех пор, когда он обращался к людям. — Гора падает. Гора сейчас обрушится. Вставайте и выходите все, кто внутри!

— Это наш Бхагат, — сказала жена кузнеца. — Он стоит там со своим зверьем. Собери детей и позови всех.

Зов перекидывался от дома к дому; животные, сгрудившиеся на узкой улочке, пугливо переступали с ноги на ногу и льнули к Бхагату. Нетерпеливо пыхтел медведь.

Люди поспешно выбежали наружу — их было всего-навсего семьдесят душ — и при неровном свете факелов увидели, как Бхагат сдерживает напуганного оленя, обезьяны жалобно дергают его за подол и, сидя на задних лапах, ревет Сона.

— Скорей на ту гору! — закричал Пуран Бхагат. — Не оставляйте никого позади! Мы за вами!

И люди побежали так быстро, как умеют бегать только горцы, — они знали, что при обвале нужно подняться на самое высокое место по другую сторону долины. С плеском они перебрались через речушку на дне ущелья и, задыхаясь, стали взбираться вверх по террасам полей за рекой; Бхагат шел за ними со своими «братьями». Люди карабкались все выше и выше, перекликаясь, чтобы проверить, не потерялся ли кто-нибудь из них, а по пятам за людьми с трудом двигался олень, на котором повис слабевший с каждым шагом Пуран Бхагат. Наконец на высоте пятисот футов олень остановился в глухом сосновом бору. Инстинкт, предупредивший его о надвигающемся обвале, подсказал ему, что здесь он в безопасности.

Теряя сознание, Пуран Бхагат упал на землю; холодный дождь и крутой подъем отняли у него последние силы, но он успел еще крикнуть туда, где мерцали рассыпавшиеся огни факелов:

— Остановитесь и пересчитайте, все ли здесь! — а затем, увидев, что они стали собираться вместе, шепнул оленю: — Останься со мной, брат. Останься... пока... я... не уйду!..

В воздухе послышался вздох, вздох перешел в глухой шум, шум перерос в грохот, становившийся все громче и громче, и гора, на которой они стояли во мраке, содрогнулась от нанесенного ей удара. А затем минут на пять все потонуло в ровном низком звуке, чистом, как басовое органное «до», отозвавшемся дрожью в самых корнях деревьев. Звук замер, и ропот дождя, барабанившего по траве и камням, сменился глухим шелестом воды, падавшей на мягкую землю. Этот шелест говорил сам за себя.

Никто из жителей деревни, даже жрец, не осмелился обратиться к Бхагату, спасшему им жизнь. Они скорчились под со снами, ожидая утра. Когда посветлело, они посмотрели на противоположную сторону долины: там, где раньше были лес, и поля на уступах, и пастбища, пересеченные тропинками, раскинулось веером кроваво-красное, как ссадина на теле горы, пятно, на его крутом откосе валялось кронами вниз несколько деревьев. Оползень высоко поднимался по склону, где нашли себе убежище люди и звери, запрудив поток, разлившийся озером кирпичного цвета. От деревни, от тропы, ведущей к храму,

от самого храма и леса за ним не осталось и следа. На милю в ширину и две тысячи футов в высоту бок горы целиком обвалился, словно его срезали сверху донизу.

Деревенские жители один за другим стали пробираться меж соснами, чтобы вознести хвалу Бхагату. Они увидели стоящего над ним оленя, который убежал, когда они подошли ближе, слышали плач лангуров на ветвях деревьев и стнания Сони на вершине горы, но Бхагат был мертв; он сидел скрестив ноги, опершись спиной о ствол, посох под мышкой, лицо обращено на северо-восток.

И жрец сказал:

— Мы зрим одно чудо за другим: ведь как раз в такой позе положено хоронить всех саньяси! Поэтому там, где он сейчас сидит, мы построим усыпальницу нашему святому.

И еще до истечения года они построили из камня и земли небольшое святилище и назвали гору горой Бхагата; и по сей день жители тех мест ходят туда с факелами, цветами и жертвоприношениями. Но они не знают, что святой, которому они поклоняются, — это покойный сэра Пуран Дас, кавалер ордена Индийской империи, доктор гражданского права и философии, и прочая, и прочая, некогда первый министр прогрессивного и просвещенного княжества Мохинивала, почетный член и член-корреспондент многочисленных научных обществ, столь мало полезных на этом... да и на том свете.

Песнь Кабира

О, легок был мир — наслаждаться и жить!
О, тяжек удел управлять и вершить!
Он спустился с престола и в грубой сермяге
По дороге пошел — он, Искатель, *байраги*.

Мягким белым ковром пыль ложилась под ним,
Он простыми кустами был от солнца храним,
Словно дома, в пустыне и в каждом овраге,
Он отыскивал Путь — он, Искатель, *байраги*.

Ясным взглядом отныне глядел он на мир
(«Присносущ и Един», — как сказал Кабир);
Канул Морок Деяний вроде утренней влаги,
Он вступил на Тропу — он, Искатель, *байраги*.

© Перевод. М. Яснов, 2004.

Он учился у всех, плоть от плоти земной,
Братом стал ему Бог, тварь земная — сестрой.
Для того и ушел он в обычной сермяге
(«Внемлешь?» — молвил Кабир) — он, Искатель, *байраги!*

Джунгли идут!

Корни и ветви, сплетайтесь скорей!
Листья, цветы и лианы, вперед!
Дайте забыть ненавистный нам род,
Запах и вид и дыханье людей.
Серую, жирную, грязную смой,
Дождь белоногий, золу с алтарей;
Пусть среди вольных забытых полей
Бродит покойно олень молодой.
Рушатся стены, лианы ползут,
Люди отсюда навеки уйдут!

Вы читали рассказы первой книги и, конечно, помните, что, пригвоздив шкуру Шер-Хана к Скале Совета, Маугли заявил оставшимся волкам Стаи Сиони, что с этого времени он будет охотиться в Джунглях один; а четверо детей Волка-Отца и Волчицы-Матери сказали, что они будут охотиться с ним. Но нелегко переменить сразу свой образ жизни, особенно же в Джунглях. Первым делом Маугли, после того как разошлась собравшаяся Стая, было уйти в свою родную пещеру и проспать целые сутки. Потом он рассказал Волку-Отцу и Волчице-Матери столько, сколько они могли понять, о своих приключениях среди людей. И когда он заставил лучи утреннего солнца играть на лезвии охотничьего ножа, того самого ножа, которым он снял шкуру с Шер-Хана, они сказали, что он кое-чему научился. Потом Акела и Серый Брат рассказали о своем участии в великой охоте на буйволов в овраге, и даже Балу вскарабкался на холм, чтобы послушать их, а Багира терлась о камни и мурлыкала от наслаждения, слушая, как Маугли вел свою войну.

Уже давно взошло солнце, но никто еще не думал идти спать, и время от времени Волчица-Мать запрокидывала голову и фыркала от удовольствия, когда ветер доносил ей запах тигровой шкуры со Скалы Совета.

— Но если бы не было Акелы и Серого Брата, — сказал наконец Маугли, — я ничего бы не мог сделать. Ах, мать, мать, если бы ты видела, как эти черные буйволы летели по оврагу, или как они бросились в ворота, когда Человеческая Стая стала бросать в меня камни.

— Я очень рада, что я не видела последнего, — сказала сурово Волчица-Мать. — Не в моих привычках смотреть, как моих детенышей гоняют, словно шакалов. Я взяла бы выкуп с Человеческой Стаи, но пощадила бы женщину, которая давала тебе молоко. Да, я пощадила бы только одну ее.

— Тише, тише, Ракша, — сказал лениво Волк-Отец. — Наш Лягушонок вернулся, и вернулся таким мудрым, что его собственный отец должен лизать ему ноги. А что значат одна-две лишних царапины на голове! Что нам за дело до человека!

— Что нам за дело до человека! — повторили Балу и Багира вместе.

Маугли, положив голову на бок Волчицы-Матери, довольно улыбался и говорил, что он со своей стороны больше не желает ни видеть, ни слышать, ни чужать людей.

— А что, — сказал Акела, поднимая ухо, — если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат?

— Нас пятеро, — сказал Серый Брат, окидывая взглядом собрание и щелкнув челюстями при последнем слове.

— Мы тоже не прочь принять участие в этой охоте, — сказала Багира, слегка помахивая своим хвостом и смотря на Акелу. — Но зачем теперь думать о людях, Акела?

— Затем, — отвечал Одинокый Волк, — что, когда шкура этого желтого вора была разостлана на скале, я вернулся в деревню, ступая по своим следам, поворачивая в сторону и валяясь, чтобы спутать следы на случай, если кто-нибудь вздумает гнаться за нами. Когда я перепутал следы так, что сам не мог разобраться в них, Манга, Летучая Мышь, прилетела, охотясь среди деревьев, и повисла надо мной. Манга сказала: «Деревня Человеческой Стаи, откуда изгнали человеческого детеныша, жужжит, как гнездо шершней».

— Да, я бросил туда большой камень, — засмеялся Маугли, часто забавлявшийся тем, что бросал спелые орехи в гнездо шершней и потом кидался в ближайший пруд, прежде чем шершни успевали догнать его.

— Я спросил Мангу, что она видела. Она отвечала, что Красный Цветок цветет у ворот деревни и что люди сидят вокруг него

с ружьями. Теперь я знаю, и не без основания, — Акела покосился на старые шрамы на боках, — что люди не для удовольствия носят с собой ружья. Сейчас, Маленький Брат, человек с ружьем идет по нашим следам, если уже не напал на них.

— Но зачем ему? Ведь люди выгнали меня? Чего же им еще нужно? — сказал Маугли сердито.

— Ты человек, Маленький Брат, — отвечал Акела, — и не нам, охотникам Свободного Народа, рассказывать тебе, что и почему делают твои братья.

Он едва успел отдернуть лапу, как нож вонзился глубоко в землю рядом с ним. Маугли ударил быстрее, чем мог бы уследить человеческий глаз, но Акела был волк, а даже собака, которая очень отстала от дикого волка, своего предка, может проснуться среди самого глубокого сна, если колесо телеги коснется ее, и она всегда отпрыгнет, прежде чем колесо отдавит ей ногу.

— В другой раз, — сказал спокойно Маугли, вкладывая нож в ножны, — не говори о Человеческой Стае и о Маугли *вместе*.

— Пф-ф! Это острый зуб, — сказал Акела, обнюхивая отверстие, оставленное ножом в земле. — Но жизнь среди людей испортила твои глаза, Маленький Брат. Я мог бы убить быка, пока ты целился.

Багира вскочила, вытянула изо всех сил голову и нюхала, нюхала, напрягши все мускулы своего тела. Серый Брат тотчас же последовал ее примеру, немного подавшись влево, чтобы втянуть ветер, дующий и справа. Тогда как Акела, сделав прыжок аршин в пятьдесят по ветру, застыл полусогнувшись. Маугли с завистью смотрел на них. Он слышал запахи, слышал так, как не слышит ни один человек, но он так и не мог развить в себе острого, как тончайший волосок, чутья жителей Джунглей, а три месяца, проведенные им в дымной деревне, очень плохо отозвались на нем. Но все-таки он намочил палец, потер себе нос и стал, вытянувшись во весь рост, чтобы уловить верхнюю струйку воздуха, самую слабую, но зато и самую верную.

— Человек! — зарычал Акела, садясь на задние лапы.

— Балдео, — сказал Маугли, тоже садясь, — он идет по нашим следам, а вон на солнце блестит его ружье. Смотри.

Это было только солнечное пятно, заигравшее на одно мгновение на медных замках старого ружья, но ничто в Джунглях не сверкает с таким блеском, если не считать того времени, когда тучи плывут по небу. Тогда кусочек слюды, маленькая

лужица или даже просто гладкий лист блестят как гелиограф. Но в этот день небо было спокойно и безоблачно.

— Я знал, что люди погонятся за нами, — сказал торжествующе Акела. — Не напрасно я был вождем Стаи.

Четыре волчонка ничего не сказали, но поползли на брюхе, скрываясь в терне и в кустах.

— Куда вы идете, не сказав ни слова? — крикнул Маугли.

— Ш-ш! Мы прикатим сюда его череп еще до полудня, — отвечал Серый Брат.

— Назад, назад и ждите! Человек не ест человека! — воскликнул Маугли.

— Кто это только сейчас был волком? Кто это чуть не зарезал меня за то, что я сказал, что ты человек? — сказал Акела, а все четверо вернулись с недовольным видом и улеглись на земле.

— Неужели я должен отдавать отчет в моих поступках? — бешено закричал Маугли.

— Вот это человек. Так всегда говорят люди, — бормотала Багира себе в усы, — точно так же разговаривали люди вокруг королевских клеток в Удайпуре. Мы, жители Джунглей, знаем, что человек мудрее всех; если же доверять своим ушам, то мы знали бы, что он глупее всех. — Она возвысила голос и прибавила: — Человеческий детеныш прав на этот раз. Люди охотятся стаями. Убить одного, не зная, что делают другие, — плохая охота. Пойдем посмотрим, что этот человек замышляет против нас.

— Мы не пойдем, — проворчал Серый Брат. — Охоться один, Маленький Брат. Мы знаем, что нам делать. Мы бы уже давно принесли череп.

Маугли переводил взор с одного друга на другого, на сердце у него было тяжело, глаза наполнились слезами, грудь подымалась. Он бросился вперед и, упав на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, что мне надо? Взгляните на меня.

Они неохотно посмотрели, и, когда они отводили глаза, Маугли снова окликал их, пока вся шерсть не поднялась на них дыбом, пока они не начали дрожать всем телом, а Маугли все смотрел и смотрел.

— Теперь, — сказал он, — кто вождь из нас пятерых?

— Ты вождь, Маленький Брат, — сказал Серый Брат и лизнул ногу Маугли.

— Так идемте за мной, — сказал Маугли, и все четверо пошли за ним, опустив хвосты между ног.

— Это от жизни среди Человеческой Стан, — сказала Багира, крадясь за ними. — Теперь в Джунглях есть нечто большее, чем Закон Джунглей, Балу.

Старый медведь ничего не ответил; он был погружен в раздумье.

Маугли бесшумно пересекал Джунгли под прямым углом к следу Балдео, пока, раздвинув кустарники, он не увидел, что старик с ружьем за плечами искал, как собака, вчерашний след.

Вы помните, что Маугли, оставив деревню, пошел с тяжелой сырой шкурой Шер-Хана на плечах, тогда как Акела с Серым Братом трусили за ним; поэтому след их был намечен очень ясно. Теперь Балдео дошел до того места, где, как вы знаете, Акела повернул назад и перепутал следы. Он сел, кашлял, ворчал, бродил взад и вперед по Джунглям, желая снова напасть на след, и все время был так близко от тех, кого искал, что мог бы попасть в них камнем.

Никто не ведет себя тише, чем волк, когда он не хочет, чтобы его слышали; и Маугли мог двигаться как тень, хотя волки и думали, что он очень неловок. Они окружили старика, как стадо дельфинов окружает плывущий на всех парах пароход, и начали беспечно разговаривать, потому что разговор зверей начинается с такой низкой ноты, что она совершенно недоступна непривычному человеческому уху. (Кончается же их гамма таким высоким писком Манги, Летучей Мыши, что многие совсем не могут уловить его. С этой же ноты начинается всякий разговор птицы, летучей мыши, насекомого.)

— Это интереснее, чем убить, — сказал Серый Брат, когда Балдео останавливался, присматриваясь и отдуваясь. — Он похож на свинью, заблудившуюся в Джунглях у реки. Что он говорит?

Балдео дико бормотал.

Маугли перевел:

— Он говорит, что, наверное, Стая волков плясала вокруг меня. Он говорит, что он никогда в жизни не видал такого следа. Он говорит, что устал.

— Он отдохнет, а затем снова найдет его, — сказала холодно Багира, скользнув за ствол дерева, словно они играли в жмурки.

— Что же эта тощая тварь намерена делать?

— Есть или выпускать дым изо рта. Люди всегда играют своими ртами, — сказал Маугли, и молчаливые следопыты увидели,

как старик, набив и закурив трубку, стал выпускать дым изо рта. И они старались запомнить запах табака, чтобы в самую темную ночь безошибочно узнать, если понадобится, Балдео.

По тропинке спустилась небольшая толпа угольщиков и, конечно, остановилась поговорить с Балдео, слава которого как охотника гремела миль на двадцать кругом. Они все сели, закурили. Багира и остальные подошли и ждали, пока Балдео не начал рассказывать историю о Маугли, сыне черта; он рассказал ее с начала до конца, со всевозможными добавлениями и прикрасами. Как *он сам* убил Шер-Хана, как Маугли обернулся волком и дрался с ним до самого вечера, как потом он опять превратился в мальчика, как заколдовал ружье Балдео так, что пуля, предназначенная им для Маугли, попала в его собственного буйвола, и как деревня, признавая его храбрейшим охотником Сиони, послала его убить ребенка-дьявола. А между тем жители деревни схватили Мессуа и ее мужа, родителей ребенка-дьявола, и заперли в их собственной хижине, и как теперь готовятся пытать их, чтобы заставить сознаться в том, что он колдун, а она ведьма, и как потом их сожгут.

— Когда? — спросили угольщики, которым очень хотелось присутствовать на церемонии.

Балдео сказал, что ничего не будут делать до его возвращения, потому что деревня хочет, чтобы раньше был убит мальчик из Джунглей. Потом они разделяются с Мессуа и ее мужем и разделят их земли и буйволов между всей деревней. У мужа Мессуа замечательно хорошие буйволы. Балдео полагал, что истреблять колдунов очень хорошее дело, а люди, которые принимают к себе в дом волчьих детей из Джунглей, принадлежат, конечно, к самым отвратительным колдунам.

— Но что будет, — спросили угольщики, — если англичане узнают об этом? Говорят, англичане совершенно полоумный народ и не дают честным людям спокойно убить колдуна.

— Ничего, — отвечал Балдео, — староста скажет, что Мессуа с мужем умерли от укуса змеи. Все это устроено; и теперь остается только убить волчьего ребенка. Не встречалось ли вам подобное существо?

Угольщики оглянулись по сторонам и возблагодарили свою звезду за то, что они не видали ничего подобного. Но они не сомневались, что такой смелый человек, как Балдео, найдет его, если только это возможно.

Солнце склонялось к закату, когда им пришлось в голову отправиться в деревню Балдео и посмотреть на злую колдунью.

Балдео заявил, что хотя его долг убить мальчика-дьявола, но он не может отпустить горсть безоружных людей идти без охраны по Джунглям, где каждую минуту может выскочить волк-оборотень. Поэтому он проводит их, и если дитя колдуна появится, — что ж, он покажет им, как лучший охотник Сиони расправляется в подобных случаях. Брамин, говорил он, дал ему талисман, для того чтобы эти существа не могли причинить ему никакого вреда.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? — повторяли поминутно волки, и Маугли переводил, пока не дошел до колдовства, до волшебной части истории, которая была мало понятна ему; он сказал только, что мужчина и женщина, которые были так добры к нему, сидят в западне.

— Разве люди ловят людей в западни? — спросил Серый Брат.

— Он так говорит. Я не могу понять его болтовни. Они все с ума посходили. Какое отношение Мессуа и ее муж имеют ко мне, чтобы их сажать из-за меня в западню? Что они говорят о Красном Цветке? Нужно посмотреть. Что бы они ни сделали Мессуа, они не делают этого до возвращения Балдео. Значит... — думал Маугли, играя рукояткой ножа, тогда как Балдео и угольщики храбро шли гуськом. — Я сейчас же пойду к Человеческой Стае, — сказал наконец Маугли.

— А эти? — спросил Серый Брат, жадно посматривая на смуглые спины угольщиков.

— Проводи их с песнями домой, — сказал Маугли с усмешкой. — Я не хочу, чтобы они попали в деревню до темноты. Можете вы удержать их?

Серый Брат вместо ответа обнажил свои белые зубы.

— Мы можем гонять их кругами, как привязанных овец, если только я достаточно знаю людей.

— Этого мне не нужно. Спой им песенку, чтобы они не соскучились в дороге, Серый Брат, песенка может быть и не из нежных. Пойди с ними, Багира, и помоги им петь. Когда придет ночь, встретьте меня у деревни, Серый Брат знает место.

— Это нелегкая работа — быть загонщиком для человеческого детеныша. Когда же я выплусь? — сказала Багира, зевая, но по ее глазам было видно, что она в восторге от развлечения. — Я буду петь голым людям? Что ж, попробуем.

Она опустила голову, чтобы звук разносился дальше, и протяжно закричала: «Доброй охоты». И то, что полночный возглас раздался среди дня, было поистине ужасно. Маугли слышал, как этот крик то ослабевал, то вновь усиливался и кончался протяжным воем позади него. И он смеялся про себя, пробегая по Джунглям. Он видел, как все угольщики сбились в кучу, как ружье старого Балдео заходило, словно банановый лист, качаясь из стороны в сторону. Тогда Серый Брат затянул: «Иа-ла-хи! Иа-ла-ха!» — охотничий крик Стаи, когда они гонят *нильгау*, больших сизых самок. И казалось, что этот звук несется с самого края земли, все ближе, ближе и ближе, пока не закончился коротким резким криком. Остальные три волка ответили ему, да так, что даже сам Маугли поклялся бы, что кричит вся Стая. Наконец они затянули величественную утреннюю песнь Джунглей, со всевозможными трелями, переливами, руладами, которые знакомы всякому поющему волку. Вот грубая передача песни, но вы представьте себе, как звучит она в послеобеденной тишине Джунглей.

Мы идем, мы спешим, тени, сумрака нет
По долине прямой.
Они ищут, спешат и находят наш след,
Все бежим мы домой.
Утром туманным и куст, и травинка болота
Высоко, и жестко, и прямо стоит.
Клич громкий мы крикнем: «Всем доброй охоты,
Кто свято Джунглей Законы хранит».

Мех, рога, весь укрылся народ;
То прижавшись стоят
Джунглей вожди, то ведут хоровод
И тихо скользят.

Сильны, могучи волы среди поля,
Пашут уныло средь Стаи Людской.
Пурпур зари полосатой, раздолье и воля
Витают над тихой землей.

Все в пещеры! Уж солнце встает
Над свежей травой,
Тихий шорох бамбук встрепенет,
Спешим все домой.

День настанет, и весь лес засверкает;
Лес наш прозрачный, иной средь ночей.
Дикая утка вдали восклицает:
«День Человеку, весь день для Людей».

Высыхает роса с головы и с боков,
Вся уходит она.
Где мы пьем у спокойных прудов,
Ночью светит луна.

День начался, наши стали работы,
Рог, и копыто, и коготь — все спит.
Клич предрассветный: «Всем доброй охоты,
Кто свято Джунглей Законы хранит».

Но нельзя передать ее впечатления и той насмешки, которую все четверо вкладывали в каждое слово, услышав треск деревьев, когда люди стали поспешно карабкаться по ветвям, а Балдео начал свои заклинания и заговоры. Потом они легли и заснули, потому что, как все, живущие собственным трудом, они любили известный порядок; а никто не может хорошо работать, предварительно не выспавшись.

Между тем Маугли пробежал мило за милей, по девяти в час, и был в восторге, что он так силен после стольких месяцев жизни среди людей. У него в голове была только одна мысль: освободить Мессуа и ее мужа из западни, какова бы она ни была; у него было совершенно естественное недоверие к ловушкам. После этого он обещал с лихвой заплатить свои долги деревне.

Спустились уже сумерки, когда он увидел хорошо знакомые пастбища и даковое дерево, где Серый Брат ждал его в то утро, когда он убил Шер-Хана. Несмотря на все свое озлобление против всего людского племени и его обычаев, он почувствовал, как что-то подкатило ему к горлу и как перехватило дыхание, когда он взглянул на деревенские крыши. Он заметил, что все вернулись с полей необыкновенно рано и, вместо того чтобы заняться приготовлением ужина, собрались толпой под деревом, болтали и галдели.

— Люди всегда должны ставить ловушки людям, иначе они будут недовольны, — сказал Маугли. — Две ночи тому назад это был Маугли, но, кажется, после той ночи прошло уже много дождей. Сегодня Мессуа и ее муж. Завтра или еще через много ночей снова настанет очередь Маугли.

Он крался вдоль стен, пока не дошел до хижины Мессуа. Он заглянул через окно в комнату. Мессуа, связанная по рукам и ногам, с заткнутым ртом, лежала и стонала, тяжело дыша. Ее муж был привязан к ярко раскрашенной кровати. Дверь хижины, выходящая на улицу, была крепко заперта, и трое или четверо сидели, прислонившись к ней.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревенских жителей. Он знал, что, пока они могут есть и болтать, они ничего не будут делать, кроме этого, но как только они наедятся, они сделаются опасны. Балдео скоро придет, и если его спутники исполнили свой долг, то он будет рассказывать очень интересные истории. Поэтому Маугли влез в окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, перерезал ремни, вытащил тряпки изо рта и посмотрел, нет ли в хижине молока.

Мессуа почти обезумела от боли и страха, с самого утра ее били и бросали в нее камнями, и Маугли вовремя зажал ей рукой рот, чтобы помешать ей закричать. Муж ее был только изумлен и взбешен; он сел и начал выбирать землю и всякий сор из своей всклокоченной бороды.

— Я знала, я знала, что он придет, — зарыдала наконец Мессуа. — Теперь я знаю, что он мой сын. — И она прижала Маугли к сердцу.

До сих пор Маугли был спокоен, но тут он весь задрожал, и это изумило его самого.

— Зачем эти ремни? Почему они тебя связали? — спросил он, помолчав.

— Чтобы убить за то, что мы приняли тебя как сына, за что же еще? — сказал мужчина мрачно. — Смотри, я весь в крови.

Мессуа ничего не сказала, но Маугли смотрел на ее раны и скрежетал зубами при виде крови.

— Кто это сделал? — спросил он. — Нужно отплатить им.

— Это дело всей деревни. Я был слишком богат. У меня было слишком много скота. *Поэтому* мы с ней оказались колдунами, после того как дали тебе приют.

— Я не понимаю. Пусть Мессуа расскажет.

— Я давала тебе молоко, Нату, ты помнишь, — сказала робко Мессуа, — потому что ты мой сын, которого утащил тигр, и потому что я очень любила тебя. Они сказали, что я твоя мать, мать дьявола, и потому достойна смерти.

— А что такое дьявол? Смерть я видал, — спросил Маугли.

Мужчина мрачно смотрел из-под бровей, а Мессуа засмеялась.

— Смотри, — сказала она мужу. — Я знала... я говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын.

— Сын или колдун, что нам в этом толку, — отвечал мужчина. — Мы уже наполовину мертвы сейчас.

— Там дорога в Джунгли. — Маугли указал на окно. — Ваши руки и ноги свободны. Уходите.

— Мы не знаем Джунглей, мой сын, так, как ты их знаешь, — начала Мессуа. — Я не думаю, что смогу уйти далеко.

— А мужчины и женщины погонятся за нами и притащат нас назад, — добавил муж.

— Гм... — проворчал Маугли, шекоча кончиком ножа ладонь. — *Пока* я не хочу нанести вред жителям деревни. Но я не думаю, чтобы они стали преследовать вас. Скоро им придется подумать о многом. Ага! — Он поднял голову и стал прислушиваться к топоту и крикам, доносившимся снаружи. — Наконец они отпустили Балдео домой.

— Его послали сегодня утром, чтобы убить тебя! — воскликнула Мессуа. — Встретил ты его?

— Да, я... мы встретили его. Он там расскажет кое-что, и пока он будет рассказывать, можно успеть многое сделать. Но сначала я посмотрю, что они намерены предпринять. Подумайте, куда вам идти, и скажите мне, когда я вернусь.

Он выскочил в окно и побежал вдоль плетня, пока не дошел до такого места, откуда он мог слышать весь разговор под деревом. Балдео лежал на земле, кашляя и кряхтя, а окружающие его расспрашивали. Волосы рассыпались у него по плечам, руки и ноги были ободраны от лазанья по деревьям, он едва мог говорить, но все же чувствовал всю важность своего положения. Время от времени он бормотал что-то о чертах, о поющих бесах, об оборотнях-колдунах, чем еще больше возбуждал любопытство толпы.

Потом он попросил воды.

— Ба! — сказал Маугли. — Болтайте, болтайте. Говорите, говорите, люди, кровные братья Бандар-логов! Теперь он будет полоскать рот водой, а потом выдувать дым, а после всего этого начнет рассказывать свои истории. Люди — очень мудрый народ. Ни одного сторожа не останется около Мессуа, пока они не набьют себе уши сказками Балдео. И я становлюсь таким же ленивым, как они.

Он отряхнулся и проскользнул назад в хижину. Подойдя к окну, он почувствовал, что кто-то трогает его за ногу.

— Мать, — сказал он, потому что он очень хорошо знал этот язык. — Зачем *ты* здесь?

— Я слышала песни моих детей в лесу и пошла за тем, кого я люблю больше всех. Лягушонок, я хочу видеть женщину, которая давала тебе молоко, — сказала Волчица-Мать, вся мокрая от росы.

— Они связали ее и хотят убить. Я перерезал ее узы, и она пойдет со своим мужем по Джунглям.

— Я пойду за ними, я стара, я еще не очень беззуба.

Волчица-Мать поднялась на задние лапы и заглянула в окно темной хижины. Через минуту она бесшумно скатилась и сказала:

— Я дала тебе первое молоко, но Багира права, человек в конце концов возвращается к людям.

— Может быть, — сказал Маугли с недовольным выражением лица, — но сегодня ночью я очень далек от этого. Подожди здесь, но не показывайся ей.

— *Ты* никогда не боялся *меня*, Лягушонок, — сказала Волчица-Мать и попятилась в густую траву, прячась, как умела только она.

— Ну, — сказал весело Маугли, впрыгнув в хижину, — они все сидят вокруг Балдео, и он рассказывает то, чего и не было. Когда его болтовня кончится, они непременно придут сюда с Красным... с огнем и сожгут вас обоих. Что ж вы?

— Я говорила с мужем, — сказала Мессуа. — Канивара в тридцати милях отсюда, но в Каниваре мы найдем англичан...

— Это какая Стая? — спросил Маугли.

— Не знаю. Они белые и, говорят, управляют всей страной и никому не позволяют жечь людей или бить их без вины. Если мы сможем добраться туда за ночь, мы спасены. Иначе мы умрем.

— Вы будете жить. Ни один человек не выйдет за ворота ночью. Но что он делает?

Муж Мессуа стоял на четвереньках и копал землю в углу хижины.

— Здесь у него немного денег, — сказала Мессуа. — Мы больше ничего не можем взять с собой.

— Ах, да, то, что переходит из рук в руки и никогда не согревается. Разве оно нужно и в других местах? — спросил Маугли.

Мужчина сердито посмотрел на него.

— Он дурак, а не дьявол, — пробормотал он. — На эти деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что не сможем уйти далеко, а деревня бросится за нами через час.

— Я сказал, что они не пойдут, пока я не позволю, но относительно лошади ты хорошо придумал, потому что Мессуа устала.

Муж ее встал, спрятал последние рупии в карман куртки. Маугли помог Мессуа вылезть через окно. Свежий ночной воздух оживил ее. Но при свете звезд Джунгли казались ей очень темными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канивару? — спросил шепотом Маугли. Они утвердительно кивнули головой.

— Хорошо. Помните только, что вам нечего бояться и нет надобности торопиться. Только... только в Джунглях впереди или позади вас будут немножко петь.

— Неужели ты думаешь, что мы пошли бы ночью в Джунгли, если бы мы не боялись, что нас сожгут?.. Лучше быть съеденным зверями, чем убитым людьми, — сказал муж Мессуа, а Мессуа смотрела на Маугли и улыбалась.

— Я сказал, — повторил Маугли, как Балу, в сотый раз повторявший Закон Джунглей какому-нибудь невнимательному детенышу. — Я сказал, что ни один зуб в Джунглях не обнажится против вас, ни одна лапа в Джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не коснется вас, пока вы не увидите Канивару. Вас будут охранять. — Он быстро повернулся к Мессуа и прибавил: — *Он* не верит, но ведь ты веришь?

— О да, сын мой. Человек, дух или волк из Джунглей, я верю тебе.

— *Он* будет бояться, когда услышит песни моего народа, но ты будешь все понимать. Теперь идите не торопясь: спешить некуда. Ворота заперты.

Мессуа бросилась, рыдая, к ногам Маугли, но он, весь дрожа, поднял ее. Потом она бросилась к нему на шею и называла его всеми возможными ласковыми именами, какие только могла придумать. Муж же ее с досадой смотрел на свои поля и говорил:

— Если мы дойдем до Канивары и англичане меня выслушают, я начну такую тяжбу с брамином, и со старым Балдео, и

со всеми другими, что проглочу всю деревню. Они вдвойне мне заплатят за мои несжатые поля и за моих некормленных буйволов. Я добыюсь правосудия.

Маугли засмеялся:

— Я не знаю, что такое правосудие, но приходи после дождей, и ты увидишь, что останется здесь.

Они отправились к Джунглям. Волчица-Мать вышла из того места, где она пряталась.

— Иди с ними, — сказал Маугли, — и смотри, чтобы все Джунгли знали, что этих двоих нельзя трогать. Подай голос. Я позову Багиру.

Раздался тихий протяжный вой и замолк. Маугли увидел, что муж Мессуа вздрогнул и повернулся, словно собираясь бежать назад в хижину.

— Иди, иди, — закричал весело Маугли. — Я сказал, что они будут петь. Это пение будет провожать вас до самой Канивары. Это Милость Джунглей.

Мессуа торопила мужа, и тьма окутала их и Волчицу-Мать, когда почти у самых ног Маугли выросла Багира, дрожа от наслаждения ночью, опьяняющей Народ Джунглей.

— Мне стыдно за твоих братьев, — сказала она, мурлыча.

— Что? Разве они не сладко пели Балдео? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо, слишком хорошо. Они заставили *меня* позабыть мою гордость, и, клянусь сломанным замком, освободившим меня, я шла по Джунглям и пела, словно радуясь весне. Разве ты не слышал нас?

— У меня было другое дело. Спроси Балдео, понравилась ли ему песня. Но где же четверо? Я не хочу, чтобы кто-либо из Человеческой Стаи выходил сегодня за ворота.

— Так зачем же тебе четверо? — сказала Багира, переступая с ноги на ногу; глаза ее горели, и она мурлыкала громче обыкновенного. — Я могу удержать их, Маленький Брат. Наконец, можно будет кого-нибудь и убить! Это пение и вид людей, карабкающихся на деревья, приготовили меня ко всему. Что такое человек, чтобы нам бояться его — он голый, коричневый землекоп, бесшерстый, беззубый землекоп. Я шла за ним весь день, в полдень... при ярком солнечном свете. Я стерегла его, как волки стерегут оленей. Я Багира! Багира! Багира! И как я пляшу с моей тенью, так я плясала с теми людьми. Смотри.

Огромная пантера подпрыгнула, как прыгает котенок за сухим листочком, крутящимся над его головой, размахивая ла-

пами направо и налево по воздуху, и воздух свистел от ударов, бесшумно опускалась на землю, снова и снова прыгала, полумурлыча, полуворча, и это походило на шум пара в котле.

— Я — Багира, в Джунглях среди ночи вс сила кипит во мне. Кто вынесет мой удар? Человеческий детеныш, одним ударом лапы я могла бы расплющить тебе голову, как мертвую лягушку летом.

— Что ж, ударь, — сказал Маугли на деревенском наречии, а не на языке Джунглей.

Человеческая речь заставила Багиру разом остановиться и вскочить на дрожащие лапы, и ее голова пришлась в уровень с головой Маугли.

И снова Маугли прямо посмотрел на нее, как он смотрел на взбунтовавшихся детенышей, пристально смотрел в ее яркие изумрудные глаза, смотрел, пока не погасло красное пламя, горевшее внутри зеленых глаз, как свет удаляющегося маяка исчезает в открытом море; смотрел, пока глаза не потупились, пока громадная голова не стала опускаться все ниже и ниже, и наконец жесткий красный язык лизнул ноги Маугли.

— Сестра, сестра, сестра, — шептал мальчик, тихонько поглаживая ей спину. — Успокойся, успокойся. Это вина ночи, а не твоя.

— Это запахи ночи, — сказала, раскаиваясь, Багира. — Это ночной воздух громко зовет ко мне. Но как ты это узнал?

Конечно, вокруг индийской деревни воздух полон различными запахами, и на существо, все воспринимающее носом, они действуют так же опьяняюще, как музыка и напитки на людей.

Маугли поласкал пантеру еще несколько минут, и она лежала, как кошка перед огнем, поджав лапы и полузакрыв глаза.

— Ты из Джунглей и не из Джунглей, — сказала она наконец. — Я только Черная Пантера, но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Они что-то долго болтают там под деревом, — сказал Маугли, не обратив внимания на последнюю фразу. — Наверное, Балдео наплел им много рассказов. Они теперь скоро пойдут вытаскивать женщину и ее мужа из западни, чтобы бросить их в Красный Цветок. И найдут западню сломанной. Хо! Хо!

— Теперь слушай, — сказала Багира. — Лихорадка ушла из моей крови. Пусть они найдут там меня. Немногие выйдут по-

том из дома, повстречавшись со мной. Я не в первый раз буду в клетке. Не думаю, чтобы они *меня* связали веревками.

— Будь умницей, — сказал Маугли смеясь, потому что он сделался таким же беззаботным, как и пантера, скользнувшая в хижину.

— Фу! — зафыркала Багира. — Это место пахнет людьми, но здесь совсем такая же кровать, как та, которую они мне устроили в Удайпуре. Теперь я улягусь. — Маугли слышал, как веревочные переплеты постели затрещали под тяжестью громадного зверя. — Клянусь сломанным замком, освободившим меня, они думают, что поймали недурную дичь. Поди и посиди со мной, Маленький Брат. Мы вместе скажем им: «Доброй охоты».

— Нет, у меня другая мысль. Пусть люди не знают, что я принимал участие в этом. Позабавься сама. Я не хочу видеть их.

— Пусть будет так, — сказала Багира. — Но вот они идут.

Совещание под смоковницей на отдаленном конце деревни делалось все шумнее и шумнее. Оно перешло в дикие крики, и целый поток мужчин и женщин бросился по улице, потрясая бамбуковыми палками, косами и ножами.

Балдео и брамин бежали во главе их; вся толпа устремилась по их следам, крича:

— Колдунья, колдунья! Посмотрим, не заставят ли горячие угли их сознаться. Зажгите хижину над их головами. Мы покажем им, как укрывать оборотней. Нет, поколотим их раньше. Факелы! Больше факелов. Балдео, заряжай ружье.

Вышло маленькое затруднение с дверной задвижкой. Она была заперта очень крепко, но толпа навалилась на двери. Свет факелов ворвался в комнату, где, вытянувшись во всю длину, скрестив лапы и свесив их через край, лежала черная, как смоль, страшная, как демон, Багира. На полминуты воцарилось безмолвие отчаяния. Потом передние ряды толпы рванулись и ринулись назад к порогу, и в эту минуту Багира подняла голову и зевнула медленно, обдуманно и вызывающе, как зевала, желая оскорбить равного себе. Усатые губы поднимались и опускались, красный язык изогнулся, нижняя челюсть опустилась, опустилась так, что вы могли бы заглянуть в горячую глотку и увидеть громадные клыки, пока челюсти не сомкнулись, шелкнув, как стальные запоры сундука.

В следующее мгновение улица уже опустела. Багира выпрыгнула в окно и стала рядом с Маугли, тогда как кричащий,

ревуший поток людей, спотыкаясь и падая, летел в паническом ужасе к своим хижинам.

— Они не шелохнутся, пока не наступит день, — сказала спокойно Багира. — Что теперь делать?

Казалось, безмолвие послеобеденного сна охватило деревню, но если внимательно прислушаться, можно было разобрать характерный звук: по глиняному полу тащили к дверям тяжелые ящики с зерном.

Багира была права: деревня не шелохнулась до утра.

Маугли тихо сидел и думал. Лицо его делалось все мрачнее и мрачнее.

— Что я такого сделала? — спросила наконец льстиво Багира.

— Ничего, кроме добра. Постереги их до утра. Я усну.

И Маугли побегал в Джунгли, споткнулся о скалу, упал, заснул, проспал весь день и еще ночь. Когда он проснулся, Багира стояла рядом с ним, и только что убитый олень лежал у его ног. Багира с любопытством следила, как Маугли принялся работать своим ножом, как он ел, пил, как, наконец, повернулся, опершись подбородком на руки.

— Мужчина и женщина пришли благополучно в Канивару, — сказала Багира. — Твоя мать прислала весть с Чилем. Они еще до полуночи в тот вечер, когда были освобождены, нашли лошадь и доехали очень скоро. Разве это не хорошо?

— Хорошо, — сказал Маугли.

— А Человеческая Стая в деревне не шелохнулась, пока солнце не взошло высоко на небе. Потом они поели и проворно разбежались по домам.

— Может быть, они случайно видели тебя?

— Может быть. Я на заре валялась в пыли около ворот и немножко мурлыкала про себя. Теперь, Маленький Брат, нам больше нечего делать. Пойдем охотиться со мной и с Балу. Он нашел новые ульи, которые он хочет показать тебе, и мы все хотим, чтобы ты по-прежнему был с нами. Перестань так смотреть, это пугает даже *меня*. Мужчину и женщину не посадят в Красный Цветок, и все в Джунглях обстоит благополучно. Не правда ли? Давай забудем Человеческую Стаю.

— Мы их забудем, только немножко позже. Где кормится Хатхи сегодня ночью?

— Где придется! Кто может отвечать за Молчалиника? А что? Что может сделать Хатхи такого, чего мы не можем?

— Прикажи Хатхи и его трем сыновьям прийти сюда ко мне.
— Знаешь что, Маленький Брат, неприлично говорить Хатхи: «Приди, уйди». Помни, что он Повелитель Джунглей, и прежде чем Человеческая Стая переменила твой взгляд, он научил тебя Великому Слову Джунглей.

— Это мне незразлично. Теперь я знаю Великое Слово для него. Прикажи ему прийти к Маугли-Лягушонку, и если он сразу не послушается, прикажи ему прийти, чтобы поговорить о разорении полей Бхаратпура.

— О разорении полей Бхаратпура. — Багира повторила несколько раз, чтобы не ошибиться. — Иду. Хатхи только рассердится, и больше ничего. Я пожертвовала бы охотой целого месяца, чтобы услышать Великое Слово, которое могло бы подействовать на Молчальника.

Она ушла, оставив Маугли, бешено коловшего ножом землю. Маугли никогда не видал человеческой крови до тех пор, пока он не увидел или, что было для него гораздо важнее, не понюхал крови Мессуа на связывавших ее веревках. Мессуа была ласкова с ним, и, насколько он вообще мог понимать любовь, он любил Мессуа так же горячо, как ненавидел все остальное человечество. Но несмотря на то что он ненавидел их говор, их трусость, их жестокость, он ни за что в Джунглях не отнял бы человеческой жизни, чтобы еще раз не почувствовать в своих ноздрях этот ужасный запах крови. Его план был проще, но гораздо действеннее, и он рассмеялся, подумав, что один из рассказов Балдео под деревом подсказал ему эту мысль.

— Это Великое Слово, — шепнула ему Багира на ухо. — Они паслись около реки и повиновались, как буйволы. Смотри, вот они идут.

Хатхи и его три сына подошли, как всегда, молча, без малейшего звука. Речной ил еще не обсох на их боках, и Хатхи шел, задумчиво жуя зеленый стебель смоковницы, который он срезал клыками. Но каждый мускул огромного его тела показывал Багире, умевшей наблюдать за всем окружающим, что это не Повелитель Джунглей говорит с человеческим детенышем, но тот, кто боится, с тем, кто не знает страха. Три сына шли рядом, позади отца.

Маугли едва поднял голову, как Хатхи сказал ему: «Доброй охоты». Он заставил его долго качаться, переступая с ноги на ногу, прежде чем заговорил с ним, а когда он открыл рот, он обратился не к слонам, а к Багире.

— Я расскажу тебе, что я слышал от охотника, за которым сегодня охотились, — сказал Маугли. — Речь идет об одном слоне, старом и мудром, который попал в западню, и острый кол в яме ободрал ему бок и спину до самого плеча, оставив белый след.

Маугли вытянул руку, и, когда Хатхи повернулся, при лунном свете ясно выступил длинный белый шрам на гладком боку, словно Хатхи били раскаленным прутом.

— Люди пришли вытащить его из западни, — продолжал Маугли, — но он разорвал канаты, потому что он был могуч, и скрывался, пока не заросла его рана. Потом раз ночью он пришел на поля этих охотников. Теперь я вспоминаю, что у него было три сына. Все это случилось много, много дождей тому назад и очень далеко отсюда, в полях Бхаратпура. Что случилось с этими полями к следующей жатве, Хатхи?

— Они были сжаты мной и моими тремя сыновьями, — сказал Хатхи.

— А потом, после того, как их снова вспахали? — спросил Маугли.

— Их больше не пахали, — отвечал Хатхи.

— А что случилось с людьми, жившими близ зеленых полей? — говорил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых люди спали? — спрашивал Маугли.

— Мы изломали крыши в куски, а Джунгли пришли и поглотили стены, — отвечал Хатхи.

— А потом что было? — сказал Маугли.

— Джунгли заняли все то пространство, какое я могу пройти в две ночи с запада на восток и в три ночи с севера на юг. Мы пустили Джунгли на пять деревень; и на их землях, полях, пастбищах, жнивье и пашнях нет и доньше ни одного человека, который собирал бы там свою пищу. Вот как мы опустошили поля Бхаратпура, я и мои три сына. Теперь я спрашиваю, человеческий детеныш, как это дошло до тебя? — сказал Хатхи.

— Один человек сказал мне. Теперь я вижу, что даже Балдео может говорить иногда правду. Это было хорошо сделано, Хатхи с белым шрамом, но во второй раз это надо сделать еще лучше, потому что этим будет руководить человек. Знаешь ты деревню Человеческой Стаи, которая изгнала меня? Они лени-

вы, глупы и жестоки, они играют своими ртами и убивают слабейшего не для еды, но для забавы. Когда они сыты, они бросают свое собственное племя в Красный Цветок. Я видел это. Им не следует больше жить здесь. Я ненавижу их.

— Так убей их, — сказал младший из сыновей Хатхи, подбирая пучок травы, отряхивая его о свои передние ноги и снова отбрасывая, тогда как его маленькие глаза боязливо бегали из стороны в сторону.

— Зачем мне белые кости? — злобно отвечал Маугли. — Я не волчонок, чтобы играть на солнце с окровавленным черепом! Я убил Шер-Хана, и его шкура лежит на Скале Совета, но я не знаю, куда ушел Шер-Хан, и мой живот все еще пуст. Теперь я хочу взять то, что я могу трогать и видеть. Пусти Джунгли на деревню, Хатхи!

Багира вздрогнула и съежилась. Она могла понять, что в крайнем случае можно промчаться по деревенской улице, ударяя направо и налево по толпе, или напасть на людей, пашущих вечером, но мысль полного уничтожения целой деревни на глазах всех людей и животных пугала ее. Теперь она знала, зачем Маугли послал за Хатхи. Никто, кроме слона, не мог предпринять и выдержать такую войну.

— Пусть они убегут, как люди убежали с полей Бхаратпура, чтобы только один дождь бороздил их поля и чтобы шум дождя в листьях заменил жужжание их прялок, чтобы Багира и я спали в доме брамина и чтобы олени пили в прудах за храмом. Пусти Джунгли, Хатхи.

— Но я... но мы не ссорились с ними, а ведь нам нужно прийти в ярость, чтобы напасть на места, где спят люди, — нерешительно сказал Хатхи.

— Разве вы единственные травоядные в Джунглях? Гоните туда свои народы. Пусть олень, свинья и кабан пасутся там. Вы не должны и показываться, пока поля не будут опустошены. Пусти Джунгли на них, Хатхи!

— А убивать не надо? Мои клыки были красны при разорении полей Бхаратпура, я не хочу снова слышать этот запах.

— Я тоже не хочу. Я не хочу даже, чтобы их кости валялись на нашей чистой земле. Пусть они уйдут и поищут себе новое логовище. Им нельзя оставаться здесь. Я видел кровь женщины, дававшей мне есть, — женщины, которую они хотели убить из-за меня. И я слышал запах ее крови. Только запах свежей

травы, выросшей у их порогов, может заглушить тот запах. Он жжет мне рот. Пусти Джунгли, Хатхи.

— А, — сказал Хатхи, — вот так горела и у меня рана от кола, пока я не увидел, как их деревня исчезала под весенней порослью. Теперь я понимаю. Твоя война будет нашей войной. Мы пустим Джунгли.

Маугли едва успел перевести дыхание, — он весь дрожал от ненависти и ярости, — а уже место, где стояли слоны, было пусто и Багира в ужасе смотрела на него.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, — сказала наконец Черная Пантера, — неужели *ты* — то голое существо, за которое я подавала голос в Совете Стаи, когда ты был маленьким? Повелитель Джунглей, когда у меня не станет больше сил, подай голос за меня, за Балу, за всех нас. Мы щенки перед тобой, сломанная ветка под ногой, молодые лани, потерявшие мать.

Мысль, что Багира — лань, заставила Маугли рассмеяться, и он задыхался, рыдал, смеялся, пока наконец не бросился в пруд, чтобы остановиться. Там он плавал, плавал, нырял при лунном свете, как его тетка, лягушка. Между тем Хатхи и его три сына повернулись и разошлись по всем четырем сторонам света и молча направились в долины за милю отсюда. Они шли целых два дня, то есть прошли по крайней мере миль шестьдесят по Джунглям, и каждый их шаг, движение хобота было известно, замечалось и обсуждалось Мангой, Летучей Мышью, Чилем, Народом Обезьян и всеми птицами. Там они начали пастись и спокойно паслись с неделю или около того. Хатхи и его три сына похожи на Каа — Горного Питона. Они никогда не торопятся, если это не нужно.

К концу этого времени — и никто в Джунглях не знал откуда — по Джунглям прошел слух, что самая лучшая вода и пища находятся в такой-то и такой-то долине. Кабаны, которые, без сомнения, пойдут хоть на край света, чтобы получше поесть, первые двинулись, толпами пробираясь через камни; за ними следовал олень с дикими лисичками, питающимися падалью; вместе с оленями пришли тяжеловесные нильгау, и дикие буйволы повывлезли из трясин. Малейший пустяк мог вспугнуть разбросанные, блуждающие стада, пасшиеся вразброд, пившие и опять пасшиеся, но каждый раз, когда возникала какая-нибудь тревога, кто-нибудь возвышал голос и успо-

каивал всех. То являлся Саги, Дикобраз, приносивший известие о прекрасном корме, который можно найти немножко подалее; то Манга весело кричала, пролетая по прогалине, чтобы показать, что впереди все пусто; то Балу, набив полон рот корней, тащился мимо колеблющегося ряда животных и, наполовину пугая, наполовину шутя, возвращал их на истинный путь. Многие из зверей убежали, отставали, утрачивали интерес, но многие шли и шли вперед.

Дней десять спустя картина была следующая: олени, свиньи, нильгау паслись в круге восьми или десяти миль радиусом, а вокруг них бродили плотоядные звери. В самом центре этого круга находилась деревня, вокруг которой лежали зреющие поля, а среди полей сидели люди на платформах — *мачангах*, построенных наподобие голубятен, из жердей и стоявших на четырех столбах. Они служат, чтобы с них отгонять птиц. С оленями же никто уже не церемонился, хищники шли за ними и подгоняли их со всех сторон.

Была темная ночь, когда Хатхи и его три сына вышли из Джунглей и подлюмили столбы мачанов своими хоботами. Мачаны попадали, как падает сломанный болиголов, и люди, свалившиеся с них, слышали рев слонов около себя.

Потом авангард обезумевших от страха оленей прорвался, налетел на пастбища и поля деревни, за ними пришли острокопытые кабаны и испортили все, что осталось после оленей. Время от времени вой волков пугал стада, и они в отчаянии метались взад и вперед, вытаптывая молодой ячмень и разрушая края оросительных каналов. Прежде чем занялась заря, кольцо осажденных прорвалось в одном месте. Плотоядные звери отступили, оставив открытой дорожку на юг, и туда стадо за стадом убежали олени. Те же, кто был посмелее, залегли в чаще, чтобы закончить ночью еду.

Но дело было, в сущности, сделано. Когда крестьяне наутро взглянули на поля, они увидели, что урожай пропал. Это было равносильно смерти, они должны были уйти, потому что и так ежегодно голод был так же близок к ним, как и Джунгли. Когда выгнали на пастбище буйволов, голодные животные увидели, что олени догола вычистили пастбища, и ушли в Джунгли к своим диким товарищам. Еще не успели спуститься сумерки, а два или три пони, принадлежавшие деревне, лежали в стойлах с разбитыми головами. Одна Багира могла нанести та-

кие удары, и одна Багира могла осмелиться так дерзко вытащить труп пони на улицу.

Жители деревни не решились в ту ночь развести огонь в поле, и Хатхи и его три сына бродили, уничтожая все, что осталось, а где прошел Хатхи, больше нечего было искать. Люди решили жить около своих закромов, пока не выпадут дожди, и служить где-нибудь в работниках, пока им удастся наверстать потерянное. Но пока торговец зерном думал о своих полных закромах и о ценах, которые он назначит за хлеб, острые клыки Хатхи подрыли углы мазанок и разорвали обмазанные коровьим навозом ивовые плетенки, где лежало драгоценное зерно.

Когда это обнаружилось, наступило время возвысить голос и брамину. Он тщетно молился своим богам.

— Может быть, — говорил он, — сами того не зная, жители деревни оскорбили какое-нибудь божество Джунглей, потому что, без сомнения, все Джунгли против них.

Они послали за начальником одного из ближайших племен гондов — малорослых, мудрых чернокожих охотников, живших в чаще Джунглей, отцы которых, древнейший народ Индии, были некогда властителями всей страны. Они угостили гонда всем, чем могли, и он стоял на одной ноге, держа в руках лук, воткнув в пучок волос на голове две-три ядовитых стрелы, и полуиспуганно-полупрезрительно смотрел на встревоженных крестьян и на их разоренные поля. Они желали знать, за что разгневались на них боги, их старые боги, и какие жертвы надо им принести. Гонд ничего не сказал, он взял побег карелы — лозы, которая приносит горькие дикие тыквы, и заплел ею дверь храма перед лицом красного индусского божества. Потом он протянул руку по направлению к Каниваре и вернулся в свои Джунгли, ожидая, что народы Джунглей пойдут по указанному пути. Он знал, что, когда Джунгли двинутся, только одни белые могут надеяться удержать их. Нечего было спрашивать его мнения. Дикая тыква будет расти там, где они поклонялись своему богу, и чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

Но целой деревне трудно уйти с насиженного места. Они жили там, пока еще находили летом кое-какую пищу, и пытались собирать орехи в Джунглях, но тени с горящими глазами поджидали их и появлялись перед ними даже в полдень; и когда они в страхе убегали к своим стенам, на стволах деревьев, мимо которых они проходили не более пяти минут тому назад,

появлялись царапины от ударов больших когтистых лап. Чем дольше они жили в деревне, тем смелее становились дикие звери, которые бегали, резвились и ревели на пастбищах около Вайнганги.

Люди не смели чинить и заплстать проломы в стенах пустых хлевов, выходявших в Джунгли, кабаны ломали их, а ползучие растения с узловатыми стеблями спешили за ними, протягивая свои руки на новозавоеванные земли, и сорная трава шла вслед за лианами. Прежде всего ушли холостые и разнесли по всем отдаленным и ближним местам весть, что деревня обречена на гибель.

— Кто может бороться, — говорили они, — против Джунглей или против богов Джунглей, когда даже деревенская кобра покинула свою нору на площадке под священным деревом?

И их сношения с внешним миром прекращались по мере того, как уменьшались и совсем исчезали протоптаннные дорожки. И когда ночью трубил Хатхи с сыновьями, это перестало волновать их, так как у них уже нечего было отнимать. Даже то, что они оставляли на семена, было уничтожено. Все близлежащие поля утратили свой первоначальный вид, — пора было идти просить помощи у англичан в Каниваре.

По обыкновению, они медлили, откладывая уход со дня на день, пока первые дожди не захватили их врасплох и не затопили их пастбища и дома через сломанные крыши, пока не поднялась с шорохом зелень после летней жары. Тогда они пошли — мужчины, женщины и дети, — под частым утренним дождем, но все же обернулись, чтобы бросить прощальный взгляд на дома.

И когда последняя семья со своими пожитками вышла за ворота, они услышали, как за стенами валились столбы и тростниковые крыши. Они увидели блестящий, гладкий хобот, который поднялся на мгновение, чтобы разбросать почерневший тростник. Он исчез, и снова раздался треск, сопровождаемый криком. Хатхи срывал крыши с хижин, как вы срываете водяные лилии, и один покачнувшийся столб ударил его. Достаточно было этого, чтобы он напряг всю свою силу, потому что из всех обитателей Джунглей озлобленный слон больше всех склонен к разрушению. Он лягнул ногою глиняную стену. Она развалилась от удара и потекла желтыми потоками, смешиваясь с дождевой водой. И он ревел и носился по узким улицам, при-

слоняясь направо и налево к хижинам, сотрясая разломанные двери и сбрасывая карнизы. И позади него свирепствовали его три сына, как они свирепствовали во время разорения полей Бхаратпура.

— Джунгли поглотят эти скорлупки, — раздался спокойный голос среди развалин. — Нужно приняться за внешнюю ограду. — И Маугли, по голым плечам и рукам которого струились потоки дождя, прыгнул с качавшейся, как усталый буйвол, стены.

— Все в свое время! — крикнул Хатхи. — Да, мои клыки были красны в Бхаратпуре. К наружной стене, дети. Головой! Все вместе! Начинайте.

И все четверо ударили вместе. Наружная стена покачнулась, трснула и упала. Деревенские жители, окаменев от ужаса, увидели в проломе диких, покрытые глиной головы разрушителей. Тогда они побежали вниз по долине, не имея ни крова, ни пищи, а в их деревне все крушилось, ломалось и топталось.

Месяц спустя на этом месте показалась нежная, зеленая молодая трава, а к концу дождей там, где шесть месяцев тому назад земля была вспахана, стояли во всей своей красе шумные Джунгли.

Песня Маугли против людей

Вышлю на вас я лианы ползучие,
Вышлю на вас я все Джунгли могучие.

 Это Джунгли идут,
 Пусть дома разнесут,
И карелой, горькой карелой
 Пусть все оплетут.

Там вместо вас будут мыши летучие,
Змеи сердитые, терны колючие;

 Там у ваших ворот
 Будет петь мой народ,
И карелой, горькой карелой
 Пусть все зарастет.

Звезды на небе едва зажигаются,
Джунглей работники все поднимаются.

 Пусть вас волчата пасут,
 Пусть погибает ваш труд,
И карелой, горькой карелой
 Поля зарастут.

Гибнут поля ваши все золотистые,
Джунгли покроют их чудно лесистые.
 Это Джунгли идут
 И поля унесут,
И карелой, горькой карелой
Дома оплетут.

Выслал на вас я лианы ползучие,
Выслал на вас я все Джунгли могучие.
 Деревья идут,
 Пусть дома упадут,
И карелой, горькой карелой
Пусть все заплетут.

Могильщики

Коль шакалу сказал ты: «О брат мой!»,
 коль гиене дал трапезы часть,
Так теперь уж черед крокодила —
 этот только желудок да пасть¹.

Закон Джунглей

— *Уважайте старых!* — прозвучал из тины низкий голос, который заставил бы вас вздрогнуть, голос, напоминавший что-то мягкое, распадающееся на части. В нем были дрожь, хрип и визг. — *Почтение к старшим! О речные товарищи, почитайте старших!*

На всем широком пространстве реки не виднелось ничего, кроме небольшой флотилии барж, сколоченных деревянными гвоздями, с квадратными парусами и нагруженных строительным камнем. Они только что вышли из-под железнодорожного моста и плыли вниз по течению. Люди подняли неуклюжие деревянные рули, чтобы не засесть на песчаных мелях, образовавшихся из-за подмыва мостовых устоев. Когда флотилия прошла, по три баржи в ряд, снова зазвучал страшный голос:

— *О речные брамины, уважайте старого и больного!*

Один из сидевших на барже обернулся, поднял руку, произнес что-то, совсем не похожее на благословение, и баржи заскрипели дальше, уходя в туманный сумрак. Широкая река,

¹ Перевод К. Атаровой.

скорее походившая на чюрь небольших озер, нежели на поток, была неподвижна, точно зеркало, в ее главном русле отражалось красное, как песок, небо; близ низких берегов и под ними виднелись желтые и мутно-лиловые пятна. В период дождей небольшие ручьи вливались в эту реку; теперь же их высохшие устья висели выше линии воды. На левом берегу почти под самым железнодорожным мостом приютилась деревня, вся состоявшая из глины, кирпичей, соломы и прутьев; ее главная улица, по которой домашний скот возвращался теперь в свои хлева, бежала к реке и заканчивалась кирпичной платформой, на которую приходили люди, чтобы, сходя в воду по ступеням, совершать омовение. Селение называлось Маггер-Гат.

Ночь быстро опускалась на засеянные чечевицей, рисом и хлопком поля, расстилавшиеся в низине, ежегодно заливаемой рской, на камыши, окаймлявшие окраину излучины, на пастбища, примыкавшие к тихим камышам. Еще недавно попугаи и вороны цокали и кричали, прилетев на вечерний водопой, но в этот час они уже удалялись от реки для ночлега и встречали целые батальоны летучих мышей, которые называются летучими лисицами; водоплавающие, туча за тучей, со свистом и гоготаньем стремились под прикрытые бамбуков. Тут были гуси с бочкообразными головами и черными спинами, чирки, связы, утки, пеганки, кроншнепы; там и сям мелькали фламинго.

Неуклюжий зобатый аист держался в тылу стаи и летел так лениво, точно каждый взмах его крыльев был последним.

— *Уважайте старших! Брамыны реки, уважайте старших!*

Аист слегка повернул голову, несколько раз ударил крыльями, пролетел в сторону голоса и тяжело опустился на песчаную мель ниже моста. Глядя на него, можно было понять, что это за мошенник. Со спины он казался неопиcуемо почтенным существом; он имел почти шесть футов в высоту и походил на приличную лысую особу. Спереди же оказывалось другое. На его голове и шее не было ни одного перышка, а ниже клюва висел безобразный мешок из красноватой кожи — хранилище всего, что он мог схватить своим острым клювом. Птица стояла на очень длинных, тонких морщинистых ногах, но аккуратно переступала ими и с гордостью поглядывала на них через плечо, когда чистила свои пепельно-серые хвостовые перья; потом аист замирал, вытягиваясь, как солдат, взявший на караул.

Маленький худой шакал, лаяв^{звонит} золот голода, стоя на пригорке, внезапно наострил уши, поднял хвост и пустился рысью к аисту.

Это был самый низкопробный из шакалов (нельзя сказать, что и лучшие-то его родичи хороши, но этот был особенно низок, так как занимал среднее место между нищим и преступником). Он очищал мусорные кучи; бывал то до отчаяния луглив, то страшно нахален; вечно испытывал голод и вечно же хитрил, хотя все его уловки не приносили ему никакой пользы.

— Ух, — уныло отряхиваясь, сказал он. — Пусть красная парша уничтожит всех деревенских собак. Каждая укусила меня три раза, а за что? За то, что я посмотрел, заметьте, посмотрел на старый башмак в коровьем хлеву. Разве я могу есть грязь? — И он почесал у себя за левым ухом.

— Я слышал, — заметил аист голосом, напоминавшим звук тупой пилы по толстой доске, — я слышал, что в этом самом башмаке лежал новорожденный щенок.

— Одно дело слышать, другое — знать, — возразил шакал, отлично знавший пословицы благодаря вечному подслушиванию разговоров людей.

— Правда. Поэтому я для верности позаботился о щенке, пока собаки были заняты в другом месте.

— Да, они были очень заняты, — сказал шакал. — Теперь я какое-то время не буду забегать в деревню за обедками. Значит, в этом башмаке действительно был слепой щенок?

— Он здесь, — ответил аист, косясь через свой клюв на собственный полный зоб. — Это пустяки, но, когда милосердие умерло в мире, такими вещами не следует пренебрегать.

— Ай, ай! Да, в наши дни мир суров, — провизжал шакал. В ту же минуту его беспокойные глаза уловили крошечную рябь на поверхности воды, и он торопливо продолжал: — Тяжела жизнь для всех нас, и я не сомневаюсь, что даже наш высокий господин, Гордость Гата и Зависть реки...

— Лугун, льстец и шакал вывелись из одного яйца, — сказал аист, не обращая ни к кому в особенности; дело в том, что он тоже в случае нужды умел отлично солгать.

— Да, да, Зависть реки... Даже он, — громче прежнего повторил шакал, — даже он не может не находить, что со времени постройки моста пищи стало меньше. С другой стороны, он

одарен такой мудростью и такими добродетелями (которых я, к несчастью, совершенно лишен), что...

— Уж если шакал называет себя серым, он, должно быть, невыразимо черен, — пробормотал аист. Птица не видала приближавшегося к берегу существа.

— ...что у него, конечно, никогда не бывает недостатка в пище и, следовательно...

Песок слегка скрипнул, точно дно лодки дотронулось до мели. Шакал быстро повернулся и обратился мордой (это всегда благоразумнее) к тому, о ком он только что говорил. Подплыл двадцатичетырехфутовый крокодил. Все его тело одевали как бы пласты котельного чугуна, а на спине стоял гребень; желтоватые кончики его верхних зубов висели над великолепно вытянутой нижней челюстью. Это был тупоносый Маггер из Маггер-Гата, он прожил дольше той деревни, которую назвали по его имени. До постройки железнодорожного моста крокодила считали демоном речного брода; он убивал входивших в воду людей; вместе с тем он же был и фетишем селения. Теперь Маггер лежал неподвижно, опустив подбородок в мелкую воду, и чуть-чуть пошевеливал хвостом, чтобы удержаться на месте, но шакал отлично помнил, что один удар этого могучего хвоста может перенести чудовище на берег со скоростью парохода.

— Счастливая встреча! Покровитель бедных! — льстиво приветствовал его шакал, в то же время отступая при каждом слове. — В воздухе звучал восхитительный голос, и мы... мы пришли, надеясь насладиться приятным разговором. Я ждал тебя и осмелился рассуждать о тебе. Надеюсь, ты ничего не слышал?

Между тем шакал, конечно, говорил в надежде, что крокодил услышит его слова; он знал, что лезть лучшее средство получить от него кусок съестного. В то же время и Маггер понимал, что шакал говорил с известной целью; шакалу же было ясно, что Маггер понимает все и знает, что он, шакал, знает, что Маггер знает; таким образом, оба были довольны друг другом.

Задыхаясь и ворча, чудовище двигалось вдоль берега; оно бормотало:

— Уважайте старых и недужных.

Его маленькие глазки под тяжелыми роговыми веками на верхушке плоской треугольной головы горели как угли, пока он вытаскивал из воды свое бочонкообразное тело на кривых

лапах. Наконец крокодил залег близ отмели, и, как ни были знакомы шакалу его обычаи, трусливый зверь невольно вздрогнул, увидев, до чего Маггер сделался похож на прибившееся к песку бревно. Крокодил даже постарался поместиться под тем углом, под которым лежал бы естественно остановившийся обрубок. Понятно, все это было сделано по привычке, потому что Маггер вышел на мель не ради охоты, а для удовольствия; но крокодил никогда не бывает вполне сыт, и, если бы сходство с бревном обмануло шакала, трус не мог бы рассуждать об этом, так как не остался бы в живых.

— Дитя мое, я ничего не слышал, — закрывая один глаз, сказал Маггер. — Вода попала мне в уши; кроме того, я совсем ослабел от голода. Со времени постройки железнодорожного моста народ, населяющий мою деревню, разлюбил меня, и сердце мое разрывается от горя.

— Какой позор, — произнес шакал. — Такое благородное сердце! Но люди все одинаковы.

— Нет, между ними существует различие, — мягко сказал Маггер. — Одни худы и сухи, как барочные шесты. Другие жирны, как молодые шак... собаки. Я никогда не соглашусь беспричинно унижать людей. Они разнообразны, и многолетний опыт доказывает, что все они, мужчины, женщины и дети, достаточно хороши; я не вижу в них ничего дурного. Помни же, дитя, тот, кто осуждает, бывает осужден.

— Конечно, лезть хуже попавшей в желудок пустой жестянки, но мы сейчас слышали поистине мудрые слова, — заметил аист, опуская поджатую ногу.

— Но подумай о людской неблагодарности относительно такого высокого существа! — слащаво начал шакал.

— Нет, нет, это не неблагодарность, — возразил Маггер. — Они просто не думают о других, вот и все. Лежа на моем всегдашнем месте чуть ниже поверхности воды у брода, я размышлял, как для стариков и для детей неудобны лестницы на новый мост. О стариках, понятно, нечего особенно много думать, но меня поистине печалят толстые, жирные дети. Тем не менее я полагаю, что мост скоро потеряет для них прелесть новизны, что коричневые ноги моего народа станут снова храбро переходить реку вброд, как в былое время, и старый Маггер будет получать должное.

— Но сегодня по реке плыли гирлянды ноготков, — заметил аист. — В Индии гирлянды ноготков — символ почтения.

— Ошибка, большая ошибка. Это жена продавца сладкого мяса... Год от году ее зрение ослабевает, и она не в силах отличить бревна от меня, Маггера из Гата; сделай она еще шаг, я показал бы ей некоторое различие между мной и чурбаном. Все же у нее были хорошие намерения, а нам следует обращать внимание на духовную сторону приношений.

— Какой толк в гирляндах ноготков для того, кто лежит на куче мусора? — спросил шакал.

Он усердно ловил блох, в то же время поглядывая на своего «Покровителя бедных».

— Правда! Но люди еще не начали устраивать мусорной ямы, в которую попаду я. На моих глазах река пять раз отступала от селения, прибавляя земли к концу улицы. Пять раз видел я, как поселяне возводили новые строения на берегах, и еще пять раз увижу повторение этого. Я не потерявший веру, охотящийся за рыбами гавиал, я не бываю то в Кази, то в Праяге, как говорит поговорка, я верный и постоянный страж этого брода. Недаром, дитя мое, селение носит мое имя. А как говорит пословица, тот, кто долго сторожит, наконец получает награду.

— Я ждал долго, очень долго, чуть не всю жизнь, а в награду меня только кусали или били, — заметил шакал.

— Ха-ха-ха! — захохотал аист и затем пропел:

В августе был рожден шакал.
В сентябре же дожди пошли.
И сказал шакал: «Никто не видал
Ливней таких с сотворенья земли!»¹

У аиста есть одна очень неприятная особенность. Через определенные промежутки времени ноги у него начинают сводить сильные судороги, хотя с виду аист гораздо добродетельнее остальных своих родичей, которые все необыкновенно почтенны; во время приступов этого недуга он принимается дико выплясывать какой-то странный воинственный танец и, слегка распуская крылья, то поднимает, то наклоняет свою лысую голову; по причинам, хорошо известным ему самому, самые худшие припадки странной болезни всегда совпадают с его злыми замечаниями. При последнем слове пропеты песни он снова замер, как бы вытянувшись на часах, и сделался раз в десять более похож на аиста, нежели прежде.

¹ Перевод К. Атаровой.

Шакал не сморгнул, ему уже минуло три года, но нельзя же сердиться на оскорбление, нанесенное особой с клювом в ярд длины и сильным, как дротик. Аист славился своей трусостью; шакал же был еще трусливее.

— Нужно прожить долго, чтобы получить запас познаний, — заметил Маггер. — И следует заметить: маленьких шакалов много, дитя мое, но такой Маггер, как я, встречается не часто. При всем том я не возгордился, потому что гордец скоро погибает; однако заметь: все дело в судьбе, и свою судьбу не может изменить никто, плавающий ли, ходящий ли, бегающий ли на четырех ногах. Я лично доволен своей судьбой. При удаче, обладая острым зрением и привычкой замечать, есть ли выход из ручья или заводи, можно сделать многое.

— А мне рассказывали, что даже Покровитель бедных однажды поступил неосмотрительно, — ядовито сказал шакал.

— Правда; но в этом случае мне помогла судьба. Происшествие, о котором ты говоришь, случилось, когда я еще не достиг полного роста. Клянусь правым и левым берегом Ганга, чем-чем только не кишели потоки в те времена!.. Да, я был молод и неосмотрителен. Вот наступило наводнение, кто же радовался тогда больше меня? В дни молодости всякий пустяк веселил мое сердце. Наводнение залило деревню. Я проплыл далеко, до самых рисовых полей; их покрывал густой слой ила. Помню я также пару браслетов (их украшало стекло, и они сильно смутили меня), которые я нашел в этот вечер. Да, браслеты, и, если память мне не изменяет, там также был башмак. Мне следовало снять оба башмака, но я был голоден. Позже я научился поступать иначе. Да. Итак, я поел и прилег отдохнуть; когда же собрался снова вернуться в реку, вода сбывла, и я двинулся по илу главной улицы. Кто решился бы на это, кроме меня? Из домов высыпал весь мой народ: жрецы, женщины, дети, и я милостиво посматривал на них. В иле биться неудобно. Вот один лодочник закричал: «Несите топоры, убьем его, ведь это Маггер брода!» «Нет, — ответил брамин. — Смотрите, он гонит перед собой воду. Он божество нашего селения». Тогда мой народ засыпал меня цветами, и у кого-то из них явилась счастливая мысль положить на дорогу козу.

— Как вкусна, как вкусна коза! — сказал шакал.

— На ней шерсть, слишком много шерсти; когда же ее найдешь в воде, в ней почти наверно скрывается крестообразный

крюк. Но ту козу я принял и с почестью вернулся в реку. Позже судьба послала мне лодочника, желавшего раздуть топором мой хвост. Его лодка села на старинную мель, которой вы, конечно, не помните.

— Не все мы здесь шакалы, — заметил аист. — Не говоришь ли ты о той мели, которая образовалась, когда в реке потонули барки с камнями в год великой засухи? Про ту продолговатую мель, которая уцелела в течение трех разливов?

— Их было две, — ответил Маггер, — верхняя и нижняя.

— Да, я забыл. Мели разделял проток, позже он высох, — сказал аист, гордившийся своей хорошей памятью.

— Вот на нижней-то и села лодка моего доброжелателя. Он спал, в полусне перескочил через борт и вошел в воду по пояс — нет, только по колени, — чтобы столкнуть ее с мели. Пустая лодка двинулась, но снова села на следующий пережат. Я крался за человеком, зная, что скоро придут другие люди, чтобы вытащить лодку на берег.

— И они действительно пришли? — с оттенком страха спросил шакал. Такая охота внушала ему уважение.

— Пришли и в это место, и ниже по течению. Я получил троих в один день — хорошо откормленных манджи, лодочников, и ни один из них не закричал, чтобы предупредить тех, что на берегу, кроме последнего. (В этом случае я действовал небрежно!)

— Ах, что за благородная охота! Но какой ловкости, какого ума требует она! — произнес шакал.

— Требуется не ум, дитя, а только умение мыслить. Обдуманность в жизни то же, что соль, положенная в рис, как говорят лодочники, а я всегда много думал. Мой родственник, гавиал, поедатель рыбы, рассказывал мне, до чего ему трудно охотиться, как сильно один род его добычи отличается от другого; вследствие этого он должен узнавать обычаи каждой рыбы. Вот это мудрость. С другой стороны, гавиал живет среди своей дичи. Моя добыча не плавает стаями, выставляя пасти из воды, как делает его рева, не всплывает на поверхность воды и не поворачивается боком, как моху или маленькая чапта, не толпится подле мелей, как бачуа или чильва.

— Все эти рыбы очень хороши на вкус, — заметил аист, щелкая клювом.

— То же говорит и мой двоюродный брат, гавиал, он постоянно охотится за ними; но ему хорошо: они не выходят на

берег, чтобы спастись от его острого носа. Моя дичь совсем другое дело. Люди живут на земле, в домах, среди скота. Мне всегда нужно узнавать, что они делают, что собираются сделать, и, как говорится, прибавляя хвост к хоботу, я составляю целого слона. Я все наблюдаю, все примечаю. Если над дверью повесили зеленую ветвь и железное кольцо, старый Маггер понимает, что в этом доме родился мальчик и что со временем он прибежит играть на помост. Выходит замуж девушка — старый Маггер узнает и это, видя, как мужчины расхаживают по деревне с подарками в руках. Перед свадьбой невеста приходит купаться, и старый Маггер тут как тут. Изменила ли река свое русло, обнажив землю там, где раньше была только вода, Маггеру это тоже известно.

— Но к чему ведут такие знания? — спросил шакал. — Даже в течение моей короткой жизни река уже несколько раз изменила русло. Реки Индии почти постоянно передвигаются в своих ложах, иногда в течение четверти года они отходят от прежнего русла на две или три мили, заливая поля на одном берегу, на другом же открывая большое пространство суши!

— Это самые полезные знания, — возразил Маггер шакалу, — появление новой земли ведет за собой ссоры. Это Маггер знает, ого, хорошо знает! Едва вода сбежит, он крадется вдоль одного из маленьких ручьев, в которых, по мнению людей, не могла бы скрыться и собака, и ждет там. Вот приходит фермер и говорит, что в этом месте он посадит огурцы, а в том дыни, и все на участке земли, только что подаренном ему рекой. Обнаженными пальцами ног он пробует ил. Приходит другой земледелец и объявляет, что посадит в этих местах лук, морковь и сахарный тростник. Они встречаются, как лодки, которые несет течение, и оба принимаются вращать глазами, сверкающими из-под их больших синих тюрбанов. А старый Маггер смотрит и слушает. Люди говорят друг другу «брат мой» и начинают делить новую землю. Маггер передвигается вместе с ними с места на место и крадется, плотно прижимаясь к илу. Разгорается ссора. Слышатся запальчивые слова. Они сбрасывают со своих голов тюрбаны, поднимают латхи (палки), наконец один падает в ил, другой убегает. Когда он возвращается, дело кончено, ему об этом говорит окованный железом ствол бамбука. Все устроил Маггер, но никто ему не благодарен. Нет, люди кричат «убийца Маггер». Потом семьи двоих поселян принимаются драться между собой: двадцать человек с

одной стороны, двадцать с другой. Мой народ, живущий на взгорьях Малвы, — народ хороший. Они дерутся не для забавы, а старый Маггер ждет — ниже по течению реки, там, где его не могут видеть за кустами кикара. Загорается заря; мои широкоплечие *джаты* (всего человек восемь — десять) на носилках несут мертвого; звезды светят. Идут все старики с длинными бородами и кричат не хуже меня. Люди разводят небольшой костер (ах, как хорошо я знаю этот костер), курят табак, покачивают головами или кивают в сторону мертвого, который лежит на берегу. Они говорят, что из-за этого дела к ним явится английский суд и что семья такого-то человека будет опозорена, потому что его повесят на большой тюремной площади. Друзья убитого замечают: пусть его повисит! Разговор начинается сызнова. Это повторяется дважды, трижды, двадцать раз в течение долгой ночи. Наконец кто-нибудь произносит: этот бой был бой честный. Возьмем цену крови, немного больше, чем предлагает убивший, и перестанем толковать. Начинается спор из-за цены крови, потому что убитый был сильный человек и оставил после себя много сыновей. А все-таки еще до Амратвелы (восхода солнца) они слегка обжигают мертвого, как того требует обычай, и он поступает в мое владение. Он молчит... Ага, дети, Маггер знает! Маггер все хорошо знает, и мои джаты славный народ.

— Они слишком жадны, слишком скупы, — произнес аист. — Они не бросают даже верхние пленки с коровьего рога, как говорится; кто же может что-нибудь подобрать после этого племени?

— О, я подбираю... их самих, — заметил Маггер.

— Вот в старые времена на юге, в Калькутте, — продолжал аист, — все выбрасывалось на улицу; мы подбирали с выбором. Славные были дни! Теперь же их улицы чисты, как внешняя сторона яичной скорлупки, и мои родичи улетают. Быть опрятным — одно; но вытирать пыль, мести, чистить по семи раз в день утомительно; это надоело бы самим богам.

— Один шакал с низины слышал от своего брата и сказал мне, что на юге, в Калькутте, шакалы так же толсты, как выдры во время дождей, — заметил шакал, у которого потекли слюнки при одной мысли об этом.

— Да, но там живут белолицые англичане, они приводят с собою собак, больших, толстых собак, чтобы эти самые шакалы не толстели, — возразил аист.

— Значит, они такие же жестокие люди, как здешние поселяне? Так и следовало думать. Ни земля, ни небо, ни вода не оказывают милости шакалу. После дождей я видел палатки белолицых, утащил их новую желтую узду и съел ее. Белолицые плохо обдeldывают кожу: я заболел.

— То ли еще было со мной! — заметил аист. — Когда мне шел третий год, я, в те времена молодая и отважная птица, отправился вниз по реке, в то место, куда приходят большие лодки. Лодки англичан втрое больше селения Маггер-Гат.

— Он уверяет, будто был в Дели и будто там все ходят на головах, — пробормотал шакал.

Маггер открыл левый глаз и пристально взглянул на аиста.

— Это правда, — убедительно произнесла большая птица. — Лгун лжет только в надежде, что ему поверят. Не выдавший этих лодок не в силах поверить мне.

— Вот это вероятнее, — заметил Маггер. — Ну а дальше?

— Из этих лодок они вынимали какие-то белые белые куски, которые скоро превращались в воду. Некоторые раскололись и упали на берег; все остальные люди спрятали в дом с очень толстыми стенами. Один лодочник засмеялся, взял белый кусок величиной с небольшую собаку и бросил его в меня. Я... все мое племя глотаем без размышлений; по нашему обыкновению, я проглотил этот кусок и ощутил страшный холод. Он начался с желудка, проник во все мое тело до кончиков пальцев, и я даже потерял голос; а лодочники хохотали надо мной. Никогда в жизни не испытывал я такого холода и от изумления и печали заметался и запрыгал. Наконец мне стало легче; я перевел дух, заплясал снова, жалуясь на коварство мира; лодочники же так хохотали, что попадали на землю. Не говоря уж об этом страшном холоде, удивительней всего было то, что, когда я успокоился, мой желудок оказался совершенно пуст.

Аист постарался как можно лучше описать, что он испытал, проглотив семифунтовый кусок льда производства «Уэнхем лейк айс» с американского корабля; это было в те дни, когда Калькутта еще не вырабатывала лед искусственным образом; но он не знал, что такое лед, Маггер и шакал знали и того меньше, а потому его рассказ произвел мало впечатления.

— Все возможно, — заметил Маггер, снова прищурив левый глаз. — Все возможно, когда приходит лодка, которая втрое больше моего селения. Ведь Маггер-Гат деревня не маленькая.

Послышался свист; по мосту пронесся почтовый поезд в Дели; его вагоны так и горели светом; их тени бежали по реке. Поезд со звоном исчез в темноте. Маггер и шакал так привыкли к железной дороге, что даже не повернули головы.

— А разве это не так же удивительно, как лодка, которая втрое больше деревни Маггер-Гат? — спросил аист, глядя вверх.

— Дитя мое, я видел, как строили мост. Я видел, как камень ложился на камень и как мало-помалу воздвигались устои. Иногда в воду падали люди (они необыкновенно твердо стояли на ногах, но все-таки падали), и я всегда был тут как тут. Пока строили первый устой, рабочим не приходилось смотреть вниз по течению, отыскивая для сожжения тело упавшего. Опять-таки я избавлял их от лишних хлопот. Уверяю тебя, в постройке моста не было ничего странного, — заметил Маггер.

— Но то, что бежит по этому мосту и везет за собой телеги с крышами, — странно, — повторил аист.

— Без всякого сомнения, телеги везят быки новой породы. Когда-нибудь бык не удержится, там вверху, и упадет, как, бывало, падали люди. И старый Маггер опять будет тут как тут.

Шакал посмотрел на аиста, а тот посмотрел на шакала. Эти двое были вполне уверены, что паровоз мог быть чем угодно, только не быком. Из-за рядов алоэ, окаймлявших железнодорожную линию, шакал часто наблюдал за проходящими поездами. Аист же познакомился с машинами, когда по Индии побегал первый паровоз. Но Маггер смотрел на поезда только снизу, и ему казалось, что медный купол на машине похож на горб быка (зебу).

— Н-да, это бык новой породы, — громко повторил Маггер, желая убедить самого себя, что он не ошибается.

— Конечно, — заметил шакал.

— С другой стороны, может быть... — раздраженно начал крокодил.

— Конечно, конечно, — забормотал шакал, не дожидаясь окончания фразы.

— Что? — сердито спросил Маггер, чувствуя, что его собеседники знают что-то неизвестное ему. — Чем же это может быть? Ведь я же не договорил. Ты сказал, что это бык...

— Это существо окажется тем, чем пожелает Покровитель бедных. Я его раб... Пойми, не раб той вещи, которая перебегает по мосту через реку, а твой...

— Что бы это ни было, оно дело рук белолицых, — заметил аист. — И что касается меня, я не стал бы проводить все свое время на близкой к мосту мели.

— Вы не так хорошо знаете англичан, как я, — заметил Маггер. — Когда мост строили, здесь был белолицый; по вечерам он брал лодку, шаркал ногами по ее дну и шептал: «Здесь он? Здесь он? Дайте мне мое ружье». Я услышал голос англичанина раньше, чем увидел его. До меня доносились все звуки; скрипело ружье; он его продувал и стучал им, двигаясь вверх и вниз по реке. Я подхватил одного из его рабочих и таким образом избавил людей от покупки дров для сожжения тела; а он прибежал на помост и громко закричал, что отыщет меня и освободит от меня реку. Это от меня-то, Маггера, — Маггера из Гата! От меня! Дети, я час за часом, бывало, плыл под его лодкой, слышал, как он стреляет в бревна; раз, узнав, что он утомился, я поднялся рядом с ним и лягнул челюстями ему в лицо. Мост построили, он уехал. Поверьте, все англичане охотятся таким образом, за исключением тех случаев, когда они сами превращаются в дичь.

— Кто же охотится на белолицых? — с волнением провизжал шакал.

— Теперь никто, но в свое время я поохотился за ними.

— Я смутно помню об этой охоте, но в те времена я был еще молод, — многозначительно стуча клювом, заметил аист.

— Я отлично устроился здесь. В то время мою деревню только что отстроили в третий раз. Вдруг является мой двоюродный брат, гавиал, и начинает рассказывать о богатых водах выше Бенареса. Сначала я не хотел двигаться с места, так как мой двоюродный брат питается рыбой и не всегда может правильно сказать, что хорошо, что дурно; однако я также услышал, как мои поселяне разговаривали между собой, и их толки заставили меня решиться.

— А что они говорили? — спросил шакал.

— Их толки заставили меня, Маггера из Маггер-Гата, выйти из воды и пустить в дело свои ноги. Я двигался по ночам, не пропуская ни единого ручейка; однако начиналось жаркое время года, и потоки обмелели. Я пересекал пыльные дороги; я полз среди высокой травы; при лунном свете я поднимался на горы. Заметьте, дети: я взбирался даже на скалы! Я перешел через окраину безводного Сирхинда раньше, чем мне удалось

натолкнуться на сеть речушек, которые текут по направлению к Гангу. В то время я отошел на месяц пути от моих поселян и от хорошо знакомой мне реки. Это было удивительно!

— А чем же ты питался? — спросил шакал, который думал только о желудке, не интересуясь рассказом Маггера о его сухопутных странствиях.

— Всем, что находил на пути, братец, — медленно растягивая слова, выговорил Маггер.

В Индии вы не можете никого назвать своим братом, если не умеете ясно доказать вашего кровного родства с ним, а так как только в старинных сказках крокодилы женятся на шакалах, наш шакал понял, почему Маггер включил его в круг своих родственников. Будь они вдвоем, это не смутило бы его, но аист услышал жестокую шутку, и в глазах хитрой птицы замерцал насмешливый огонек.

— Конечно, отец мой, я должен был сам понять это, — заметил шакал.

Крупный крокодил не любит, чтобы его называли отцом шакалов, и Маггер из Маггер-Гата высказал свое недовольство, прибавив кое-что, чего не стоит повторять.

— Покровитель бедных первый упомянул о своем родстве со мной. Мог ли я помнить точную степень этого родства? Кроме того, мы питаемся одинаковой пищей. Он сам сказал это, — послышался ответ шакала.

Его замечание еще ухудшило положение вещей: ведь шакал намекнул, что во время сухопутных странствий Маггеру приходилось ежедневно есть свежую, совершенно свежую пищу, вместо того чтобы держать ее некоторое время, пока она не станет годной для еды, как это делает каждый уважающий себя крокодил и большинство диких зверей. Сказав кому-нибудь из обитателей реки «ты ешь свежее мясо», вы нанесете ему оскорбление. Это почти все равно, что назвать человека людоедом.

— Пища, о которой идет речь, была съедена тридцать лет тому назад, — спокойно заметил аист, — и если мы будем говорить о ней еще тридцать лет, она все-таки не вернется. Расскажи же, Маггер, что случилось, когда после твоего изумительного сухопутного путешествия ты достиг хороших вод. Если мы будем слушать вой всякого шакала, то все дела в городе остановятся, как говорят люди.

Вероятно, это замечание понравилось Маггеру; он поспешно продолжал:

— Клянусь правым и левым берегом Ганга, когда я дошел до места, передо мной открылись такие воды, каких я никогда не видывал.

— Неужели они были лучше большого наводнения в прошедшем году? — спросил шакал.

— Лучше? Такие наводнения, какос случилось в прошлом году, повторяются через каждые пять лет: несколько утонувших чужестранцев, несколько цыплят да мертвый вол, принесенный водой! Но в том году, о котором я говорю, вода стояла в реке низко; она была вся гладкая, ровная, и, как рассказывал мне гавиал, по течению плыло столько мертвых англичан, что они касались друг друга. От Агры мимо Эгавы и до широких вод близ Аллахабада...

— О, я знаю водоворот под стенами этой крепости! — произнес аист. — Они неслись туда, как утки к тростникам, и кружились и вертелись, вот так.

И он снова пустился в свою ужасную пляску, а шакал с завистью смотрел на него. Понятно, трусливый зверь не помнил года восстания, о котором шла речь. Маггер же продолжал:

— Да, близ Аллахабада приходилось лежать в воде тихо; и я, бывало, пропускал двадцать трупов, раньше чем выбирал то, что было по моему вкусу; главное, мне нравилось, что на англичанах не было напутано драгоценностей, браслетов на руках и щиколотках и колец, как у женщин, моих поселянок. Тот, кто любит драгоценности, нередко в конце концов получает вместо ожерелья веревку. В то время все крокодилы окрестных рек растолстели, но судьба пожелала, чтобы я разжирел сильнее всех остальных. До нас дошли слухи, что англичан загнали в реки, и, клянусь правым и левым берегом Ганга, мы поверили этому. Я шел на юг и думал, что это справедливые вести. Двигался я вниз по течению через Монгхир, где над рекой стоят гробницы...

— Знаю, — сказал аист. — Только теперь Монгхир — брошенный город. В нем мало жителей...

— Позже я двинулся вверх по течению, медленно, лениво, и немного выше Монгхира натолкнулся на лодку, полную белолицых... живых. Это были женщины, они лежали под натянутой на четырех шестах тканью и вдруг громко закричали. В те дни никто не стрелял в нас, стражей бродов. Все ружья были заняты в другом месте. День и ночь издали доносился их грохот; он то утихал, то усиливался вместе с порывами ветра. Я высоко поднялся из

воды, так как раньше никогда не видывал живых белолицых, хотя отлично знал их в другом виде. Обнаженный белый ребенок стоял на коленях на краю лодки; наклоняясь, он проводил ручками по воде и смотрел на появлявшиеся струйки; прелестно видеть, как ребенок любит бегущей водой. В этот день я уже хорошо поел, а все-таки в моем желудке оставалась небольшая пустота. И я кинулся на эти детские руки скорее ради забавы, чем из-за голода. Они были так близко, что я даже не взглянул, хватая их. Челюсти мои закрылись над ними, я вполне уверен в этом; ребенок же быстро, без вреда для себя, выгасил их из моей пасти. Они, эти белые ручки, вероятно, проскользнули между зубами Маггера... Мне следовало схватить его за плечо, вкось, однако, повторяю, я только из удовольствия и любопытства вынырнул из воды. Женщины закричали; я снова поднялся, чтобы наблюдать за ними. Тяжелая лодка не могла идти скоро. В ней были только женщины, но доверять женщине — все равно что ступать на водоросли, заплетающие поверхность пруда, как говорит поговорка, и, клянусь правым и левым берегом Ганга, поговорка эта справедлива!

— Раз одна женщина дала мне сухую кожу рыбы, — встал шакал. — Я надеялся украсть ее грудного малютку, но, как говорится, лошадиный корм лучше удара ноги лошади. А что сделала твоя женщина?

— Она выстрелила в меня из короткого оружия, какого я никогда не видал ни раньше, ни позже. Пустила пять выстрелов, один за другим. — (Вероятно, Маггер говорил о револьвере старого образца.) — Я остался с открытым ртом, а мою голову окружал дым. Никогда не видывал я ничего подобного! Пять выстрелов, и так быстро один за другим, как я машу хвостом, вот так.

Шакал, который все больше и больше увлекался рассказом крокодила, едва успел отскочить, когда огромный хвост чудовища, точно исполинский серп, пролетел мимо него.

— До пятого выстрела, — продолжал Маггер, точно он и не помышлял оглушить одного из своих слушателей, — до пятого выстрела я не погружался в воду, когда же поднялся снова, то услышал, как один из лодочников говорил белым женщинам, что я убит. Одна пуля попала под роговую пластинку на мой шее. Сидит ли она еще там, я не знаю, так как не могу повернуть головы. Подойди сюда, дитя, и взгляни. Это докажет тебе, что я говорил правду.

— Докажет мне? — произнес шакал. — Что ты говоришь! Разве бедное существо, которое поедает старую обувь да сухие кости, смеет усомниться в словах Зависти реки? Пусть слепые щенки обкусают мой хвост, если тень такой мысли мелькнула в моем почтительном уме! Покровитель бедных снизошел до того, что сообщил мне, своему рабу, что раз в жизни женщина ранила его! Этого достаточно; я расскажу о случившемся всем моим детям, не требуя ни малейших доказательств.

— Чрезмерная любезность порой не лучше грубости, потому что, как говорится, гостя можно задушить угощением. Я совсем не желаю, чтобы кто-либо из твоих детей знал, что единственная рана Маггера была нанесена ему женщиной. Твоим детенышам и без того будет о чем подумать, если и им придется добывать себе пропитание таким же жалким способом, как это теперь делает их отец.

— Все давно забыто! Ничего не было сказано, не было белой женщины! Не было лодки! Ничего никогда не случилось.

Шакал махнул своим пушистым хвостом, показывая этим, до чего слова Маггера всецело исчезли из его памяти, потом сел с гордым видом.

— Напротив, случилось многое, — ответил Маггер, снова побитый при второй попытке победить своего друга. (Тем не менее ни в одном из них не осталось злопамятства. Есть и служить пищей — речной закон, и когда Маггер кончал обед, шакал являлся, чтобы подобрать остатки его еды.) — Я бросил лодку и двинулся вверх по течению; подле Арраха и выше этого места я уже не находил мертвых англичан. Какое-то время в реке ничего не было. Потом появились двое-трое мертвых в красных мундирах, но не англичане, а здешние — хинди или пураби; скоро они поплыли по пять-шесть в ряд; от Арраха же и Агры, казалось, в реке собрались целые селения. Мертвые выплывали из маленьких ручьев, как чурбаны во время дождей. Когда вода в реке начала подниматься, груды молчаливых тел сдвигались с мелей, на которых они лежали. Шедшее на убыль наводнение уносило их с собой через поля и через Джунгли, вода тащила их за длинные волосы. Двигаясь к северу, я ночью слышал выстрелы, днем стук обутых ног, переходивших через броды, а также шум, который производят колеса нагруженных телег по песку под водой. И каждая струя приносила новых мертвых. Наконец мне самому стало страшно. Я сказал:

«Если это происходит с людьми, как спасется Маггер из Маггер-Гата?» За мной шли лодки без парусов; они постоянно гонели, как иногда гонят лодки с хлопчатником, но не тонули.

— А, — сказал аист, — такие лодки приходят в Калькутту; большие, черные, позади них бежит вода, и они...

— Второе больше моего селения? Нет, мои лодки были больше, чем лодки, о которых рассказывает правдивый. Я их боялся, я вышел из воды и направился обратно к моей реке; днем прятался, по ночам шел по земле, если не находил маленьких ручьев, по которым мог плыть. Я вернулся к моему селению, не питая надежды увидеть мой народ. Между тем поселяне по-прежнему пахали землю, сеяли, жали, расхаживали по своим полям так же спокойно, как пасется их скот.

— А в реке была в это время хорошая еда? — спросил шакал.

— Больше пищи, чем я мог желать. Даже я, а ведь я не см грязь, даже я утомился и, помнится, пугался при виде постоянного появления молчаливых. Я слышал, как мой народ говорил, что все англичане умерли; тем не менее по течению плыли не англичане, и мой народ это видел. Тогда поселяне решили, что лучше ничего не говорить, а платить подати и обрабатывать землю. Вскоре река очистилась; мертвые исчезли. Стало не так легко получать еду, но я искренно радовался. Маленькое убийство там и сям — невинная штука, но иногда даже Маггер чувствует пресыщение.

— Изумительно! Поистине изумительно! — заметил шакал. — Я уже потолстел, только слыша о такой прекрасной еде. А можно ли спросить, что делал после этого Покровитель бедных?

— Я сказал себе — и, клянусь правым и левым берегом Ганга, крепко сомкнул челюсти при этом обете, — я сказал себе, что никогда больше не отправлюсь странствовать. С тех пор я зажил близ моего народа и год за годом наблюдал за ним. Поселяне так сильно любили меня, что, едва я поднимал из воды голову, бросали мне венки ноготков. Да, судьба была ко мне милостива, река тоже добра и с уважением относится к моей бедности и слабости, только...

— В мире нет ни одного существа, счастливого от кончика клюва и до хвоста, — сочувственно произнес аист. — Но чего недостает Маггеру из Маггер-Гата?

— Маленького белого ребеночка, который от меня ускользнул, — с глубоким вздохом сказал крокодил. — Он был мал, но

я не забыл его. Старость пришла ко мне, а все же перед смертью я желаю попробовать новой пищи. Правда, они народ с тяжелыми ногами; люди шумные, глупые, и это была бы невеселая охота; тем не менее я помню случай выше Бенареса, и, если ребенок жив, он тоже помнит все. Может быть, он разгуливает по берегу неизвестной мне реки и рассказывает, как однажды его руки проскользнули между зубами Маггера из Маггер-Гата. Судьба была всегда милостива ко мне, но во сне меня иногда мучат воспоминания о белом ребенке в лодке. — Крокодил зевнул и сжал челюсти. — Теперь я немного отдохну и подумаю. Тише, дети. Уважайте старших.

Он тяжело повернулся и потащился на средину песчаной мели, а шакал и аист отошли под дерево, которое росло подле железнодорожного моста.

— Он прожил приятную и поучительную жизнь, — сказал шакал, оскалил зубы и вопросительно посмотрел на птицу, вздымавшуюся над ним. — И заметь: Маггер даже не подумал сказать мне, в каком месте на берегу он бросил кусок съестного. Между тем я раз сто указывал ему на вкусную дичь, которая купалась в реке. Правду говорят, «все забывают о шакале и цирюльнике, как только узнают от них все вести». А теперь он заснет. Аррх!

— Как шакал может охотиться с крокодилом? — спокойно спросил аист. — Когда вместе идут вор крупный и вор мелкий, легко предсказать, кому достанется вся добыча.

С нетерпеливым повизгиваньем шакал повертелся на одном месте, собираясь свернуться под деревом, как вдруг присел на задние ноги и через низкие ветви посмотрел на мост, бывший почти над его головой.

— Что там еще? — спросил аист и тревожно распустил крылья.

— Погоди, посмотрим. Ветер дует с нашей стороны к ним, но они отыскивают не нас... Я говорю вот о тех двоих людях.

— Ах, это люди? Меня охраняет мое положение. Вся Индия знает, что я священная птица. — Аист первостатейный мусорщик, и птицам его породы позволено расхаживать, где им угодно. Итак, наш аист даже не вздрогнул.

— Я не стою удара, меня бьют только старыми башмаками, — сказал шакал и снова прислушался. — Слышишь шаги? — продолжал он. — Только ноги не в легкой местной обуви, это тяже-

лая поступь белоллицых. Слушай еще. Железо звякнуло о железо! Ружье! Ну, дружище, это тяжелоногие глупые англичане идут, чтобы побеседовать с Маггером.

— Так предупреди же его. Совсем недавно кто-то вроде уми-рающего от голода шакала называл его Покровителем бедных.

— Пусть мой брат сам покровительствует своей шкуре. Он постоянно твердит мне, что белоллицых нечего бояться. А это, конечно, белоллицые. Ни один поселянин из Маггер-Гата не осмелился бы охотиться на него. Смотри, я говорил, что это ружье! Теперь, при удаче, мы с тобой скоро попируем. Вне воды он слышит плохо, и на этот раз выстрелит не женщина.

Ружейное дуло блеснуло в лунном свете. Маггер лежал спо-койно, точно своя собственная тень; его передние ноги были расставлены, голова лежала между ними, и он храпел... как храпят крокодилы его породы.

Голос на мосту прошептал:

— Странный выстрел, почти по прямой линии вниз. Но выстрел верный. Лучше всего целиться пониже шеи. Боже, что за чудовище, а между тем, если мы его застрелим, поселяне будут вне себя. Он божок здешних мест.

— Ничего, — ответил другой голос, — когда строился мост, он унес человек пятнадцать моих лучших кули, и пора поло-жить этому конец. Я несколько недель ездил в лодке, чтобы убить его. Приготовьте «мартини» и, как только я выпущу в него два выстрела из обоих стволов, стреляйте.

— Берегись отдачи. Два таких выстрела — это не шутка.

— И он первым это поймет. Стреляю.

Послышался звук, походивший на грохот маленькой пушки.

Крупный тип слоновых ружей мало отличается от некоторых артиллерийских орудий; вырвались две полосы пламени; вслед за тем прозвучал резкий треск «мартини», для длинной пули кото-рого броня крокодила непроницаема. Разрывные же пули сдела-ли свое дело. Одна из них ударила Маггера как раз пониже шеи, влево от хребта; другая разорвалась подле основания его хвоста. В девяноста девяти случаях из ста смертельно раненный крокодил все же уходит в глубину воды, но Маггер был буквально разбит на три части. Он едва двинул головой, как жизнь уже оставила его. Он замер, как и лежащий на песке шакал.

— Гром и молния! Молния и гром! — сказал жалкий ма-ленький зверь. — Не упала ли наконец та вещь, которая тянет за собой закрытые телеги?

— Это только ружье, — ответил аист, хотя даже его хвостовые перья дрожали. — Это только ружье! Он, конечно, умер. Вот идут бледнолицые.

Англичане быстро сбежали с моста и, подойдя к крокодилу, остановились, разглядывая его. Скоро подошел и туземец, топором отрубил громадную голову Маггера, и четверо индусов потащили его по отмели.

— Раз моя рука была в пасти вот такого крокодила, — заметил один из англичан, тот самый, который строил мост, — тогда я, еще ребенок лет пяти, плыл в лодке к Монгхиру. Я был, что называется, дитя восстания... В лодке сидела и моя бедная матушка; позже она часто рассказывала мне, как выстрелила из старого пистолета отца в голову чудовища.

— Ну, теперь вы отомстили главе их клана, пусть даже от толчка ружейного приклада у вас из носу пошла кровь. Эй, вы, лодочники! Вытащите голову на берег, мы сварим ее, чтобы получить хороший череп. Кожу не стоит сохранять, она слишком испорчена. Теперь пойдете спать. Не правда ли, ради этого стоило сторожить всю ночь?

Странная вещь: не прошло и трех минут после ухода людей, как шакал и аист повторили это замечание.

Песня волны

Жег закат, как жжет огонь, —
И волна текла, струилась
И, на девичью ладонь
Натыкаясь, билась.

Грудь мягка, в душе — покой,
А волна бурлит: «Постой!
Не ищи, о дева, брод —
Смерть тебя подстережет!»

«Мой возлюбленный зовет —
Ждет меня он не дождется...
Что там ходит взад-вперед?
Это рыбка вьется!»

© Перевод. М. Яснов, 2004.

Грудь мягка, душа нежна —
Но опять бурлит волна:
«Не иди, о дева, вброд —
Смерть на броде стережет!»

«Мой возлюбленный зовет
И мою смиряет гордость!...»
Но бурлит водоворот,
И кружась, и горбясь.

Безрассудная душа,
Ты куда летишь, спеша?
По волне плывет ответ:
Красный, красный, красный след!

Королевский анк

«Четверо есть, что всегда недовольны
С дня, как впервые упала роса:
Глотка шакала, рука обезьяны,
Коршуна клюв, человека глаза».

Поговорка Джунглей

Каа, большой Горный Питон, менял свою кожу, может быть, в двухсотый раз со дня своего рождения, и Маугли, который никогда не забывал, что однажды — в Холодных Берлогах — Каа спас ему жизнь, вы, наверное, помните это дело, пришел поздравить его. Сменив кожу, змея всегда бывает раздраженной и угрюмой до тех пор, пока кожа не начнет блестеть и не сделается красивой. Каа никогда больше не подтрунивал над Маугли, а признавал его, как и все остальные народы Джунглей, Повелителем Джунглей и сообщал ему все новости, которые мог слышать питон таких размеров. То, чего Каа не знал о жизни Средних Джунглей, так они называют их, о жизни, которая гнездится у самой земли, или же даже в земле, под камнями, в норах, в дуплах деревьев, — все это могло бы уместиться на мельчайшей из его чешуек.

В тот день Маугли сидел на одном из больших колец Каа, трогая пальцами разодранную клочковатую старую кожу, лежавшую изгибами и опутавшую скалу так, как оставил ее Каа.

Каа очень вежливо приподнял одно свое кольцо за широкими голыми плечами Маугли, так что мальчик сидел как в настоящем живом кресле.

— Она уцелела вплоть до самых чешуек глаз, — сказал тихо Маугли, играя старой кожей. — Странно видеть кожу с чьей-нибудь головы у его ног.

— Да, но у меня нет ног, — сказал Каа, — и так как это обычно у всего моего народа, то я не нахожу это странным. Неужели твоя кожа никогда не делается старой и жесткой? .

— Тогда, Плоскоголовый, я иду и мою ее, но это верно: в большую жару я хотел бы стантить с себя кожу и бегать без нее.

— Я моюсь и снимаю кожу. Как выглядит новая кожа?

Маугли провел рукой по диагональным клеткам громадной спины.

— У черепахи спина крепче, но не такая пестрая, — сказал он тоном знатока. — У лягушки, моей тезки, пестрее, но не такая твердая. Она очень красива, как крапинки на венчике лилии.

— Ей нужна вода. Новая кожа никогда не получает настоящей окраски до первого купанья. Пойдем купаться.

— Я понесу тебя, — сказал Маугли и, смеясь, остановился, чтобы поднять среднюю часть громадного тела Каа, как раз там, где он был всего толще. Это было все равно, как если бы человек хотел поднять водопроводную трубу двух футов в диаметре, и Каа тихо лежал, фыркая от удовольствия.

Потом началась их обычная вечерняя игра: мальчик в расцвете сил и питон в своей роскошной новой коже стали один против другого для борьбы, состязаясь в зоркости и силе. Конечно, Каа мог раздавить дюжину таких Маугли, если бы он дал себе волю, но он играл осторожно, не развивая и десятой доли своей мощи. С тех пор как Маугли стал достаточно силен, чтобы выдержать небольшую серьезную борьбу, Каа научил его этой игре, и она лучше всего укрепляла его члены. Иногда Маугли стоял, обхваченный до шеи гибкими кольцами Каа, пытаясь освободить руку и схватить его за горло. Потом Каа потихоньку раскачивал его, и Маугли старался своими быстрыми ногами захватить громадный хвост, когда он отлетал назад, ощупывая скалы или пень. И они качались лицом к лицу взад и вперед, каждый выжидая удобной минуты, пока прекрасная, как статуя, группа не превращалась в водоворот бе-

лых, черных и желтых изгибов, борющихся рук и ног, для того чтобы снова встать и снова упасть.

— Ну, ну, ну, — сказал Каа, делая выпады головой с такой скоростью, что даже быстрая рука Маугли не могла их отразить. — Смотри. Вот я дотронулся до тебя, Маленький Брат. Вот и вот. Да что у тебя, руки онемели? Вот опять!

Игра кончалась всегда одинаково: прямым быстрым ударом головы, который всегда сбрасывал мальчика на землю. Маугли никак не мог научиться увертываться от этого молниеносного удара, и Каа говорил, что не стоит даже и пробовать учиться этому.

— Доброй охоты, — проворчал наконец Каа, и Маугли, по обыкновению, отлетел аршин на шесть, задыхаясь и смеясь. Он поднялся, захватив целую пригоршню травы, и пошел за Каа к купальне мудрой змее, глубокому сердцевиному пруду, окруженному скалами и свалившимися стволами деревьев.

Мальчик бесшумно, по обычаю Джунглей, скользнул туда и нырнул, бесшумно вынырнул, повернулся на спину, заложил руки под голову, глядя, как месяц встает из-за скал, и разбивая ногами его отражение в воде. Голова Каа в форме бриллианта прорезала, как бритва, пруд и подошла, чтобы отдохнуть на плече Маугли. И они тихо лежали, наслаждаясь холодной водой.

— Очень хорошо, — сказал наконец сонно Маугли. — В это время, как я помню, в Человеческой Стае ложатся на жесткие куски дерева в ловушках и, осторожно, тщательно закрывшись от всякого свежего ветерка, натягивают толстые одежды себе на голову и начинают гадко петь носом. В Джунглях лучше.

Охотившаяся кобра спустилась со скалы к реке напиться, сказала им «Доброй охоты» — и ушла.

— Ш-ш-ш-ш, — промолвил Каа, как будто он вдруг что-то вспомнил. — Итак, Джунгли дают тебе все, что ты хочешь, Маленький Брат?

— Не все, — сказал Маугли смеясь, — что я стану делать, если не будет нового сильного Шер-Хана, чтобы убить его в какую-нибудь луну. Теперь я мог бы убить его своими собственными руками, не прося помощи у буйволов. Потом, я хотел бы, чтобы солнце светило в пору дождей и чтобы дожди скрывали солнце во время летней жары. И, хотя я никогда не ходил голодным, я хотел бы убить козу; я никогда не убивал козы, не жалея о том, что это не олень, и ни одного оленя, не желая, чтобы это был нильгау. Но ведь это со всеми нами бывает.

— У тебя нет других желаний? — спросила огромная змея.
— Что же еще мне желать? У меня Джунгли и милость Джунглей. Разве может быть что-нибудь лучше между восходом и закатом солнца?

— А вот кобра говорила... — начал Каа.

— Какая кобра? Та, которая ушла, ничего не сказав? Она охотилась.

— Нет, другая.

— Разве у тебя много дел с Ядовитым Народом? Я оставляю их идти по собственному следу. Они несут смерть в передних зубах, и это нехорошо, потому что они так малы. Но с каким клубуком ты разговаривал?

Каа медленно поплыл по воде, как пароход в открытом море.

— Две или три луны тому назад, — начал он, — я охотился в Холодных Берлогах, место, которое, я думаю, ты не забыл. И тварь, за которой я охотился, с криком побежала, перескочив пруды, к тому дому, который я тогда проломил для тебя, и скрылась в землю.

— Но ведь народ Холодных Берлог не живет в норах. — Маугли понял, что Каа говорит о Народу Обезьян.

— А эта тварь не жила, а спасала свою жизнь, — сказал Каа, и язык его вздрогнул. — Она влетела в нору, которая вела очень глубоко. Я пошел за ней и, убив ее, заснул. Когда я проснулся, я пошел дальше.

— Под землей?

— Да. Наконец я пришел к Белому Клубуку, вождю кобр, который говорил о вещах выше моего понимания и показал мне много вещей, каких я никогда раньше не видел.

— Новую дичь? Это была хорошая охота? — Маугли быстро повернулся к нему.

— Это была не дичь, и я об нее переломал бы все зубы, но Белый Клубук сказал мне, что человек (а он говорил так, как будто он хорошо знаком с ними), что человек отдаст жизнь, чтобы только посмотреть на эти вещи.

— Пойдем и посмотрим, — сказал Маугли, — я помню, что я был когда-то человеком.

— Тише, тише. Не так легко убить Желтую Змею, которая ест солнце. Мы говорили с ним под землей, и я рассказал ему о тебе, называя тебя человеком. И Белый Клубук отвечал (а он, право, такой же старый, как и Джунгли): «Уже давно я не ви-

дел человека. Пусть он придет и посмотрит все эти вещи, за самую последнюю из которых умерли бы многие из людей».

— Это, должно быть, новая дичь. А Ядовитый Народ никогда не говорит нам, когда и где есть дичь. Это ужасно нелюбезный народ.

— Это *не дичь*. Это, это... я не могу тебе сказать, что это такое.

— Так пойдем туда. Я никогда не видал белой кобры и хочу взглянуть на те вещи. Он убил их?

— Да, это все мертвые вещи. Он говорит, что он хранит их.

— Да, как волк, который сторожит мясо в своей берлоге. Пойдем.

Маугли поплыл к берегу, покатался по траве, чтобы обсушиться, и оба отправились в Холодные Берлоги, к заброшенному городу, о котором вы, вероятно, слышали.

Теперь Маугли ничуть не боялся Народа Обезьян, зато обезьяны ужасно боялись Маугли. Их племена бегали, как всегда, по Джунглям. И Холодные Берлоги были пусты и молчаливы при лунном свете. Каа прошел мимо развалин стоявшего на террасе павильона королев, скользнул по мусору и нырнул к полуразрушенной лестнице, ведущей под землю из середины павильона.

Маугли крикнул Змеиное Слово:

— Мы с вами одной крови, вы и я, — и пополз на четвереньках за Каа.

Они долго ползли по скользкому извилистому проходу и наконец пришли туда, где корни какого-то большого дерева, поднимавшегося футов на тридцать над землей, вывернули большой камень в стене. Они пролезли в отверстие и очутились в большом подвале, куполообразная крыша которого тоже имела пробоины, так что несколько лучей света проникало в темноту.

— Безопасная берлога, — сказал Маугли, вставая на ноги, — только ходить сюда каждый день очень далеко. Ну, что же мы увидим здесь?

— Разве я ничто? — раздался голос из глубины подвала.

Маугли увидел что-то белое, медленно-медленно подвигавшееся, пока наконец перед ними не появилась гигантская кобра, какой он еще никогда не видывал, футов в восемь длиной, и пожелтевшая от темноты, как слоновая кость. Даже отличительные знаки ее раскрытого клобука выцвели и стали светло-

желтыми. Глаза ее горели как рубины, и вообще она была великолепна.

— Доброй охоты, — сказал Маугли, который всегда носил свои хорошие мансры вместе со своим ножом и никогда их не забывал.

— Что скажете о городе? — спросила белая кобра, не отвечая на поклон. — Что скажете о большом, окруженном стенами городе, о городе, где сотня слонов, двадцать тысяч лошадей и бесчисленное множество скота, о городе Двадцати королей? Я здесь оглох и давно уже не слышу военных гонгов.

— Над нашими головами Джунгли, — сказал Маугли. — А из слонов я знаю только Хатхи и его сыновей. Багира перерезала всех лошадей в одной деревне. А что такое «король»?

— Я говорил тебе, — сказал тихо Каа кобре, — я говорил тебе четыре луны тому назад, что города больше нет.

— Город, большой город в лесу, ворота которого охраняются башнями короля, никогда не может исчезнуть. Они выстроили его прежде, чем отец моего отца вышел из яйца, и он будет стоять, пока сыновья моих сыновей не станут такими же белыми, как я. Саломди, сын Чандрабиджи, сын Вияджи, сын Иггазури, выстроил его в дни Баппа Раваля. Вы чей скот?

— Он потерял след, — сказал Маугли, обращаясь к Каа, — я не понимаю, что он говорит.

— Я тоже. Он очень стар. Отец кобр, здесь только Джунгли, и так было с самого начала.

— Так кто же он, — спросила белая кобра, — тот, кто сидит безбоязненно передо мной, не зная имени короля и говоря на нашем языке человеческими губами? Кто он, с ножом и речью змеи?

— Меня зовут Маугли, — был ответ, — я из Джунглей. Волки — мой народ, а Каа — мой брат. Отец кобр, кто ты?

— Я страж сокровищ короля. Куррун-Раджа выстроил эти камни надо мной в те дни, когда кожа моя была еще темна, чтобы я наказывал смертью всех, кто захочет украсть. Потом они спустили сюда сокровища через вынутый камень, и я слышал песнь брамина, моего повелителя.

— Уф, — сказал Маугли про себя, — я еще недавно имел дело с брамином в Человеческой Стае и знаю, что это значит. Скоро случится горе.

— Пять раз во время моей службы поднимали камень, но всегда, чтобы опустить сюда, и никогда ничего не вынимали.

Нет богатств, равных этим сокровищам ста королей. Но давно, очень давно поднимали в последний раз камень, и я думаю, что мой город забыл меня.

— Там нет города. Посмотри вверх. Смотри, корни большого дерева раздвинули камни. Деревья и люди не уживаются вместе, — настаивал Каа.

— Два-три раза люди находили сюда дорогу, — свирепо отвечала белая кобра, — но они ничего не говорили, пробираясь в темноте, пока я не подползал; и тогда они недолго кричали. Но вы оба, человек и змея, вы приходите с ложью, вы хотите, чтобы я поверил, что моего города больше нет и что мне надо перестать сторожить. Люди с годами мало меняются, я никогда не меняюсь. Пока не поднимется снова камень, пока брамины не придут со знакомыми мне песнями, пока не напят меня теплым молоком и не вынесут меня снова на свет, до тех пор я, я, я — страж королевских сокровищ, я — и никто другой. Вы говорите, что город умер и что корни деревьев пробились сюда. Так нагнитесь и берите все, что хотите. На всей земле нет другого такого клада. Человек со змеиной речью, если ты сможешь уйти живым отсюда той дорогой, по которой ты пришел, то младшие короли будут твоими слугами.

— Опять потерял след, — сказал холодно Маугли. — Неужели шакал мог сюда пролезть и укусить большого Белого Клобука? Он, наверное, взбесился. Отец кобр, я не вижу здесь ничего, что можно было бы взять.

— Клянусь богами солнца и луны, мальчик окончательно сошел с ума, — зашипела кобра. — Прежде чем сомкнутся твои глаза, я окажу тебе одну милость. Смотри, и ты увидишь то, чего человек никогда не видал до сих пор.

— Плохо придется тому в Джунглях, кто говорит Маугли о милости, — сказал мальчик сквозь зубы. — Но я знаю, тьма меняет все. Я посмотрю, если это тебе будет угодно.

Он осмотрел, тараща глаза, весь подвал и поднял с полу пригоршню чего-то блестящего.

— О-о, — сказал он, — это похоже на то, чем играет Человеческая Стая, только это желтое, а то было коричневое.

Он бросил золотые монеты и пошел вперед. Пол пещеры был покрыт футов на пять-шесть чеканными монетами, золотыми и серебряными, высыпавшимися из истлевших мешков, где они раньше лежали, и за долгие годы металл разъехался и

расплылся, как песок в тихий разлив. На нем и среди него, как остатки кораблекрушения, лежали драгоценные седла для слонов из чеканного серебра, покрытые золотыми бляхами и усеянные карбункулами и бирюзой. Там были носилки и паланкины для королев: окованные и покрытые серебром и эмалью, с ручками из нефрита и с янтарными кольцами для занавесей; там были золотые подсвечники с изумрудными подвесками, дрожавшими на проволоке; там были литые серебряные, в пять футов вышины идолы — изображения древних богов, с глазами из драгоценных камней; там были кольчуги из стали, покрытые золотом и отделанные бахромой из старых, почерневших, мелких жемчугов; там были шлемы, изукрашенные кроваво-красными рубинами; там были щиты из черепахи, из шкуры носорога, окаймленные и разукрашенные инкрустацией из червонного золота, осыпанные по краям изумрудами; там были мечи с бриллиантовыми ручками, кинжалы и охотничьи ножи; там были золотые сосуды и ковши для жертвоприношений, переносные алтари невиданных форм; там были чаши и браслеты из нефрита; там были курильницы, гребни, сосуды для благовоний, хны и сурьмы — все украшенные золотом; там были кольца для носа, ожерелья, повязки, перстни и пояса без числа; там были пояса в семь пальцев шириной из квадратных бриллиантов, рубинов и деревянные шкатулки, некогда окованные железом: дерево превратилось в порошок, и оттуда высыпались груды необработанных сапфиров, опалов, кошачьих глаз, рубинов, бриллиантов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра была права. Не хватило бы никаких денег, чтобы оплатить стоимость этого клада, собранного целыми столетиями войн, грабежей, торговли и податей. Одни монеты были бесценны, не считая даже драгоценных камней, а вес золота и серебра достигал, наверное, двухсот или трехсот тонн. Каждый туземный властелин Индии, как бы беден он ни был, имеет сокровищницу, которую он постоянно пополняет, и хотя время от времени какой-нибудь просвещенный властитель и посылает сорок — пятьдесят телег серебра в обмен на правительственные бумаги, но большинство из них бережет свои сокровища и тайну их про себя.

Конечно, Маугли не мог понять значения этих вещей. Ножи несколько заинтересовали его; но по удобству они уступали его собственному, и он их бросил.

Наконец он нашел нечто действительно привлекательное, что лежало в углу около одной наполовину засыпанной палатки. Это был анк, то есть палка для слонов, похожая на багор в два фута длиной. Верхушка его состояла из одного круглого сверкающего рубина; и все восемь дюймов ручки были сплошь усыпаны необработанной бирюзой, что делало ручку очень удобной. Ниже был ободок из нефрита с гирляндой цветов, листья которых были из изумрудов, а цветы — из рубинов, вставленных в холодный зеленый камень. Остальная часть ручки была сделана из чистой слоновой кости, а самое острие и крюк — из стали, с золотой инкрустацией, изображавшей ловлю слонов. Рисунки заинтересовали Маугли, увидевшего, что они относятся к его другу Хатхи.

Белая кобра шла по его следам.

— Разве не стоит умереть из-за этого? — сказала кобра. — Разве я не оказал тебе большой милости?

— Я не понимаю, — сказал Маугли. — Эти вещи твердые, холодные и совсем не годятся для еды. Но это, — и он поднял анк, — я хочу взять с собой, чтобы посмотреть на него при солнце. Ты говоришь, что все это твое. Так дай его мне, и я принесу тебе за это лягушек.

Белая кобра задрожала от злорадства.

— Конечно, я дам тебе, — сказала она, — все, что ты видишь здесь, я отдам тебе, *если только* ты уйдешь отсюда.

— Я сейчас уйду. Здесь темно и холодно, и я хочу взять с собой, в Джунгли, эту острую штуку.

— Посмотри под ноги. Что там?

Маугли поднял что-то белое и гладкое.

— Это кость из человеческой головы, — спокойно сказал он. — А вот еще две.

— Много лет тому назад они пришли сюда и хотели унести сокровища. Я поговорила с ними впотьмах, и вот они лежат до сих пор.

— Но зачем мне все это, что ты называешь сокровищами? Если ты позволишь мне взять с собой этот анк, это будет удачная охота. Если же нет, то все равно будет удачная охота. Я не дерусь с Ядовитым Народом, но я все-таки знаю Великое Слово племени.

— Здесь только одно Великое Слово: мое Слово.

Каа устремился вперед со сверкающими глазами.

— Кто просил меня привести человека? — прошипел он.

— Конечно, я, — пробормотала старая кобра. — Я давно уже не видал людей, а этот человек говорит на нашем языке.

— Но об убийстве не было и речи. Как могу я вернуться в Джунгли и сказать, что я сам отвел его на смерть? — сказал Каа.

— Я пока не говорю об убийстве. А что касается того, выйдешь ты или нет, так вот там есть дыра в стене. Тише ты, жирный охотник за обезьянами. Мне стоит только коснуться твоей шеи, и Джунгли больше не увидят тебя. Ни один человек не уходил отсюда с дыханием под ребрами. Я страж сокровищ королевского города.

— Но я говорю тебе, белый земляной червь, что больше нет ни города, ни короля. Над нами Джунгли! — воскликнул Каа.

— Сокровища еще здесь. Но вот что мы сделаем. Подожди немного, Каа со скал, и посмотри, как мальчик будет бегать. Здесь достаточно места, чтобы позабавиться. Побегай немножко, мальчик, покажи свою ловкость.

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— До сих пор белая тварь имела дело с людьми из Человеческой Стаи. Она не знает меня, — прошептал он, — она сама пожелала поохотиться. Что ж, можно!

Маугли стоял, держа анк концом вниз. Он быстро бросил его, и анк, пролетев наискось, упал как раз позади клобука большой змеи и пригвоздил ее к полу. В одну минуту Каа навалился всей тяжестью на извивающееся тело, парализовав его от головы до хвоста. Красные глаза горели, и шесть свободных дюймов головы бешено бросались направо и налево.

— Убей, — сказал Каа, когда рука Маугли схватилась за нож.

— Нет, — сказал он, вынимая лезвие из ножен, — я никогда не буду больше убивать не для еды. Но посмотри, Каа.

Он схватил змею позади клобука, открыл ей рот лезвием ножа и показал ужасные ядовитые клыки на верхней челюсти: они были черны и раскрошились. Белая кобра от старости потеряла свой яд, как и все змеи.

— Ты — *Тхунтх*, Гнилая Колода, — сказал Маугли кобре, и, отстранив Каа, он вынул анк и освободил змею. — Королевским сокровищам нужен новый сторож, — сказал он строго. — Тхунтх... Ты плохо сделал свое дело. Бегай сколько хочешь и охотись. Тхунтх...

— Я посрамлен. Убей меня, — шипела белая кобра.

— Здесь и так слишком много говорили об убийстве. Мы сейчас уходим. Я беру острую штуку, Тхунтх, потому что я сражался и победил тебя.

— Смотри, как бы эта штука в конце концов не убила тебя. Это смерть! Помни! Это смерть! Этой штуки достаточно, чтобы убить всех людей моего города. Недолго останется он у тебя, человек Джунглей, недолго будет он и у того, кто отнимет его у тебя. Они будут убивать, убивать и убивать из-за него. Моя сила иссякла, но анк продолжит мое дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли снова выполз через отверстие к выходу, и последнее, что он видел, было, как белая кобра яростно кусала своими безвредными зубами золотые лица богов, лежавших на полу, и шипела:

— Это смерть!

Маугли и Каа были очень рады, когда снова увидели дневной свет; и пока они шли по своим Джунглям, Маугли заставлял анк блестеть при утреннем свете; он был так доволен, словно нашел пучок новых цветов, чтобы воткнуть в волосы.

— Это ярче Багириных глаз, — сказал он в восторге, повертывая рубин, — надо показать ей его; но что думал Тхунтх, говоря о смерти?

— Не знаю. Я огорчен до кончика хвоста, что он не попробовал ножа. В Холодных Берлогах всегда столько зла, и на земле, и под ней. Но я проголодался. Ты поохотишься со мной этой зарею? — спросил Каа.

— Нет, Багира должна посмотреть эту вещь. Доброй охоты.

Маугли заплясал, размахивая анком и останавливаясь время от времени, чтобы полюбоваться им, пока наконец не дошел до той части Джунглей, где чаще всего бывала Багира: он нашел ее утоляющей жажду после тяжелой охоты.

Маугли рассказал ей все свои приключения с начала до конца, и Багира обнюхала анк. Когда Маугли дошел до последних слов белой кобры, Багира одобрительно замурлыкала.

— Так, значит, Белый Клубук сказал то, что есть на самом деле? — живо спросил Маугли.

— Я родилась в королевских клетках в Удайпуре, и я думаю, что знаю кое-что о человеке. Многие люди три раза в ночь могли бы убивать только ради одного этого красного камня.

— Но ведь от камней он делается только тяжелее. Мой маленький светлый нож лучше, и, видишь ли, красный камень нельзя есть. Так *зачем же* из-за него убивать?

— Маугли, иди и выпись. Ты жил среди людей и...

— Я вспоминаю. Люди убивают не потому, что охотятся, а из лени или ради удовольствия. Проснись, Багира. Для чего употребляется эта острая штука?

Багира полуоткрыла глаза — ей очень хотелось спать, — и они заблестели лукавым блеском.

— Она сделана людьми, чтобы колоть ею до крови головы сыновей Хатхи. Я видела такие штуки на улицах Удайпура перед клетками. Она попробовала крови многих таких, как Хатхи.

— Но зачем ею бить, колоть головы слонов?

— Они учат их человеческим законам. У людей нет ни зубов, ни когтей, и они делают такие штуки, а иногда и еще хуже.

— Все больше и больше крови ты встречаешь, чем ближе подходишь к людям или даже просто к вещам, сделанным Человеческой Стаей, — сказал с отвращением Маугли. Он немного устал от тяжести анка. — Если бы я знал это, я не взял бы его. Сначала кровь Мессуа на веревках, теперь кровь Хатхи. Он мне больше не нужен. Смотри.

Блестящий анк отлетел и воткнулся в землю между деревьями футах в пятидесяти от них.

— Теперь мои руки чисты от смерти, — сказал Маугли, вытирая руки о свежую, влажную землю. — Тхунтх говорил, что смерть пойдет за мной. Он стар, бел и безумен.

— Белый он или черный, смерть или жизнь, а я иду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться целую ночь и выть целый день, как это делают иные.

Багира ушла в охотничью берлогу мили за две отсюда, которую знала она одна. Маугли легко взобрался на подходящее дерево, связал вместе несколько лиан и скорее, чем это можно было бы рассказать, раскачивался в гамаке в пятидесяти футах над землей. Хотя Маугли и не питал решительного отвращения к дневному свету, но все-таки, следуя обычаю своих друзей, пользовался им как можно меньше. Когда он проснулся среди голосистого населения, живущего на деревьях, были уже сумерки, и он начал думать о брошенных им красивых камушках.

— В конце концов, взгляну еще раз на эту штуку, — сказал он и спустился по лиане на землю.

Но Багира стояла перед ним. Маугли услышал, как она фыркала в полутьме.

— Где остроконечная штука? — закричал Маугли.

— Ее взял человек. Вот его след.

— Теперь увидим, правду ли сказал Тхунтх. Если остроконечная штука смерть, то этот человек умрет. Пойдем за ним.

— Давай прежде поохотимся, — сказала Багира, — на пустой желудок глаза менее зорки. Люди ходят очень медленно, а в Джунглях настолько сыро, что сохраняется даже самый легкий след.

Они наскоро поохотились, но было уже около трех часов, когда они кончили есть, напились и пошли по следу. Ничто не может заставить народ Джунглей есть торопливо.

— Неужели ты думаешь, что острая штука повернется в руке человека и убьет его? — спросил Маугли. — Тхунтх сказал, что это смерть.

— Увидим, когда найдем, — сказала Багира; она шла опустив голову. — Здесь одноножка (она подразумевала, что здесь идет один человек), и благодаря тяжелой вещи его пятки глупо вдавнились в землю.

— Ах! Это ясно, как летняя молния, — отвечал Маугли.

Они побежали быстрой осторожной рысцой, пересекая лунные пятна, по следу этих двух босых ног.

— Он проворно бежит, — сказал Маугли. — Большие пальцы растопырены.

Они пошли по сырому месту.

— Почему он здесь свернул?

— Подожди, — сказала Багира и отскочила великолепным прыжком как можно дальше.

Первое, что надо сделать, когда след перестает сам говорить за себя, это прыгнуть вперед, не оставляя на земле собственных следов, чтобы не запутаться еще больше. Опустившись на землю, Багира повернулась, посмотрела на Маугли и закричала:

— Здесь второй след идет ему навстречу. У второго след ноги меньше и пальцы обращены внутрь.

Маугли подбежал и посмотрел.

— Это нога охотника из племени гондов, — сказал он. — Смотри, здесь он тащит лук по земле. Вот почему первый след так поспешно свернул в сторону. Большая Нога спряталась от Маленькой Ноги.

— Верно, — сказала Багира. — Теперь, смешивая наши следы, мы запутаемся в них. Пусть каждый возьмет себе по следу. Я буду Большая Нога, Маленький Брат, а ты Маленькая Нога, гонд.

Багира отпрыгнула к первому следу, оставив Маугли у любопытного следа маленького дикого лесного человека.

— Теперь, — сказала Багира, подвигаясь шаг за шагом по отпечаткам ног, — я, Большая Нога, сворачиваю здесь в сторону, теперь я прячусь за скалу и стою тихо, не смея шевельнуть ногой. Говори твой след, Маленький Брат.

— Теперь я, Маленькая Нога, подхожу к скале, — сказал Маугли, идя по следу. — Теперь я сажусь под скалу, опираясь на правую руку, а лук держу между ног. Я долго жду, потому что след моих ног здесь глубок.

— Я тоже, — сказала Багира, скрытая скалой. — Я жду, опершись остроконечной штукой о камень. Она соскользнула и оставила царапину на камне. Говори твой след, Маленький Брат.

— Одна ветка, две и большой сук сломаны здесь, — сказал вполголоса Маугли. — Но как мне сказать, что это? А, понимаю! Я, Маленькая Нога, иду с шумом и топочу; чтобы Большая Нога услышала меня. — Он отошел от скалы и пошел между деревьями, возвышая голос по мере того, как он приближался к маленькому водопаду. — Я иду... далеко... далеко... туда... где... шум... падающей воды... заглушает меня... и... я... жду. Говори твой след, Багира, Большая Нога.

Пантера бегала по всем направлениям, чтобы посмотреть, куда ведет от скалы след Большой Ноги. Потом она подала голос:

— Я выхожу из-за скалы на коленях, волоча за собой остроконечную штуку. Никого не видя, я бегу. Я, Большая Нога, быстро бегу. След ясен. Пойдем каждый за своим следом. Я бегу.

Багира бежала по ясно обозначенному следу, а Маугли шел по следам гонда. Некоторое время молчание царило в Джунглях.

— Где ты, Маленькая Нога? — крикнула Багира.

Голос Маугли раздался шагах в пятнадцати справа.

— Гм... — сказала, кашлянув, пантера. — Оба следа идут почти рядом, сближаясь.

Они пробежали еще полмили, держась все время на одинаковом расстоянии друг от друга, пока Маугли, голова которого не была так близко к земле, как Багиры, закричал:

— Они встретились. Доброй охоты, смотри. Здесь стоит Маленькая Нога на коленях на скале, а под ним Большая Нога.

Меньше чем в десяти шагах от них на куче камней лежало тело человека, пронзенного насквозь легкой тоненькой оперенной стрелой гонда.

— Что, Тхунтх стар и глуп, Маленький Брат? — сказала ласково Багира. — Вот тебе по крайней мере один мертвец.

— Идем дальше. Но где слоновий кровопийца, где красноглазая колючка?

— Может быть, его взяла Маленькая Нога. Вот опять след.

Одиночный след легкого человека, быстро бсжавшего, неся тяжесть на левом плече, обошел кучку сухой травы, и каждый шаг казался словно выжженным горячим железом для острого глаза следопытов.

Оба молчали, пока след не дошел до золы от костра в овраге.

— Опять, — сказала Багира, останавливаясь как окаменевшая.

Тело маленького, сморщенного гонда лежало ногами в золе, и Багира вопросительно посмотрела на Маугли.

— Это было сделано бамбуковой палкой, — сказал, взглянув, мальчик. — Я употреблял такую штуку, пася буйволов, когда служил Человеческой Стае. Отец кобр — я страшно огорчен, что смеялся над ним, — хорошо знал эту породу, как и я должен был бы знать ее. Разве я не говорил, что люди убивают из лени?

— На самом деле они убивают из-за красных и синих камней, — отвечала Багира. — Помни, что я была в клетке в королевском зверинце в Удайпуре.

— Раз, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, нагнувшись над золой. — Четыре следа людей в башмаках. Они ходят не так скоро, как гонд. Но какое зло причинил им маленький лесной человек? Смотри, они все пятеро стояли и разговаривали, прежде чем убить его. Багира, пойдем назад, у меня тяжело в желудке, и сердце во мне прыгает вниз и вверх, как гнездо королька на конце ветки.

— Нехорошая охота — оставлять зверя на полдороге. Идем, — сказала пантера. — Эти восемь обутых ног не уйдут далеко.

Почти целый час они не произносили ни слова, пока шли по широкому следу четырех обутых людей.

Был ясный, знойный, солнечный день, и Багира сказала:

— Я чую дым.

— Люди всегда больше любят есть, чем бегать, — отвечал Маугли, шныряя среди мелкого частого кустарника молодых

Джунглей, которые они исследовали. Багира, шедшая немного левее, издала горлом не поддающийся описанию звук.

— Здесь тот, кто успел поесть! — сказала она. — Смотри!

Связка пестрых тряпок лежала на земле под кустом, вокруг нее было просыпано немного муки.

— И это сделано бамбуком, — сказал Маугли. — Смотри, вот белая пыль, которую едят люди. Они отняли добычу у того, который нес их еду, и отдали его в добычу Чилу, Коршуну.

— Это третий, — сказала Багира.

«Я пойду и отнесу молодых, больших лягушек Отцу кобр и досыта накормлю его, — решил Маугли. — Слоновий кровопийца — сама смерть, но все-таки я ничего не понимаю».

— Идем, — сказала Багира.

Они не прошли и полмили, как вдруг услышали Ко, Ворону, которая пела похоронную песню на верхушке тамариска, под которым лежало три человека. Полупотухший огонь курился в середине круга рядом с железной сковородкой, на которой лежал почернелый сгоревший хлеб. Около самого огня, сверкая на солнце, лежал украшенный бирюзой и рубинами анк.

— Он быстро работает. Здесь всем конец, — сказала Багира. — Отчего умерли эти? Здесь не видно ни малейшего следа, ни царапины.

Житель Джунглей по опыту научается распознавать лучше всякого доктора все ядовитые травы и ягоды. Маугли понюхал дым, поднимавшийся от костра, отломил кусок почернелого хлеба, попробовал и выплюнул.

— Яблоко смерти, — закашлялся он. — Первый, наверное, прибавил его к еде *других*, которые убили его, убив сначала гонда.

— Право, хорошая охота. Одна смерть за другой, — сказала Багира.

«Яблоком смерти» в Джунглях зовут дурман, или датуру — один из самых сильных индийских ядов.

— Что же дальше? — спросила пантера. — Что же, теперь остается нам с тобой убить друг друга из-за красноглазого убийцы?

— Может, он говорит? — прошептал Маугли. — Разве я не хорошо сделал, что бросил его? С нами этого случиться не может, потому что мы не желаем того, что желают люди. Если он останется здесь, он будет, без сомнения, продолжать убивать

людей одного за другим так скоро, как падают орехи от ветра. Я не люблю людей, но все же я не хотел бы, чтобы они умирали по шесть человек в ночь.

— Ну что же? Ведь это люди. Они убивают друг друга и очень довольны этим, — сказала Багира. — Первый маленький лесной человек хорошо поохотился.

— Они все-таки детеныши, а детеныш может утонуть, желая поймать в воде отражение луны. Это моя вина, — сказал Маугли, который говорил так, как будто он уже все понял. — Я никогда не буду больше приносить в Джунгли незнакомые вещи, хотя бы они были прекрасны, как цветы... Это... — и он осторожно взял анк, — вернется назад к Отцу кобр. Но сначала мы должны выспаться, только мы не можем спать рядом с этими трупами. Мы должны похоронить его, чтобы он не убежал и не убил еще шестерых. Выкопай мне ямку под деревом.

— Но, Маленький Брат, — сказала Багира, подходя к дереву, — причина не в кровопийце, а в самих людях.

— Все равно, — сказал Маугли. — Копай яму поглубже. Когда мы проснемся, я возьму его с собой и отнесу назад.

Две ночи спустя белая кобра утрюмо сидела в темноте под сводом, пристыженная, обобранная, одинокая. Вдруг бирюзовый анк пролетел в отверстие стены и со звоном упал на пол, усыпанный золотом.

— Отец кобр, — сказал Маугли (он был настолько осторожен, что держался по ту сторону стены), — возьми кого-нибудь помоложе и посильнее из твоего народа, чтобы помочь тебе сторожить королевские сокровища, чтобы ни один человек не вышел отсюда живым.

— Ага! Значит, он вернулся! Я говорил, что это смерть. Как же ты-то еще жив? — бормотала кобра, любовно обвиваясь вокруг ручки анка.

— Клянусь быком, выкупившим меня, не знаю. Эта штука убила шестерых в одну ночь. Не выпускай ее больше.

Песня маленького охотника

Мор Павлин еще спит,
Коршун Чиль не летит,
Не вставал обезьяний народ,
Тень в Джунглях крадется, слышится вздох...
То страх, охотник, то страх!

Вот крадется, бежит...
Твое сердце стучит.
Она ходит повсюду в тиши...
На лбу твоём пот... О, здесь она, здесь!
То страх, охотник, то страх!

Вот встает за горой
Свет луны золотой...
Ах, шорох я слышу везде,
Я слышу дыханье, и шепот, и шум...
То страх, охотник, то страх!

Бери лук и стреляй
И копье в куст бросай...
Лес смеется. Отхлынула кровь,
И руки ослабли, и бело лицо...
То страх, охотник, то страх!

Когда буря ревет,
Сосны стройные рвет,
Блещет молния, тучи летят, —
Ты голос услышишь страшнее, чем гром...
То страх, охотник, то страх!

Вот камни летят,
Деревья трещат,
От молний светло, словно днем...
Сжимается горло, и сердце стучит...
То страх, охотник, то страх!

Квикверн

Те, кто живет у Восточных Льдов,
безвольны, как талый снег;
За сахар и кофе сделают все, что белый
велит человек.

А те, кто живет у Западных Льдов,
бранятся, воруют, лгут;
Заезжим купцам продают меха — и душу
свою продают.

© Перевод. И. Комарова, 2004.

А те, что кочуют у Южных Льдов,
подачек ждут без стыда;
Там женщины в бусах и лентах цветных,
а в юртах мрак и нужда.

Но есть еще жители Древних Льдов —
к ним белым заказан ход;
Из рога нарвала копыя у них —
и это охотничий род!

Перевод с инуитского

— У него уже открылись глаза. Смотри!

— Положи его обратно в шкуру. Сильная вырастет собака.

На четвертом месяце мы дадим ему имя.

— В честь кого? — спросила Аморак.

Кадлу обвел глазами свос жилище — снеговую хижину, стены и потолок которой были обтянуты тюленьими шкурами, — и задержал взгляд на четырнадцатилетнем Котуко. Мальчик сидел на нарах, по ночам служивших постелью, и вырезал из моржовой кости пуговицу.

— Назови его в мою честь, — усмехнувшись, сказал Котуко. — Он скоро мне пригодится.

Кадлу улыбнулся ему в ответ, так что глаза его превратились в едва заметные щелочки — до того толстые у него были щеки, — и кивнул головой своей жене Аморак. Обычно злобная мамаша щенка жалобно заскулила, видя, что ей никак не добраться до своего детеныша, который копошился в меховом мешке, подвешенном для тепла прямо над горящим очагом — продолговатой каменной плоской, налитой тюленьим жиром. Котуко вернулся к своему занятию, а Кадлу бросил моток собачьей упряжи в каморку, пристроенную к стене хижины, стащил с себя тяжелую охотничью одежду из оленьих шкур, положил ее для просушки в сетку из китового уса, укрепленную над вторым очагом, и, усевшись рядом с Котуко, принялся строгать мерзлый кусок тюленины в ожидании, пока Аморак подаст обычный обед — вареное мясо и кровяную похлебку. Ранним утром он ушел на охоту за восемь миль от поселка и только недавно вернулся с хорошей добычей — тремя крупными тюльнями. Из низкого снегового лаза-коридора, через который попадали внутрь хижины, доносился визг и лязганье зубов: это собаки, освобожденные от упряжи, дрались за место теплее.

Когда они чересчур расшумелись, Котуко не спеша спустился с нар и достал плетеный ременный бич, длиною в двадцать пять футов, с двадцатидюймовой рукояткой из упругого китового уса. С бичом в руках он нырнул в снеговой коридор, откуда сразу послышался такой отчаянный лай и возня, будто собаки хотели разорвать его на части; но это был всего-навсего обычный ритуал, вроде предобеденной молитвы. Когда мальчик, пробравшись сквозь коридор, выполз наружу, за ним высунулось с полдюжины косматых собачьих голов: звери жадно следили за каждым его движением. Котуко подошел к высоким козлам, сооруженным из китовых челюстей, — там подвешивалось мясо на корм собакам, — разрубил мерзлую тушу на куски при помощи копья с широким наконечником и, с порцией мяса в одной руке и с бичом в другой, принялся оделять собак. Каждую он выкликал по имени — и горе той, что посмела бы сунуться не в очередь: ее ждал молниеносный удар бича, способный вырвать изрядный клоч шерсти вместе с кожей. На зов каждая собака отвечала рычаньем и лязгом зубов, хватала, давясь, свой кусок и бегом возвращалась на место, в коридор, а мальчик терпеливо стоял на снегу и в мерцающем свете полярного сияния вершил дележ по справедливости. Последним получил свою долю огромный черный пес — вожак упряжки: ему Котуко кинул лишний кусок мяса и в придачу лишний раз щелкнул бичом у него над ухом.

— А! — произнес Котуко, снова скручивая плеть. — У меня там над плоской греется малыш, который будет лаять громче вас всех. *Сарнок!* (На место!)

Он опять прополз по коридору, прямо поверх сбившихся в кучу собак, взял валец из китового уса, который Аморак держала у входа в хижину, стряхнул снег со своей меховой одежды, постучал по шурам над головой, чтобы сбить ледяные сосульки, которые накапливались в промежутке между этим подобием потолка и снежным куполом жилища, и снова, поджав ноги, примостился на нарах. Собаки храпели и поскуливали во сне, грудной младенец — младший брат Котуко — дрыгал ножками, ворочался и гулькал в меховом капюшоне на спине у Аморака, а мамаша новоокрещенного щенка лежала рядом с Котуко, глядя в сторону своего сокровища, которому было тепло и уютно в мешке из тюленьей шкуры над ярким желтым пламенем светильника.

И все это происходило далеко-далеко на Севере — за Лабрадором, за Гудзоновым проливом, где океанские течения несут с собою дрейфующие льды, севернее полуострова Мелвилл — даже севернее узкого пролива, который носит имя Фьюри-энд-Хекла, — на северном побережье Баффиновой Земли, там, где над скованным льдом проливом Ланкастер возвышается круглый, как опрокинутая форма для пудинга, остров Байлот. Еще дальше, за проливом Ланкастер, лежат острова, о которых мы мало что знаем, кроме разных названий — таких, как Северный Девон или Элмир; но и в этих краях, откуда рукой подать до Северного полюса, живет немногочисленный местный народ.

Кадлу был *инуит*, иначе говоря — эскимос (это название звучит для нас привычнее), и его племя насчитывало всего десятка три людей; свою землю и самих себя они называли одним и тем же словом — Тунунирмиут, что в переводе означает «страна, которая лежит позади всего». На картах, примерно в тех местах, вы найдете Нейви-Борд-Инлет, то есть пролив Морского Департамента, но инуитское название куда выразительнее, потому что их страна и вправду находится на самых задворках мира. Девять месяцев в году там только лед да снег, да свирепые ветры-ураганы, а холода стоят такие, каких не может себе даже представить человек, если ему не доводилось видеть, как ртуть в термометре опускается хотя бы до нуля. Шесть месяцев из этих девяти кругом царит сплошная тьма, и это самое страшное. А в короткие три летних месяца морозы бывают только через день — но зато уж непременно каждую ночь! И все-таки на южных склонах успевают немного подтаять снег, карликовые ивы робко выпускают пушистые почки, низкорослые растеньица заячьей капусты делают вид, что цветут, у берега обнажается полоса песка и крупной гальки, а над осевшим зернистым снегом выступают там и сям отполированные до блеска верхушки валунов и полосатых скал. Но все это длится не более нескольких недель: скоро грозная зима опять сжимает сушу в своих тисках, а на взморье появляется лед — и огромные ледяные глыбы теснятся, дробятся, и трещат, и хрустят, пока наконец все вокруг, от берега до глубокой воды, не застынет сплошным слоем льда толщиной в десять футов.

Зимой Кадлу отправлялся на охоту к дальнему краю «большого льда», выслеживая тюленей и убивая их в тот момент,

когда они всплывали подышать в тюленьи лунки. Тюлень живет и ловит рыбу в открытой морской воде, а в долгую зимнюю стужу ледяной покров может тянуться на многие десятки миль от побережья. С приходом весны Кадлу и все его племя откочевывали с тающего льда на сушу, и ставили там на скалистом берегу свои юрты из звериных шкур, и ловили в силки морскую птицу, и добывали молодых несмышленных тюленей, вылезших погреться на солнышке. В летние месяцы они перебирались еще дальше на юг, чтобы бить оленей и запастись на весь год лососиной: этой рыбой кишели бесчисленные речки и озера Баффиновой Земли. А в сентябре или октябре они возвращались на север и еще успевали поохотиться на мускусных быков, прежде чем заняться своим главным зимним промыслом — добычей тюленей. Все эти сезонные кочевки совершались на собаках — а сильная собачья упряжка пробегает по двадцать — тридцать миль в день — либо по морю, вдоль побережья, в так называемых «женских» (то есть семейных) лодках — *умиаках*, где собаки и дети помещались в ногах у гребцов; и женщины пели свои эскимосские песни, пока лодка скользила от мыса к мысу по холодной прозрачной воде.

Все, что особенно ценили тунунирмиуты, приходило к ним с юга — дерево для санных полозьев, железо для гарпунных наконечников, стальные ножи, жестяные котелки, в которых еду варить было гораздо удобнее, чем в допотопных посудах из мыльного камня, кремень и огниво и даже спички, цветные ленты для женских кос, дешевые зеркальца и красное сукно для оторочки праздничной меховой одежды. Торговля и обмен шли очень оживленно: то, что добывал Кадлу — изжелта-белый витой нарвалий рог и зубы мускусного быка, ценившиеся не меньше жемчуга, — переходило к южным инуитам, а те, в свою очередь, торговали с экипажами китобойных судов или с миссионерскими постами вблизи залива Эксетер и у пролива Камберленд; цепочка эта тянулась все дальше и дальше, и не раз бывало так, что котелок, случайно купленный корабельным поваром на индийском базаре, доживал свои дни над эскимосским очагом где-нибудь за Полярным кругом.

Кадлу был умелый охотник и, по инуитским представлениям, богач: у него было полно всякого добра — железные гарпуны, снеговые скребки, дротики для охоты на птицу и прочее снаряжение, которое облегчает жизнь в этих дальних, суровых

краях; недаром он считался главою своего племени — его называли «человек, который все знает по собственному опыту». Но никакую особенной властью он не обладал, разве что время от времени мог посоветовать своим собратьям переменить место охоты; впрочем, Котуко иногда пользовался положением отца — правда, делал он это чисто по-эскимосски, с ленцой и как бы нехотя, — чтобы верховодить в мальчишеских играх, когда его сверстники гоняли мяч при лунном свете или выходили полюбоваться полярным сиянием, распевая свою особую Ребьячью Песню.

Но в четырнадцать лет мальчик-инуит уже чувствует себя мужчиной, и Котуко наскучило ладить силки для песцов и куропаток да с утра до вечера помогать женщинам жевать тюленьи и оленины шкуры (это лучший способ размягчить их), пока взрослые мужчины охотятся. Ему не терпелось побывать и в *квэдгги* — Песенном Доме, куда охотники сходились для совершения таинственных обрядов, где, как рассказывали, полагалось сидеть в темноте и где местный шаман — *ангекók* — наводил на всех священный ужас; там люди впадали в транс и слышали, как гремят по крыше копыта грозного Духа Оленя, — а если выставить наружу, в черную тьму, копье, оно возвращалось назад, обогренное дымящейся кровью. Котуко мечтал о том времени, когда он будет иметь право кидать свои большие сапоги в сетку над очагом с усталым видом главы семейства, а вечерами, вместе с зашедшими на огонек соседями-охотниками, играть в игру, похожую на рулетку, только сделанную из жестянки и гвоздя. Много еще было такого, до чего ему хотелось поскорей дорасти, но взрослые только смеялись над ним и повторяли: «Погоди, сначала посиди в перевязке! Охотник не тот, кто бьет, а тот, кто ждет!»

Но теперь, когда отец дал его имя отличному щенку, Котуко повеселел. Инуит не станет дарить сыну собаку и зря переводить добро, пока не убедится, что мальчик понимает толк в собачьей езде; сам же Котуко был более чем уверен, что знает про собак более чем достаточно.

Если бы его тезка щенок от рожденья не был наделен железным здоровьем, он наверняка не выжил бы — так безбожно его перескармливали и так безжалостно гоняли. Котуко смастерил для щенка легкую упряжь с постромками и таскал его волоком по всей хижине, то и дело покрикивая: «*Ауа! Я ауа!*» (На-

право!)», «Чойячб́й, я чойячб́й! (Налево!)», «Охóха! (Стой!)». Щенку это все чрезвычайно не нравилось, но домашняя тренировка была сущий пустяк по сравнению с тем, что ожидало его впереди. Настал день, когда щенка впервые запрягли в настоящие сани. Он ничего не понял, уселся на снег и стал тереть зубами постромки, которыми сбруя каждой собаки прикрепляется к *питу* — главному толстому ремню, привязанному к передку саней. Вдруг собаки рванули вперед, сбив щенка с ног; длинные, тяжелые сани проехали у него по спине и потащили за собою по снегу, а Котуко стоял и смеялся — смеялся до слез. Потом для щенка потянулись суровые дни ученичества, когда плеть свистела над ним, как ветер над ледяной пустыней, а товарищи по упряжке наперебой кусали его, потому что он делал все не так и мешал им, и сбруя натирала ему кожу до крови, и ему уже не разрешали спать на нарах с хозяином, а выселили к собакам в снеговой коридор, и там ему приходилось довольствоваться самым плохим, холодным местом... Тяжко жилось в это время щенку.

Учился и мальчик, так же усердно, как пес, потому что управлять собачьей упряжкой — нелегкая наука. Более слабых собак запрягают поближе к саням. У каждой отдельная сбруя; один ремень обхватывает шею, еще один пропускается под левой передней ногой, от третьего отходит постромка, а уж она соединяется с *питу* при помощи остроумного приспособления вроде петли и пуговицы: его легко расстегнуть одним движением руки, мгновенно освободив тем самым нужную собаку. Такая надобность возникает сплошь и рядом, потому что у молодых, неопытных собак ремень часто попадает между задних ног и врзается в тело до кости. Кроме того, на бегу собакам иногда приходит охота пообщаться друг с другом, и они начинают перескакивать через главный ремень и запутывают постромки. Нередко вспыхивают драки, и после этого упряжь делается похожа на мокрую сеть, которую рыбак поленился распутать сразу и оставил лежать до утра. Поэтому погонщик должен неусыпно следить за порядком и вовремя пускать в ход ременный бич. Всякий мальчик-инуит шеголяет своим умением обращаться с бичом; но одно дело попасть в какую-то намеченную цель на снегу, и совсем другое — на полном ходу перегнуться вперед и нанести провинившейся собаке молниеносный и точный удар по спине, между лопаток. Если же вы грозно окликнете одну

собаку, а хлестнете по ошибке другую, обе немедленно затеют потасовку и начнут выяснять отношения — и вся упряжка остановится. А если вы едете с кем-то вдвоем и заговорите со своим спутником — или, наоборот, едете один и от скуки затынете песню, — все собаки тотчас притормозят, повернутся и усядутся на снег: им тоже хочется послушать. Раза два от бедняги Котуко убежала упряжка, потому что он забывал на остановке застопорить сани; а уж сколько он порвал и перепортил ремней и постромок, и сказать нельзя. Но наконец наступил день, когда ему доверили целую упряжку из восьми собак и легкие охотничьи нарты, и тогда он почувствовал себя уже совсем важной персоной. У него было храброе сердце и ловкие руки, и его упряжка мчалась с быстротой стаи гончих, так что гладкий темный лед только дымился под полозьями саней. Он уезжал на охоту за много миль от дома, и когда добирался до мест, где водились тюлени, то отстегивал от главного ремня постромку самой умной своей собаки — большого черного вожака — и отправлял ее на поиски тюленьих лунок. Как только пес подавал ему знак, Котуко переворачивал сани и поглубже загонял в снег пару отпиленных оленьих рогов, которые обычно торчат вверх, как ручки от детской колясочки. Потом он осторожно, дюйм за дюймом, подползал к лунке и дожидался, когда тюлень всплывет подышать. И тут он вонзал без промаха свой гарпун и за привязанный к нему трос из оленьих жил выволакивал убитого тюленя на лед, а черный вожак помогал ему перетащить к саням тяжелую тушу. При виде лакомой добычи у собак разгорались глаза, и они приходили в такое возбуждение, что Котуко еле успевал хлестать направо и налево бичом, который обжигал им морды, словно раскаленный прут, пока тюленья туша не застывала в камень. Только тогда он пускался в обратный путь, и это стоило немалого труда: надо было искусно лавировать, объезжая все неровности на льду, чтобы не опрокинуть нагруженные сани, и погонять собак, которые то и дело норовили остановиться и, пуская голодные слюни, пожирали глазами добычу. Наконец упряжка сворачивала на ровный, накатанный санный путь, который вел напрямиком в поселок, и собаки с залившимся лаем ускоряли бег, пригнув головы и задрвав кверху хвосты, и лед звенел у них под ногами, а Котуко запевал Песнь Возвращающегося Охотника — «*Ан-гутиваун таи-на тау-на-не таи-на*», и приветственные го-

лоса провожали его от дома к дому под черным, усеянным звездами небом.

Когда Котуко-пес вырос и вошел в силу, он начал бороться за первенство в упряжке. Дрался он отважно и побивал всех соперников одного за другим, а как-то вечером, во время раздачи пищи, схватился с самим черным вожаком (Котуко-мальчик следил, чтобы бой велся честно) и перевел его, так сказать, из первых скрипок во вторые. И тогда молодой пес был повышен в должности: он получил право бежать во главе упряжки, на пять футов впереди остальных собак; он обязан был бдительно следить за порядком и пресекать грызню и драки, а за это ему был пожалован персональный длинный ремень и толстый, тяжелый ошейник из витой медной проволоки. По особо торжественным дням его допускали в хижину и угощали вареным мясом, а иногда оставляли ночевать на нарах вместе с Котуко. Пес отлично выслеживал тюленей; он умел отрезать от стада такого крупного зверя, как мускусный бык, и держать его на месте, пока не подоспел охотник, забегая то с одной, то с другой стороны и покусывая быка за ноги. Более того, он показывал истинный верх доблести: шел один на один против самого злобного хищника снеговых просторов — поджарого полярного волка, перед которым трепещут все собаки Севера. Хозяин и пес — прочие ездовые собаки были им не компания и в расчет не брались — охотились вдвоем, изо дня в день, из ночи в ночь. Это была великолепная пара — коренастый мальчик, с головы до пят закутанный в меха, и свирепый, длинношерстный, узкоглазый, белозубый рыжий зверь.

Все дела мужчины-инуита сводятся к тому, чтобы обеспечивать пропитанием себя и свое семейство. Женщины шьют одежду из шкур и время от времени помогают ловить силками мелкую дичь, но основную еду — а едят инуиты чудовищно много — должны добывать мужчины. Если запасы пищи вдруг иссякнут, там, в ледяной пустыне, ни купить, ни занять, ни попросить не у кого. И тогда люди обречены на голодную смерть.

Но инуиты не думают о беде, пока она не постучится в дверь. И знакомое нам семейство — Кадлу, Котуко, Аморак и малыш, который барахтался в меховом капюшоне за спиной у матери и день-деньской жевал катышки из тюленьего жира, — жило дружно и счастливо, как любое другое семейство на свете. Природа наделила их спокойным, добрым нравом: инуит

редко выходит из себя и никогда не поднимет руку на ребенка; им не знакомы такие понятия, как ложь и воровство. Они довольствовались тем, что добывали себе хлеб насущный, вырывая его из нутра безнадежной, безжалостной стужи, улыбаясь благодушными маслеными улыбками, по вечерам рассказывали сказки о страшных, таинственных духах, наедались до отвала — и, проводя долгие дни у очага в жарко натопленной хижине за починкой одежды и охотничьей снасти, вполголоса тянули бесконечную песню: «*Амна айя, айя амна, ах! ах!*»

Но однажды настала страшная зима, когда все сразу обернулось против них. В тот год, после обычной летней ловли лосося, племя тунунирмиутов облюбовало себе стоянку к северу от острова Вайлот, и все принялись строить жилища, дожидаясь, когда море окончательно замрзнет и придет пора возобновить охоту на тюленя. Однако осень выдалась ранняя и непогожая. Весь сентябрь дули штормовые ветры; они взламывали новый, гладкий лед в тех местах, где он был не толще пяти футов, и гнали его на сушу, и вскоре к северу от поселка вырос гигантский барьер в добрых два десятка миль шириной — беспорядочное нагромождение торосов, ледяных глыб и острых, как иглы, обломков, пробраться через которое на санях было немыслимо. Вдобавок край большого льда, где зимой тюлени ловят рыбу, оказался еще миль на двадцать севернее этой ледяной преграды и был недостижим для охотников. Пожалуй, тунунирмиуты могли бы еще кое-как протянуть зиму, имея запас мороженой лососины и тюленьего жира и пробавляясь мелкой дичью, попадавшей в силки, если бы у них не появились нахлебники. В декабре один охотник набрел на незнакомый *тупик* — юрту из шкур, где лежали три полумертвые от голода женщины и девочка-подросток. Оказалось, что все они с самого дальнего Севера, что их мужчины приплыли сюда еще осенью в легких охотничьих лодках — каяках, и во время погони за длиннорогим нарвалом эти лодки затерло во льдах. Что оставалось Кадлу? Он мог только разместить женщин по домам своих соплеменников: ни один инуит не откажет чужаку в крове и пище, ибо знает, что в любой день и его может постигнуть беда. Аморак взяла к себе в помощницы девочку-северянку, которой на вид было лет четырнадцать. Покрой ее островерхого капюшона и ромбовидный узор, украшавший ее сапоги из белой оленьей кожи, выдавали в ней уроженку острова Элсмир. Она в жизни не видывала ни жестяных котлов для еды, ни саней на

деревянных полозьях. Но обоим Котуко — и мальчику, и псу — она пришлось по душе.

Постепенно все песцы ушли на юг, и даже росомаха — это тупомордое, злое, вороватое животное — не удостаивала вниманием ловушки, которые повсюду расставлял Котуко, потому что в них давно никто не попадался. Двое лучших охотников племени вышли из строя — они получили тяжелые увечья во время схватки с мускусным быком, и таким образом на плечи остальных легло еще больше работы. Каждый день Котуко запрягал в свои легкие нарты шесть-семь самых сильных собак и трогался в путь. Он до боли в глазах вглядывался в ледяные просторы, стараясь отыскать хоть кусочек ровного льда, где тюлень мог бы выскрести лунку. А Котуко-пес между тем рыскал по всей окрестности, и если ему случалось учуять тюленью лунку далеко, мили за три от места, где находился хозяин, то в мертвой зимней тишине Котуко-мальчик слышал сдавленное возбужденное повизгиванье так же отчетливо, как если бы пес был у него под боком. Добравшись до лунки, мальчик сооружал из снега временное укрытие, чтобы хоть сколько-нибудь защититься от лютого ветра, и просиживал там по десять, двенадцать, а то и двадцать часов, подстерегая момент, когда тюлень всплывет подышать, и не спуская глаз с особой метки, которую охотник всегда ставит у полыньи, чтобы верней метнуть гарпун. Под себя он подстилал тюленью шкуру, а ноги стягивал особой ременной перевязкой, которой, если вы помните, пугали Котуко старые охотники. Называется она *тута-реанг* и служит вот для чего: во время многочасового ожидания вы можете непроизвольно пошевелить или дернуть ногой, а тюлень необычайно чуток, и малейшего шороха достаточно, чтобы его спугнуть; перевязка же обеспечивает полную неподвижность. Хотя само по себе сидение в засаде вроде бы не требует особой отваги, вы, я думаю, поймете, почему инуиты считают, что сидеть по многу часов со связанными ногами на сорокаградусном морозе — это самый тяжелый труд, который выпадает им на долю. Когда тюлень бывал наконец убит, Котуко-пес стремглав неся к хозяину, волоча за собой постромку, и помогал перетащить тушу к саням, где лежали, спасаясь от ветра за ближайшим торосом, остальные собаки, измученные и голодные.

Одного тюленя хватало ненадолго — ведь ртов в поселке было много, а добыча делилась поровну, при том что в пищу шло решительно все, вплоть до жил, костей и кожи. Мясо,

запасенное для собак, съели люди, а на корм собакам Аморак пустила остатки шкур, которыми летом обтягивали юрты и которые на всякий случай хранились в хижине под нарами; и от такой еды собаки выли не переставая и даже ночью, проснувшись, поднимали вой. О том, что голод на пороге, можно было судить по огню в очагах. В хорошие времена, когда жира бывало вдоволь, маслянистое пламя в каменных корытцах горело весело и жарко, вздымаясь вверх чуть ли не на два фута. Теперь оно поднималось всего на каких-нибудь дюймов шесть: Аморак неусыпно следила за моховой светильней и приминала ее рукой, если огонь ненароком разгорался ярче, чем следует, а все семейство с тревогой наблюдало за ее движениями. Инуиты пуще смерти боятся темноты: их и так по полгода кряду окружает крошечный мрак, а когда свет начинает тускнеть в их жилищах, в их сердца вселяется страх и рассудок приходит в смятение.

Но худшее было еще впереди.

По вечерам голодные собаки в коридоре рычали и лязгали зубами, и, подползая к выходу, глядели на высокие холодные звезды, и с надеждой принюхивались к ветру. Когда они замолкали, воцарялась тишина, непроницаемая, плотная, как навалившийся на дверь снежный сугроб, — и люди начинали слышать, как пульсирует в их ушных перепонках кровь, и стук собственных сердец казался им таким же громким, как дробь шаманских барабанов, разносящаяся над снежной равниной. Однажды ночью Котуко-пес, который весь день в упряжке был необычайно угрюм, как-то странно подпрыгнул и ткнулся мордой в колени спящему Котуко. Мальчик потрепал пса по шее, но тот продолжал слепо тыкаться вперед, просительно виляя хвостом. Проснулся и Кадлу; он взял в ладони тяжелую косматую голову, похожую на волчью, и взглянул в остекленевшие глаза. Пес дрожал и поскуливал, словно от страха. Потом шерсть у него на загривке ошетинулась, он заворчал, как если бы почувал у дверей чужака, — и вдруг залился радостным лаем и стал кататься по полу, покусывая сапоги хозяина, будто несмысленный щенок.

— Что это с ним? — спросил Котуко, которому отчего-то сделалось не по себе.

— Это хворь, — ответил Кадлу. — Собачья хворь.

Котуко-пес задрал голову и жалобно завыл.

— Я такого никогда не видел. Что будет дальше? — сказал Котуко.

Калду слегка пожал плечами и пошел к тому месту, где лежало охотничье оружие. Но не успел он взять в руки короткий гарпун, как Котуко-пес, почуяв недоброе, с воем кинулся вон. Собаки в коридоре шарахнулись в стороны, давая ему дорогу. Выскочив наружу, пес яростно залаял, словно взял след крупного зверя, и, нелепо подпрыгивая на бегу, скрылся из виду. Он не заболел бешенством, которое иначе называется водобоязнью: он просто-напросто сошел с ума. Голод, стужа, а главное — мрак привели к тому, что пес потерял рассудок. Стоит захворать кому-то из упряжки — и болезнь начнет распространяться неудержимо, как лесной пожар. На другой день опасные признаки появились еще у одной собаки: она начала кусаться и биться в постромках, и Котуко тут же прикончил ее. Немного погодя большой черный пес, бывший вожак, вдруг залаял: ему почудилось, будто он напал на след оленя; но когда его отстегнули от главного ремня, он яростно кинулся на ближайший торос с намерением вцепиться ему в горло — и, по примеру молодого вожака, тоже удрал, унося на спине свою сбрую. После этого собак запрягать перестали. Собаки могли понадобиться для другого, и они это знали; и хотя хозяева держали их на привязи и кормили из рук, в собачьих глазах явно читались страх и отчаянье. К тому же старые женщины принялись пугать всех сказками о призраках и объявили, что им уже являлись духи охотников, погибших прошлой осенью, и что духи эти предрекали всевозможные беды и напасти.

Котуко больше всего страдал от потери любимой собаки, потому что инуиты, хотя едят они чудовищно много, умеют и подолгу голодать. Но нехватка пищи, темнота и постоянное пребывание на морозе подорвали силы мальчика: ему стали слышаться какие-то загадочные голоса и мерещиться люди, которых на самом деле не было. Как-то вечером, после бесплодного десятичасового сидения в засаде, Котуко выпутался из перевязки и, пошатываясь, побрел обратно к дому. Голова у него кружилась, и, боясь потерять сознание, он прислонился спиной к большому валуну. Камень чуть держался на остром ледяном выступе и, когда его зыбкое равновесие нарушилось, грохнулся вниз, так что мальчик едва успел отскочить, и с пронзительным скрежетом покатился по льду.

Этого было достаточно. Котуко с детства внушили веру в то, что в каждом камне — особенно большом — живет его хозяин, *инуа*, которого эскимосы представляют обычно в виде одноглазого женоподобного существа — *торнак*. Если такая *торнак* надумает помочь человеку, она покатит свой каменный дом ему вслед и спросит, согласен ли он на ее покровительство. (Летом, когда лед тает, крупные и мелкие валуны, лишившись опоры, срываются с места и перекатываются во всех направлениях — поэтому легко понять, откуда взялась легенда о «живых камнях».) В ушах у Котуко, как и весь предыдущий день, стучала кровь, а он решил, что слышит голос духа камня. Пока он добирался до дому, он окончательно уверился, что имел длинную беседу с *торнак*, а поскольку все его родичи допускали такую возможность, возражать ему никто не стал.

— Она мне сказала: «Я выйду, я выйду из каменного дома, я выйду на снег!» — кричал Котуко, подавшись вперед и обводя еле освещенную хижину запавшими глазами. — Она сказала: «Я поведу тебя». Она сказала: «Я покажу тебе хорошие тюленьи места». Завтра я отправляюсь. *Торнак* поведет меня.

Тут в хижину вошел *ангекок*, местный шаман, и Котуко еще раз рассказал все с самого начала — и от повторения его история только выиграла.

— *Торнайт* (духи камней) знают, куда вести. Иди за ними и добудь для нас еды, — решил шаман.

Девочка-северянка, которая жила в доме Кадлу, все последние дни лежала у очага. Она совсем мало ела, а говорила и того меньше. Но когда на другое утро родители снарядили для Котуко небольшие сани и погрузили в них его охотничью снасть, а в придачу столько мороженого мяса и жира, сколько могли уделить из своих скудных запасов, девочка вышла из хижины и храбро взялась за лямку саней.

— Твой дом — мой дом, — объявила она, шагая плечом к плечу с Котуко в непроглядной тьме полярной ночи, а сани на полозьях из моржовой кости скрипели и подпрыгивали позади.

— Мой дом — твой дом, — согласился Котуко, — но я думаю, что мы оба попадем к Седне.

Седна в инуитских поверьях — владычица преисподней; считается, что каждый человек после смерти ровно год обязан пробыть в ее страшном подземном царстве: только тогда он попадет в Квадлипармиут — Блаженный Край, где не бывает

морозов и где самые жирные олени прибегают к вам по первому зову.

Жители поселка кричали друг другу:

— Духи камней говорили с Котуко. Они покажут ему чистый лед. Он привезет нам большого тюленя!

Голоса еще долго раздавались им вслед, но мало-помалу затихли, и Котуко с северянкой остались одни в холодной темной пустоте. Они дружно тянули тяжелые сани или, напрягая все силы, перетаскивали их через бугры и впадины и шаг за шагом продвигались в сторону Северного Ледовитого океана. Котуко уверял, что его новообретенная покровительница, *торнак*, велела ему идти на север; туда они и шли, а путь им указывали звезды — Туктук-джунг, Созвездие Северных Оленей, то самое, что мы зовем Большой Медведицей.

Ни один европеец не смог бы проделать и пяти миль в сутки по этому скоплению глыб и острых, как нож, обледенелых сугробов; но Котуко и его спутница умели с поразительной точностью, одним движением руки, обвести сани вокруг тороса, одним рывком перенести их через трещину во льду и знали, как одним-двумя рассчитанными ударами копья проложить дорогу сквозь ледяной затор, если другого способа продвинуться вперед уже не оставалось.

Девочка шла молча, упрямо наклонив голову, так что росомашья шерсть, которой был оторочен капюшон, наполовину закрывала ее смуглое скуластое лицо. Небо над ними было как черный бархат, и только ближе к горизонту виднелись полосы багрянца — там светились, точно уличные фонари, большие звезды. Время от времени по высокому, пустому небосводу прокатывалась зеленоватая волна полярного сияния, вздуваясь и опадая, как флаг на ветру; или из темноты в темноту проносился одинокий метеор, оставляя за собою снопы огненных искр. В такие мгновения вздыбленная, изборожденная поверхность льда преображалась и расцветивалась самыми невероятными оттенками — красным, медно-желтым, голубым; но в остальное время, при свете одних только далеких звезд, все вокруг казалось сплошной окаменелой серой массой. Как вы помните, во время сентябрьских штормов лед у берега был весь разбит и искорежен, и теперь пейзаж напоминал застывшее землетрясение. Везде зияли выбоины, расщелины и даже целые провалы величиной с хороший каменный карьер; повсюду

громоздились исполинские торосы и глыбы помельче, примерзшие к некогда ровному ледяному полю; там и сям темнели вкрапления прошлогоднего льда, занесенного сюда осенней бурей; и на каждом шагу путников подстерегали то ледяные валуны, то острые, зазубренные гребни, то овраги, хотя и неглубокие — всего футов пять-шесть, — но зато невероятной протяженности, до трех и даже четырех десятков акров. Торосы попадались самой причудливой формы: иные на расстоянии легко было принять за тюленя, моржа, за перевернутые сани, или за кучку заблудившихся охотников, или, наконец, за наводящий ужас Дух Белого Медведя о десяти ногах; и чудилось, что все эти видения вот-вот оживут, — а между тем вокруг царило полное безмолвие: ни звука, ни намек на звук. И в этом безмолвии, в этом безлюдье, где только изредка вспыхивали сполохи, две жалкие людские фигурки, которые ползли вперед, таща за собою сани, казались частью кошмарного сна — так можно представить себе конец света на краю света.

Когда идти больше не было сил, Котуко складывал из обломков льда временное укрытие, куда дети забирались, свернувшись и прижавшись друг к другу, и пытались с помощью походного светильника разморозить себе по куску тюленьины. Подкрепившись и поспав, они опять пускались в путь и за сутки проделывали порою до тридцати миль, чтобы продвинуться к северу на каких-нибудь пять. Девочка почти все время молчала, а Котуко или что-то бормотал себе под нос, или вдруг затягивал песню — он много их выучил в Песенном Доме; правда, песни были по большей части совершенно неуместные — летние, те, что поются во время ловли лосося или охоты на оленя. Иногда ни с того ни с сего Котуко объявлял, что слышит голос *торнак*, которая им недовольна; и тогда он срывался с места, как бешеный взбегал на сугроб и начинал размахивать руками и что-то угрожающе выкрикивать. По правде говоря, Котуко был на грани умопомешательства, но северянка верила, что дух камня ведет его куда нужно и что в конце концов все будет хорошо. Поэтому она ничуть не удивилась, когда на исходе четвертых суток Котуко с горящими глазами сообщил ей, что *торнак* идет за ними по пятам в обличье двухголовой собаки. Девочка взглянула туда, куда указывал Котуко, и ей тоже показалось, будто среди торосов что-то промелькнуло и исчезло. Это таинственное Нечто не имело ни малейшего сход-

ства с человеком, но всем известно, что духи камней любят являться в образе какого-нибудь зверя — медведя, тюленя и так далее.

Они готовы были принять это Нечто за сам десятиногий Дух Белого Медведя — или за что угодно еще, потому что Котуко и девочка-северянка от голода совсем обессилели и полагаться на свое зрение уже не могли. С тех пор как они покинули поселок, им не удалось не то что поймать, но хотя бы заметить хоть какую-нибудь дичь: вся полярная живность словно вымерла. Еда подходила к концу — се вряд ли можно было растянуть хотя бы на неделю, и вдобавок надвигался шторм. Шторм за Полярным кругом порой свирепствует по десять дней кряду, и оказаться в это время без крова равносильно смерти. Поэтому Котуко решил соорудить хижину побольше — такую, чтобы туда поместились и сани, ибо опытный охотник не оставит припасы без присмотра; и когда он уже заканчивал крышу, обтесывая последний кусок льда, он увидел на снежной гряде в полумиле от них таинственное Нечто. День был туманный, очертания всех предметов дрожали и расплывались в воздухе, и на этот раз Нечто показалось огромным — футов сорок в длину, десять в высоту, да еще с длиннющим хвостом. Северянка тоже увидела это чудовище, но не вскрикнула и даже не ахнула, а только тихо сказала:

— Это Квикверн. Что теперь будет?

— Он будет со мной говорить, — ответил Котуко, но при этом нож у него в руке дрогнул, поскольку каждый разумный инуит, даже если он твердо уверен, что духи к нему благосклонны, предпочитает не проверять это на практике. Что такое Квикверн, он знал. Так зовется призрак исполинского пса без зубов и без шерсти, который, согласно поверью, живет на самом краю Севера и является людям в преддверии важных событий. Он может показаться и к добру, и не к добру, но даже шаманы опасаются упоминать его имя. На собак он насылает безумие. И у него, как и у Духа Белого Медведя, гораздо больше ног, чем у обычных зверей, — то ли шесть, то ли восемь пар лишних; а существо, которое маячило в тумане, было, несомненно, многоногое.

Котуко и девочка поспешно укрылись в хижине. Разумеется, если бы Квикверн пожелал до них добраться, он в два счета разметал бы ее во все стороны, но сознание, что между ними и

зловещей тьмой стена из льда и снега, все же действовало успокаивающе. Скоро разразился шторм: он налетел с оглушительным свистом, похожим на свисток паровоза. Три дня и три ночи ветер дул в одном и том же направлении, не ослабевая ни на минуту. Дети сидели скорчившись друг против друга, придерживая коленями светильник, и медленно жевали крохи полутоттавшего мяса, и машинально следили за слоем сажи, который все рос и рос на потолке. Девочка еще раз проверила съестные припасы — их оставалось не больше чем на два дня, а Котуко от нечего делать принялся осматривать свое охотничье снаряжение — гарпун с железным наконечником и тросом из оленьих жил, нож, которым свежуют тюленей, дротик для охоты на птицу...

— Мы скоро пойдем к Седне — очень скоро, — прошептала северянка. — Через три дня мы ляжем и умрем. Где же твоя *торнак*? Спой ей шаманскую песню, пусть придет и поможет нам.

И Котуко запел; он запел пронзительную песнь-заклинание, и — удивительное дело! — шторм начал понемногу стихать. Он еще шел, когда девочка вздрогнула и приложила к ледяному полу руку в рукавице, а потом приникла к нему ухом. Котуко тотчас последовал ее примеру; оба замерли, стоя на коленях и не сводя друг с друга глаз, и вслушивались каждым своим нервом. Потом мальчик взял лежавший на санях силок для птиц и отломил от обруча, сделанного из китового уса, тоненькую пластинку. Он распрямил ее, разгладил, вставил торчком в ямку в полу и слегка прижал рукавицей. Получился закрепленный снизу подвижный стерженек, чувствительный, как стрелка компаса, и теперь все внимание сосредоточилось на нем. Сначала стерженек едва заметно дрогнул, потом заколебался сильнее, через несколько секунд замер — и стал вибрировать опять, на этот раз отклоняясь в другую сторону.

— Слишком рано! — сказал Котуко. — Просто где-то далеко оторвалась большая льдина.

Но северянка показала на стерженек и покачала головой:

— Нет, это пошел большой лед. Послушай, что там внизу.

Они снова припали к полу — и теперь услышали самые странные и невероятные звуки. Казалось, будто прямо у них под ногами кто-то ворчит и стучит; по временам что-то повизгивало, как слепой новорожденный шенок, которого держат в мешке над очагом, или скрежетало, точно по льду ворочали камень, а

то вдруг слышался грохот, похожий на барабанный бой. Но все эти звуки были как бы сглажены и приглушены, словно сигнал охотничьего рога, трубящего где-то вдали.

— Нам не уйти к Седне лежа, — сказал Котук. — Ты права, пошел большой лед. *Торнак* обманула нас. Теперь мы погибнем.

Непосвященному это может показаться нелепым, но нашим путешественникам и в самом деле грозила серьезная опасность. Дувший трое суток подряд штормовой ветер привел в движение глубинные воды Баффинова моря и погнал их на юг, и вода обрушилась на ледяной покров к западу от острова Байлот. Одновременно сильное морское течение, которое проходит восточнее пролива Ланкастер, принесло с собой массы дрейфующего льда — гигантских несмерзающихся ледяных гор. И теперь эти плавающие громады бомбардировали большой лед, затопленный и уже частично подмытый штормовыми волнами. Шло настоящее ледовое побоище, и хотя оно происходило далеко — милях в тридцати — сорока от стоянки, — дети расслышали его отголоски, и стерженок из китового уса тоже уловил это грозной борьбы стихий.

У инуитов есть поговорка: когда лед просыпается от долгой зимней спячки, то невозможно предвидеть, что произойдет, — и это верно: ведь коварные полярные льды меняют форму почти так же быстро, как облака на небе. Шторм, который застиг наших путников, был скорее всего весенний шторм, налетевший раньше, чем положено, и тут можно было ждать чего угодно.

И тем не менее у обоих отлегло от сердца. Если большой лед вскроется, то по крайней мере придет конец мучительному ожиданию. К тому же известно, что во время ломки льда ведьмы, снеговые и прочие духи собираются вместе и есть надежда отправиться к Седне в весьма интересной компании — а это чего-нибудь да стоит! Когда буря совсем утихла и дети выбрались наружу, лед кругом уже трещал и стонал, а гул на горизонте нарастал с каждой минутой.

— Смотри-ка, оно все ждет, — сказал Котуко.

И правда: на вершине тороса не то стояло, не то сидело восьминогое Нечто, перепугавшее их три дня назад, и выло жутким голосом.

— Пойдем за ним, — сказала девочка. — Вдруг оно знает какой-нибудь путь, который уведет нас от Седны. — Но, взявшись за лямку саней, она зашаталась от слабости.

Нечто заковыляло вперед, неуклюже переваливая через ледяные гребни и держа путь к юго-западу, в сторону суши; дети с санями двинулись за ним, а отдаленный гул тем временем становился все явственней. Весь край большого льда на границе моря и суши — полоса шириною не меньше трех миль — пришел в движение. Лед ломался и трескался во всех направлениях, и огромные, десятифутовой толщины льдины, площадью до двух десятков акров, сталкивались и громоздились друг на друга, напирая на еще целое ледяное поле; а разбушевавшееся море бросало, кромсало, сотрясало их и вскипало пеной между ними. Эти льдины-тараны составляли, так сказать, передовой отряд, посланный в атаку на большой лед. Производимый ими шум и грохот почти заглушал душераздирающий скрежет обломков, которые море отрывало от массива плавучего льда и загоняло под край ледяного поля — так наспех подсовывают под салфетку игральные карты. Там, где глубина не превышала полусотни футов, льдины скапливались, налезая одна на другую, пока самая нижняя не поднималась со дна тучи взбаламученного ила; на какое-то время волны пасовали перед этой преградой из ледяного крошева, перемешанного с донным грунтом, но скоро новый напор гнал всю массу вперед. Между тем штормовой ветер и морские течения бесперебойно доставляли подкрепление — айсберги, дрейфующие ледяные горы, плывшие от самой Гренландии или от северного берега залива Мелвилл. Окаймленные белой пеной, они приближались величаво и неспешно, словно старинная флотилия на всех парусах. Иной айсберг, на вид способный сокрушить целый мир, мог угодить на мель, перевернуться и намертво застрять на полдороге, весь в пене, в иле, в тучах мерзлых брызг, в то время как другой, куда менее внушительных размеров, мог храбро протаранить ледяное поле и, расшвыривая по сторонам тонны обломков, пропахать борозду в добрую милю длиной. Одни обрушивались на лед, как меч, высекая в нем глубокие каналы; другие взрывались градом осколков, весом в десятки тонн каждый, которые еще долго катились и крутились между торосами. А третьи, попав на мелководье, вставали во весь рост, с тем чтобы тут же, содрогнувшись, как от боли, рухнуть набок и отдаться на милость волнам. На всем обозримом пространстве вдоль северного края ледяного поля шло это безудержное перемещение, сцепление, расщепление, кружение и крушение льда, принимавшего самые невообразимые формы, так что картина получалась совершенно

фантастическая. С того места, где находились Котуко и девочка, они могли различить только слабое подрагиванье, едва заметную рябь на горизонте; но с каждой секундой рябь становилась отчетливей, а впереди они слышали глухие раскаты, похожие на грохот канонады, доносящийся издалека, сквозь туман. Судя по звукам, ледовое побоище докатилось уже до черных утесов на побережье острова Байлот, к югу от них.

— Такого никогда раньше не было; — в тупом недоумении повторял Котуко. — Еще не время. Почему лед ломается сейчас?

— Иди за ним! — крикнула ему северянка, указывая вперед, где по-прежнему маячило Нечто; теперь оно передвигалось как-то странно — не то бегом, не то ползком, хромая на все ноги сразу. Дети брели следом, волоча сани и слыша все ближе и ближе победный гром ледового шествия. И вот уже совсем рядом появились и поползли во все стороны паукообразные трещины с зубренными, острыми краями; они зияли, словно кровожадные волчьи пасти. Но там, где поджидало их Нечто — на невысоком холме или даже скорее груде обломков прошлогоднего льда, — никакого движения не было. Котуко схватил девочку за руку и рванулся вперед; остаток пути они одолели из последних сил. Грохот льда вокруг нарастал, но холм стоял неколебимо; и когда девочка вопросительно взглянула на Котуко, он выставил вперед и вверх правый локоть — таким жестом инуиты обозначают твердую землю, остров. И верно: хромое восьминогое Нечто вывело их на остров — крохотный гранитный островок, который летом можно было распознать по прибрежной песчаной полосе, но который сейчас был весь окутан, скован и замаскирован льдом и на глаз неотличим от окружающего. И все-таки под ногами у них была настоящая надежная земля, а не предательский лед! Островок стойко выдерживал ледовый штурм: льдины помельче разбивались вдребезги о его крутые бока, а спасительная отмель у северного берега, которая вдавалась в море, отражала атаки самых крупных льдин, отбрасывая их в сторону — совершенно так же, как лемех плуга отбрасывает пласт вспаханной земли. Разумеется, существовала опасность, что какая-нибудь зажатая со всех сторон ледяная глыба может взметнуться вверх и снести вершину островка, но об этом наши путники не думали: они поскорей соорудили себе хижину и под треск и скрежет льдов, наседавших на остров, принялись за еду. Загадочное Нечто куда-то

делось, и Котуко, примостившись у светильника на корточках, снова расхвастался и пустился рассказывать о своей чудодейственной власти над духами. Но едва он вошел во вкус, как девочка вдруг засмеялась и стала раскачиваться взад и вперед.

За спиной у Котуко, у входа, появились две головы — одна черная, другая рыжая, а потом внутрь потихоньку вползли на брюхе и сами собаки — и таких виноватых и сконфуженных собак вы, ручаюсь, никогда не видели. Оба пса — Котуко и черный вожак — окрепли, отъелись и имели вполне благополучный вид, но при этом были соединены друг с другом самым удивительным манером. Когда черный вожак убежал, на нем, как вы помните, была надета сбруя. Вероятно, он и его бывший соперник где-то встретились, и во время игры или потасовки плечевая лямка одного зацепилась за проволочный медный ошейник другого, да так крепко, что ни один из псов не мог достать зубами до ремня, чтоб перегрызть его, — и они оказались неразрывно привязаны друг к другу. Это обстоятельство и редкая возможность поохотиться вволю для собственного пропитания помогли им полностью излечиться от безумия. Оба были теперь здоровехоньки.

Северянка подтолкнула к Котуко собак, на мордах которых явственно читался стыд, и проговорила, всхлипывая от смеха:

— Вот он — Квикверн, который вывел нас на твердую землю! Смотри: у него восемь ног и две головы!

Котуко перерезал ремень, и собаки, черная и рыжая, разом кинулись к нему на грудь, не помня себя от радости; наверное, они хотели на свой лад рассказать про все, что с ними было. Котуко провел рукой по их округлившимся, гладким бокам и удовлетворенно заключил:

— Они нашли еду. Мы теперь не скоро попадем к Седне. Моя *торнак* привела их к нам. Хворь покинула их.

Покончив с изъявлениями чувств, псы, которые вынуждены были много недель подряд и спать, и есть, и охотиться вместе, немедленно вцепились друг другу в горло, и в хижине разыгралась отменная драка.

— Голодные собаки не дерутся, — заметил Котуко. — Они нашли тюленей. Теперь пора спать. Завтра будет еда.

Проснувшись, дети обнаружили, что море к северу от островка почти очистилось, а весь лед унесло южнее, в сторону суши. Для инуита нету музыки слаще, чем первый шум при-

боя: он возвещает приближение весны. Котуко и девочка взялись за руки и засмеялись: свободный, ровный рев прибоя среди льдов вызвал в их памяти ловлю лосося, охоту на оленей, запах цветущих карликовых ив... Мороз был еще так силен, что у них на глазах море стало затягиваться ледяной коркой, но зато на небе — пусть всего на несколько минут — появилось широкое красное зарево. Это был отсвет невидимого солнца, которое до поры до времени прячется за горизонтом: оно еще не проснулось, а только как бы зсвает во сне, — но для людей это верный знак, что год повернул на лето. А уж если повернул, то обратного хода нет.

Обоих псов Котуко застал за очередной потасовкой: они дрались из-за добычи — только что пойманного тюленя. Он приплыл к острову за рыбой, которую пригнал туда шторм, и оказался первым из двух с лишним десятков тюленей, которых Котуко посчастливилось добыть в тот день. Пока море совсем не замерзло, кругом кишели сотни черных тюленьих голов; животные резвились на мелководье и плавали между льдин.

Как хорошо было досыта наесться свежей тюленьей печенки, и до красн наполнить плошку жиром, и смотреть, как весело и высоко горит огонь! Но как только новый лед окреп, Котуко и северянка поспешили нагрузить сани, впрягли собак и погнали их так, как не гнали еще никогда в жизни: страшно было подумать о том, что могло за это время случиться дома. Стужа стояла по-прежнему лютая, но везти сани, груженные едой, куда легче, чем охотиться на пустой желудок. На острове, заваленные льдом, остались двадцать пять освеженных тюленьих туш, и теперь надо было поскорей доставить эту добрую весть в поселок. Котуко объяснил псам, что от них требуется, и дальше они уже отыскивали дорогу сами, по каким-то одним им ведомым признакам. Через двое суток они дружным лаем возвестили о своем прибытии. Из всех собак поселка отозвались только три — остальных съели, и в жилищах было почти темно. Но когда Котуко во всю глотку крикнул: «*Ойо!* (Мясо!)», ему в ответ послышались слабые голоса, а когда он сделал поименную переключку, то все жители, по счастью, оказались налицо.

Спустя час очаги в доме у Кадлу горели ярким пламенем, в одном котле закипала вода, в другом варилось мясо, и от тепла даже стала подтаивать снежная крыша. Аморак приготовила пир для всего племени; и пока ее младший сынишка в полном бла-

женстве грыз ломоть зернистого тюленьего сала, а собравшиеся в хижине мужчины-охотники медленно и методично набивали животы невероятным количеством мяса, Котуко и северянка рассказывали о своих приключениях. Обе собаки сидели тут же и, услышав свое имя, моментально настораживали ухо; и вид у них при этом был довольно сконфуженный. Теперь за них бояться было нечего: инуиты знают, что если собака переболела и поправилась, то собачья хворь ей больше не грозит.

— И *торнак* не бросила нас, — говорил Котуко. — Она послала бурю; лед разломался, и море пригнало рыбу, а за рыбой пришли тюлени. До тюленьих мест теперь два дня пути. Пусть лучшие охотники пойдут туда завтра и привезут моих тюленей. Их ровно двадцать пять. Я их убил и спрятал в лед на берегу. Когда мы съедем их всех, мы опять пойдем охотиться на большой лед.

— А ты — что ты будешь делать? — спросил у Котуко шаман-*ангекок* — и спросил таким почтительным голосом, каким он обращался только к Кадлу, самому богатому из племени.

Котуко посмотрел на северянку и невозмутимо сказал:

— Мы будем строить дом.

И он показал рукою на северо-запад от родительской хижины, потому что именно там полагается ставить жилище женатому сыну или замужней дочери.

Но северянка повернула руки ладонями вверх и удрученно покачала головой. Ведь она была нездешняя, ее подобрали из жалости, и ей нечего было принести в дом.

Тогда Аморак поспешно встала с места и начала кидать в колени девочке всякую всячину — каменные плоски-светильники, железные скребки, жестяные котелки, оленьи коврики, расшитые зубами мускусного быка, и даже настоящие стальные иголки, какими матросы шьют парусину, — в общем, отличнейшее приданое, лучшее, какого можно пожелать на краю Полярного круга; и невеста в смущении все ниже и ниже опускала голову.

— Их тоже возьми! — сказал Котуко смеясь и подал знак собакам, которые ткнулись ей в лицо холодными носами.

— Так, — произнес *ангекок*, многозначительно откашлявшись и давая понять, что наконец он все обдумал и может подвести итог. — Когда Котуко покинул нас, я пошел в *квэгги* — Песенный Дом — и стал творить заклинания. Я колдовал много ночей и призывал на помощь Дух Оленя. Это я своим колдовством разбу-

дил бурю, а буря разбила лед. Это мое колдовство привело к Котуко собак, когда лед чуть не сокрушил ему кости. Мое пеньё приманило к нему тюленей. Тело мое было в Песенном Доме, но мой дух был там, среди льдов, и направлял Котуко и собак на верный путь. Все это сделал я.

Все наелись до отвала, всех клонило ко сну, и потому никто не стал с ним спорить; и тогда шаман взял себе еще кусок мяса и улегся спать вместе со всеми в жарко натопленном, ярко освещенном, насквозь пропахшем жиром снежном доме.

А дальше было вот что: Котуко, который, как и многие эскимосы, отлично умел рисовать, изобразил все свои приключения на пластинке из моржовой кости с дырочкой на конце. Когда Котуко с молодой женой отправился к ней на родину, на остров Элсмир (это было в год Чудесной Теплой Зимы), он оставил пластинку отцу, а тот потерял ее среди гальки, когда летом сломал свои нарты на берегу озера Нетгиллинг, в Никосиринге; там почти через год ее нашел один озерный инуит и продал в Имигене человеку, служившему толмачом на китобойном судне, которое промышляло в заливе Камберленд, а тот, в свою очередь, сбыл ее Хансу Ольсену, который позднее нанялся квартирмейстером на большой пароход, возивший туристов из Канады в Норвегию. Когда туристский сезон закончился, пароход стал курсировать между Лондоном и Австралией, с заходом на Цейлон, и там Ольсен продал кость местному ювелиру, получив за нее два поддельных сапфира (но он-то думал, что они настоящие!). Я же обнаружил эту историю в картинках в куче мусора у дома в городе Колombo — и перевел ее с начала до конца.

Ангутиваун Таина

Вот весьма приблизительный перевод песни, которую пели мужчины, возвращаясь домой после удачной охоты. В инуитских песнях по многу раз повторяются одни и те же слова.

Рукавицы у нас в замерзшей крови —
Есть и людям, и псам еда!
Мы с тюленем, с тюленем спешим домой
Из-за края Большого Льда.

© Перевод. И. Комарова, 2004.

к другому, один или со своими четырьмя товарищами, могло бы составить много-много рассказов, таких же длинных, как этот. Так я не буду вам рассказывать о его встрече с бешеным слоном из Мандли, который убил двадцать два буйвола, везших одиннадцать телег чеканного серебра в государственную казну, и разбросал в пыли блестящие рупии; не буду рассказывать, как он дрался целую длинную ночь с Джакалой, Крокодилом, среди северных болот; как он сломал свой нож о спинные чешуи животного; как он нашел нож, еще лучше и длиннее старого, на шее человека, убитого диким кабаном; как он выследил этого кабана и как он убил его вместо выкупа за нож; как во время большого голода он попал в поток олсней и едва не был затоптан насмерть разгоряченными бегущими стадами; как он спас Хатхи, Молчальника, от ямы с колом посредине и как на следующий день он сам попал в хитро устроенную ловушку для леопарда; как Хатхи разломал тяжелые деревянные балки над его головой; как он доил диких буйволиц на болоте; как...

Но обо всем по очереди.

Волк-Отец и Волчица-Мать умерли. Маугли привалил большой камень к отверстию пещеры и спел над ними Песню Смерти; Балу состарился и стал неповоротлив; и даже Багира, с ее стальными нервами и железными мускулами, стала не так проворна на охоте.

Акела от старости из серого стал молочно-белым; ребра его выдавались, он ходил как деревянный, и Маугли охотился для него.

Но молодые волки, дети разбредшейся Стаи Сиони, росли и крепили; и когда их стало сорок сильных, быстроногих пятилеток, не имеющих вождя, Акела сказал им, что они должны собраться в Стаю и, согласно Закону, повиноваться одному вождю, как подобает Свободному Народу.

Маугли не принимал в этом никакого участия. Как он выразился, он едал кислые плоды и хорошо знал дерево, с которого их собирают. Но когда Пхао, сын Пхаона (его отец был Серым Следопытом в дни предводительства Акелы), пробил себе дорогу к месту Вождя Стаи, согласно Закону Джунглей, когда вновь раздалась старые возгласы и старые песни при свете звезд, Маугли по старой памяти пришел к Скале Совета.

Когда он начал говорить, Стая ждала, когда он кончит, и он сидел на Скале рядом с Акелой выше Пхао.

То были дни прекрасной охоты и сладкого сна. Ни один чужеземец не смел зайти в Джунгли, принадлежащие Народу Маугли, как называли Стаю, и молодые волки росли и толстели и приводили много детенышей на смотр.

Маугли всегда присутствовал на смотре, потому что он помнил ночь, когда черная пантера выкупила голого смуглого детеныша у Стаи, и протяжный возглас: «Смотрите, смотрите, о волки!» — наполнял его сердце странными ощущениями. Остальное время он бродил по Джунглям, пробуя, ощупывая, осматривая все.

Были сумерки, и Маугли не спеша шел по Джунглям, чтобы отдать Акеле половину убитого им оленя; его четыре волка трусили за ним, шутя боролись, бросались друг на друга, упиваясь радостью жизни. Вдруг Маугли услышал крик, которого ни разу не слышал со времени Шер-Хана. Это было то, что в Джунглях зовется *пхайль*, отвратительный крик шакала, охотящегося следом за тигром или наблюдающего, как убивают какую-нибудь особенно крупную добычу. Представьте себе смесь ненависти, торжества, страха и отчаяния, и вы составите себе некоторое понятие о *пхайле*, который доносился, то затихая, то усиливаясь, звенел и дрожал далеко-далеко за Вайнгангой.

Четверка ошетилилась и заворчала. Рука Маугли схватилась за нож, и он замер, словно окаменев на месте.

— Ни один полосатый не осмелится охотиться здесь, — сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника, — молвил Серый Брат. — Это какая-то большая охота. Слушай.

Крик снова раздался, полурыдающий, полусмеющийся, словно у шакала были мягкие человеческие губы.

Маугли глубоко вздохнул и побежал к Скале Совета, обгоняя спешивших волков. Пхао и Акела были уже на Скале, а под ними, напрягши все нервы, сидели остальные. Матери с детенышами ушли в свои логовища, потому что, когда раздастся *пхайль*, слабым существам не годится быть вне дома.

Они не могли ничего расслышать, кроме шума Вайнганги в темноте и вечернего ветра в вершинах деревьев. Вдруг по ту сторону реки раздался вой волка. Это не был волк из Стаи, потому что они все были на Скале. Вой перешел в долгий, отчаянный лай.

— *Дхоли*, — говорил он, — *Дхоли*, *Дхоли*, *Дхоли*.

Через несколько минут они услышали, как чьи-то ноги шли по Скале, и костлявый мокрый волк с окровавленными боками, с искалеченной передней ногой, с пеной у рта бросился в круг и повалился, задыхаясь, к ногам Маугли.

— Доброй охоты. Кто твой вождь? — спросил важно Пхао.

— Доброй охоты. Я *Уонтолла*, — раздалось в ответ.

Он хотел сказать, что он волк-одиночка, охотящийся для себя и оставивший жену с детенышами в какой-нибудь уединенной пещере. «Уонтолла» значит «отщепенец», «отделившийся от стаи». И пока он задыхался, они видели, как бьется его сердце.

— Кто идет? — спросил Пхао, потому что такой вопрос задают всем в Джунглях после *пхайля*.

— Дхоли, Дхоли из Декана, рыжие собаки-убийцы. Они идут с юга на север, говоря, что Декан опустел, и убивают все на своем пути. Когда месяц был молодой, у меня было четверо — жена и трое детенышей. Она научила бы их охотиться в лугах, прятаться, выслеживать оленя, как делаем мы, живущие в долинах. На заре я нашел их всех четырех окоченевшими в траве. Свободный Народ, четверо было у меня, когда месяц был молодой. Я подумал о кровной мести, и я нашел Дхолой.

— Сколько? — спросил Маугли, а вся Стая глухо зарычала.

— Не знаю. Трое из них больше не будут охотиться, но потом они гнали меня, как оленя; на трех ногах гнали они меня. Смотри, Свободный Народ.

Он вытянул свою изуродованную ногу, почерневшую от засохшей крови. Жестокие укусы были у него на боках, горло было разорвано и истерзано.

— Ешь, — сказал Акела, отходя от мяса, которое ему принес Маугли.

Голодный Уонтолла набросился на мясо.

— За мной не пропадет, — сказал он скромно, утолив несколько свой голод. — Дай мне немножко окрепнуть, Свободный Народ, и я тоже буду охотиться. Моя берлога пуста, а она была полна при молодом месяце, а кровный долг еще не уплачен...

Пхао, услышав, как кости хрустят у него под зубами, одобрительно заворчал.

— Нам пригодятся эти челюсти, — сказал он. — Дхоли идут с детенышами?

— Нет, нет. Все рыжие охотники, взрослые собаки из их стаи, большие и сильные.

Это значило, что Дхоли, большие, рыжие дикie собаки из Декана, пришли драться; а волки знали, что даже тигр уступает добычу Дхолю. Они мчатся прямо по Джунглям, сбивая с ног и растерывая на куски все, что попадется им по пути. Хотя они не так велики и умны, как волки, но они очень сильны и многочисленны. Вообще Дхоли только тогда называются стаей, когда их соберется по крайней мере сотня, в то время как сорок волков считается уже хорошей стаей.

Во время своих странствований Маугли доходил до высоких тран Декана и часто видел, как смелые, бесстрашные Дхоли спали, играли, чесались среди овражков и кустарников, которые им служат логовищем. Он ненавидел и презирал их, потому что они пахли не так, как Свободный Народ, потому что они не жили в пещерах, а особенно потому, что у них росла шерсть между пальцами, в то время как у него и его друзей пальцы были голые. Но он знал со слов Хатхи, как ужасна охотящаяся стая Дхолей. Даже сам Хатхи уходит с их дороги, потому что, пока они живы, пока много дичи, они идут, убивая все на своем пути.

Акела знал кое-что о Дхолях и спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть со Стаей, чем одному, без вождя. Это будет хорошая охота, и моя последняя. Но люди живут долго, и у тебя еще много ночей и дней впереди, Маленький Брат. Иди на север. Если кто-нибудь из волков останется в живых после битвы, они принесут тебе весть о ней.

— А? — строго сказал Маугли. — Может быть, мне идти в болота ловить мелкую рыбешку и спать в деревне, или мне попросить помощи у Бандар-логов и грызть орехи, пока Стая будет сражаться?

— Но ведь здесь смерть! — сказал Акела. — Ты никогда не сталкивался с Дхолом, с рыжим убийцей. Даже Полосатый...

— Аоа, аоа, — презрительно проговорил Маугли. — Я убил уже одну полосатую обезьяну. Слушайте: Волк был моим отцом, Волчица была моей матерью, и был старый серый Волк (не особенно мудрый, он побелел теперь), который был мне и отцом, и матерью. И вот я, — он возвысил голос, — я говорю, когда придут Дхоли, Маугли и Свободный Народ будут заодно в этой охоте. И я клянусь быком, выкупившим меня, быком, которого Багира внесла за меня в старые времена, которых вы, Стая, не помните. Я говорю: пусть слышат деревья и реки,

пусть они помнят, если я забуду. Я говорю, что мой нож будет зубом для Стаи, а я не думаю, чтоб он был очень туп. Вот слово, которое сказал я.

— Не знаешь ты Дхолей, человек с волчьим языком, — кричал Уонтолла. — Я хочу только заплатить мой кровный долг, прежде чем они разорвут меня в клочки. Они двигаются медленно, убивая все по пути. Через два дня силы вернутся ко мне, и я пойду платить свой кровный долг. Но вам, Свободный Народ, мой совет идти на север и поменьше есть, пока Дхоли не ушли. Не время спать в такую охоту.

— Слушайте отщепенца, — крикнул, смеясь, Маугли. — Свободный Народ, мы должны идти на север и есть ящериц и крыс по берегам, чтобы не встретиться с Дхолями. Они будут охотиться на наших землях, а мы будем лежать, спрятавшись на севере, пока им не заблагорассудится вернуть нам наши земли. Они собаки, щенки, рыжие, желтобрюхие, бездомные, с волосами между пальцами. У них бывает по шесть — восемь детенышей сразу, как у Чикаи, у маленькой прыгающей крысы. Конечно, мы должны бежать от них, Свободный Народ, и просить у народов Севера разрешения питаться падалью. Вы знаете поговорку: «На севере черви, на юге вши». А мы — Джунгли. Выбирайте же, выбирайте. Это хорошая охота. Для Стаи, для всей Стаи, для берлоги и детенышей, для волков в Стае и отщепенцев, для жены, гонящей оленя, для маленьких-маленьких детенышей в пещере, для всех будет мясо, мясо, мясо.

Стая ответила ему дружным, низким, громким лаем, который разнесся среди ночи, как грохот падающего дерева.

— Мясо! — кричали они.

— Оставайтесь с ними, — сказал Маугли четверке. — Нам понадобится каждый зуб. Пхао и Акела должны все приготовить к битве. Я пойду считать собак.

— Это смерть, — кричал, привстав, Уонтолла. — Что может сделать этот Бесшерстый против рыжих собак? Помните, даже полосатый...

— Ты в самом деле отщепенец, — крикнул ему Маугли. — Но мы поговорим с тобою, когда Дхоли подохнут. Доброй охоты!

Он бежал в темноте, от волнения едва замечая, куда он ставит ногу; и поэтому вполне естественно, что он растянулся во всю длину, налетев на громадные кольца Каа, в то время как питон лежал, поджидая оленя, около реки.

— К-ш-ш-ша! — сказал сердито Каа. — Разве достойно Джунглей топтаться и бегать во время ночной охоты, когда дичь так хорошо подходит?

— Виноват, — сказал Маугли, вставая. — Я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз, как мы встречаемся, ты делаешься все толще и длиннее на целую мою руку. Нет никого равного тебе в Джунглях, ты самый мудрый, самый старый, самый сильный, самый прекрасный из всех, Каа.

— Но к чему же, собственно, ведет *этот* след? — Голос Каа стал любезнее. — Луну тому назад здесь был человек с ножом, который бросал камни мне в голову и называл меня гадкой лесной кошкой только за то, что я спал на открытом месте.

— Да, и разгонял всех оленей на все четыре стороны, когда Маугли охотился. А этот Плоскоголовый совсем оглох, и не слышал свиста, и пропускал всех оленей, — отвечал Маугли, степенно усаживаясь среди пестрых колец.

— Теперь тот же самый человек приходит со сладкими, ласковыми словами к тому же самому Плоскоголовому и говорит ему, что он самый мудрый, сильный и прекрасный, и этот самый Плоскоголовый верит и устраивает местечко вот для этого самого, бросающего камни, человечка; что ж, удобно тебе? Могла бы Багира дать тебе такое хорошее место для отдыха?

Каа, как всегда, сделал из себя нечто вроде мягкого гамака для Маугли. Мальчик начал двигаться в темноте, обхватил гибкую, как канат, шею Каа, пока голова питона не очутилась у него на плече; потом он рассказал ему все, что произошло в Джунглях в эту ночь.

— Может быть, я и мудр, — сказал наконец Каа, — но что глух — это несомненно. Иначе я бы услышал *пхайль*. Немудрено, что все травоядные встревожились. Сколько Дхолей?

— Я еще не видел. Я бегом пустился к тебе. Ты старше Хатхи, но ведь, Каа, — Маугли завертелся от радости, — это будет хорошая охота. Немногие из нас увидят следующую луну.

— Разве *ты* принимаешь в этом участие? Помни, что ты — человек, и помни, что Стая изгнала тебя. Пусть волки встретят собак. *Ты* — человек.

— Прошлогодние орехи стали черной землей в этом году, — сказал Маугли. — Правда, что я человек, но в сердце моем в эту ночь я сказал себе, что я — волк. Я призывал в свидетели реки и

деревья. Я из Свободного Народа, Каа, пока Дхоли не уйдут отсюда.

— Свободный Народ, — проворчал Каа. — Свободные воры! И ты впутался в этот мертвый узел в память умерших волков. Это недобрая охота.

— Так я сказал. Деревья знают, река знает. Пока Дхоли здесь, мое слово не вернется ко мне.

— Нг-ш-ш! Это мняет все. Я хотел взять тебя с собой в северные болота, но слово, даже слово маленького голого человечка, все же слово. Теперь я, Каа, говорю...

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, прежде чем ты впутаешься в этот мертвый узел. Мне не нужно твоего слова, потому что я знаю...

— Пусть будет так, — сказал Каа. — Я не дам слова, но что ты решил делать, когда придут Дхоли?

— Они должны переплыть Вайнгангу, и я встречу их с ножом у мелководья, со Стасей за спиной; и там, разя и тесня, мы повернем их по течению или остудим немного их глотки.

— Дхолей повернуть нельзя, и глотки их горячи, — сказал Каа. — От человека и от волчонка останутся после этой охоты только одни кости.

— Аллала. Если мы умрем, так умрем. Все-таки будет славная охота. Но я молод и видел мало дождей. Я не мудр и не силен. Может быть, у тебя есть лучший план, Каа?

— Я видел сотни и сотни дождей. Прежде чем у Хатхи выросли молочные клыки, мой след был уже велик на земле. Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев и видел все, что делалось в Джунглях.

— Но это *новая охота*, — сказал Маугли. — Никогда до сих пор Дхоли не пересекали наш след.

— Что есть, уже было. Все, что будет, только возвращение забытого года. Сиди смиренно, пока я сосчитаю мои года.

В течение целого длинного часа Маугли лежал среди колец, играя своим ножом. А в это время Каа неподвижно, склонив голову к земле, думал обо всем, что он видел и узнал с того дня, когда вышел из яйца. Казалось, свет потух в его глазах, и они походили на тусклые опалы. Время от времени он делал медленные движения головой то направо, то налево, как будто он охотился во сне.

Маугли спокойно дремал, потому что он знал, что перед охотой нет ничего лучше сна, и приучил себя засыпать в любой час дня и ночи.

Потом он почувствовал, что Каа начал расти и толстеть под ним — громадный питон стал раздуваться, шипя как меч, который вытаскивают из ножен.

— Я видел все мертвые времена года, — сказал наконец Каа. — И большие деревья, и старых слонов, голые и остроко-
нечные скалы, прежде чем на них вырос мох. Ты еще жив, человечек?

— Немного прошло с восхода луны, — сказал Маугли. — Я не понимаю.

— Х-ш-ш! Я опять Каа. Я знал, прошло немного времени. Теперь пойдем к реке, и я покажу тебе, что можно сделать против Дхолой.

Он повернул прямо, как стрела, к главному руслу Вайнганги, скрывавшему Скалу Мира. Маугли последовал за ним.

— Не плыви сам. Я поплыву быстрее. Вскочи мне на спину, Маленький Брат.

Маугли обхватил левой рукой шею Каа, правую прижал к телу и вытянул ноги. Погом Каа начал пересекать течение так, как умел только он один, и брызги взбудораженной воды пенились вокруг шеи Маугли, и ноги его болтались и качались в струях под боками питона, летевшего как стрела.

В миле от Скалы Мира Вайнганга сужается в ущелье между мраморными скалами футов в восемьдесят — сто вышиной, и вода бежит ручьями, как на мельнице, среди множества неправильной формы камней. Но вода не смущала Маугли. Никакая вода на свете не могла бы испугать его хоть на минуту. Он смотрел на ущелье между скалами и с неудовольствием принюхивался, потому что в воздухе стоял неприятный кисло-сладкий запах, похожий на запах большого муравейника в жаркий день. Инстинктивно он погрузился в воду, оставив на поверхности одну голову, чтобы дышать; а Каа остановился, обвив дважды хвостом подводную скалу и придерживая Маугли на одном из своих колец, тогда как вода неслась мимо них.

— Это Место Смерти, — сказал мальчик. — Зачем мы пришли сюда?

— Они спят, — сказал Каа. — Хатхи не свернет с дороги перед Полосатым. Но и Хатхи, и Полосатый сворачивают пе-

ред Дхолями, а Дхоли, говорят, не сворачивают ни перед чем. А перед кем бежит Маленький Народ Скал? Скажи мне, Повелитель Джунглей, кто Повелитель Джунглей?

— Они, — прошептал Маугли. — Это Место Смерти. Уйдем.

— Нет, смотри хорошенько, потому что они спят. Как и тогда, когда я был не длиннее твоей руки.

Потрескавшиеся и выветренные скалы ущелья Вайнганги служили с самого начала Джунглей местожительством Маленького Народа Скал, хлопотливых, свирепых, черных диких пчел Индии, и Маугли хорошо знал, что все следы сворачивают в полумиле от их страны. Столетия жил здесь и роился Маленький Народ, перелетая с одной скалы на другую, покрывая белый мрамор старым воском; они строили свои соты высоко и глубоко среди мрака внутренних пещер, где ни человек, ни зверь, ни вода, ни огонь не могли коснуться их.

Все ущелье с обеих сторон было увешано чем-то вроде черных блестящих бархатных занавесок, и Маугли спрятался в воду, увидав, что они состоят из миллионов спящих пчел. Там были еще другие клочки и гирлянды и еще что-то, похожее на высохшие пни на скале, старые прошлогодние соты или новые города, строившиеся в тени ущелья, где никогда не бывает ветра. Громадные массы губчатого сгнившего мусора скатились и застряли между деревьями и лианами, обвивавшими скалы.

Прислушиваясь, Маугли слышал не раз шорох сотов с медом, скользивших и падавших где-нибудь в темных галереях, потом шум сердитых крыльев и угрюмое капанье — кап, кап, кап — проливавшегося меда, стекавшего на какую-нибудь закраину, а оттуда медленно на ветви кустов.

На одной стороне реки был маленький мыс, не более пяти футов ширины, и он весь был засыпан хламом бесчисленных лет. Там лежали мертвые пчелы, трутни, сор, старые соты, крылья воровки-моли, пчел, подбиравшихся к меду, — и все это лежало мягкими грудями тончайшей черной пыли.

Одного острого запаха было совершенно достаточно, чтобы испугать всякого, не имеющего крыльев и знающего Маленький Народ.

Каа поплыл вверх по реке, пока не добрался до песчаного берега у входа в ущелье.

— Вот охота этого года, — сказал он. — Смотри.

На берегу лежали скелеты пары молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не трогали костей, лежавших в их естественном положении.

— Они зашли за черту, они не знали Закона, — прошептал Маугли, — и Маленький Народ убил их. Уйдем, пока пчелы не проснулись.

— Они не проснутся до зари, — сказал Каа. — Теперь я расскажу тебе: много-много дождей тому назад один загнанный олень, не зная Джунглей, забежал сюда с юга. Вся Стая гналась за ним. Обезумев от страха, он прыгнул отсюда. Стая, разгоряченная и взбешенная, вбежала за ним, тоже ничего не видя. Солнце стояло высоко, Маленького Народа было много, и он был сердит. Те из Стаи, кто прыгнул в Вайнгангу, умерли прежде, чем достигли воды, те же, кто не прыгнул, умерли там, на скалах. Но олень остался жив.

— Каким образом?

— Потому что он бежал первый, бежал, спасая свою жизнь, и прыгнул прежде, чем очнулся Маленький Народ, и был уже в реке, когда они собрались убить его. А Стая, преследовавшая его, погибла под тяжестью Маленького Народа, пробудившегося от топота оленя.

— Олень остался жив, — медленно повторил Маугли.

— По крайней мере он не умер *тогда*, хотя никто с сильным телом не поджидал его внизу, чтобы унести из воды, как один старый, толстый, глухой, желтый Плоскоголовый стал бы ждать человечка, хотя бы все Дхоли Декана гнались за ним по пятам. Ты решил?

Голова Каа лежала на плече Маугли, и его язык почти касался уха мальчика. Наступило долгое молчание. Потом Маугли проговорил:

— Это значит схватить Смерть за самые усы, но, Каа, ты действительно мудрейший в Джунглях.

— Многие говорили то же самое. Теперь смотри, если Дхоли погонятся за тобой...

— Ах, конечно, они погонятся. Го! Го! У меня немало колючек на языке, чтобы поколоть им бока.

— Если они погонятся за тобой, горячься и ничего не видя, кроме твоих плеч, то те, кто не умрет наверху, бросятся в воду здесь или пониже, потому что Маленький Народ поднимется и покроет их. Воды Вайнганги — голодные воды, и у них не бу-

дет Каа, чтобы поддержать их; и они потонут, а оставшиеся в живых подплывут к мели около берлог Сиони. А там твоя Стая схватит их за горло.

— Агаи! Эоуэуа! Лучше ничего нельзя было придумать, пока дожди не начнут лить в сухое время года. Все дело, значит, теперь в том, чтобы бежать и прыгнуть. Я заставлю Дхолей узнать меня. И они побегут следом за мной.

— А ты уже осмотрел скалы над тобой со стороны земли?

— Конечно, нет, я совсем позабыл.

— Так иди посмотри. Они все выветрились, источены, и всюду в них дыры. Смотри, я оставляю тебя здесь; и только ради тебя я дам знать Стас, где ждуть Дхолей. Что касается меня, мне волки не родня.

Когда Каа не правилось какое-нибудь знакомство, он мог быть неприятен любому из Народа Джунглей, кроме, может быть, Багиры. Он поплыл вниз по реке и против Скалы увидел Пхао и Акелу, прислушивавшихся к ночным звукам.

— Хш-ш-ш! Собаки! — сказал он весело. — Дхоли придут вниз по реке. Если вы не испугаетесь, вы можете перебить их на отмели.

— Когда они придут? — спросил Пхао.

— А где мой человеческий детеныш? — сказал Акела.

— Придут, когда придут, — отвечал Каа. — Жди и смотри. А что касается *твоего* человеческого детеныша, с которого ты взял слово и этим послал его навстречу смерти, то *твой* детеныш *со мной*; и если он не умер до сих пор, то это не твоя вина, седая собака. Жди здесь Дхолей и будь рад, что человеческий детеныш и я боремся на твоей стороне.

Каа стрелой понесся вверх по реке и расположился посередине ущелья, глядя вверх на линию утеса. Вдруг он увидел голову Маугли, вырисовывавшуюся на звездном небе, услышал свист в воздухе и смелый, звонкий всплеск тела, бросившегося в воду. В следующее мгновение это тело уже покоилось на спине Каа.

— Плохо прыгать ночью, — сказал спокойно Маугли. — Для забавы я прыгал со скал, которые были вдвое выше; но там, наверху, гадкое место: низкие кустарники и рытвины, все полные Маленьким Народом. Я наложил больших камней один на другой у краев трех рытвин. Я столкну их ногами, когда побегу, и Маленький Народ поднимется за мной, еще более разозленный.

— Это человеческая хитрость, — сказал Каа. — Ты умен, но Маленький Народ всегда сердится.

— Нет, в сумерки некоторое время все крылья отдыхают. Я буду играть с Дхоями в сумерки, потому что днем Дхоли охотятся лучше. Они идут теперь по кровавому следу Уонтоллы.

— Чиль не покинет мертвого быка, а Дхоль — кровавого следа, — сказал Каа.

— Что же, я положу им новый кровавый след их собственной кровью, если смогу, и заставлю их наестся грязи. Ты поможешь меня, Каа, пока я не вернусь с Дхоями?

— Но если они убьют тебя в Джунглях, или если Маленький Народ убьет тебя, прежде чем ты успеешь прыгнуть в реку?

— Когда придет завтра, мы завтра будем и убивать, — сказал Маугли, приводя поговорку Джунглей; потом он прибавил: — Когда я умру, тогда придет время петь мне Песню Смерти. Добрай охоты, Каа!

Он снял руку с шеи питона и понесся вниз по ущелью, как бревно в половодье, направляясь к далекому берегу, где он нашел отмель, и громко смеялся от удовольствия. Маугли больше всего на свете любил, как он выражался, «хватать Смерть за усы» и заставлял Джунгли чувствовать, что он их повелитель. Он часто с помощью Балу отбирал мед у пчел в дуплах и знал, что Маленький Народ не выносит запаха дикого чеснока. Он набрал небольшой пучок чеснока, связал его веревочкой из коры и прошел по кровавому следу Уонтоллы к югу от берлог около пяти миль; смотрел, склонив голову набок, на деревья и посмеивался, глядя на них.

«Я был Маугли-Лягушонок, — подумал он. — Я сказал, что я Маугли-Волк. Теперь я должен быть Маугли-Обезьяной, прежде чем стану Маугли-Оленем; и наконец я сделаюсь Маугли-Человеком. Ого!» — И он провел пальцем по восемнадцатидюймовому лезвию ножа.

След Уонтоллы, весь покрытый черными кровавыми пятнами, шел между толстыми деревьями по густому лесу, который делался все реже и реже милях в двух от Пчелиной Скалы. От последнего дерева до низкого кустарника на Пчелиной Скале было мили две открытого поля, где не мог бы спрятаться даже волк.

Маугли трусил под деревьями, измеряя расстояние между ветвями, иногда взбирался на какое-нибудь дерево и пробовал перепрыгнуть с дерева на дерево, наконец он дошел до открытого

места и целый час тщательно изучал его; потом вернулся к следу Уонтоллы там, где он сошел с него, влез на дерево с выдававшимся крепким суком футах в восьми от земли, повесил на него пучок чеснока и начал ждать, точка нож о подошву ноги.

Незадолго до полудня, когда солнце очень припекало, он услышал топот ног и почувал отвратительный запах стаи Дхолей, которая упорно и безжалостно шла по следу Уонтоллы.

Сверху рыжие Дхоли казались вдвое меньше волков, но Маугли знал, как сильны их ноги и челюсти. Он дождался, когда приблизилась острая бурая голова вожака, и крикнул ему:

— Доброй охоты!

Зверь поднял голову, и вся стая остановилась вслед за ним — десятки рыжих собак с опущенными хвостами, тяжелыми плечами и кровавыми лапами. Дхоли вообще очень молчаливый народ и неприветливы даже дома, в Декане. Около двухсот Дхолей собрались под деревом, и он видел, как вожак жадно обнюхивает след Уонтоллы и старается увести стаю вперед. Этого допустить было нельзя, а то они дошли бы до волчьих пещер днем; и Маугли решил задержать их под деревом до сумерек.

— Кто разрешил вам явиться сюда? — спросил Маугли.

— Все Джунгли — наши Джунгли, — раздалось в ответ, и Дхоль, сказавший это, оскалил белые зубы.

Маугли с улыбкой посмотрел на него и великолепно передразнил писк Чикаи, прыгающей крысы Декана, показывая Дхолям, что он считает их не лучше Чикаи.

Вся стая окружила дерево, и вожак бешено залаял, называя Маугли древесной обезьяной. Вместо ответа Маугли вытянул голую ногу и зашевелил пальцами совсем над головой вожака. Этого было более чем достаточно, чтобы привести стаю в дикую ярость: те, у кого есть волосы между пальцами, не любят, чтобы им напоминали об этом. Маугли сейчас же отдернул ногу, видя, что вожак хочет подпрыгнуть, и нежно сказал:

— Собака, рыжая собака! Вернись в Декан и ешь ящериц. Иди к Чикаи, твсим братьям, собака, собака, рыжая, рыжая собака. У вас волосы между пальцами!.. — И он вторично зашевелил пальцами.

— Спускайся сюда, или мы уморим тебя голодом, бесшерстая обезьяна, — ревели стая; и это-то было как раз то, чего желал Маугли.

Он улегся на ветке, прижавшись лицом к коре, оставив свободной правую руку, и целых пять минут говорил Дхолям

все, что, как ему казалось, он знал о них, об их обычаях, об их нравах, об их женах и детях. В мире нет более злой и более колкой речи, чем презрительный язык Джунглей, слов, которыми народы Джунглей выражают свое презрение и свой гнев.

Маугли говорил Каа, что у него много мелких игл на языке; медленно, но верно он довел Дхолей от молчания до ворчания, от ворчания до рева, от рева до хриплого дикого бешенства. Они пытались отвечать ему, но это было так же маловнушительно, как если бы ребенок пытался отвечать разгневанному Каа. Большой бурый вожак несколько раз подпрыгивал в воздух, но Маугли не рисковал, боясь промахнуться. Наконец ярость увеличила силы Дхоля, он подпрыгнул футов на семь-восемь над землей. Тогда рука Маугли вытянулась, как голова древесной змси, схватила его за шиворот, и вся ветка закачалась под новой тяжестью. Маугли чуть не свалился на землю, но он крепко держался. Дюйм за дюймом он поднимал зверя, который висел, как дохлый шакал. Левой рукой он достал нож, отрезал рыжий пушистый хвост и швырнул Дхоля назад, на землю. Больше ему не надо было ничего. Теперь Дхоли не пойдут по следу Уонтоллы, пока не убьют Маугли или пока Маугли не убьет их. Он видел, как они рассаживались кругами, как подергивались их бедра, что означает кровную месть. Он перебрался на следующий сук, уселся поудобнее и заснул.

Через два-три часа он проснулся и сосчитал стаю. Они все были налицо — молчаливые, свирепые, с жесткими стальными глазами. Солнце начало садиться. Через полчаса Маленький Народ Скал кончит свою дневную работу, к тому же, как вы знаете, Дхоли плохо дерутся в сумерках.

— Мне не нужны такие верные стражи, — сказал Маугли, поднимаясь на ветке, — но я запомню это. Вы истинные Дхоли, но, по-моему, вас слишком много. По этой причине я не отдам большому пожирателю ящериц его хвоста. Ты не доволен, рыжий пес?

— Я сам вспорю тебе живот! — ревел вожак, кусая ствол дерева.

— Слушай, ты, мудрая деканская крыса! Теперь ты родишь много-много щенят, бесхвостых щенят с куцыми красными обрубками вместо хвостов, которые колются, когда песок горяч. Иди домой, рыжая собака, и скажи, что это обезьяна отрезала тебе хвост. Ты не хочешь идти? Так пойдем со мной, и я вас научу уму-разуму.

Он перескочил, как обезьяна, на следующее дерево, потом на следующее, опять на следующее, а стая бежала за ним, подняв кверху голодные морды. Время от времени он делал вид, что падает, и вся стая давила друг друга, чтобы побыстрее его убить.

Это было любопытное зрелище: мальчик с ножом, блестящим в лучах заходящего солнца, скользивший через верхние ветки, и преследовавшая его внизу рыжая, горящая от солнечных лучей стая. Когда он дошел до последнего дерева, он взял чеснок, тщательно натерся им, и Дхоли завывали от ярости.

— Обезьяна с волчьим языком, ты хочешь уничтожить твой запах. Напрасно, мы пойдем за тобой до самой смерти.

— Получай свой хвост! — сказал Маугли, бросая его назад туда, откуда он только что пришел. Конечно, вся стая подалась немного назад, услышав запах смерти.

— Теперь бегите до самой смерти.

Он соскользнул с дерева и побежал как ветер к Пчелиной Скале, прежде чем Дхоли сообразили, что им делать.

Они издали один глубокий, глухой вой и бросились бежать неутомимым галопом, который может вконец загнать каждое живое существо.

Маугли знал, что бег Дхолей гораздо медленнее бега волков, иначе он не рискнул бы бежать две мили по открытому месту. Они были уверены, что мальчик будет в конце концов в их руках, а он был уверен, что может играть с ними, как ему угодно. Он больше всего старался разгорячить их, чтобы они не оставили погони слишком рано. Он бежал ловко, ровно, вприпрыжку; бесхвостый вожак был шагах в пяти от него, а за ним, растянувшись на четверть мили, неслась стая, разъяренная, слепая от жажды крови. Он по слуху сохранял все то же расстояние, приберегая силы для последнего бега по Пчелиной Скале.

Маленький Народ отправился спать, как только начались сумерки, потому что в это время не цветут даже поздно закрывающиеся цветы. Но когда первые шаги Маугли глухо зазвучали над подземными галереями, он услышал, что вся земля задрожала. Тогда он побежал так, как не бегал никогда в жизни, сбросил две-три кучки камней в темные, сладко пахнувшие рытвины, услышал гул, подобный шуму моря в пещерах, увидел, что воздух позади него потемнел, увидел далеко внизу воды Вайнганги и плоскую, в форме бриллианта, голову в воде. Он

бросился изо всех сил вниз, и рыжий бесхвостый пес поймал воздух вместо плеча мальчика, который очутился в надежном лоне реки, задыхаясь и торжествуя. На его теле не было ни одного укуса, потому что запах чеснока отогнал от него Маленький Народ в те немногие секунды, что он несся по скале.

Когда он поднялся, то кольца Каа поддерживали его, а со скал вниз, как куски свинца, падали сплошные массы пчел, и, как только кусок падал в воду, пчелы взлетали вверх, а труп Дхоля несся по реке. Над головой он слышал яростный, отрывистый лай, заглушавшийся шумом, похожим на шум крыльев Маленького Народа Скал.

Некоторые Дхоли попали в расщелины, ведущие в подземные галереи; они хрипели, бились, щелкали зубами среди опрокинутых сотов и, наконец, пораженные насмерть тяжелыми волнами пчел, вылетали из какого-нибудь отверстия, выходившего в реку, и катились по черным кучам отбросов. Некоторые Дхоли бросались на деревья, на скалы, и пчелы сплошь покрывали их; но большая часть их, обезумев от укусов, бросалась в реку, а, как говорил Каа, в Вайнганге была холодная вода.

Каа держал крепко Маугли, пока мальчик не отдышался.

— Здесь нам не стоит оставаться, — сказал он. — Маленький Народ разошелся не на шутку. Поплыли!

Маугли медленно поплыл вниз по течению реки, ныряя как можно чаще и не выпуская из рук ножа.

— Тише, тише, — говорил Каа. — Одним зубом не уберешь сотен, если это не зуб кобры, а многие Дхоли быстро уплыли, увидав, что Маленький Народ поднялся. Те не ранены.

— Тем больше работы для моего ножа. Ай! Как гонится Маленький Народ!

Маугли опять нырнул. Над поверхностью воды висело покрывало из диких пчел, глухо жужжавших и жаливших все, что ни попадалось.

— Ничто никогда еще не погибало благодаря молчанию, — сказал Каа — никакой укус не мог пронзить его кожи. — И тебе предстоит еще длинная ночь охоты. Послушай, как они воют.

Почти полстаи увидели, что их товарищи попали в западню, и, круто повернув, бросились в воду там, где ущелье переходило в крутой обрыв. Их яростные крики и угрозы древесной обезьяне, которая довела их до такого позора, смешивались с лаем и ворчаньем наказанных Маленьким Народом. Остаться на берегу было

равносильно смерти, и каждый Дхоль знал это. Стая плыла вниз по течению к Скале Мира, но злой Маленький Народец несся за ним даже туда и заставил их снова войти в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вождя, приказывавшего своим товарищам остановиться и перебить всех волков Стаи Сиони. Но Маугли не терял времени на то, чтобы слушать.

— За нами кто-то убивает в темноте, — воскликнул один Дхоль, — здесь вода помутнела!

Маугли нырнул, как выдра, и заколол под водой одного барахтавшегося Дхоля, прежде чем тот успел раскрыть рот; темные маслянистые круги пошли по воде вокруг Скалы Мира, и тело повернулось на бок. Дхоли пытались повернуть, но течение несло их, а Маленький Народ лез им в глаза и в уши. Они слышали вызывающий лай Стаи Сиони, который раздавался все громче и громче в сгустившемся мраке. Маугли снова нырнул, и снова Дхоль скрылся под водой и всплыл мертвым, и опять поднялся переполох в задних рядах стаи; одни кричали, что лучше выйти на берег, другие требовали, чтобы вожак вел их домой, в Декан, третьи вызывали Маугли, горя желанием убить его.

— Они идут на бой с двумя желудками и с многими голосами, — сказал Каа, — остальное зависит от твоих братьев там... Маленький Народ возвращается спать, и я тоже уйду; я не помогаю волкам.

Трехногий волк бежал по берегу, бросаясь из стороны в сторону, выгибая спину и подсакивая высоко вверх, словно играя с детенышами. Это был Уонтолла — отщепенец; он не говорил ни слова, но продолжал свою ужасную игру с Дхолями... Они уже долгое время пробыли в воде и плыли с большим трудом, их шерсть намочила и отяжелела, их мокрые хвосты набухли как губки, они устали и с молчаливой тревогой следили за парой приближающихся горящих глаз.

— Плохая охота, — сказал наконец один из них.

— Доброй охоты! — ответил Маугли, поднявшись смело рядом с животным, и вонзил нож ему под плечо, ударяя изо всей силы, чтобы избежать зубов умирающего.

— Это ты, человеческий детеныш? — спросил Уонтолла с берега.

— Спроси мертвых, отщепенец, — отвечал Маугли. — Разве их не принесло течением?.. Я набил их собачьи рты грязью;

я обманул их при солнечном свете. Их вожак о-
та, но все-таки кое-кто достанется и тебе. Куда м.

как

— Я подожду, — отвечал Уонтолла, — впереди
ночь, и я еще их увижу.

Лай Стаи Сиони раздавался все ближе и громче.

— За Стаю... за всю Стаю мы принимаем бой!

Изгиб реки заставил Дхолей броситься к пескам и мелям
против берлоги Сиони.

Тут они увидели свою ошибку: им следовало выйти на бе-
рег на полмили выше и напасть на волков на берегу.

Теперь было слишком поздно. Весь берег был покрыт го-
рящими глазами, и, кроме *пхайля*, который не смолкал с само-
го заката, в Джунглях не раздавалось ни единого звука.

Казалось, что Уонтолла упрощивает их выйти на берег.

— Поверните и держитесь! — закричал вождь Дхолей.

Вся стая выскочила на берег, шумя и барахтаясь в мелкой
воде, пока вся поверхность Вайнганги не поблела, не забурлила
и пока большие волны, похожие на волны от весел, не заходили
там и сям. Маугли шел за ними, поражая Дхолей ножом, когда
они бросались волной к берегу. Потом началась долгая битва...
Бойцы падали, вставали, задыхались, рассыпались, сходились на
мокром покрасневшем песке, среди вывернутых корней, среди
кустов и густой травы, потому что даже теперь на каждого волка
приходилось по два Дхоля. Но они встретили волков, боровших-
ся за все, что составляет Стаю. Дхоли встретили не одних поджа-
рых, широкогрудых, белозубых охотников Стаи; нет, здесь были
и *лагини* со сверкающими глазами — волчицы берлог, которые,
как говорит пословица, бьются за детей. То здесь, то там виднел-
ся годовалый волк с мягкой первой шерсткой, таскавший и дер-
гавший Дхолей за бока.

Вы должны знать, что волки обыкновенно хватают за горло
или за бока; Дхоль же, напротив, кусает ниже; поэтому в воде,
где им приходилось поднимать голову, преимущество было на
стороне волков, на берегу же страдали волки; но как на берегу,
так и в воде все так же работал нож Маугли. Четверка пробила
себе дорогу к нему на помощь. Серый Брат встал между ног
мальчика, защищая его живот, другие охраняли его спину и
бока или стояли над ним, когда удар и толчок прыгающего,
воющего Дхоля, прямо бросавшегося на лезвие ножа, сшибал
его с ног.

Вообще шло ужасное смятение: колеблющаяся, волнующаяся толпа двигалась справа налево, слева направо по берегу, вертелась, кружилась, медленно-медленно вращаясь вокруг своего собственного центра. То там, то здесь поднималась чья-нибудь голова, как водяной пузырь в водовороте, и исчезала, как пузырь, подбрасывая четыре или пять изодранных собак, стремившихся вернуться к центру. То какой-нибудь волк падал под натиском трех или четырех Дхолей, которые тащили его, утопая в песке; то однолетний волчонок лежал на теснившихся вокруг него, хотя и был убит еще в начале сражения; а его мать, обезумевшая от тупой глухой ярости, хватала и рвала какую-нибудь собаку; и в самой середине свалки волк и Дхоль, забыв все на свете, дрались, пока волна бойцов не разлучала их.

Раз Маугли прошел мимо Акелы, с каждого бока у него висело по Дхолю, а его почти беззубые челюсти сжимали третьего; раз он увидел Пхао, вонзившего зубы в горло Дхолю, и он трепал отбивающегося зверя, трепал, пока не бросил годовалым волчатам, чтобы они прикончили его.

Но битва представляла собой хаос во мраке — удары, смятение, вой, лай, ворчанье: растерзанные, мертвые кругом, повсюду!

Когда спустилась ночь, и без того быстрое движение еще ускорилось. Дхоли ослабли, боялись нападать на сильных волков, но не смели и бежать; Маугли чувствовал, что конец близко, и уже не добивал Дхолей, а лишь выводил их из строя: однолетки осмелели, изредка можно было передохнуть, и часто один блеск ножа заставлял Дхоля отступить.

— Мясо обглодано почти до кости, — прохрипел Серый Брат, истекая кровью от множества ран.

— Но кость нужно разгрызть, — сказал Маугли. — Оаа-оаа. *Вот что* мы сделали в Джунглях. — Красное лезвие как огонь вонзилось в бока Дхоля, задние ноги которого были скрыты телом вцепившегося в него волка.

— Моя добыча, — фыркнул волк. — Оставь его мне.

— Разве твой желудок еще пуст, отщепенец? — спросил Маугли.

Уонтолла был страшно истерзан, но его зубы сковали Дхоля, который не мог повернуться и схватить его.

— Клянусь быком, выкупившим меня, — закричал Маугли с горьким смехом, — это Бесхвостый.

И в самом деле, это был большой бурый вожак. ~~Жих собак~~
— Немудрено убивать детенышей и лагинь, — про-Джунг-
философствовать Маугли, вытирая кровь с лица, — но если кан,
не убил отца, то отец убьет тебя.

Дхоль бросился на помощь к своему вожаку, но, прежде
чем его зубы успели коснуться бока Уонтоллы, нож Маугли
вонзился в его шею, а Серый Брат прикончил его.

— Так делаем мы в Джунглях, — сказал Маугли.

Уонтолла молчал, но его челюсти все сжимали и сжимали
позвоночник Дхолья, пока жизнь не оставила того: Дхоль вздрог-
нул, голова его повисла, и он тихо упал. Уонтолла навалился
на него.

— Ух! Долг крови уплачен, — сказал Маугли. — Пой пес-
ню, Уонтолла.

— Он больше не будет охотиться, — сказал Серый Брат, —
и Акела тоже давно смолк.

— Мы разгрызли кость! — прогремел Пхао, сын Пхаона. —
Они уходят. Бейте, бейте, охотники Свободного Народа!

Дхоль за Дхолем сползали с темного, окровавленного песка
в чашу Джунглей, вверх, вниз по реке, всюду, где они видели
свободную дорогу.

— Долг! Долг! — кричал Маугли. — Заплатите долг! Они
убили Одинокого Волка. Не дайте уйти ни одной собаке!

Он полетел к реке с ножом в руках, поражая каждого Дхо-
ля, осмелившегося подойти к реке. Вдруг из-под груды мерт-
вых тел показались голова и передние лапы Акелы. Маугли
опустился на колени рядом с Одиноким Волком.

— Я же говорил тебе, что это моя последняя битва, — про-
шептал Акела. — Это была хорошая охота. А как ты, Малень-
кий Брат?

— Я жив и убил многих.

— Хорошо. Я умираю и хотел бы... хотел бы умереть возле
тебя, Маленький Брат.

Маугли положил страшно израненную голову на колени и
обнял руками истерзанную шею.

— Давно прошли старые дни Шер-Хана и маленького го-
лого человеческого детеныша, валявшегося в пыли, — закаш-
лялся Акела.

— Нет, нет, я волк. Я одной породы со Свободным Наро-
дом! — закричал Маугли. — Я человек не по своей воле.

— Ты человек, Маленький Брат, волчонок, питомец мой. Ты вполне человек, а то бы Стая бежала перед Дхоями. Я обязан тебе жизнью, а сегодня ты спас Стаю, как некогда я спас тебя. Ты забыл? Все долги теперь заплачены. Иди к твоему народу. Я опять говорю тебе, свет очей моих, охота кончена, иди к твоему народу.

— Я никогда не пойду. Я буду охотиться один в Джунглях. Я сказал тебе.

— После лета наступят дожди, после дождей — весна. Иди, прежде чем тебя прогонят.

— Кто прогонит меня?

— Маугли прогонит Маугли. Иди к своему народу. Иди к людям.

— Когда Маугли прогонит Маугли, тогда я пойду, — отвечал Маугли.

— Тебе здесь нечего делать, — сказал Акела. — Теперь я поговорю с моим народом. Маленький Брат, можешь ты поднять меня на ноги? Я был вождем Свободного Народа.

Любовно, бережно поднял Маугли Акелу на ноги, обняв его обеими руками. Одинокый Волк вздохнул глубоко и затаил Песню Смерти, которую, умирая, поет вождь Стаи. Она звучала все громче и громче и неслась далеко за реку, пока наконец не прозвучало последнее: «Доброй охоты» — и Акела на минуту высвободился из рук Маугли, подпрыгнул в воздух и упал навзничь мертвым, упал на свою последнюю и самую ужасную добычу.

Маугли сидел, опустив голову на колени, не замечая ничего вокруг, между тем как последние умирающие Дхоли добивались беспощадными лагинями. Понемногу все крики смолкли, и волки собрались, прихрамывая, с запекшимися ранами, чтобы сосчитать умерших. Пятнадцать волков Стаи и полдюжины лагинь пали мертвыми у реки, из остальных же не было ни одного без ран.

Маугли сидел до холодного рассвета, и, когда мокрая, окровавленная морда Пхао ткнула его в руку, Маугли подвинулся, чтобы показать окоченевшее тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Пхао, как будто Акела был еще жив, и, обернувшись через свое окровавленное плечо, крикнул другим: — Войте, собаки! Волк скончался в эту ночь!

Зато из всей стаи двухсот Дholeй, бойцов, рыжих собак Декана, гордившихся тем, что ни одно живое существо в Джунглях не может противиться им, ни один не вернулся в Декан, чтобы рассказать о поражении.

Песня Чилия

Эту песню пел Чиль, когда коршуны спускались один за другим на берег реки после окончания великой битвы. Чиль в дружбе со всеми, но он всегда хладнокровен, ибо знает, что все в Джунглях в конце концов придут к нему.

Ночью ушли мои, ночью друзья
(Чиль! взгляните на Чилия).

Песнь похоронную петь буду я
(Чиль! товарищи Чилия).
Слово кричали мне вверх о добыче они,
Слово кричал об оленях в былые им дни;
Кончились здесь все следы...
(Чиль! взгляните на Чилия).

Смолкли навеки они,
Те, кто охотничий возглас кричали,
Те, кто оленя пушистого гнали.
(Чиль! товарищи Чилия).

Те, кто по льду как ветер неслись,
Тихо, покойно теперь улеглись,
Кончились здесь все следы...

Были друзья мы. Мне жаль их терять,
(Чиль! взгляните на Чилия!).

Видел их в славе, пришел утешать,
(Чиль! товарищи Чилия!).

Рваны бока их, потухли глаза,
В горячей крови языки!
Трупы на трупах лежат у печальной реки.
Кончились здесь все следы...

Весна идет

«Идет человек к человеку». Кричите
среди Джунглей —
О, брат, как тебя нам понять?
Скажите, судите, решите, народы
всех Джунглей,
Кто может, кто смеет его
удержать?
«Идет человек к человеку».
Он плакал среди Джунглей,
Печалился горем большим,
Ушел человек (мы любили его,
мы из Джунглей),
По следу людей не пойдем мы за ним!

Спустя год после великой битвы с рыжими собаками и смерти Акелы Маугли исполнилось семнадцать лет. Он выглядел старше, потому что усиленное движение, прекрасная пища, купанье, когда он чувствовал, что ему жарко или на нем пыль, сделали его не по возрасту сильным и рослым. Он мог по полчаса висеть, держась одной рукой за ветку, когда ему приходилось разглядывать что-нибудь вдаль. Он мог остановить молодого оленя на полном скаку и отбросить его за рога в сторону. Он мог даже бросаться на большого сизого дикого кабана, живущего в северных болотах. Народ Джунглей, боявшийся его благодаря его уму, стал бояться его страшной силы, и когда он спокойно шел куда-нибудь по своим делам, шепот, возвещавший о его появлении, расчищал все дороги перед ним. Но выражение его глаз было всегда ласково. Даже во время борьбы его глаза никогда не загорались, как, например, глаза Багиры. Они делались только оживленнее и возбужденнее, и это была одна из тех вещей, которых не могла понять сама Багира. Она спрашивала Маугли, и мальчик отвечал ей смеясь:

— Я всегда бываю зол, когда промахнусь. Когда я хожу с пустым желудком два дня, я очень зол. Разве мои глаза не говорят об этом?

— Рот голоден, — отвечала Багира, — но глаза ничего не говорят. Охотишься ли ты, ешь ли, плаваешь ли — они не меняются, как камни в сухую погоду.

Маугли лениво взглянул на нее из-под своих длинных ресниц, и, как всегда, голова пантеры склонилась. Багира знала

своего господина. Они лежали на холме около Вайнганги, и утренний туман клубился зеленовато-белыми полосами под ними. Когда солнце взошло, туман превратился в колышущееся красно-золотистое море, затем рассеялся, и косые лучи озарили высыхающую траву, на которой сидели Маугли и Багира. Наступал конец холодов, листья и деревья казались усталыми и поблеклыми, и от малейшего дуновения ветра раздавался сухой шорох. Маленький листок бился неистово о ветку, как будто он был захвачен течением.

Багира встала; она втянула утренний воздух и с глухим кашлем бросилась на спину, подбрасывая и ударяя передними лапами листок, колебавшийся вверх.

— Год пришел к повороту, — сказала она. — Джунгли идут вперед. Приближается Время Новых Песен. Лист знает. Это очень хорошо.

— Трава суха, — отвечал Маугли, срывая пучок. — Даже весенний глазок (маленький красный восковой цветок с хоботком, растущий в траве), даже весенний глазок закрыт, а Багира... Разве прилично Черной Пантере валяться на спине и размахивать лапами, как дикой кошке?

— Аоа, — сказала Багира. Казалось, она думала совсем о другом.

— Я говорю, разве прилично Черной Пантере зевать, кашлять, выть и кататься? Помни: мы с тобой повелители Джунглей.

— Конечно, да. Я слышу, человеческий детеныш.

Багира быстро перевернулась, села и начала отряхивать свои шершавые бока (она как раз линяла).

— Конечно, мы повелители Джунглей. Кто так силен, как Маугли? Кто так мудр?

В голосе ее звучал какой-то странный оттенок, который заставил Маугли обернуться и взглянуть на пантеру, не издевается ли она над ним, ибо Джунгли полны слов, которые звучат так, а значат совсем иное.

— Я сказала, что мы, вне всякого сомнения, повелители Джунглей, — повторила Багира. — Разве я нехорошо поступила? Я не знала, что человеческий детеныш больше не лежит на земле. Разве он летает?

Маугли сидел, упершись локтями в колени, и смотрел на долину, освещенную дневным светом. Где-то вдаль, внизу, в деревьях, птичка пела прерывающимся, дрожащим голосом

первые ноты весенней песни. Это была только тень полнозвучной могучей песни, которую она будет петь позже, но Багира услышала ее.

— Я говорю, Время Новых Песен близко, — зарычала Багира, махая хвостом.

— Слышу, — ответил Маугли. — Багира, отчего ты дрожишь? Солнце греет.

— Это Ферао, красный дятел, — сказала Багира. — Он не забыл. Я тоже должна вспомнить мою песню. — И она начала петь и мурлыкать, слушала и, недовольная, начинала снова.

— Никакой дичи нигде нет, — сказал лениво Маугли.

— Маленький Брат, ты оглох на оба уха... Это не Охотничье Слово, я готовлю мою песнь, чтобы знать ее, когда она понадобится.

— Я забыл. Я узнаю, когда наступит Время Новых Песен, потому что и ты, и все остальные убегут и оставят меня одного, — угрюмо сказал Маугли.

— Ну конечно, Маленький Брат, — начала Багира, — мы не всегда...

— Я сказал, что всегда, — сказал Маугли сердито, указывая пальцем, — вы убегаете, а я, Повелитель Джунглей, должен бродить один. Что было прошлой весной, когда я хотел набрать сахарного тростника с полей Человеческой Стаи? Я отправил посла, я послал тебя к Хатхи, приказывая ему идти и нарвать мне хоботом сладкой травы.

— Он пришел две ночи спустя, — сказала, вздрагивая, Багира, — а твоей любимой длинной сладкой травы он принес больше, чем любой человеческий детеныш мог бы съесть во все ночи дождей. Это не моя вина.

— Он не пришел в ту ночь, когда я послал за ним. Нет, он трубил, бегал и ворчал при лунном свете. Его след был похож на след трех слонов, потому что он не прятался за деревья. Он плясал при лунном свете, перед самыми домами Человеческой Стаи. Я видел его, но все же он не пришел ко мне, а ведь я Повелитель Джунглей.

— Это было Время Новых Песен, — сказала скромно пантера. — Может быть, Маленький Брат не сказал ему Великого Слова? Слушай Ферао.

По-видимому, дурное настроение Маугли начинало рассеиваться. Он снова лег, подложив руки под голову, и закрыл глаза.

— Я не знаю, и мне все равно, — сказал он сонно. — Давай спать, Багира. Отяжелело нутро мое. Дай мне положить на тебя голову.

Пантера легла со вздохом, потому что слышала, как Ферао упражняется в своей весенней песне. Время Новых Песен, как они выражаются.

В индийских Джунглях одно время года переходит в другое почти незаметно. На первый взгляд там существуют только два времени года: сырое и сухое; но если вы внимательно всмотритесь в потоки дождя и в облака пыли, то увидите правильно чередующиеся четыре времени года. Весна прекраснее всего, потому что ей не приходится покрывать чистые голые поля новыми листьями и цветами, а только прогнать и снять всю поблекшую зелень, все полуживое, полусохшее, что оставила в живых мягкая зима. Весна должна обновить, сделать юной наполовину одетую землю. И она делает это так хорошо, что нигде в мире нет весны прекраснее весны Джунглей...

Бывает только один день, когда все устает, когда самые запахи, которыми насыщен воздух Джунглей, кажутся старыми и тяжелыми. Нельзя объяснить этого, но это чувствуется. Потом наступает иной день — глаз не замечает никакой перемены; но все запахи стали новы и прекрасны, и усы народов Джунглей дрожат от самых корней, а зимняя шерсть начинает вылезать с боков длинными клочьями. Тогда, если перепадет дождичек, все деревья, все кусты, и бамбук, и мхи, и все растения с сочными листьями просыпаются и растут с шумом, который вы почти можете слышать, а среди этого шума день и ночь раздается глухой гул. Этот трепещущий звук — шум весны; не жужжание пчел, не плеск падающей воды, не шелест ветра в вершинах деревьев, нет, это — мурлыканье теплого счастливого мира.

До этого года Маугли был всегда в восторге при смене времен года. Обыкновенно он раньше всех замечал весенний глазок среди травы и первую грядку весенних облаков, которым нет ничего равного в Джунглях. Его голос раздавался при звездах во всех влажных цветущих местах, он подпевал хору лягушек, он подсмеивался над маленькой совой, летавшей в белые ночи. Как все из его народа, он выбирал весну для больших переходов; с радостью пробегал он миль тридцать, сорок, пятьдесят от сумерек до утренней звезды и возвращался задыхаю-

щийся, смеющийся и украшенный удивительными цветами. Четверка не следовала за ним в его диких скитаньях по Джунглям; она уходила петь с другими волками. Народ Джунглей очень занят весною, и Маугли слышал, как они ворчат, кричат, свистят — каждый как умеет... Голоса их совершенно менялись в это время года, и это одна из причин, почему весна называется Временем Новых Песен.

Но в эту весну, как он сказал Багире, он ощутил в себе новое «нутро». Еще ростки бамбука не успели покрыться коричневыми пятнами, а он уже ждал утра, когда изменятся запахи. Но когда наступило это утро, когда Мор, Павлин, сверкая золотом, лазурью, бронзой, возвестил об этом среди туманных деревьев и Маугли открыл рот, чтобы ответить ему, слова застряли у него в горле, одно чувство охватило его с ног до головы — чувство безутешного горя; и он осмотрел себя, чтобы убедиться, не наступил ли он на шип. Мор кричал о новых запахах, другие птицы вторили ему, и со скал Вайнганги он услышал хриплый голос Багиры: нечто среднее между криком орла и ржанием лошади. Раздавался визг и болтовня Бандар-логов на ветках, покрывшихся почками, а Маугли стоял, желая ответить Морю; но из его уст вырывались стоны и вздохи, вызываемые горем.

Он смотрел и видел одних насмешливых Бандар-логов, прыгающих по деревьям, видел Мора, танцующего на пригорке, распустив хвост:

— Запахи переменялись! — восклицал Мор. — Доброй охоты, Маленький Брат! Где же твой ответ?

— Маленький Брат, доброй охоты, — свистнул Чиль, спустившийся с женой вниз.

Оба упали почти под носом Маугли, так близко, что кончик пушистых белых перьев коснулся его.

Легкий весенний дождь — они называют его слоновым дождем — падал в Джунглях, захватив пространство в полмили; он смочил молодые листья и прошел, оставив на небе яркую радугу и несколько легких раскатов грома. Весенний гул смолк на минуту, и весь народ Джунглей хором сразу заговорил. Все, кроме Маугли.

«Я ел хорошую пищу, — подумал он, — я пил хорошую воду. Так почему же мое горло горит и сжимается, как тогда, когда я попробовал корень с голубыми крапинками, который

Оо, Черепаха, называла хорошей едой... Но на душе у меня тяжело, и я сам не знаю, почему наговорил много дурного Багире и другим из Народа Джунглей, и моему народу... Теперь мне то жарко, то холодно, то мне ни холодно, ни жарко, но я злюсь, сам не знаю на что. Пора пробежаться. Я перейду сегодня горы, сделаю весеннюю прогулку в северные болота и вернусь. Я слишком долго и слишком легко охотился. Четверка пойдет со мной, потому что они разжирели, как белые черви».

Он позвал, но никто из четверки не отвечал ему. Они были так далеко, что не могли его слышать, и пели весеннюю песнь. Песнь луны и самбхара, вместе с волками Стаи, потому что весной Народ Джунглей мало отличает день от ночи. Он издал короткий, отрывистый лай, но в ответ услышал насмешливое «мяу!» пестрой дикой кошки, вертевшейся над ним по веткам, разыскивая ранние птичьи гнезда. Он вздрогнул от гнева и наполовину вытащил нож. Потом принял высокомерный вид, хотя никто его не видел, и важно пошел вниз по холму, опустив глаза и наморщив брови. Но ни разу никто из его народа не задал ему ни одного вопроса, потому что каждый был занят своими делами.

— Да, — сказал Маугли, хотя прекрасно сознавал, что он не прав. — Когда рыжие Дхоли приходят из Декана, или Красный Цветок пляшет среди бамбука, тогда все Джунгли с воем сбегаются к Маугли и зовут его большими, как слон, именами. Но теперь, оттого что весенний глазок показывает голые ноги в весенней пляске, все Джунгли бесятся, как Табаки. Клянусь быком, выкупившим меня, Повелитель я Джунглей или нет? Молчите? Что вы там делаете?

Пара молодых волков Стаи шла по дороге, высматривая место для борьбы (вы должны помнить, что Джунгли запрещают драки на виду у Стаи). Шерсть на их шеях ошетилилась, и они лаяли, бешено изогнувшись и готовясь к первой схватке. Маугли прыгнул вперед, схватил зверей за шиворот, желая растащить их, как часто делал во время игры или охоты со Стаей. Но до сих пор ему ни разу не пришлось вмешиваться в весеннюю драку. Оба прыгнули вперед, свалили его на землю и молча, не сказав ни слова, сцепились.

Маугли успел вскочить на ноги, прежде чем упал его нож, и оскалил белые зубы; в эту минуту он готов был убить обоих, так, без всякой причины, только за то, что они дерутся, когда

он хочет, чтобы они сидели смиренно, — хотя каждый волк по Закону имел полное право драться. Он бегал вокруг них, опустив плечи и вертя рукой, готовясь нанести двойной удар, когда пройдет главный пыл драки; но пока он ждал, силы оставили его, нож опустился, он спрятал его и ждал.

— Я, должно быть, наелся отравы, — сказал он наконец. — С тех пор как я явился на Совет с Красным Цветком, с тех пор как я убил Шер-Хана, никто из Стаи не мог повалить меня. А это самый хвост волков Стаи; моя сила пропала, и теперь я уму. О Маугли, почему ты не убил их обоих?

Драка продолжалась, пока один из волков не убежал. Маугли остался один на измятой, окровавленной земле, он смотрел то на свой нож, то на ноги, то на руки, и чувство горя, которого он никогда раньше не испытывал, заливало его, как вода заливаст берег.

Он рано кончил охотиться, но мало ел, чтобы не отяжелеть для весеннего бега; и он ел один, потому что все жители Джунглей разбежались, пели и боролись в уединении. Была чудная белая ночь, как они называют подобные ночи. Казалось, вся зелень дала месячные ростки за это утро. Из веток, покрытых еще утром желтыми листьями, капал сок, когда Маугли надламывал их. Мох около его ног вился теплый и глубокий, у молодой травы не было острых краев, и все голоса Джунглей гудели, как струна арфы, задетая лунным лучом, — звенели полной луной новых песен, лившей свои лучи на скалы, на пруды. Они скользили между деревьями и ползучими растениями, пробираясь через миллионы листьев. Несмотря на все свое горе, Маугли запел от восторга и пошел. Он не шел — он летел, потому что выбрал длинный пологий скат, ведущий к северным болотам через самое сердце Главных Джунглей, где весенняя трава заглушала звук его шагов. Человек, воспитанный человеком, с большим трудом мог бы пробраться тут при обманчивом лунном свете, но мускулы Маугли, закаленные годами упражнений, несли его, как перышко. Когда сломанное дерево или скрытый камень подвергались ему под ноги, он вовремя чувствовал их и даже не замедлял шага, не думая, не делая ни малейшего усилия.

Когда он устал идти по земле, он хватался, как обезьяна, за ближайшую лиану и скорее взлетал, а не карабкался по тонким веткам, пока не находил дорогу между деревьями; он шел

по ней, пока ему не надоедало, потом снова бросался на землю по длинной, покрытой листьями ветке. Ему попадались ущелья в горах, где он едва мог дышать от тяжелого запаха ночных цветов и цветущих лиан; темные проходы, где лунный свет ложился полосами, правильными, как квадраты мраморных плит в церковном притворе; он шел через чащи, где молодая влажная поросль стояла ему по грудь и обхватывала его своими объятиями; он шел по вершинам холмов, увенчанных рассыпавшимися скалами, перепрыгивая с камня на камень над норами испуганных лисичек. Вдалеке он слышал, как кабан точил о деревья клыки, потом встречал большого одинокого зверя, дравшего с дерева красную кору, с пеной у рта и горящими, как уголь, глазами.

Иногда звук сталкивающихся рогов заставлял его свернуть в сторону, и мимо него пронеслась пара бешеных самбуров, мотающих опущенными головами и покрытых кровью, чернеющею при лунном свете. Иногда около какого-нибудь брода он слышал Джакалу, Крокодила, мычащего, как бык; иногда он наталкивался на клубок Ядовитого Народа, но, прежде чем они успевали ужалить его, он уже далеко уходил по валунам и снова скрывался в Джунглях.

Так он бежал, то крича, то напевая, и был счастливее всех в Джунглях, бежал, пока запах ночных цветов не предупредил его о близости болота, а оно лежало дальше самых отдаленных мест его охоты.

Здесь человек, воспитанный человеком, через три шага провалился бы с головой, но у Маугли словно были глаза на ногах, и они несли его с кочки на кочку, с горки на горку, не требуя помощи настоящих глаз. Он дошел до середины трясины, вспугнул по дороге уток и сел на обросший мхом пенек, торчавший в черной воде. Все болото вокруг него проснулось, потому что весною Народ Птиц спит очень мало и часто целые стаи летают всю ночь взад и вперед.

Но никто не обращал внимания на Маугли, который сидел среди шумящего камыша, напевая песню без слов и осматривая подошвы своих твердых коричневых ног, чтобы убедиться, что в них нет заноз. Казалось, все его горе осталось позади, в его Джунглях; но как только он начал песню, оно снова вернулось и, вернувшись, охватило его еще сильнее. В довершение всех неприятностей луна начала заходить.

На этот раз Маугли испугался.

— И здесь тоже, — сказал он вполголоса. — Оно пришло за мной. — И он оглянулся, не стоит ли оно позади него.

Никого нет!

Ночные звуки не прекращались, но ни один зверь, ни одна птица не заговорили с ним, и новое горькое чувство все росло и росло.

— Я наелся отравы, — сказал он полусдавленным голосом. — Вероятно, я по неосторожности наелся яду, и силы покинули меня. Значит, я не испугался. Маугли испугается двух дерущихся волков! Акела и даже Пхао успокоили бы их, а Маугли испугался. Это верный признак, что я съел яд... Но что им в Джунглях до этого? Они воют, поют, бегают толпами при лунном свете, а я — ай, ай — я умираю в болотах от яда, который я проглотил.

Он был так огорчен, что чуть не заплакал.

— А потом, — продолжал он, — они найдут меня лежащим в черной воде! Нет, я пойду назад в мои Джунгли и умру на Скале Совета около Багиры, которую я люблю, если она не воет где-нибудь в долине. Багира, может быть, постережет то, что от меня останется, чтобы Чиль не съел меня, как Акелу.

Крупная слеза упала ему на колени. И несмотря на то что Маугли чувствовал себя очень несчастным, он был счастлив, что он так несчастен, если вам понятно такое извращенное счастье.

— Как коршун Чиль, — повторил он, — ел Акелу в ночь, когда я спас Стаю от рыжих собак.

Он на минуту успокоился, задумавшись над последними словами Одинокого Волка, которые вы, конечно, помните.

— Акела говорил мне так много глупостей перед смертью, ибо когда мы умираем, наша душа меняется. Он сказал... Нет, что бы там ни было, я принадлежу Джунглям...

В волнении он припомнил битву на берегах Вайнганги и так громко выкрикнул последние слова, что дикая буйволица среди тростников вскочила на колени и фыркнула:

— Человек!

— Уф, — сказал Миза, дикий буйвол (Маугли слышал, как он ворочался в трясине), — *это* не человек. Это бесшерстый волк из Стаи Сиони. В такие ночи он всегда бежит взад и вперед.

— Уф! — сказала буйволица, опуская голову и начиная шипать траву. — Я думала, это человек.

— Говорю же, что нет. О Маугли, нет ли опасности? — промышчал Миза.

— «О Маугли, нет ли опасности?» — с насмешкой повторил мальчик. — Миза только об одном и думает: нет ли опасности? Но до Маугли, который ходит среди ночи взад и вперед по Джунглям, вам нет дела!

— Как он громко кричит, — сказала буйволица.

— Как все, — отвечал надменно Миза, — кто рвет траву и не знает, как ее съесть.

«За гораздо меньшее, — подумал Маугли, — за гораздо меньшую дерзость я выгнал в последние дожди Мизу из его трясины и ездил на нем верхом по болоту, надев на него тростниковую уздечку». Он протянул руку, сломал пушистую камышинку и бросил ее со вздохом. Миза продолжал жевать свою жвачку, и длинная трава редела там, где паслась буйволица.

— Не хочу умирать *здесь*, — сказал сердито Маугли. — Миза, который одной крови с Жакалой и со свиньей, будет смеяться надо мной. Пойду за болото и посмотрю, что будет. Никогда я не бегал так весной, никогда мне не было и холодно, и жарко зараз. Вставай, Маугли!

Он не мог удержаться от соблазна подкрасться в тростниках и уколоть Мизу кончиком ножа. Огромный буйвол выскок из воды, как треснувшая раковина, а Маугли хохотал до упаду.

— Теперь, Миза, рассказывай, что бесшерстый волк Стаи Сиони однажды пас тебя, — крикнул он.

— Волк! *Ты?* — фыркнул буйвол, возвращаясь в тину. — Все Джунгли знают, что ты был пастухом домашнего скота, такое же человеческое отродье, как те, которые кричат там, на полях. *Ты* из Джунглей! Какой охотник пополз бы, как змея, между пиявками ради гадкой шутки, ради шутки, достойной шакала: ты осрамил меня перед моей буйволицей. Выходи на твердую землю, и я, и я...

Морда Мизы покрылась пеной, потому что у него характер был хуже, чем у кого-либо в Джунглях.

Маугли слышал, как он пыхтит и отдувается; он смотрел на него неподвижным взглядом. Когда же он решил, что Миза услышит его среди плеска потоков грязи, он сказал:

— Берлоги какой Человеческой Стаи лежат там, за болотом, Миза? Я не знаю этих Джунглей.

— Ступай на север, — заревел рассерженный буйвол, потому что Маугли уколол его довольно сильно. — Это проделка голого коровьего пастуха. Поди и расскажи там, в деревне, около болота.

— Человеческая Стая не любит рассказов о Джунглях, и я не думаю, чтобы из-за лишней царапины на коже стоило так волноваться. Но я пойду и посмотрю на деревню. Я иду, тише! Не каждую ночь Повелитель Джунглей приходит пасти тебя.

Он ступил на колебавшуюся землю у края болота, прекрасно зная, что Миза не бросится на него, и убежал, смеясь над гневом буйвола.

— Моя сила ушла не вся, — сказал он. — Наверное, яд не дошел до костей. Как низко стоит звезда. — И он посмотрел на нее через полусжатые руки. — Клянусь быком, выкупившим меня, это Красный Цветок, Красный Цветок, около которого я лежал когда-то, прежде чем пришел в Стаю Сиони в первый раз. Теперь я увидал его и могу кончить прогулку.

Болото перешло в широкую долину, где мерцал свет. Уже давно Маугли порвал всякие сношения с людьми, но на этот раз блеск Красного Цветка манил его, как новая дичь.

— Я посмотрю, — сказал он, — и увижу, не переменялась ли Человеческая Стая.

Забыв, что он давно уже не в своих Джунглях, где он мог делать все что угодно, он беззаботно пошел по росистой траве и пришел к хижине, где горел огонь. Три или четыре собаки залаяли, потому что он подошел к околице деревни.

— О, — сказал Маугли, тихонько присев и предварительно испустив волчий вой, угмонивший собак. — Что будет, то будет. Маугли, какое тебе дело до берлог Человеческой Стаи? — Он потер свой рот, вспомнив, как много лет тому назад ударил его камень, когда другая Человеческая Стая изгоняла его.

Дверь хижины отворилась, на пороге показалась женщина и начала вглядываться в темноту. Кричал ребенок, и женщина сказала через плечо:

— Спи! Это шакал разбудил собак. Скоро утро.

Маугли начал дрожать в траве как в лихорадке. Он хорошо знал этот голос, но, чтобы удостовериться, он тихонько воскликнул, удивляясь, что человеческая речь вернулась к нему:

— Мессуа! О Мессуа!

— Кто меня зовет? — спросила женщина с дрожью в голосе.

Разве ты забыла? — сказал Маугли, и в горле у него пересохло.

Если это ты, то скажи, как я звала тебя. Скажи. — Она пригнорила дверь и прижала руки к груди.

Нату, о Нату, — сказал Маугли.

Как вы знаете, так звала его Мессуа, когда он в первый раз пришел в Человеческую Стаю.

— Иди, сын мой, — позвала она.

И Маугли вышел на свет. Он прямо взглянул в лицо Мессуа, женщины, которая была добра к нему и жизнь которой он много лет тому назад спас от Человеческой Стаи. Она постарела, ее волосы поседели, но глаза и голос не изменились. Поженски она думала, что увидит Маугли таким же, каким он ушел от нее, и ее глаза удивленно скользили по нему, с ног до головы, касавшейся притолки двери.

— Сын мой, — пробормотала она и бросилась к его ногам. — Но ты уже больше не сын мне. Ты бог лесов. Ай!

Действительно, он стоял, озаренный красным светом масляной лампы, высокий, сильный, красивый. Его длинные черные волосы рассыпались по плечам, нож висел на шее, а голова была обвита ветками белого жасмина. Он стоял как дикий бог из индийских легенд о Джунглях.

Дремавший ребенок вскочил и вскрикнул от ужаса. Мессуа повернулась, чтобы успокоить его, а Маугли стоял и смотрел на горшки, на ковши, на ручную мельницу и другие принадлежности человеческого обихода, которые он хорошо помнил.

— Что ты хочешь, есть или пить? — прошептала Мессуа. — Здесь все твое. Мы обязаны тебе жизнью. Но кто ты? Ты тот, кого я звала Нату, или ты бог Джунглей?

— Я Нату, — сказал Маугли. — Я очень далеко от моих Джунглей. Я увидел свет и пришел сюда. Я не знал, что ты здесь.

— Когда мы пришли в Канивару, — робко сказала Мессуа, — англичане хотели защитить нас от тех, кто хотел нас сжечь. Помнишь?

— Конечно, не забыл.

— Но когда Английский Закон был готов, мы пошли в деревню этих злых людей и не нашли ее.

— Это я тоже помню, — сказал Маугли, раздувая ноздри.

— Потом мой муж поступил на службу к англичанам, а так как он был хорошим работником, мы получили здесь немного

земли. Деревня не такая богатая, как там, но нам двоим немного надо.

— А где же тот человек, который копал землю, испугавшись в ту ночь?

— Он умер год тому назад.

— А этот? — Маугли указал на ребенка.

— Мой сын, которого родился два дождя тому назад. Если ты бог, пошли ему благоволение Джунглей, чтобы он был в безопасности среди твоего... твоего народа, как были в безопасности мы в ту ночь.

Она подняла ребенка, который, забыв свой страх, потянулся играть к полу, висевшему на груди Маугли. И Маугли осторожно отстранил маленькие пальчики.

— Если ты Нату, которого унес тигр, — сказала Мессуа, — то он твой маленький брат. Благослови его как старший брат.

— Хэй мэ! Что же я знаю о вещи, которая называется благословением? Я и не бог, и не брат ему. О мать, мать, у меня тяжело на сердце. — И он дрожал, опуская ребенка.

— Может быть, — сказала Мессуа, взясь с горшками, — это все происходит от беготни по болотам. Без сомнения, лихорадка трясет тебя.

Маугли улыбнулся при мысли, что что-нибудь в его родных Джунглях может повредить ему.

— Я разведу огонь и дам тебе теплого молока. Сними венчик из жасмина, его запах слишком силен для такого маленького дома.

Маугли сел, бормоча что-то и опустив голову на руки. Все возможные странные ощущения нахлынули на него, у него кружилась голова, и его тошнило, как будто он на самом деле отравился. Он пил большими глотками теплое молоко, а Мессуа наклонялась к нему время от времени, чтобы убедиться, что он ее сын Нату, а не какое-нибудь чудесное существо из Джунглей; и она была рада, что он состоит из плоти и крови.

— Сынок, — заговорила она наконец, и глаза ее светились гордостью, — говорил ли кто-нибудь тебе, что ты красивее всех на свете?

— Что? — спросил Маугли, потому что, конечно, он никогда не слышал ничего подобного.

Мессуа рассмеялась тихим счастливым смехом. Ей было достаточно его взгляда.

Значит, я первая? Хорошо, потому что редкая мать говорит своему сыну такие приятные вещи. Ты очень красив. Я никогда не видала такого красивого человека.

Маугли повернул голову, оглядывая свои могучие плечи. Мессуа так смеялась, что Маугли, не понимая причины ее смеха, рассмеялся вместе с ней, ребенок бегал от одной к другому и также смеялся.

— Ты не должен смеяться над своим братом, — сказала Мессуа, прижимая его к груди. — Если ты будешь вполонину так красив, как он, мы женим тебя на младшей дочери короля, и ты будешь ездить на больших слонах.

Маугли не понимал и трети из ее речей. Теплое молоко после сорока миль ходьбы подействовало на него, он свернулся и через минуту заснул глубоким сном. Мессуа откинула ему волосы с глаз, набросила на него одеяло и была счастлива. По обычаю Джунглей, он проспал остаток ночи и весь следующий день, потому что никогда не засыпавший инстинкт подсказывал ему, что здесь нечего бояться. Наконец он проснулся, привскочил так, что вся хижина сотряслась, потому что ощущение одеяла на лице заставило его видеть во сне ловушки, и стал, схватившись за нож, с еще заспанными, сверкающими глазами, готовый к битве.

Мессуа рассмеялась и поставила перед ним ужин. Он состоял из нескольких жестких лепешек, испеченных на дымном огне, риса, куска сушеных кислых тамариндов — этого было достаточно, чтобы дожидаться вечерней охоты. Запах росистых болот возбуждал в нем голод и беспокойство. Ему хотелось кончить свою весеннюю прогулку, но ребенок непременно желал сидеть у него на руках, а Мессуа обязательно хотела расчесать его длинные черные с синим отливом волосы. Расчесывая, она пела простые детские песенки, то называя Маугли своим сыном, то прося его передать ребенку часть его власти над Джунглями. Дверь в хижину была закрыта, но Маугли услышал хорошо знакомый звук и увидел, как нижняя челюсть Мессуа отвисла от ужаса, когда большая серая лапа просунулась под дверь и Серый Брат завыл снаружи жалобным, встревоженным воем.

— Стой там и жди. Вы не хотели прийти, когда я звал вас, — сказал Маугли на языке Джунглей, не поворачивая головы, и большая серая лапа исчезла.

— Не надо. Не приводи своих слуг с собой, — сказала Мессуа. — Я... мы всегда жили в мире с Джунглями.

— Это мир, — сказал Маугли, вставая. — Вспомни о ночи по дороге к Каниваре. Целые толпы этого народа шли впереди и позади вас. Но я вижу, что даже весной Народ Джунглей не всегда забывает меня. Я уйду, мать.

Мессуа робко отошла, — наверное, он какой-нибудь лесной бог, — но когда он положил руку на дверь, мать несколько раз обвила его шею руками.

— Возвращайся, — шептала она. — Сын ты мне или не сын, приходи, потому что я люблю тебя, и смотри, он тоже горюет.

Ребенок плакал, потому что человек с блестящим ножом уходил от него.

— Возвращайся, — повторила Мессуа. — Ночью и днем эта дверь всегда открыта для тебя.

Горло Маугли сжималось, и голос его дрогнул, когда он ответил:

— Я непременно вернусь. А теперь, — сказал он, отстраняя голову ластившегося к нему волка на пороге, — я должен упрекнуть тебя, Серый Брат. Почему вы не пришли, когда я звал вас так давно?

— Давно? Да ведь это было только прошлую ночь. Я... мы... все пели в Джунглях новые песни, потому что теперь Время Новых Песен. Разве ты не помнишь?

— Конечно, конечно.

— А как только песни были пропеты, — продолжал серьезно Серый Брат, — я пошел по твоему следу. Я убежал от других и бежал изо всех сил. Но, Маленький Брат, что *ты* наделал, — ты ел, пил и спал с Человеческой Стасей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого никогда не случилось бы, — сказал Маугли, прибавляя шаг.

— А теперь что будет? — спросил Серый Брат.

Маугли только что хотел ответить, как на дорожке, ведущей в деревню, показалась девушка в белой одежде. Серый Брат сейчас же скрылся, и Маугли бесшумно вошел в высокий весенний хлеб. Он мог бы дотронуться до нее рукой, когда теплые зеленые стебли сомкнулись перед его лицом и он исчез как призрак. Девушка вскрикнула, думая, что она видит духа, а потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул стебли рукой и смотрел ей вслед, пока она не скрылась из глаз.

— Я не знаю, что будет теперь, — сказал он, в свою очередь вздыхая. — *Почему* вы не приходили, когда я вас звал?

— Мы пошли за тобой, мы пошли за тобой, — бормотал Серый Брат и лизал ноги Маугли. — Мы всегда пойдем за тобой, кроме Времени Новых Песен.

— А пошли бы вы за мной в Человеческую Стаю? — прошептал Маугли.

— Разве я не пошел за тобою в ту ночь, когда наша старая Стая изгоняла тебя? Кто разбудил тебя в поле?

— Да, но еще раз.

— Разве я не пошел за тобою сегодня ночью?

— Но потом, опять и опять, Серый Брат?

Серый Брат молчал. Потом он проворчал про себя:

— Черная была права.

— А что она сказала?

— Человек идет в конце концов к человеку. Ракша, наша мать, тоже говорила это!

— То же сказал Аксела в ночь рыжих собак, — бормотал Маугли.

— То же сказал Каа, самый мудрый из нас.

— А что ты скажешь, Серый Брат?

— Они изгнали тебя раз с бранью. Они разрезали тебе рот камнями. Они послали Балдео убить тебя. Они бросили бы тебя в Красный Цветок. Ты, а не я говорил, что они злы и безумны. Ты, а не я — я иду за моим народом — напустил Джунгли на них. Ты, а не я пел о них песню злее, чем наша песня о рыжих собаках.

— Я спрашиваю, что *ты* скажешь?

Они разговаривали на бегу. Серый Брат бежал галопом, не отвечая, потом между двумя прыжками он сказал:

— Человеческий детеныш, Повелитель Джунглей, сын Ракши, брат мой по берлоге, хоть я и забываю тебя иногда весеннею порою, но твой след будет моим следом, твоя берлога — моей берлогой, твоя охота — моей охотой, твой смертный бой — моим смертным боем. Я говорю и за остальных троих. Но что ты скажешь Джунглям?

— Это верно. Когда увидишь добычу и хочешь убить ее — а дать нечего. Ступай вперед, сзывай всех на Скалу Совета, и я скажу им, что у меня на душе. Но они могут не прийти во Время Новых Песен, они могли забыть меня.

— Разве ты ничего не забывал? — бросил Серый Брат через плечо и помчался галопом.

Маугли задумчиво пошел за ним.

В другое время года от подобной новости у всех жителей Джунглей шерсть поднялась бы дыбом, но теперь они все охотились, дрались, убивали и пели. Серый Брат перебегал от одного к другому и кричал:

— Повелитель Джунглей возвращается к людям. Идите на Скалу Совета.

Но счастливый, нетерпеливый народ отвечал ему только:

— Он вернется в летнюю жару. Дожди вернут его в логовище. Бегай и пой с нами, Серый Брат.

— Но Повелитель Джунглей уходит к людям! — твердил Серый Брат.

— Аоуа! Разве от этого Время Новых Песен будет хуже? — отвечали они.

Поэтому, когда Маугли пришел с тяжелым сердцем к памятной Скале, куда он был принесен в Стаю, он нашел только четверку, Балу, полуслепшего от старости, и холоднокровного, тяжелого Каа, обернувшегося вокруг пустого места Акелы.

— Итак, твой след кончается здесь, человек? — спросил Каа, когда Маугли бросился на землю, закрыв лицо руками. — Спой песнь. Мы с тобой одной крови, я и ты, человек и змея.

— Зачем рыжие собаки не разорвали меня? — стонал мальчик. — Моя сила ушла от меня, но это не яд. Ночью и днем я слышу шаги за собой. Когда я поворачиваю голову, мне кажется, что кто-то спрятался в этот момент. Я ищу, ищу между деревьями, но там никого нет. Я зову, и никто не отвечает, но мне кажется, что кто-то слушает меня и не хочет отвечать. Я лежу, но не отдыхаю. Я бегу на весеннюю прогулку, но не успокаиваюсь. Я купаюсь, но не освежаюсь. Убивать мне противно, но мне не хочется сражаться, не убивая. Красный Цветок горит во мне, мои кости — вода, и я не знаю, что со мной.

— Не о чем говорить, — сказал медленно Балу, поворачивая голову к Маугли. — Акела у реки сказал, что Маугли сам прогонит Маугли к Человеческой Стае. И я говорил это. Но кто слушает теперь Балу? Багира, где же сегодня ночью Багира? Она тоже знает. Таков Закон.

— Когда мы встретились в Холодных Берлогах, человек, я знал это, — сказал Каа, повертываясь немного на своих громадных кольцах, — человек в конце концов идет к человеку, хотя Джунгли и не изгоняли его.

Четверка посмотрела друг на друга и на Маугли, смущенная, но покорная.

— Так Джунгли не изгоняют меня? — прошептал Маугли.

Серый Брат и трое бешено зарычали:

— Пока мы живы, никто не посмеет...

Но Балу прервал их.

— Я научил тебя Закону, я и должен говорить, — сказал он, — и хотя я не вижу более даже скал передо мною, но я хорошо вижу вдаль. Маленький Лягушонок, иди по твоему собственному следу, делай себе берлогу с твоей кровью, стаей и народом; но когда тебе будет нужна еда, нога, или зуб, или глаз, или слово, перенесенное быстро ночью, Джунгли явятся на твой зов.

— Средние Джунгли тоже твои, — сказал Каа. — Я говорю не от Маленького Народа.

— Ай-ай, братья мои! — кричал Маугли, поднимая с рыданиями руки. — Я не знаю, что со мною, я бы не пошел, но ноги сами несут меня. Как мне уйти от этих ночей?

— Теперь смотри, Маленький Брат, — повторил Балу, — в этой охоте нет ничего постыдного. Когда мед съеден, мы бросаем пустые соты.

— Сняв кожу, — добавил Каа, — мы не возвращаемся в нее. Таков Закон.

— Слушай, ты, который для меня дороже всех, — сказал Балу. — Нет слова, нет воли, которая могла бы удержать тебя здесь. Смотри, кто спросит Повелителя Джунглей? Я видел тебя играющим белыми камушками тогда, когда ты был маленьким Лягушонком, а Багира, которая выкупила тебя ценой только что убитого быка, тоже видела тебя. Свидетелей этого смотря осталось только нас двое, потому что Ракша, твоя мать по берлоге, умерла вместе с твоим отцом по берлоге и вся старая волчья Стая вымерла. Ты знаешь, куда ушел Шер-Хан, и Акела умер среди Дхолой, от которых без твоей силы и мудрости погибла бы и вторая Стая Сиони. От всех остались одни кости. Теперь не человеческий детеныш спрашивает разрешения Стаи, а Повелитель Джунглей сам меняет свои следы. Кто смеет спросить Человека о его путях?

— Но Багира и бык, выкупивший меня, — сказал Маугли. — Я не хотел бы...

Его слова были прерваны ревом и треском в чаще у подножия холма. И появилась Багира, легкая, сильная и ужасная, как всегда.

— *Вот почему*, — сказала она, вытягивая правую лапу, — я не приходила. Охота была длинная, но он лежит мертвый в кустах — бык, который освобождает тебя, Маленький Брат. Все долги заплачены. Что же касается остального, то слова Балу — мои слова. — Она лизнула ноги Маугли. — Помни, Багира любила тебя, — крикнула она, прыгнула и убежала; у подножия холма она опять громко, протяжно закричала: — Доброй охоты на новом следу, Повелитель Джунглей. Помни, Багира любила тебя!

— Ты слышал, — сказал Балу. — Больше ничего не остается. Иди, но прежде подойди ко мне. О маленький мудрый Лягушонок, подойди ко мне.

— Тяжело менять кожу, — сказал Каа. А Маугли рыдал, рыдал и рыдал, прижавшись головой к боку слепого медведя и обняв его шею, а Балу все пытался лизнуть его ноги.

— Звезды гаснут, — сказал Серый Брат, втягивая росистый воздух. — Где будет наша берлога сегодня? Потому что с этого дня мы идем по новому следу...

Это был последний из рассказов о Маугли.

Прощальная песня

Эта песня летела вслед Маугли, пока он шел из Джунглей к дому Мессуа.

Балу

Лягушонок, ты умен —
Ты и знал, и чтил Закон;
Ради старости моей
Соблюдай Закон людей!
Пусть во тьму или на свет
Он тебя ведет, как след, —
Днем и ночью, в зной, дожди
Ты его не обходи!
Ради немощи моей
Будь врагов своих мудрей.
И обид не поминай.
«Лай, — скажи, — Табаки, лай!»
И не плачь от жгучих ран.
«Жив еще, — скажи, — Шер-Хан!»

© Перевод. М. Яснов, 2004.

Даже если занесен
Нож убийцы — чти Закон.
(Пусть его обережет
Цвет и корень, ветвь и мед!)
*Да хранят тебя всегда
Джунгли, ветер и вода!*

Каа

Страх рождает гнев и смерть —
Научись в глаза смотреть,
Кобре дан смертельный яд —
Тот же яд слова таят.
Но тебя предостеречь
Может дружеская речь,
Силу и бросок тугой
Проверяй своей длиной;
Жаден глаз — да пасть узка:
Знай величину куска;
Сытый беспробудно спит —
Будь листвою надежно скрыт,
Чтобы ночью хитрый враг
Не нашел тебя никак.
Север, Запад, Юг, Восток —
Стань бесшумен, быстроног.
(Пусть в пути его спасут
Яма, омут, ров и пруд!)
*Да хранят тебя всегда
Джунгли, ветер и вода!*

Багира

Родилась я под замком —
Мне Закон людей знаком.
В память этих тяжелых дней
Говорю: страшись людей!
Не живи, как дикий кот,
Спящий сутки напролет,
Но себя не осрами
Перемирием с людьми.
Станут звать тебя — постой,
Промолчи: их путь — не твой.
Промолчи, когда опять
Позовут, чтоб слабых гнать.

Хвастуны всегда смешны.
Мир достойнее войны.
На охотничьей тропе
Доверяйся лишь себе.
(Пусть сопутствуют ему
Все, кто знает свет и тьму!)
*Да хранят тебя всегда
Джунгли, ветер и вода!*

Вместе

*Ты уходишь — там, в домах,
Расцветает, нам на страх,
Огненный цветок впотьмах,
Но, укрытый от небес
Крышей дома, — помни лес:
Он с тобой, он не исчез.
Ждет тебя тяжелый труд,
Но Закон, который чтут, —
Суть всего: и там, и тут.
Да хранят тебя всегда
Джунгли, ветер и вода!*

Содержание

КНИГИ ДЖУНГЛЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Предисловие. <i>Перевод Е. Чистяковой-Вэр</i>	7
Братья Маугли. <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	8
<i>Охотничья песнь Стаи Сиони. Перевод Н. Гиляровской</i>	26
Каа охотится. <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	27
<i>Путевая песнь Бандар-логов. Перевод Н. Гиляровской</i>	48
«Тигр, Тигр!» <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	49
<i>Песня Маугли, которую он пел на Скале Совета, когда плясал на шкуре Шер-Хана. Перевод Н. Гиляровской</i>	64
Белый котик. <i>Перевод И. Комаровой</i>	65
<i>Луканнон. Перевод И. Комаровой</i>	85
Рикки-Тикки-Тави. <i>Перевод К. Чуковского</i>	86
<i>Хвалебная песнь, которую птичка-портняжка Дарзи пел во славу Рикки-Тикки-Тави. Перевод С. Маршака</i>	101
Маленький Тумаи. <i>Перевод Е. Чистяковой-Вэр</i>	102
<i>Шива и Кузнечик. Перевод С. Степанова</i>	120
Слуги Ее Величества. <i>Перевод Е. Чистяковой-Вэр</i>	121
<i>Парадный марш армейских животных. Перевод А. Колотова и М. Яснова</i>	136

КНИГА ВТОРАЯ

Откуда пошел Страх. <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	138
<i>Законы Джунглей. Перевод Н. Гиляровской</i>	153
Чудо Пуран Бхагата. <i>Перевод Г. Островской</i>	155
<i>Песнь Кабира. Перевод М. Яснова</i>	168

Джунгли идут! <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	169
<i>Песня Маугли против людей. Перевод Н. Гиляровской</i>	193
Могильщики. <i>Перевод Е. Чистяковой-Вэр</i>	194
<i>Песня волны. Перевод М. Яснова</i>	214
Королевский анк. <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	215
<i>Песня маленького охотника. Перевод Н. Гиляровской</i>	231
Квикверн. <i>Перевод И. Комаровой</i>	232
<i>Ангутиваун Таина. Перевод И. Комаровой</i>	256
Рыжие собаки. <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	257
<i>Песня Чила. Перевод Н. Гиляровской</i>	279
Весна идет. <i>Перевод Н. Гиляровской</i>	280
<i>Прощальная песня. Перевод М. Яснова</i>	298
СВЕТ ПОГАС. Роман. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	301

РАССКАЗЫ

ПРОСТЫЕ РАССКАЗЫ С ГОР

Лиспет. <i>Перевод Г. Островской</i>	517
Саис мисс Йол. <i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	522
Три мушкетера. <i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	528
Арест лейтенанта Голайтли. <i>Перевод</i> <i>М. Клягиной-Кондратьевой</i>	535
Поправка Тодса. <i>Перевод В. Паперно</i>	541
За чертой. <i>Перевод Э. Линецкой</i>	548
Жизнь Мухаммед-Дина. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	554